ДМИТРИЙ ДЕГТЕВ, ДМИТРИЙ ЗУБОВ

БОРИС НЕМЦОВ

СЛИШКОМ НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ОТПОВЕДЬ БУНТАРЮ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Спустя два года после трагической гибели политика Бориса Немцова страсти и споры вокруг его личности не утихают ни в России, ни на Западе, где его считают чуть ли не «отцом русской демократии». Для одних имя Немцова стало символом «борьбы за свободу» и «либерализма», для других, напротив, синонимом «предательства России» и «развала страны». Пожалуй, ни об одном из политиков эпохи «лихих девяностых» не говорят и не пишут так много, в то время как имена других уже позабыли. Что касается нижегородского губернаторства Немцова, то этот период оброс многочисленными легендами в духе «область стала передовой», «там была столица реформ» и т. п.

В данной работе, являющейся первой книгой о скандально известном реформаторе, впервые подробно рассказано о биографии и политической деятельности Бориса Немцова с начала его карьеры до краха правительства молодых реформаторов в августе 1998 года. В ней приведены малоизвестные факты, касающиеся работы Немцова на посту губернатора Нижегородской области и вице-премьера российского правительства, многочисленные его высказывания и заявления, раскрыты психологические особенности его личности, причины привлекательности и мотивы поступков в политике и в личной жизни. Кроме того, работа отвечает на ряд интересных вопросов: был ли Немцов демократом, действительно ли он сделал свой Нижегородский регион процветающим, но потом был «съеден» в правительстве, почему Ельцин хотел сделать его своим преемником, а потом отказался от этого намерения, какую роль сыграл Немцов в продвижении на политический олимп одних людей и низвержении других, насколько образ Немцова был создан им самим и его окружением и т. д.

- Дмитрий Михайлович Дёггев, Дмитрий Владимирович Зубов
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
    - «Критическая волна»
    - Физик с плейбойскими повадками
  - Глава 2
    - ГАСТ, АТЭЦ и Черная быль
    - Что увидел, то и спел
    - «Обезличенный ассортимент»

- Глава 3
  - Крах Нижегородского ОКЧП и звездный час Немцова
  - Шапка или бутылка?
  - Воцарение «камикадзе»
- Глава 4
  - «Плюс спекулятизация всей страны»
  - «Учили сексу, а обернулось разбоем»
  - Пассажиры-оборотни и «автобусно-полевые суды» Немцова
- Глава 5
  - Явление Явлинского и Сорос на «членовозе»
  - «Немцовки» – лучше, чем шиш с маслом!
  - «Светлое ваучерное будущее»
  - «Нас не утопят!»
  - На заре беспредела
- Глава 6
  - Секс-шопы и амбалы-менялы
  - «Спаситель Нижнего Новгорода»
  - Путч в День учителя
  - Выборы на краю бездны
  - Проваленные проекты
  - «ЗеРНО»: навоз на экспорт и коллективизация наоборот
- Глава 7
  - «Контрнаступление» Беднякова
  - «Возомнил себя барином и повысил ветхость жилого фонда»
  - Сорванные выборы
  - «Через год я стал опухать»
  - Ракетовоз для ОМОНа
  - Жириновский два часа правил Нижегородской областью…
  - … А Немцов посадил на мель теплоход Жириновского
  - «Короче, братцы, доигрались»
- Глава 8
  - Рождение «газели» и Немцов против Видяева
  - «Я превратился в полнеющего и дряхлеющего человека»
  - «Областная администрация – не вор!»
  - «Следует переселить Ельцина в Грозный»
  - «Великий реформатор меня бы только похвалил»
  - «Денег нет – ездите бесплатно»

- Немцов и рыбалка Ричарда Гира
- Глава 9
  - Злополучные «навашинские миллионы»
  - Война пресс-конференций
- Глава 10
  - «Американская» модель
  - Вся оппозиция за потомка купцов!
  - «Реформы дают не только отрицательные, но и положительные результаты»
- Глава 11
  - «Однако война какая-то странная»
  - Комсомолец с завораживающим взглядом
  - Вымогатели добрались до самого Немцова
  - «Нового кандидата в президенты не виделось»
  - «Водный поход» на Москву
  - «Коммунисты не прошли – это главный итог»
- Глава 12
  - «Карманный» губернатор
  - «Не могу стать царем всея Руси»
  - Уехать нельзя остаться
  - Березовский в образе ситха
- Глава 13
  - Пьяницы накормят страну
  - Немцов против льготников и Евросоюза
  - «Фиговый срываем лист – тот и этот коммунист!»
  - Авгиевы конюшни нефтянки
  - «Связьинвест»: «битва с олигархами» или ссора из-за медяка?
  - «Очень важно иметь царя»
- Глава 14
  - «Мы ведь все на него поставили, а он ничего не сделал»
  - «Криминал» уже в Кремле…
  - …А «контролер» за монополиями сбежал в США
- Глава 15
  - «Киндер-сюрприз» против «темных сил»
  - «Палатки, костры, крики, ругань…»
  - «Чиновник в образе скромного и аккуратного отличника»
  - «ГКО – это вам не какая-то финансовая пирамида»
- Вместо заключения
- Использованные источники и литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Дмитрий Михайлович Дёггев, Дмитрий Владимирович Зубов Борис Немцов. Слишком неизвестный человек Отповедь бунтарю

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Дегтев Д. М., Зубов Д. В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

* * *

ЕЩЁ РАЗ
НАДУЕТЕ
ПОПКУ!

Предисловие

«В России, как известно, две проблемы: дороги и дураки. С дорогами еще можно как-то разобраться. Что касается дураков, то здесь все гораздо сложнее», – говорил Борис Немцов в марте 1995 года.

Спустя ровно 20 лет, 3 марта 2015 года, нам довелось побывать в Москве, на похоронах политика. То был довольно теплый весенний день. Зима закончилась непривычно рано (обычно в марте еще лежит снег), а в столице, во всяком случае на Садовом кольце, уже было сухо и чисто. Путь к нужному месту было легко отыскать даже человеку, плохо ориентировавшемуся в московских просторах. Среди толпы, сновавшей рядом с Курским вокзалом, отчетливо выделялись граждане с серьезными лицами и красными гвоздиками в руках. И все они спешили в одну и ту же сторону. Иногда из непрерывного гула, который стоит на этой магистрали, слабо доносилось: «Немцов…» Ну а вскоре показалась живая очередь, тянувшаяся вдоль старых домов внешней стороны Кольца, уходящая вниз и влево – к Сахаровскому центру. Первое, что бросилось в глаза, – это невероятная разношерстность публики, стоявшей там. И гламурные красотки с дорогими дизайнерскими букетами, и беременные женщины, и поэты, тут же публично читавшие стихи о Немцове, и антивоенные активисты с украинскими флагами на одежде, пенсионеры и типичные интеллигенты, странные оборванцы и стар и млад. Столь же пестрым был и поток ВИП-персон: высокопоставленные чиновники, скандально известные оппозиционеры, послы ведущих мировых держав. Были там замечены и нижегородцы, в основном работавшие с Немцовым в бытность его губернатором.

«Кем был для вас Борис Ефимович?» Такой вопрос я задавал многим присутствующим. «Душа компании, невероятный оптимист, отличный и добродушный парень!» – отозвался о нем типичный представитель столичного протестного движения, много раз встречавшийся с Немцовым на митингах. «Для меня это был просто красивый мужчина! – сказала жительница Улан-Удэ, ныне проживающая в Москве. – Я всегда любила его и любовалась им. Как можно такого умного, образованного, доброго человека убить?! Страшные люди у нас!» «Немцов – это яркая, крупная фигура, – отозвался о нем молодой человек, представившийся антивоенным активистом. – Он консолидировал либералов. Его убийство – это скрытая гражданская война, которая уже давно идет в России». При общении со многими людьми, пришедшими

проводить Немцова в последний путь, бросилась в глаза одна важная особенность. Москвичи с трудом вспоминали о его губернаторском, реформаторском и нижегородском прошлом и считали именно своим, настоящим московским парнем.

Надо отметить, что организована панихида была из рук вон плохо. Ведь заведомо было понятно, что Сахаровский центр, на деле представляющий собой обшарпанный старый особняк с пристроем, не очень вписывающийся в облик современной Москвы, не сможет вместить всех желающих. В результате получилось, что чем ближе был вынос тела, тем длиннее становилась очередь, растянувшаяся практически до Курского вокзала. Ну а в конце происходящее вылилось в настоящую душераздирающую драму. Ограничительные заборы были отодвинуты, и не успевшие возложить цветы стали кидать их «оптом» прямо к двери. Началась давка, при этом часть людей полезла на склон парка с криками: «Герои не умирают!» Полиция, как могла, пыталась оттеснить людей от выезжавшего из Сахаровского центра катафалка. Однако, несмотря на большое число сотрудников, толпа быстро прорвала оцепление и устремилась вслед за машиной. «Борис, прощай!» – кричали плачущие женщины. А когда катафалк с трудом вырвался из объятий и свернул на Садовое кольцо, толпа вышла на проезжую часть, где скомканная панихида мгновенно превратилась в шествие, которое дополнялось гудками десятков автомобилей, ехавших по внутренней, не перекрытой для движения стороне Садового кольца. Вот таким громким в прямом смысле слова получилось народное прощание с Немцовым.

Спустя два года после трагической гибели политика страсти и споры вокруг его личности не утихают ни в России, ни на Западе, где его считают чуть ли не «отцом русской демократии». Для одних имя Немцова стало символом «борьбы за свободу» и «либерализма», для других, напротив, синонимом «предательства России» и «развала страны». Прошедшие очередные «марши Немцова», совпавшие с премьерой фильма «Немцов. Слишком свободный человек», показали, что этого человека не забудут еще очень долго. В Москве и других городах идут бесконечные баталии за «народные мемориалы», а в некоторых городах власти и активисты ведут борьбу за увековечивание памяти Немцова. Кое-где даже предлагают называть в честь его проспекты и площади, а Большой Замоскворецкий мост в Москве и вовсе неформально зовут «Немцов-мост». Пожалуй, ни об одном из политиков эпохи «лихих девяностых» не говорят и не пишут так много, в то время как имена других уже позабыли.

В то же время, когда автору довелось общаться с

многочисленными поклонниками Немцова, всплыла парадоксальная вещь. На вопрос «А что конкретно сделал Борис Ефимович и чем прославился?» никто не смог дать вразумительного ответа. Заявляют, что он был «реформатор», «умный», «красивый», «добрый», «смелый», «обаятельный», «честный», «удивительный», «дружелюбный» и т. п., но при этом никто уже не помнит, что конкретно Немцов «реформировал» и, главное, как и зачем. А под «либерализмом» почему-то понимается бесконечное хождение на митинги, марши, крики, вопли и бичевание власти. Это, собственно, то, чем и занимался Немцов все последние годы. Что касается губернаторства, то этот период оброс многочисленными мифами и легендами в духе «область стала передовой», «там была столица реформ», «Немцов все поднял» и т. п. Противники Немцова, наоборот, обвиняют его во всевозможных «предательствах», деятельности в интересах «мирового капитала» и США («агент Госдепа») и т. п. Но при этом никто не отрицает, что Немцов все же был «яркой личностью», «реформатором» и вел некую деятельность.

Так ли это на самом деле? То есть был ли Немцов реформатором, либералом, выдающейся личностью, смелым и честным, а главное – был ли он умным и интеллектуально развитым человеком? В данной работе, являющейся первой книгой о скандально известном реформаторе, впервые подробно рассказано о биографии и политической деятельности Бориса Немцова с начала его карьеры до краха правительства молодых реформаторов в августе 1998 года. В ней также приведены малоизвестные и неизвестные факты, касающиеся работы Немцова на посту губернатора и вице-премьера, его многочисленные высказывания и заявления, характеризующие его истинную сущность, раскрыты неизвестные психологические особенности личности Немцова, причины его привлекательности и подлинные мотивы, двигавшие им. Кроме того, книга совершенно по-новому показывает события страны эпохи «лихих девяностых», рассказывает, как жили люди и как менялось их восприятие действительности на фоне грандиозных перемен, происходивших в стране. Читателям предлагается как бы заново пережить это время и переосмыслить происходившие со страной катаклизмы. Кроме того, работа отвечает на ряд интересных вопросов: был ли Немцов демократом, действительно ли он сделал свой регион отдельно процветающим, но потом был «съеден» в правительстве, почему Ельцин хотел сделать его своим преемником, а потом отказался от этого шага, какую роль сыграл Немцов в продвижении на политический олимп различных личностей (например, Сергея Кириенко) и низвержении других

(например, Андрея Климентьева), не был ли образ Немцова искусственно создан им самим и его окружением, был ли Немцов «образцом честности» и т. д. и т. п. А также зачем Немцову было нужно столько женщин?

Глава 1
Эффект опрокидывания

«Критическая волна»

1989 год. Это был рубеж, точка невозврата, пройдя которую объявленная генсеком Горбачевым перестройка из поверхностной демократизации по типу хрущевской «оттепели» превратилась в неконтролируемый распад всей советской системы. На зданиях по-прежнему реяли красные флаги, десятиклассники ради успешного поступления в вуз все так же подавали заявления в комсомол, на каждом шагу стояли памятники Ленину, а предприятия и организации все еще отмечали коммунистические праздники.

Однако при сохранении этих привычных атрибутов в нашу жизнь все сильнее и смелее вторгались явления и события, которые еще пару лет назад показались бы просто невозможными. Наряду с госсобственностью стала действовать аренда, а у овощных баз и гастрономов появились настоящие конкуренты – кооператоры. А в закрытом городе Горьком – одном из центров советской военной промышленности – вдруг состоялся митинг в память о жертвах политических репрессий. Прошел он в парке Кулибина. Место это было по-своему символическим. Бывшее городское кладбище, где за два столетия было похоронено несколько поколений нижегородцев, от купцов и чиновников до нищих и бунтовщиков, повешенных в 1907 году на «столыпинских галстуках», которое в 1940 году было превращено в парк, в годы застоя ставший излюбленным местом пьяниц и местом проведения дискотек с традиционным мордобоем. Выступали на митинге отнюдь не представители обкома и горкома партии (той самой, которая вроде бы инициировала этот процесс и осудила репрессии), а, напротив, представители так называемых «неформалов» – различных движений, зарабатывавших славу как раз на разоблачении всего коммунистического и советского. Среди прочего в месте, к репрессиям в общем-то отношения не имевшем (в парке никого не расстреливали и не закапывали), кое-кто даже выкрикивал совсем уж кощунственные лозунги типа «Советы без коммунистов!». Услышав это, одни восторгались пьянящим вкусом свободы, другие, наоборот, вздрагивали и ужасались. Это как же так?! А завтра скажут: «Советская власть без Советов»?!

Компартия в это время стремительно теряла авторитет и влияние, и этот факт был очевиден ее функционерам. «Надо признать, что для „неформалов“ складывается крайне благоприятный фон, – констатировал первый секретарь Горьковского горкома КПСС Ю. А. Марченков. – Не дождавшиеся

реальных улучшений от перестройки, люди раздражены и настроены только на критическую волну. На этой волне довольно успешно идет атака на партию». Однако горком сдаваться пока не собирался и вырабатывал, по его собственному выражению, тактику «объединенного наступления по всему фронту наметившегося идеологического противостояния»…

Как раз в это время среди горьковской общественности развернулась бурная дискуссия по вопросу возвращения городу его исторического названия. Причем позиции сторонников и противников переименования были не просто противоположными, а даже враждебными. Первые писали письма в Москву, в том числе в газету «Известия», а также демонстративно украшали автобусы и грузовики надписями «Нижний Новгород». Вторые по старинке жаловались в обком и строчили гневные письма в газеты в духе «Не допустим!», «Не смейте трогать имя Максима Горького!». «Не можем продолжать осквернять имя города, данное нашими предками 760 лет назад! – возмущался некий Ю. Суханов в письме в „Горьковский рабочий“. – Это же кощунство – плевать на память русичей!» «Наш город не должен быть горьким, он должен быть светлым, безоблачным, радостным, в котором люди должны жить счастливо и с радостью трудиться для приумножения благосостояния и славы родного края», – полагала горьковчанка Вера Гежес. «Взять у старого славного города имя, которое он с достоинством и честью носил семь веков, зачеркнуть его и дать совершенно другое – это все равно что украсть чужое!» – вторил ей журналист В. Ларцев. «Мне как-то странно, что в последнее время очень много внимания уделяется вопросу нездоровой ностальгии по Нижнему Новгороду, – отвечала им Э. Красильникова, переехавшая в Горький из Москвы в 1955 году. – Такая „память“ необоснованна и вредна, она уводит нас от основных проблем перестройки общества, на нет отбрасывает завоевания социализма». «Если уж на то пошло, то почему мы, „канавинцы“ из Канавинского района, сормовичи и автозаводцы, словом, жители заречной части города, должны превратиться в нижегородцев? – возмущался подполковник в отставке А. Батищев. – Ведь наши предки никогда не жили в Нижнем Новгороде». Некоторые и вовсе предлагали разделить город на две части, а потом одну назвать Нижним Новгородом, а другую оставить Горьким! Либо оставить оба названия, а второе писать в скобках…

Сейчас, спустя четверть века, понятно, что ожесточенная дискуссия вокруг названия города всего лишь отражала незримый раскол, даже пропасть, образовавшуюся к тому времени в

обществе. Между теми, кто по инерции и в силу воспитания и убеждений еще продолжал, несмотря ни на что, верить в социализм, и теми, кто уже готов был плюнуть на него и растоптать все то, чему учили в букваре и школе. Хотя многие, конечно, не осознавали, что, ратуя за такую, казалось бы, мелочь, как смена названия, они тем самым ставят под сомнение сами советские ценности и идеалы. Ведь переименование улиц, городов и поселков на самом деле было важнейшей частью коммунистической идеологии, символом отказа от «темного прошлого» и показателем незыблемости советского строя.

А социализм тем временем рушился не только у нас. О тревожном положении в странах так называемого соцлагеря горьковчане впервые узнали из статьи «Польский пасьянс. Кто укрепит „карточный домик“?». Оказывается, пресловутый дефицит самых необходимых товаров добрался даже до таких с виду благополучных стран, как Польша. Там исчезли с прилавков простые спички! «Вообще же обстановка в Польше за последние месяцы приобрела черты, печально знакомые всем нам, – писала газета „Горьковский рабочий“. – Из магазинов исчез сахар. Можно увидеть очередь за мясом, обувью, сигаретами. Пустые полки в магазинах (в первую очередь государственных) стали обычным явлением. И это в Польше, где в былые времена покупатели привыкли к чуть ли не еженедельной смене ассортимента! „Магазин закрыт ввиду отсутствия товаров“ – такие таблички изредка появляются на улицах». К осени 1989 года дефицит не затронул лишь некоторые виды товаров: мыло, стиральный порошок, чай и школьные тетради.

Для жителей СССР прочитанное стало настоящим шоком! Ведь раньше все завидовали гражданам, которым посчастливилось съездить по турпутевке или в командировку в страны Восточной Европы. Ибо оттуда всегда возвращались с горами дефицитных товаров, которых в самом Союзе днем с огнем не сыскать. И вдруг «магазин закрыт ввиду отсутствия товаров»… А чего нам тогда ждать, к чему готовиться?! Ведь к уже введенным годом ранее талонам на сахар и водку осенью 89-го добавились такие же «карточки» на масло животное, мыло и колбасу. Партия, как и в суровые военные годы, призывала к стойкости, терпению: мол, бывали времена и похуже, но народ выстоял, выстоим и теперь! Даже если голод начнется…

Однако народы Восточной Европы «стоять до последнего» за идеалы социализма не хотели. Выстроенная Сталиным, укрепленная Хрущевым и тщательно сохранявшаяся Брежневым и Андроповым система просоветских режимов начала разваливаться как тот самый «карточный домик». Именно в 1989

году произошло то, что потом назвали антикоммунистическими революциями, а в западных странах не иначе как «Осенью народов». Отреагировав на горбачевскую политику «нового мышления», оппозиционные силы начали раскачивать и рушить социализм. Раньше всех советские идеалы предали Польша и Венгрия. В первой было сформировано первое некоммунистическое правительство, а власти второй 11 сентября объявили об открытии границ. Пресловутая Берлинская стена, десятилетиями являвшаяся символом холодной войны и границы между социализмом и капитализмом, после этого потеряла свой смысл: в течение трех дней из ГДР через территорию Венгрии сбежали сразу 15 тысяч граждан. А в октябре венгерская правящая партия собралась на свой последний съезд и добровольно трансформировалась в социалистическую. 16–20 октября парламент одобрил многопартийные парламентские выборы и прямые выборы президента, а страна была переименована в Венгерскую Республику. Вслед за этим массовые протесты охватили уже соседнюю ГДР. 24 октября генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер вынужден был покинуть свой пост, что фактически означало крах просоветского режима в Восточной Германии.

А что же СССР? А там 25 октября Михаил Горбачев официально заявил об отказе от использования силы против своих союзников! И это стало поворотным моментом в советской внешней политике. Сейчас многие обвиняют последнего генсека в «предательстве» и «слабости». Однако нашлись ли бы у тогдашней голодающей и томящейся в пятичасовых очередях за сахаром страны силы для подавления очередных восстаний, да еще и сразу во всех странах-сателлитах одновременно, если бы такое решение было принято? Ведь фактически это была бы целая война с тысячами жертв. Весьма сомнительно. Ну а на очереди были Чехословакия, Болгария и Румыния. Впрочем, тогда, несмотря на все эти, как казалось, удивительные и «невозможные» события, еще никто не задумывался: а не постигнет ли вскоре судьба стран Варшавского договора и сам Советский Союз? Ведь все поколения граждан были воспитаны на том, что лучше советского строя ничего нет и все народы живут в СССР сугубо добровольно и счастливо. Разве «союз нерушимый» только на штыках и грубой силе стоит? Как оказалось, да…

Под влиянием событий в Восточной Европе осенью 1989 года украинское движение «Народний рух» открыто объявило своей целью восстановление независимости страны. Изначально эта организация именовалась «Народное движение за перестройку» и декларировала «содействие коммунистической партии в

демократизации общества». Но теперь на волне революций приставка «за перестройку» исчезла, аналогичным образом это произошло в известном «Саюдисе» в Литве и Народном фронте в Белоруссии. Маски были сброшены, и сепаратисты (ну или национально-освободительные движения, это уж как кому больше по душе) начали открытую борьбу за независимость республик. При этом ЦК компартии Украины скромно заявил, что мешать созданию новых политических движений в республике власть не будет. Ну а 28 октября был принят закон «О языках в Украинской ССР», который стал первым серьезным вызовом Союзу. Поскольку именно Украина являлась его, так сказать, основным конструктивным и важным опорным элементом, фактически именно эти события дали незримый старт к распаду страны.

Стремительно менялись и другие стороны жизни. В 1989 году на экраны вышла 22-я часть сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи. Мафия», которая стала последней из «классической», советской части фильма. Она снималась в разгар перестройки и поэтому весьма сильно отличалась от первых фильмов сериала, выходивших с 1971 года. Зрители увидели там все приметы времени – нарождающаяся организованная преступность, торговля и употребление наркотиков, подростковые банды, распоясавшиеся спекулянты. Однако милиция, как и в былые времена, все равно победила, а справедливость, как и положено, восторжествовала. И советские граждане были по-прежнему уверены: «Наша милиция нас бережет»… Тем временем каждую неделю в Горьком совершалось по нескольку убийств, разбоев и изнасилований, а также десятки грабежей и сотни краж. При этом в конце 80-х преступников интересовали в первую очередь не деньги (большие суммы тогда в карманах не носили), а личное имущество: часы, одежда, золотые украшения, водка и продукты. Стремительный рост преступности объяснялся не только сложной экономической ситуацией, как это объясняли в те годы, но и озлобленностью, разочарованием, которые овладели большой частью общества. Ведь столько лет говорили: мол, идем к светлому будущему, строим коммунизм, потерпите чуток… А вместо этого получили пустые полки магазинов, талоны на водку и сахар и… новые обещания. В этих условиях нарастали самые разные формы социального протеста против надоевшей и серой действительности, которую уже не скрашивали по-прежнему реявшие над зданиями красные флаги. Одни шли на митинги, вторые в преступники, третьи попросту хулиганили.

Как-то теплым осенним деньком два ветерана войны и труда, Валентин Михайлович и Николай Ефимович, пошли прогуляться по откосу. А потом решили присесть на лавочку воздушком

подышать. Но не тут-то было! Престарелые защитники родины с изумлением увидели, что все садовые диваны, как тогда называли массивные деревянные скамейки с металлическими ножками и боковинами, почему-то валяются внизу! «Пошли дальше. И опять видим – лежат под горой еще несколько садовых диванов, – возмущался Валентин Михайлович в своем письме в газету. – Пока шли до кафе „Чайка“, таких валяющихся под откосом скамеек мы насчитали пять. Там же лежали и урны. Аналогичная картина была и за „Чайкой“ в сторону трамплина». В 70-80-х годах садовые диваны стали одним из непременных атрибутов Верхневолжской набережной. Выглядели они, конечно, кондово и весили не меньше чем полтонны, в связи с чем представлялись чем-то незыблемым. Однако в 1989-м, как и казавшийся таким же незыблемым советский строй, эти скамейки полетели под откос. Чем вам не символ эпохи?

Физик с плейбойскими повадками

Именно на этом фоне на политическом небосводе разваливающегося Союза появляется Борис Немцов. Весной 1989 года 30-летний мужчина с кудрявыми волосами подал заявление на участие в выборах в Верховный Совет СССР. Последние в полной мере соответствовали той «переходной» эпохе. С одной стороны, альтернативные и конкурентные выборы, кандидаты выступали перед избирателями со своими программами, в том числе в прямом эфире по телевидению, а голосование было по-настоящему тайным.

Были отменены и всякие разнарядки при выдвижении кандидатур. Вместе с тем закон все равно обеспечивал сохранение власти в руках КПСС (87% депутатов оказались либо членами партии, либо кандидатами в члены). Во-первых, одна треть депутатов избиралась от общественных организаций, той же компартии и подконтрольных ей, во-вторых, предусматривалось совмещение постов председателей Советов всех уровней и соответствующих партийных руководителей, при условии избрания их в эти Советы. Ну а в-третьих, избирательные комиссии попросту отказывали совсем уж «неблагонадежным» и «подозрительным» кандидатам в регистрации под разными предлогами. Ничего удивительного в этом не было, ведь закон о выборах составлялся и принимался еще в 1988 году, а тогда ситуация в стране еще была совсем другой! Среди «отказников» тех выборов оказался и Немцов. «Система выборов была несвободной, двухступенчатой, – вспоминал он потом. – Сначала нужно было пройти сквозь сито номенклатурного окружного предвыборного собрания, в состав которого входили представители партийно-хозяйственной элиты. И если эта категория граждан посчитает необходимым твое участие в выборах, только тогда народу разрешалось голосовать за тебя или против. Тогдашнее мое выступление на этой комиссии отличалось дерзостью и даже некоторым нахальством, поскольку, выступая в такой аудитории, я позволял себе высказываться против монополии партии на власть, за частную собственность, за независимую прессу, за отмену цензуры и политического сыска. Естественно, после таких речей напуганные начальники посчитали, что до народа эти мысли доносить нельзя. И не допустили меня к выборам вообще».

Откуда же взялся этот человек, которому было суждено сыграть значительную роль в истории постсоветской России?

Как известно, Борис Немцов родился в 1959 году в Сочи в

семье врача Дины Эйдман и Ефима Немцова. Если про мать политика известно довольно много, то кто такой был его отец, довольно туманная история. Считается, что он был заместителем начальника некоего «строительного главка», но что это за «главк», где находился и чем занимался, история умалчивает. Борис Ефимович был вторым ребенком в семье, его сестра – Юлия Ефимовна впоследствии стала известной проповедницей, адвентисткой седьмого дня. При этом загадочный отец Немцова мало участвовал в воспитании детей, по выражению его самого, «свободный был человек, с нами не жил». Уже в детстве Дина Немцова с детьми переехала в Горький, в типовую хрущевку в районе проспекта Гагарина, одной из крупнейших магистралей города, идущей от центра нагорной части города к выезду из него в сторону Арзамаса и Рязани. Учился Немцов в самой обычной типовой школе, также расположенной рядом с этим вечно шумящим проспектом, по одну сторону от которого тянутся разнотипные жилые дома, а по другую длинный парк, обрывающийся крутыми, как бездонная пропасть, склонами к берегу Оки. А в какой-то сотне метров от здания, где провел большую часть детства Немцов, в широкой ложбине находился кинотеатр «Электрон». Именно в него, будучи школьником, Борис ходил с одноклассниками и приятелями. Кто бы мог подумать, что спустя 41 год после того, как он получил аттестат, именно в этом кинотеатре состоится премьера документального фильма «Борис Немцов. Слишком свободный человек»!

Но тогда, в разгар эпохи застоя, для этого не было никаких предпосылок. Чтобы сделать карьеру, надо было обязательно хорошо учиться, вступать в комсомол, потом в партию. И если с первым у Немцова было все в порядке, то с остальным не очень. «Я родился в разгар строительства коммунизма и даже в самых смелых юношеских фантазиях не мог представить, какие крутые виражи готовит мне жизнь, – вспоминал он потом. – В школе не был комсомольским вожаком, не собирался вступать в ряды коммунистической партии, хотя и понимал, что вне КПСС сделать карьеру практически невозможно. Но об общественном или, упаси бог, политическом будущем я тогда вообще не думал, собирался стать ученым-физиком». Но даже эта мечта могла не осуществиться. Сначала Немцову из-за его поведения и странных для того времени высказываний не хотели давать золотую медаль, а потом написали в выпускной характеристике, что он «политически неустойчив». Только благодаря хлопотам матери и ее знакомых директор в итоге смягчила формулировку на более нейтральную: «позволяет себе политически непродуманные высказывания». Остается только догадываться, что такого

натворил Борис Ефимович, чтобы заслужить подобный «волчий билет». Ведь в середине 70-х к характеристикам уже не относились так серьезно, как в былые годы, в основном педагоги ограничивались типовыми фразами. Тем более когда речь идет о золотых медалистах! Конечно, некоторые скажут, вот, мол, с детства не боялся высказывать свою позицию, смелый человек! В действительности мотив таких поступков может быть совершенно разным. Скорее всего, Немцов наслушался «антисоветчины» от своего отца, с которым периодически общался, а потом повторял ее ради привлечения к себе максимального внимания сверстников и взрослых. Впрочем, подробно о психологическом типе Немцова и его вероятных истинных мотивах поведения будет рассказано ниже при более подходящем случае…

Следующие 10 лет жизни прошли не особо примечательно. Думается, и там было много ярких моментов, но, во всяком случае, в историю страны не вошли. В 1976 году Немцов поступил на радиофизический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, который с отличием закончил. После окончания вуза он работал в научно-исследовательских институтах, где, согласно официальной биографии, занимался проблемами физики плазмы, акустики и гидродинамики. В 1985 году, работая в НИРФИ под научным руководством своего дяди – профессора Вилена Эйдмана, Немцов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Когерентные эффекты взаимодействия движущихся источников с излучением». Затем он полностью погрузился в научную работу, делал различные изобретения и открытия. «Он очень много работал, быстро и легко писал статьи и уже в 1985 году защитился, – вспоминал известный физик Лев Цимринг, член Американского физического общества, какое-то время работавший с Немцовым. – Несмотря на плейбойский вид и повадки, у Бори была абсолютно незаурядная голова и очевидная страсть к науке, это чувствовалось сразу».

Кстати, по некоторым данным, Бориса Ефимовича готовили чуть ли не в наследники научной школы самого нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга, знаменитого ученого, создателя полуфеноменологической теории сверхтекучести (теория Гинзбурга-Питаевского), теории магнито-тормозного космического радиоизлучения и радиоастрономической теории происхождения космических лучей. Вилен Эйдман был учеником и соратником академика, в свое время работавшего в Горьком.

Главным направлением научной деятельности Немцова стал так называемый акустический лазер. «Я предложил модель, состоящую из перегретого пара, смесь, которая в случае сильного

охлаждения излучает очень мощный звук», – вспоминал он. Фактически речь шла об одном из вариантов сазера – генератора когерентных звуковых волн определенной частоты. Широкого применения данные устройства по сей день не нашли, а многие ученые и вовсе считают их тупиковым направлением физики. Сам же Немцов оценивал свое изобретение очень высоко, утверждал, что стал чуть ли не создателем нового супероружия, и даже сравнивал себя с Эйнштейном. Мол, прибор представлял собой нечто вроде гиперболоида инженера Гарина и был способен «поражать человека». При этом сам же Борис Ефимович вроде как и спас от него человечество. «Прибор не стал оружием, потому что его не успели засекретить: я послал статью в зарубежный журнал», – утверждал он. И даже сожалел, что его не назвали «лазером Немцова». До сих пор некоторые утверждают, что это было «гениальное изобретение», с помощью которого можно как минимум разгонять туман и облака, а то и создать некое «метеорологическое оружие». Правда, никто всерьез этими разработками почему-то не занимается. К слову сказать, именно за работой над «акустическим лазером» Немцов познакомился и подружился со своим будущим пресс-секретарем Александром Котюсовым.

Это сейчас тот факт, что будущий скандально известный политик с имиджем неувядающего плейбоя когда-то всерьез занимался физикой, может показаться удивительным. Но ведь и будущий самый одиозный российский олигарх Борис Березовский, защитив кандидатскую диссертацию, в 70-х годах скромно трудился в Институте проблем управления Академии наук СССР. Как и положено, сначала вкалывал инженером, потом младшим и старшим научным сотрудником, дослужившись в итоге до почетной должности заведующего лабораторией. В 1978 году Березовский получил медаль лауреата премии Ленинского комсомола. Вся его голова в то время была занята научными трудами, монографиями и работой над докторской диссертацией по физике. К 1991 году Борис Абрамович заслужит пожизненное звание академика… Анатолий Чубайс в конце 70-х – начале 80-х годов скромно работал ассистентом, а потом доцентом в Ленинградском инженерно-экономическом институте имени Пальмиро Тольятти, Владимир Гусинский учился на режиссерском факультете ГИТИСа имени Луначарского. Ну а москвич Егор Гайдар, в 1973 году закончивший школу с золотой медалью, а через пять лет уже МГУ с красным дипломом, в конце 70-х ударно писал диссертацию по теме «Оценочные показатели в механизме хозяйственного расчета производственных объединений (предприятий)». Кто бы мог подумать тогда, что эти

обычные советские люди, ученые, комсомольцы, в скором времени станут решать судьбы огромной страны?! Причем совсем не той страны, которая воспитывала в них коммунистические идеалы!

Конец 80-х годов действительно стал временем, когда те, у кого в обычных условиях не было ни единого шанса получить власть, обогатиться и даже по-настоящему выделиться из своих современников, стремительно взлетали на самый олимп. А другие, наоборот, падали, как те самые садовые диваны, летевшие под откос. Страну как будто переворачивали вверх колесами, и те, кто был внизу, быстро оказывались на самом верху, и наоборот. Можно даже назвать это неким историческим «эффектом опрокидывания». Конечно, у каждого персонажа «лихих девяностых» был свой путь. А у Немцова он начался с мирного атома…

Глава 2
Немцов против атомного монстра

ГАСТ, АТЭЦ и Черная быль

В начале 1984 года городской Совет народных депутатов города Горького утвердил генеральный план развития города. Согласно ему к 2010 году население областного центра должно было составлять 1,8 миллиона человек, а его внешний вид мог измениться до неузнаваемости. План был по-советски невероятно дорогостоящим, достаточно сказать, что только на осуществление его первой очереди требовалось 3 миллиарда рублей – огромная сумма по тем временам. В том числе миллиард требовался на жилищное строительство, ибо жилой фонд города намечалось удвоить!

В начале 80-х в городе Горьком развернулся, как оказалось, последний в эпоху социализма строительный бум. Активно возводились три новых микрорайона: Молитовский, Мещерское озеро и Верхние Печеры. «Строительство продолжается, – рассказывала статья „Приметы времени“. – Пока в Верхних Печерах два микрорайона – второй и третий, а будет и четвертый, и первый. Проектом застройки предусматривается строительство поликлиники, которая решит проблему медицинского обслуживания населения… Во втором микрорайоне в проекте застройки значатся медпункт, кафе, кулинарный и молочный магазины, парикмахерская, в третьем микрорайоне – магазины, общественно-торговый центр. Строится овощной магазин. Словом, у Верхних Печер большое будущее». Однако до «коммунизма» было еще далеко. По состоянию на 1 января 1984 года средняя обеспеченность на жителя составляла всего 13,8 квадратного метра на одного горьковчанина. Но уже через пару-тройку десятилетий горожанам обещали настоящий город-рай! Планы развития Нижнего Новгорода – Горького, как известно, начали разрабатываться еще при императоре Николае I и продолжились при советской власти. И каждый из них был все грандиознее и масштабнее. Работу над Генпланом-1984 известный институт Гипрогор начал еще в 1977 году. Большую роль в его создании сыграл и известный горьковский архитектор, начальник архитектурно-планировочного управления горисполкома Вадим Воронков. Кстати, последний прослыл, так сказать, радикалом в вопросе сохранения исторического облика «старого Нижнего». Воронков был сторонником нещадного сноса ветхого и просто старого фонда, расширения узких улиц в центре города и застройки его типовыми многоэтажными домами. «По общей оценке ведущих специалистов по градостроительству, Горький – один из сложнейших городов не только республики, но

и всей страны, – говорил он в интервью „Горьковскому рабочему“. – В связи с этим Госстрой СССР поручил Гипрогору до разработки генерального плана выполнить технико-экономические обоснования… Было предложено четыре варианта основных территориальных направлений развития города. Все они признаны возможными. Однако на период до 2000–2010 годов решено в основном развивать город в нагорной части – на юг, юго-запад, с размещением там жилищного строительства. В заречной части город будет расти на северо-запад, на Сормовской пойме».

Воронков имел в виду правый берег Волги за заводом «Красное Сормово». На месте многочисленных садовых товариществ и частного сектора планировалось возвести два огромных микрорайона: Сормовское Приволжье и Лунский, которые должны были состоять из 9-12-этажных домов серии Э-600 (с навесными утеплительными панелями). Последние были сильно распространены в Ленинграде, где получили прозвище «дома-корабли» за внешнее сходство с океанскими лайнерами. Сплошные линии окон на белом фоне напоминали палубы. Подобный тип застройки использовался для гашения сильного морского ветра в прибрежных районах, в Сормове же «корабли» должны были загораживать город от северо-восточных ветров! А вот обеспечить горячей водой и отоплением строящиеся на окраинах Горького микрорайоны должна была первая в мире атомная котельная…

Идея использования мирного атома в коммунальных целях возникла в середине 70-х годов. Горьковское отделение института «Теплоэлектропроект» выполнило схему теплоснабжения города Горького на период до 1990 года. Она была согласована с Госпланом СССР и утверждена Минэнерго Советского Союза. Согласно схеме в нагорной части города на границе будущей застройки должна была появиться Горьковская атомная станция теплоснабжения (ГАСТ). Предложение было одобрено всеми соответствующими инстанциями, как «передовое» и «прогрессивное». А поскольку ни о каких радиационных авариях в СССР СМИ никогда не сообщали, эта новация не вызвала никакой паники и даже критики среди населения. И это притом, что незадолго до принятия решения о строительстве объекта горьковчане на своей шкуре испытали весь ужас радиоактивного заражения!

В конце 60-х годов завод «Красное Сормово», выпускавший атомные подлодки, работал в очень напряженном графике. В мире шла гонка вооружений, и военные требовали от производителей все больше подводных лодок. К тому же

предстояло 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, которое вся страна встречала трудовыми рекордами. Работа в секретных цехах, расположенных в северо-западной части завода, не прекращалась ни на день. При этом мерами безопасности порой пренебрегали… Утром 18 января 1970 года при проведении гидравлических испытаний первого контура реактора атомной подводной лодки К-302 произошел случайный запуск установки, которая проработала около 15 секунд на запредельной мощности. В результате заглушки первого контура не выдержали, и через вырванную тяжеленную крышку люка подлодки вырвалась огромная струя воды. «Мощный радиоактивный фонтан воды и пара окатил все вокруг – стоящую рядом подлодку К-308, стены, потолки и полы сборочного цеха, – вспоминал Александр Зайцев, работавший тогда главным строителем отдела главного строительства кораблей. – Ну и, конечно, людей. А их в это время находилось в помещении 156 человек». Серьезного радиоактивного заражения местности удалось избежать лишь благодаря закрытости цеха и вовремя сработавшей автоматики, заглушившей реактор.

Шестерых рабочих, находившихся в момент аварии внутри подлодки, доставили в больницу в Москву, где трое из них скончались уже через неделю. Дезактивация проводилась силами личного состава представительства военной приемки и добровольцев из состава рабочих. Многие из них впоследствии умерли от различных болезней, связанных с радиацией. Сама подлодка К-302 после аварии была переименована в К-320. После замены реактора в 1971 году она была спущена на воду, а 15 сентября того же года вступила в строй. Во время службы с лодкой случилось еще несколько происшествий. Так, 19 января 1972 года она столкнулась в Мотовском заливе с подлодкой К-131 и повредила корпус. А в мае 1976 года во время плавания произошла частичная разгерметизация активной зоны реактора. Из состава флота К-320 была исключена в 1994 году.

Ну а в Горьком со всех участников инцидента взяли подписку о неразглашении, поэтому только узкий круг лиц знал о произошедшем. В то время как на расположенном в городской черте предприятии шла дезактивация, о которой все советские школьники были наслышаны из рассказов про атомные бомбы, по соседним улицам как ни в чем не бывало курсировали автобусы и троллейбусы, детишки ходили в школу и садики, а трудящиеся спешили на работу.

И вот теперь горьковчанам хотели построить прямо возле города атомную котельную. Более того, мало кто знает, что помимо ГАСТ в районе между Горьким и Дзержинском

собирались возвести еще и первую в мире атомную теплоэлектроцентраль (АТЭЦ) мощностью 2 тысячи мегаватт! Предполагалось, что она будет иметь четыре энергоблока, два из которых будут обеспечивать теплом Сормовский, Канавинский и Автозаводский районы Горького, а еще два – соседний Дзержинск. Таким образом, к 1990–2000 годам город должен был стать первым в СССР, который практически полностью перешел бы на атомное отопление и электроснабжение. У энергетиков и коммунальщиков, как говорится, от планов дух захватывало! «При новой системе себестоимость горячей воды у нас снизится в разы, – рассказывал автору дедушка, в тот период начальник отдела жилищно-коммунального хозяйства Горьковского облисполкома. – И экология у нас очистится, смог над городом исчезнет».

Правда, с АТЭЦ вышла промашка. Дело в том, что местность между Горьким и Дзержинском по большей части представляла собой болота и реки с рыхлыми грунтами и большим количеством подземных вод. Поэтому подобрать площадку для атомной ТЭЦ оказалось непросто. А когда подыскали, изменились нормы приближения атомных станций к городам. В итоге от заманчивого проекта АТЭЦ Горьковскому облисполкому, в котором начальником отдела ЖКХ в то время работал и дед автора, Михаил Кривошей, пришлось отказаться. А вот ГАСТ в районе деревни Федяково и железнодорожной станции Ройка была заложена в 1979 году. Участок находился всего в нескольких километрах к востоку от городской черты, но эта близость была необходима для доставки теплоносителя в систему отопления! Понятно, что гнать горячую воду по трубам за десятки километров не имело смысла. Впрочем, в то время горьковчане слышали о радиоактивных авариях только по слухам, с Чернобыльской АЭС все было в порядке, ее даже показывали в кино в научных киножурналах перед фильмами. Посему никаких опасений по поводу того, что прямо рядом с городом строится и скоро заработает атомная станция, у людей не возникало.

В первое время станция строилась ударными темпами. Как-никак, после апробирования атомной котельной в Горьком аналогичную собирались построить в Воронеже, а потом других крупных городах страны, в том числе Москве и Ленинграде. Уже 1 января 1982 года началось сооружение первого энергоблока «Горький-1». Согласно графику строительства, его планировалось ввести в строй уже в 1985 году, а в 1986-м должны были запустить и «Горький-2», после чего ГАСТ заработала бы на полную мощность. «Это позволит обеспечить теплом большую часть нагорных районов нашего города и отказаться от

многочисленных мелких котельных», – рассказывала статья «На атомной станции». Строительству объекта придавалось первостепенное значение, был даже создан городской штаб по строительству Горьковской атомной станции теплоснабжения, который возглавили секретарь горкома КПСС Ю. А. Марченков и председатель горисполкома К. И. Базаев.

Строительство самого корпуса ГАСТ вело строительно-монтажное управление № 4, которое по итогам 1983 года выполнило план по генподряду на 100%. Если бы стройка и дальше шла такими же темпами, то уже через год-полтора в батареях жителей микрорайона Щербинки потекла бы вода из второго контура охлаждения атомного реактора модели АСТ-500. Ну а необычайную надежность ядерной котельной, которую обещали проектировщики из ОКБМ, горьковчанам предстояло проверить на собственной шкуре. Символично, что как раз в Щербинках в это время проживал в ссылке академик Дмитрий Сахаров, один из создателей советской водородной бомбы. Интересно, что он думал о проекте ГАСТ, о котором часто писали в газетах? Однако оптимистичным планам атомщиков, чиновников и коммунальщиков не суждено было сбыться. Уже в январе 1984-го у СМУ-4 возникли первые трудности. «На строительной площадке не хватает рабочих, заметно сдерживает темп и плохое снабжение материалами и оборудованием, – сетовали СМИ. – Члены штаба наметили конкретные меры по устранению этих недостатков и активизации хода строительства важнейшего объекта теплоснабжения». Но времена были уже не те. Советский Союз вступал в период глубочайшего кризиса, вызванного как затянувшейся стагнацией, так и постепенным падением мировых цен на нефть, начавшимся еще в конце 1982 года. Это сказалось на всех отраслях экономики, в том числе и на ядерной энергетике.

В итоге уже на завершающем этапе строительство ГАСТ было приостановлено. В 1985 году работы на объекте шли чрезвычайно медленными темпами, не помогали ни многочисленные совещания, ни ударные смены. Ну а потом случился Чернобыль… Катастрофа, навсегда разделившая мировую атомную энергетику на «до» и «после», волею судьбы наложилась на только что начавшуюся эпоху гласности и демократизации, в связи с чем государству на сей раз не удалось не только скрыть, но даже приуменьшить масштабы аварии. В стране началась настоящая атомофобия. А в городе Горьком дававшие когда-то подписку о неразглашении ликвидаторы и свидетели инцидента 1970 года начали понемногу рассказывать, что и у нас, мол, свой «мини-чернобыль» был. Возник резонный вопрос: а нужна ли нам под

боком своя атомная станция? Не превратится ли в один прекрасный день город Горький в такой же призрак, как украинская Припять?!

Так или иначе, Чернобыль отодвинул сроки пуска станции. От атомщиков потребовали значительно изменить и пересмотреть существовавшие нормы безопасности (ведь до этого считалось, что советские реакторы совершенно безопасны, ими можно даже чаек на Красной площади кипятить!). Все это серьезно удорожало строительство, по слухам, даже была разработана некая аварийная система, когда реактор в случае серьезного сбоя проваливался в шахту и сразу заливался жидким бетоном. Хотя кто бы там этот бетон круглосуточно месил? В общем, противники ГАСТ выиграли значительное время.

Что увидел, то и спел

«Коммунисты затеяли строительство атомной котельной – „атомной станции теплоснабжения“ (АСТ), – вспоминал Немцов. – Они предлагали нагревать воду в атомных реакторах, и потом через систему теплообменников эту воду под высоким давлением закачивать в нижегородские дома. Поскольку страна на тот момент была безмолвна, никто никого ни о чем даже не собирался спрашивать – стали строить. Однако Нижний – по сути своей город не рабский, у нас появилась общественная организация „За ядерную безопасность“, главной задачей которой было не допустить строительства этой самой котельной. Даже моя мама стала собирать на площади имени Горького подписи против этого проекта. Собственно, благодаря матери я и пришел в политику. Она все время мне твердила одно и то же: „Вот ты занимаешься никому не нужной наукой, а у нас тут собираются ядерную котельную строить. У тебя совесть есть?“ Наконец меня, как физика, попросили войти в организацию». В отличие от обычных «атомофобов» Борис Ефимович первым открыто высказал мысль, что станция не только опасна с точки зрения возможных аварий и нештатных ситуаций, но и экономически бессмысленна. Дело в том, что коммунальное хозяйство в это время находилось в довольно запущенном состоянии. Все силы и средства уходили на постройку коммуникаций в новые микрорайоны, в то время как старые, в том числе магистральные водопроводы и сети горячего водоснабжения, не ремонтировались. В конце зимы 1984/85 года, перед смертью генсека Черненко в Горьком даже произошло несколько крупных коммунальных аварий. Тысячи жителей остались без воды и тепла, в нескольких местах вода текла по улицам города, замерзала, превращая проезжую часть в горы льда и парализуя движение. Немцов считал, что коммунальные сети попросту не выдержат атомного напора, трубы, батареи и стояки будут лопаться, а нагретый в реакторах кипяток в итоге придется выливать в поле.

В 1987 году Немцов написал по этому поводу статью в «Горьковский рабочий». А тот на волне начавшейся гласности и страха перед повторением Чернобыля взял да и напечатал ее! Фактически молодой Борис Ефимович (да еще и кандидат физматнаук) прямо озвучил то, что другие либо не решались сказать, либо говорили в более обтекаемой, завуалированной форме. Эту особенность Немцова (что вижу, то и говорю) впоследствии отмечали многие его коллеги и поклонники[1]. В

данном случае он сказал то, что надо было. Поэтому редакцию «Горьковского рабочего» завалили письмами читателей. Газета в духе времени попыталась организовать нечто вроде круглого стола, но из этого ничего толком не вышло. Оправдания сторонников ГАСТ, чиновников и самих атомщиков, а также их призывы «не спешить», «взвесить все за и против» вызывали только озлобление и еще более яростные крики противников. В результате «Горьковский рабочий» (видимо, по совету городских властей) тему постепенно прикрыл. Но ее тут же подхватила самая либеральная нижегородская газета того времени – «Ленинская смена». Это был печатный орган местного обкома ВЛКСМ, издававшийся еще с 1919 года. Однако статьи про ударные стройки и комсомольскую мораль во время перестройки перестали привлекать читателей, и издание смело сбросило старую шкуру, начав писать про самые актуальные и злободневные темы.

«Общество настолько серьезно отнеслось к проблеме, было столько откликов, что в нашем институте даже специально поставили стол для „писем Немцову“, – рассказывал Борис Ефимович. – Это был 1987 год. Мне 27. К этому времени я уже защитил кандидатскую и начал писать докторскую и даже не помышлял о какой-то общественной карьере. Но меня стали включать во всякие экологические проекты, приглашать на собрания, акции. В конце концов, я просто не мог оставить маму на площади в одиночестве. Так и втянулся». Однако и атомщики не сдавались. Ведь в проект было вложено столько сил и средств, научных идей и трудов, что просто жалко было его бросать в момент, когда станция была уже фактически построена! Что же, нам ее сносить теперь?! Популизм!

В начале 1989 года отделение института Атомэнергопроект разработало новую схему теплоснабжения города Горького (нагорная часть) на период до 2005 года. В схеме было предложено несколько вариантов, но все с участием ГАСТ. При этом указанная контора буквально шантажировала народ в духе: вот не построим атомную котельную, замерзнете все зимой! «Начался отопительный сезон, необходимо, чтобы каждый потребитель получал и расходовал тепла только столько, сколько ему действительно требуется, – писал в октябре 1989 года начальник отдела института В. Юртаев. – Следует каждому жителю города обратить внимание на источники потерь тепла в квартирах, работникам котельных – на строгое соблюдение параметров теплоснабжения». Из уст представителя атомной отрасли, не имевшей к коммунальному хозяйству никакого отношения, этот призыв выглядел как-то нелепо. С чего вдруг

«Атомэлектропроект» так печется об экономии теплоносителей? Строительство ужасающей ГАСТ, название которой у некоторых вызывало неприятные ассоциации с болями в животе и гастритом, тем временем медленно, но продолжалось. Помню, как летом того же 1989 года наш класс поехал на практику в ЗЛТО (загородный летний трудовой лагерь). Проезжая Кстовский район, мы, 14-летние подростки, неожиданно увидели огромный силуэт атомной станции, возвышавшийся над холмами. После Чернобыля большой бетонный куб с характерной длинной трубой вызывал неприятные ассоциации. «Вот она – атомная станция!» – с трепетом переговаривались мы между собой. Выглядела она и вправду зловеще.

В 1990 году борьба против атомной станции продолжалась. И главным действующим лицом в ней, конечно, был не по-прежнему мало кому известный Немцов. 5 апреля сессия областного Совета народных депутатов Горьковской области постановила: «Областной Совет выступает за немедленное запрещение дальнейшего строительства Горьковской атомной станции теплоснабжения». Вскоре аналогичное решение с формулировкой «считать невозможным дальнейшее строительство и пуск станции» принял и городской совет. Несмотря на это и продолжающиеся протесты общественности, возведение объекта все еще продолжалось. В мае в Москве прошло совещание у заместителя председателя Совета министров СССР Л. Д. Рябова с участием председателя Горьковского облисполкома А. А. Соколова, народного депутата СССР В. Л. Ерохина и директора ГАСТ Ю. А. Здора. На нем решили, что работы все же надо продолжать. «Будучи в этом году на АСТ, я удивился: щит управления укрыт пленкой, кажется, сними ее – и он вспыхнет разноцветными огоньками, – рассказывал в своем интервью заместитель председателя Горьковского облисполкома А. М. Макиевский. – Реакторный зал вот-вот обретет рабочий вид – достаточно закрыть шахту реактора. Персонал уверен в себе и „активно обороняется“». Затем министр атомной энергетики Коновалов опубликовал интервью в газете «Правда», в котором указал, что «самый безопасный в мире» реактор АСТ-500 уже создан и станция по-прежнему сооружается. Минатомэнергопром приступил к строительству жилых домов и объектов социальной инфраструктуры ГАСТ. Атомщики также предложили некий компромиссный вариант: создать на станции учебный центр (стендовую базу для нужд атомной энергетики) без загрузки топлива в реакторы. Чиновники, вероятно, рассчитывали, что вернуться к вопросу можно будет немного погодя, когда страсти и эмоции улягутся. Ведь столько сил и средств (без малого 170

миллионов!) уже вложено в этот гениальный проект!

Ну а народ, боявшийся повторения Чернобыля, требовал немедленно прекратить или хотя бы приостановить стройку… Тем временем кто-то вспомнил, что на территории Горьковской области уже существует «опаснейший объект» – радиоактивный могильник в Семеновском районе. Это позволило горьковским экологам и активистам расширить фронт борьбы против «мирного атома».

Еще в 60-х годах для централизованного сбора, транспортировки и хранения низко– и среднерадиоактивных отходов в СССР была создана целая сеть комбинатов «Радон». В 1960 году в 3 километрах к юго-западу от деревни Полом Семеновского района было построено горьковское хранилище отходов. В 70-80-х годах этот весьма скромный по своим размерам и назначению объект оброс многочисленными мифами и легендами. Мол, у коров, которых здесь пасут, «развиваются болезни и мутации», в лесу встречаются «зайцы метр ростом», детишки, искупавшись в речке неподалеку от хранилища, вылезают из воды «уже с радиоактивными ожогами», ну и «грибы невероятных размеров» грибники находят… Одним словом, настоящая «зона 51» в заволжских лесах!

В июне 1990 года жители Семеновского района в духе времени решили бороться с «местной Хиросимой». Сначала провели митинг, выставили на дороге, ведущей к «зоне», пикеты и деревянные ограждения, а 27 июня решительно отправились на сам объект. Само собой, вооружившись дозиметрами, которые в те годы многие приобретали как необходимую вещь в домашнем обиходе. К хранилищу вела хорошая асфальтированная дорога, вдоль которой торчали таблички с желто-красными кругами – символом радиационной опасности. Правда, приборы, к великому разочарованию атомофобов, показывали от 4 до 10 микрорентген в час при естественном фоне 6-20 микрорентген. «Ну ничего! – думали они. – Вот сейчас дойдем до „зоны“, а там наверняка охрана с пулеметами и горы „фонящих“ отходов!» Каково же было изумление активистов, когда вместо КПП и охранников с собаками они увидели на въезде калитку и сторожку! Собака там была и даже лаяла, но главная ее задача состояла в том, чтобы будить мирно спящего и единственного (!) сторожа. При этом удивленный и заспанный мужик не только не прогнал борцов с атомом, но и согласился провести экскурсию по объекту. Вместо какого-то угрожающего вместилища с сотнями тонн отходов гости увидели несколько небольших и закрытых бетонных колодцев. Причем, как ни мерили «экологи» радиацию, даже около стены могильника дозиметры не показали больше 12

микрорентген. «И это все, что „накопили“ за 30 лет? – недоумевали активисты. – А где же, собственно, радиация?» Еще больше их удивил оптимизм сторожа. Тот поведал, что работает здесь уже много лет, никакой радиации не боится и чудо-грибов мутантов в глаза не видел…

«Обезличенный ассортимент»

Впрочем, борьба с атомом в это время конечно же была далеко не главной заботой трудящихся. В 1990 году страну стало лихорадить все больше. Даже оптимисты стали осознавать, что советский строй, а главное – его экономика разваливается буквально на глазах. Дефицит товаров, несмотря на предпринимаемые горбачевским правительством отчаянные меры, усугублялся с каждым днем. Картина всеобщего хаоса и развала постоянно рождала на свет все новые и новые, доселе неизвестные и непривычные явления. Характерный для этого времени случай имел место в магазине «Обувь» в Горьком, что находился на проспекте Гагарина рядом с заводом «Гидромаш». Вернее сказать, не в самом магазине, а возле него на улице. В то время была такая «мода» в городах – торговать дефицитным товаром снаружи, чтобы огромная очередь «не мешалась» в торговом зале. Это сейчас продавцы готовы ковры расстилать перед покупателями, лишь бы обратили внимание на их «лавку», а в 80-х годах они считали себя настоящими королями, которым народ только мешал! Ходят тут всякие, понимаешь, мешают работать…

Когда жители узнали, что возле «Обуви» будут продавать женские зимние австрийские сапоги по цене 130 рублей, к магазину мгновенно стянулась толпа народу. Это ж дефицит, да еще и импорт! Однако надеждам женщин, уже представлявших, как они зимой будут щеголять в австрийских сапогах, не суждено было сбыться. «Когда торговля началась, мы все, стоящие в очереди, увидели, что инициативу полностью захватили дюжие парни, – писали в коллективной жалобе в ОБХСС работницы завода „Гидромаш“. – Они, применив физическую силу, блокировали все подступы к прилавку, передавали друг другу деньги и таким образом на глазах очереди и милиционеров скупили несколько десятков пар сапог. Из очереди сапоги купить никто не смог… Таким образом, с 16 до 20 часов „мафиози“ скупили почти все поступившие в продажу сапоги, которые через некоторое время окажутся на черном рынке по цене 300–400 рублей».

В 1990 году скупка дефицита спекулянтами действительно приобрела огромные масштабы. Установив тесные связи с работниками торговли, они заранее узнавали о поступлении тех или иных товаров на склады, после чего останавливали двигавшиеся к магазинам машины и под угрозой заставляли водителей продавать им содержимое! То есть выехал газон с базы

с тридцатью ящиками обуви, а к магазину приехал уже с тремя-пятью! Дошло до того, что работники ОБХСС формировали вооруженные команды, которые сопровождали грузовики с дефицитом от базы до магазина. Но и это не помогало. Тем более что, даже если и удавалось поймать скупщиков с поличным, доказать их вину и осудить было практически невозможно. «Мы ж не украли ничё, а только купили! – резонно заявляли правоохранителям новоиспеченные бизнесмены. – И всё для себя!» Благо некогда грозная статья 154 УК «Спекуляция» уже не действовала, ибо во время перестройки частная торговля под видом «кооператорства» была фактически легализована.

Не имея возможности купить даже самые простые вещи в магазинах, измученные граждане вынуждены были идти за ними на черный рынок. Дефицитом стали даже такие «предметы первой необходимости», как водка и табак. Сигареты покупали впрок по нескольку блоков, если же вовремя «взять» не удавалось, людям приходилось ехать на вокзалы, искать там цыганок, у которых в изобилии имелись болгарские сигареты: «Ту-134», Opal, Pogonu (в простонародье «Родопи») и др. К примеру, Московский вокзал в Горьком, известный как «Москарик», в конце 80-х вообще превратился в настоящий Шанхай! «И тут, и там обосновались сомнительного назначения „лотереи“, облапошивающие простодушных жаждущих выигрыша; толпы цыганок, втридорога торгующих косметикой и иными товарами; несметное число кооперативных киосков; торговые точки, торгующие в антисанитарных условиях», – писал «Горьковский рабочий». Возмущенные недоумевали: а куда, собственно, смотрят ОБХСС и милиция?!

Последняя в это время попросту не справлялась с растущей волной преступности и уличного хулиганства. «Посмотрите, что творится у нас в городе, – писал в газету один из горьковчан. – Киоски „Союзпечати“ грабят и громят, скамейки ломают, воруют, спекулируют, убивают… Вечером во дворах, подвалах домов собираются подростки, молодежь. Ведут себя они вызывающе, агрессивно. Но не видно здесь ни участковых, ни милицейских патрулей… А посмотрите, сколько стало повсюду пьяных, хулиганов, дебоширов, матерщинников». Отдельной проблемой стало «телефонное хулиганство». Разгром и ограбление телефонов-автоматов были серьезной проблемой еще в конце 60-х. А через 20 лет она приобрела поистине катастрофические масштабы. В то время как мелкие жулики вскрывали аппараты и ссыпали из них по 4–6 рублей мелочи, шпана просто била стекла кабин, отрывала двери и даже сбрасывала телефонные будки в овраги и водоемы. В Горьком за 1989-й – первый квартал 1990

года было украдено свыше 400 уличных телефонных аппаратов, 5 тысяч трубок, разбито 1200 стекол в кабинах. Были в этом виде преступлений даже свои рекордсмены. К примеру, пойманный с поличным и осужденный на два года исправительных работ С. Синьков (работник молококомбината) уничтожил столько телефонов-автоматов, что ими можно было бы оборудовать целый новый микрорайон.

В этих условиях власти начали вводить «подушное распределение фондовых мясопродуктов для продажи населению». Проще говоря, талонов на мясо. Собственно, как таковые талоны (или карточки) на продукты питания и некоторые товары народного потребления действовали и ранее. Для тех, кто не знает или подзабыл, о чем идет речь, поясним, что по талону каждый гражданин имел право купить в месяц (а не получить бесплатно, как некоторые думают) определенное количество дефицитного товара. То есть человеку надо было отстоять очередь, вручить злобному продавцу специальную бумажку с определенным сроком действия и только потом – деньги за товар. Зато гарантированное количество и по «государственной цене»! Талоны выдавались по месту прописки в ЖЭКе (или в общежитии – для студентов). На них не печатались ни фамилия, ни адрес, это была бумажка на предъявителя, которую можно было отоварить в любом магазине. Скажем, те, для кого водка была важнее масла и сахара, могли обменять талоны родственникам и знакомым. В принципе «лишние» карточки можно было даже продать. Ибо цена на ту же сорокаградусную по талонам была в разы меньше, чем на черном рынке. Мясные карточки (это слово официально использовать побоялись из-за неприятных ассоциаций с блокадным Ленинградом) еще называли «талонами на обезличенный ассортимент». То есть граждане могли сами выбрать, что им брать. Либо полтора килограмма фасованного мяса, либо 1,2 килограмма вареной колбасы, либо 850 граммов полукопченой колбасы, либо 1 килограмм свинокопченостей, либо 750 граммов мясных консервов. Кстати, уже тогда Горьковским горсоветом был подготовлен и еще один, «крайний вариант» распределения мяса. Согласно ему все горожане получали бы 0,75 килограмма вареной колбасы и 0,5 килограмма полукопченой, а вот мясо (полтора килограмма в месяц) полагалось только работникам производственной сферы. Таковых в Горьком числилось 693 тысячи человек при почти полуторамиллионном населении. А это уже пахло нормами военных лет!

Широкая общественность восприняла нововведение по-разному. Одни говорили – мол, «докатились», «дальше

перестраиваться некуда» и вообще скоро «снова голод будет». Другие, особенно малообеспеченные граждане, напротив, введение мясных карточек поддерживали. Им казалось, что таким способом будет наконец восстановлена попранная социальная справедливость: «пусть по талонам, лучше впроголодь, зато всем поровну», «мало, зато дешевле, чем у спекулянтов на базаре»…

Впрочем, на деле все оказалось не так просто. В отличие от продававшихся по талонам сахара и чая мясопродукты относились к скоропортящимся товарам и подлежали реализации в день поступления в продажу. В связи с этим горисполком просил жителей города не задерживать дома талоны, а «равномерно в течение указанного месяца посещать магазины» и отовариваться. Каким образом должна осуществляться эта «равномерность», чиновники конечно же не пояснили! Одним подъездом идем отовариваться в первую неделю, вторым – во вторую, третьим – в третью?! Или же составлять поквартирные графики отоваривания талонов? Понятно, что, получив спасительные карточки, граждане панически боялись, что те, как говорится, «сгорят». Посему при первой же возможности обегали ближайшие гастрономы и вставали в очередь за колбасой или копченостями. Надо было иметь железную выдержку, чтобы «равномерно» дожидаться конца месяца и идти за мясом на исходе срока действия талона. Лучше уж сразу отоварить и в морозилку его! Хотя «обезличенный ассортимент» и предполагал выбор, в действительности брали в основном то, что «дают». Разумеется, выдаваемого по талонам мяса (тем более оно нередко продавалось «вдовесок» с костями) для пропитания было недостаточно. Спасением для горьковчан оставались курятина, котлеты, пельмени и суповые наборы, которые по-прежнему продавались свободно, без талонов. И к тому же дешево! А до введения рыночной экономики, которая навсегда покончила с пресловутым советским дефицитом, оставалось еще полтора года…

Вот в таких условиях 4 марта 1990 года и прошли выборы народных депутатов РСФСР. 1068 человек было избрано на съезд народных депутатов России сроком на пять лет, причем 86% из них по-прежнему являлись членами КПСС, хотя это слово в то время уже стало нарицательным. Беспартийным депутатам и демократам в парламенте досталось всего 148 мест. Среди последних оказался и молодой горьковчанин Борис Немцов!

Свою избирательную кампанию он проводил под лозунгами остановки строительства ГАСТ, возвращения городу исторического названия Нижний Новгород и жесткой критики КПСС. «Они были уже свободными, но довольно жесткими,

потому что все-таки проходили под контролем компартии, – вспоминал Немцов о тех выборах. – Я имею в виду прессу, руководителей всех предприятий. Не обошлось без довольно забавных эпизодов. Самое главное состояло в том, что коммунисты, борясь со мной, предложили в качестве альтернативы одиннадцать (!) кандидатов. Все одиннадцать были коммунистами, которые, может быть, и имели разные программы, внешне, но внутренне отвечали требованиям тогдашнего обкома к народным депутатам.

Потом, когда я уже победил, я спросил одного босса, зачем они сделали такую глупость, зачем было одиннадцать коммунистов выдвигать против меня. Он наивно ответил:

– Если не понравился бы один из них, то мог понравиться другой. Или третий. Главная задача была, чтобы ты никому не понравился».

Однако «боссы» сильно ошиблись! Молодой, красиво говорящий физик, борец с атомной станцией просто не мог не вызвать симпатии у народа. А тот факт, что Немцова всячески охаивали и препятствовали его выступлениям, только прибавлял ему популярности. Ах так?! Решаете за нас всё! А мы вот назло за этого лохматого парня пойдем голосовать! С этой особенностью своих земляков Борис Ефимович потом сам неоднократно столкнется, когда уже будучи губернатором и вице-премьером будет «пропихивать» на пост мэра Нижнего Новгорода «своих» людей. «Мне было очень трудно встречаться с людьми, – сетовал Немцов. – Многие руководители предприятий просто не допускали моих встреч с народом. Например, тогдашний директор автозавода долго не впускал меня на территорию предприятия, и мне пришлось проехать туда нелегальным образом. В кузове грузовика. А когда я приехал на встречу на Автозаводскую ТЭЦ, собравшимся объявили, что все будут немедленно отправлены на уборку территории. В наказание. В нерабочее время. На целую неделю». Характерно, что Немцов, позиционировавший себя интеллигентом, избирался не в нагорной части города, считавшейся местом жительства советской элиты и интеллигенции, и даже не в Сормове, славном своими революционными и судостроительными традициями, а на Автозаводе! Фактически отдельном городе в городе, всегда жившем по своим правилам и где настоящим начальником фактически был не первый секретарь райкома, а директор ГАЗа[2]. Смелость? Или веселое хулиганство?

Немцов в итоге победил и вскоре впервые оказался в Москве. Не физически, а политически, разумеется. И тут же попал в самую гущу событий, ускоривших крах советского строя. Избранный

съезд начал работу 16 мая с избрания народного депутата РСФСР Бориса Ельцина председателем Верховного Совета. А 12 июня парламент принял Декларацию о государственном суверенитете (впоследствии эта дата будет названа Днем независимости). В этот же период Немцов познакомился с Ельциным. Сам он описывал это событие так: «Депутаты съехались в Москву на первое заседание Верховного Совета РСФСР, и Ельцин пригласил на встречу тех, кто победил под демократическими лозунгами. Собрались. Ельцин зашел, увидел меня, молодого парня (а мне тогда было 30 лет), и с ходу говорит: „Вы из Нижнего Новгорода? У вас есть какие-нибудь идеи, как нам обустроить Россию?“ Меня это удивило. Он несколько часов сидел и слушал нас, совсем молодых людей, неоперившихся, практически ничего не комментируя и только что-то записывая. И это не был аттракцион по внимательному прослушиванию разговоров начинающих политиков, это был заинтересованный, важный разговор».

Уже тогда Немцов понравился Ельцину своими красивыми речами, а Ельцин восхитил Немцова своим «смелым» поведением. Мол, что бы ни делал будущий президент России, все это «соответствовало запросам общества». И перечислил: падал с моста в реку, ездил в трамвае, ходил по районным поликлиникам. А именно этого, по мнению Бориса Ефимовича, в тот период и ждало общество от своего лидера. Герой, не похожий на импозантных и «скучных» партийных боссов советского периода!

О работе Немцова в качестве депутата, как и о его учебе в школе, известно немногое. Сам он описывал тогдашний российский парламент как сборище хулиганов. «Парламент представлял почти весь политический и общественный спектр того времени: огромная фракция классических коммунистов, чуть меньше – фракция коммунистов, которые за демократию, отдельная фракция – „Демократическая Россия“, еще какие-то националистические группы, – вспоминал он. – По каждому вопросу, по каждому законопроекту – бурные споры, скандалы, доходившие до мордобоя». Между делом 22 октября 1990 года был выполнен один из пунктов немцовской предвыборной программы. Первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов подписал постановление о переименовании города Горький в Нижний Новгород.

Глава 3
Перемен требовали сердца

Крах Нижегородского ОКЧП и звездный час Немцова

15 августа 1991 года молодежь всей страны отмечала годовщину со дня смерти певца Виктора Цоя. Слова одной из песен кумира «Перемен требуют наши сердца» на редкость точно отражали настроение населения страны, уставшего от серой и унылой совковой действительности. И перемены следовали одна за другой. Недавно избранный президент РСФСР Борис Ельцин подписал указ о департизации, согласно которому на заводах и в учреждениях ликвидировались парткомы и партячейки. В это же время в Нижнем Новгороде открылась Нижегородская товарно-фондовая биржа. Лексикон пополнился режущими слух буржуйскими терминами «брокер», «сделка», «торги», которые при советской власти после отмененного Сталиным НЭПа и представить было невозможно. Именно в историческом августе в карманах людей захрустели новые «полтинники» и 100-рублевые купюры образца 1991 года, главным отличием которых от привычных советских денег стало отсутствие профиля Ленина. А в свободную продажу только что поступили американские сигареты «Винстон» и «Мальборо». Как выглядят последние, большинство советских граждан знало только из комедии «Иван Васильевич меняет профессию», в которой вор Милославский пританцовывал в «царских палатах» под песню «Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь…» с пачкой «Мальборо» в руке. Летом 1991 года также впервые зазвучали слова «безработица» и «безработные». Одним словом, социализм продолжал рушиться, плавно и мирно, без боя, сдавая свои позиции капитализму. Хотя государство по-прежнему называлось Советским Союзом, а над административными зданиями все еще развевались красные флаги. Казалось, советская власть просто мирно исчезнет сама собой…

Однако в последний момент она, неожиданно для всех, все-таки дала тот самый «последний и решительный бой», о котором пелось в гимне КПСС.

Начиная с 4 часов утра 19 августа радио начало передавать сообщения о переходе власти в стране к так называемому Государственному комитету по чрезвычайному положению. Включив телевизор, люди неожиданно увидели там балет «Лебединое озеро», транслировавшийся на всех каналах. Что интересно, в ТВ-программе на понедельник 19 августа этот спектакль действительно должен был демонстрироваться, только

не весь день, а в 16:40 и только на первом…

Ну а на родине Немцова – в Нижнем Новгороде, – купив в киосках газету «Нижегородский рабочий», граждане увидели на первой полосе «Обращение к советскому народу», в котором в патетическом тоне говорилось: «Соотечественники! Граждане Советского Союза! В этот критический для судеб отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечить динамичное развитие страны и демократизацию общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик». В заключение народ призывали «осознать долг перед родиной и оказать всемерную поддержку ГКЧП». Реакция людей была самой разной, от страха и уныния до радости. Кое-кто потирал руки, надеясь, что игра в демократию наконец-то закончится и в страну вернется железный порядок…

Пока люди приходили в себя и слушали музыку Чайковского, в 11:00 в Нижегородский кремль начали одна за другой съезжаться черные «Волги» руководителей администрации, правоохранительных органов, КГБ и армейских подразделений. На закрытом совещании обсуждался вопрос о создании Областного комитета по чрезвычайному положению (ОКЧП) в составе 12 человек. Именно такое секретное указание получили областные власти из Москвы. Идею активно поддержали прокурор области В. И. Резинкин и командующий внутренними войсками генерал-майор Павлов. Однако председатель областного Совета (фактически глава региона) Александр Соколов, которому и предстояло возглавить новый орган, колебался. Опытный хозяйственник, начинавший карьеру при Брежневе, понимал, что пути назад не будет. Если поддержим ГКЧП, а он провалится, нас как минимум снимут, а может, и посадят. А если публично осудим «чрезвычайщиков», а победят они, тоже снимут и, скорее всего, посадят! В то же время многие присутствующие смело выступили против ГКЧП, а председатель горсовета Евгений Сабашников открыто заявил о нелегитимности как самого «комитета», так и его распоряжений. В подобном двусмысленном положении, которое всегда бывает во время путчей и переворотов, оказались тогда все руководители областей и крупных городов.

В итоге никаких радикальных решений попросту не приняли, решив выждать время. Ограничились лишь полумерами, войска, расположенные на территории Нижегородской области, были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Нетрудно догадаться, к чему именно они были «готовы». В то же время отряд милиции блокировал здание Нижегородского телецентра, а

газеты получили указание не выпускать в печать материалы без визы цензора. Но никто никого не арестовывал и никому не препятствовал.

В 15:00 того же дня началось совещание президиума горсовета с участием руководителей районов и депутатов. Большинство расценило происходящее в Москве как переворот. В обращении к населению народные избранники призвали нижегородцев сохранять спокойствие и выдержку. Спустя три часа на площади Минина состоялось открытое собрание депутатов местных Советов всех уровней, переросшее в митинг. Площадь пестрила лозунгами и транспарантами типа «Хунте нет! Демократии – да!». Под одобрительные крики толпы был зачитан указ президента РСФСР и Обращение к гражданам России, подписанное Борисом Ельциным и председателем Верховного Совета РСФСР Русланом Хасбулатовым. Тексты этих документов были переданы прямо из Белого дома в Москве по телефону. В какой-то степени события, происходившие в Нижнем Новгороде, напоминали московские, только в миниатюре. Сторонники хунты, вымолвив «А», боялись сказать «Б», а противники, воспользовавшись их нерешительностью, развернули активные действия с привлечением широких масс населения. В этом и было слабое место путчистов, они апеллировали к абстрактному «советскому народу», которого фактически уже не существовало, в то время как их оппоненты – к конкретным людям, почувствовавшим вкус свободы и не только не желавшим с ней расставаться, но и готовым встать на защиту недавно избранного президента.

В девятом часу вечера, вопреки цензуре, нижегородцы увидели программу Ленинградского телевидения, где в прямом эфире выступил мэр города Анатолий Собчак, охарактеризовавший происходящее как государственный переворот. Затем уже в выпуске программы «Время» неожиданно вышел в эфир сюжет, подготовленный корреспондентом Сергеем Медведевым об обстановке у Белого дома, в который попал и Ельцин, зачитывающий подписанный накануне Указ «О незаконности действий ГКЧП». На фоне этого показанная позднее пресс-конференция членов ГКЧП с трясущимися руками вице-президента СССР Янаева выглядела уже как жалкий спектакль.

Нижегородская газета «Ленинская смена», которую в народе в те времена ласково называли «Леночкой», в годы перестройки приобрела имидж самого либерального печатного издания региона. Очередной номер должен был выйти во вторник 20 августа. Молодой коллектив редакции во главе с И. Крыжковым подготовил нечто вроде экстренного выпуска с шапкой для

первой полосы: «Михаил Сергеевич, выздоравливайте побыстрее!» Ниже решили напечатать тексты указов Б. Н. Ельцина и материал о блокировании милицией Нижегородского телецентра. Однако директор издательства «Горьковская правда», в котором тогда печатались все местные газеты, В. Забурдяев отказался принимать номер в работу, ссылаясь на решение цензора. Тогда редакция «Леночки» ночью приняла беспрецедентное решение – в знак протеста выйти к читателям с чистой первой полосой. «Главное – дать понять людям, что произошло нечто такое, что одним махом перечеркивает все наши демократические начинания. Судя по реакции читателей, мы добились своего», – писала газета спустя неделю после этой рискованной акции. Событие получило большой резонанс, в том числе в столице. Часть протестных экземпляров «Ленинской смены» уже после провала путча попала в Москву, в том числе к министру культуры РСФСР Юрию Соломину. Известный артист написал на белом листе следующие слова: «Хотелось иметь на этом листе бумаги честные слова порядочных людей. В защиту демократии нашего народа. Мне стыдно за нас».

Тем временем ситуация быстро менялась. 21 августа местные газеты уже открыто осуждали хунту и публиковали репортажи из Москвы. В 10 часов утра в Нижнем Новгороде открылась внеочередная сессия городского Совета народных депутатов. Народные избранники проходили в здание через толпу митингующих. К тому моменту было уже понятно, что путч в Москве провалился, и депутаты в тот же день без особых разногласий приняли резолюцию о политическом положении, в которой единодушно осудили государственный переворот.

Неделя после 19 августа воистину перевернула мир. В понедельник, 26-го числа, нижегородцы проснулись уже в совсем другой стране. По приказу президента России милиция закрыла и опечатала здание обкома КПСС в кремле, всех райкомов, партийного архива и даже гаража на улице Семашко. Сотни партийных работников в одно мгновение остались без работы. В то же время парторганизации в учреждениях и на заводах одна за другой стали заявлять о самороспуске. То, что еще недавно казалось незыблемым, растворялось как туман.

Днем на площади Минина состоялся новый митинг под лозунгом «Демократия победила хунту». Присутствовавшие ликованием и овациями встретили весть о том, что президиум областного Совета во главе с Соколовым подал в отставку. Опьяненные победой нижегородцы призвали немедленно приступить к сносу всех памятников Ленину, переименованию улиц и площадей, а также разогнать воинские части и КГБ.

Вечером того же дня красные флаги, развевавшиеся над кремлем, были сняты. Власть коммунистов, длившаяся 74 года, окончательно пала, а судьба страны под названием СССР была окончательно предрешена.

32-летний Борис Немцов во время путча, разумеется, находился там, где и положено, оборонял здание Верховного Совета. И тем самым подтвердил поговорку «оказался в нужное время в нужном месте». Ельцин, разумеется, заметил высокого коллегу, выступавшего с речами перед народом и призывавшего стоять до последнего за свободу, что и сыграло ключевую и поворотную роль в жизни Бориса Ефимовича. Ему, можно сказать, выпал шанс один на миллион, и он им воспользовался на всю катушку. После того как за поддержку ГКЧП в Нижнем Новгороде было снято в полном составе областное руководство, в регионе фактически возникло безвластие. А когда у Ельцина возник вопрос, кого туда посадить, он, разумеется, вспомнил про депутата Немцова. Во-первых, тот только что стоял с ним на баррикадах, во-вторых, президент просто больше никого из «горьковских» лично не знал. И уже 27 августа Борис Ефимович стал его полномочным представителем в регионе. «Он был настоящим партсекретарем, – вспоминал он об этом событии. – Особо не разбирался в ситуации в Нижегородской области, просто сказал: „Ты – парень молодой, по всей видимости, ни черта не понимаешь в управлении. Поэтому – вот тебе испытательный срок. Я тебя давно знаю, ты меня никогда не подводил и, думаю, сумеешь справиться. А может, не сумеешь. Не справишься – сниму тебя через пару месяцев“».

Так, благодаря неудавшемуся путчу, Горьковская область (формально она была переименована в Нижегородскую только в 1994 году) совсем неожиданно получила нового начальника. На смену солидным партократам (сейчас это модное в конце 80-х слово уже позабыли), десятилетиями выслуживавшим подобные должности в медленно ползущих советских социальных лифтах, пришел молодой парень с кудрявыми волосами. Напоминавший своим видом хиппи, которых еще лет семь назад высмеивали в газетах, как примеры «недовоспитанной» молодежи! Такого советская власть не могла представить даже в кошмарных снах. Физик с замашками плейбоя, самостийный борец против атомной станции, «сопляк», не имевший ни малейшего опыта управленческой работы (даже пионерское звено в школе не возглавлял), занял кабинет председателя облисполкома. А потом и вовсе переехал в расположенный напротив бывший обком КПСС! Прямо как Александр Керенский, поселившийся летом 1917 года в святая святых – Зимнем дворце.

Шапка или бутылка?

В последнее время стало очень модно вспоминать положительные стороны советской власти и задаваться риторическими вопросами, можно ли было сохранить Советский Союз и кто, собственно, «развалил» великую державу. А вот в конце 1991 года на сей счет мало кто по-настоящему переживал. Более того, хотя формально СССР прекратил свое существование 26 декабря 1991 года, когда Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования Союза и официальном роспуске его институтов власти, задолго до этой даты о нем уже стали говорить в прошедшем времени. «Степень суверенизации той или иной республики бывшего Союза не есть показатель стабильности, – писал журналист „Ленинской смены“ Владимир Кочетков. – Напротив, нарастающее самоутверждение наций зачастую становится той силой, которая заставляет сниматься людей с обжитых мест. И потому слово „беженец“ уже перестало всех шокировать». Действительно, беженцы, разваливающийся общественный транспорт, рост преступности волновали народ куда больше, чем судьба Советского Союза. Даже самое элементарное – достать водки – стало настоящей проблемой для обозленного и уставшего от дефицита и очередей народа.

«Хочется шампанского» – так называлась характерная статья Юрия Яндаева в той же «Ленинской смене». Дело в том, что работа завода шампанских вин практически прекратилась. То бутылок не было, то линия сломалась… «Сегодня никто не знает, и поставщики наши в том числе, как будем жить завтра, – жаловался Яндаеву директор предприятия. – Все предварительно дают согласие на поставки на словах. Но как дело доходит до подписания договоров… Увы». Оно и понятно: все ждали перемен и обещанной «либерализации цен», а торговать по старым, да еще по талонам, уже никто не хотел. О нравах того времени красноречиво свидетельствуют и криминальные сводки за декабрь 91-го. «Ленинский район: два любителя выпить, разбив оконное стекло, проникли в медпункт СПТУ № 6 и похитили 0,5 литра спирта, но были задержаны милицией… Московский район: около 10 часов утра на улице Куйбышева был ограблен инвалид Г., преступник отобрал у него бутылку красного вина. В 12 часов по приметам налетчик был задержан сотрудниками милиции… Автозаводский район: в автобусе № 40 двое грабителей напали на работника ПО „ГАЗ“ С. и, нанеся ему побои, отняли сумку, в которой находилось две бутылки водки» – и т. п. «Жутко было

видеть плачущего пожилого мужчину. Почти старика, – рассказывала статья „Винный рэкет“ в „Нижегородском рабочем“. – У него среди белого дня на глазах у десятков жителей Молитовки, стоящих в многолюдной очереди за спиртным, отняли бутылку водки. Человек плакал от обиды и бессилия». Подобные драмы в те дни можно было наблюдать во многих продуктовых магазинах. Едва в эти «пункты массового притяжения» завозили водку, как откуда ни возьмись появлялись группы спортивно сложенных молодых людей, которые грубо оттесняли первые ряды очереди и брали вожделенный напиток целыми ящиками. Другие сновали среди утомленных очередников и настойчиво предлагали: «Давай деньги! Возьму без очереди». Правда, соблазнившиеся на эту «помощь» мужики чаще всего не получали потом ни водки, ни денег. Бывали и более вопиющие случаи. Впрочем, даже тех, кто, не щадя сил и не жалея времени, все-таки «достоял», порой ждал «облом». «Однажды, когда дождавшийся своего часа очередник уже протягивал деньги в заветное окошко магазина № 5 (остановка „Школьная“), те же спортивного вида налетчики стянули с его головы шапку, – рассказывали журналисты. – Потом дождались, пока покупатель отоварит талоны, и потребовали за его же головной убор выкуп – бутылку. Когда тот отказался, забросили ушанку на крышу магазина». И такие сцены в продмагах были в порядке вещей.

Надо отметить, что упомянутый мужик, не сломившийся перед вымогателями, сильно рисковал. Ведь лишиться шапки в те времена было настоящей катастрофой! Купить головной убор в магазинах в 1991 году стало практически нереально, а никаких барахолок тогда еще не было. В Нижнем Новгороде единственной точкой, где трудящиеся могли приодеться, был промтоварный рынок возле станции Костариха. На эту «толкучку» по выходным дням устремлялись толпы народа со всех концов города. Заплатив рубль за вход, граждане попадали в царство лиц цыганской национальности, бойко торговавших пуховиками, сапогами, свитерами и прочим шмотьем. И хотя страна еще формально оставалась советской, цены на «толкучке» были уже вполне себе рыночными. «Если вы приедете на промтоварный рынок, чтобы купить шапку не как у почтальона Печкина из мультфильма, а приличную, то в своем портмоне надо иметь не менее полутора-двух тысяч. Мужские сапоги стоят 900-1000 рублей, брюки-варенки – 700, куртка – полторы, шапка – две тысячи, свитер – 900 рублей. Итого… Раньше на такие деньги можно было купить новый „Запорожец“ или подержанные „Жигули“», – отмечала пресса.

8 декабря 1991 года СМИ объявили о том, что главы трех

республик – учредителей СССР, Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич, подписали Соглашение, в котором заявили о прекращении деятельности СССР и создании Содружества Независимых Государств. Большинство граждан восприняло эту новость с полным равнодушием, о чем свидетельствовали социологические опросы тех дней. Только некоторые были шокированы и встревожены, а другие, напротив, преисполнены оптимизма. «Знаете, я доволен, – заявил репортерам краевед В. Котов. – Какая-то определенность возникла, забрезжил наконец-то свет в конце тоннеля». «Я почти полсотни лет в партии, а ее расформировали, – сокрушался пенсионер К. Котельников. – Не пойму, что к чему. Что происходит?» «Грустно… Не пойму, потеряли мы или приобрели от всего этого, – констатировала анонимная учительница. – В какой же стране мы живем, кто бы сказал…» «Как жили, так и будем жить, – прагматично ответил токарь К. Соловьев. – На наше поколение, по крайней мере, лучшей жизни не хватит». «Сегодня мы стоим на развалинах чудовища, которое сами сотворили за 70 с лишним лет, и оторопь берет: что же наделали, как все раскурочили и оплевали! – писала журналистка Т. Санина. – Сегодняшний день не радует. Будущее не ясно. Но разве все так безнадежно? Разве не стали мы другими, если уже почувствовали, как освобождаемся от пещерного страха, если позволяем себе произносить вслух то, о чем раньше лишь перешептывались по кухням?» И действительно, стали! Ведь именно в декабре 91-го в упомянутой «Ленинской смене» к 50-летию битвы за Москву вместо традиционных рассказов о подвигах панфиловцев вышла статья «Разгром советских войск под Москвой». Даже Великая Отечественная война – одна из главных канонических страниц советской истории – отныне перестала быть святая святых.

Местные власти решили идти в ногу со временем. Они не только не протестовали против упразднения Союза, но и пытались воспользоваться ситуацией для упрочения собственных позиций. Так, 12 декабря Нижегородский горсовет народных депутатов предложил сделать Нижний Новгород фактически столицей нового СНГ! (Правда, само слово «столица» из-за неприятных ассоциаций с Советским Союзом тогда было не в моде, его заменило более обтекаемое словосочетание – «организационный центр».) «Поддерживая создание Содружества Независимых Государств, проявляя заинтересованность в сохранении мира и стабильности на всей территории бывшего Союза, желая внести вклад в создание благоприятных условий для возможного участия в Содружестве Независимых Государств и других бывших союзных республик, городской Совет народных

депутатов решил: предложить Верховному Совету РСФСР рассмотреть возможность размещения организационного центра Содружества в Нижнем Новгороде», – говорилось в документе. Однако никакого «оргцентра» в итоге так и не создали, а посему идея нижегородцев оказалась невостребованной.

Стоит отметить, что массовая ностальгия по бывшему СССР возникла лишь в начале 2000-х годов, когда жизнь в стране более-менее наладилась и большая часть населения уже не испытывала трудностей, связанных с покупкой еды и одежды. Наевшись и приодевшись, народ вдруг вспомнил, «как хорошо было в Советском Союзе». А вот в тот период, когда еще было что «спасать», судьба страны никого особо не волновала. Гораздо больше трудящиеся беспокоились, как бы достать водки и не лишиться при этом шапки.

Воцарение «камикадзе»

На фоне всех этих событий Борис Немцов наконец получил официальный статус, 30 ноября президент Ельцин подписал указ о назначении его на должность главы администрации Нижегородской области. «Горячо поздравляем нашего губернатора и его ближайшего помощника – Ивана Склярова, который стал вице-губернатором. Новоиспеченных отцов области в народе уже „окрестили“ камикадзе. Тем не менее – удачи вам!» – писала «Ленинская смена» 1 декабря. При этом у 32-летнего ставленника был полный президентский карт-бланш: бери в команду кого хочешь – и вперед, к светлому демократическому будущему! Чем Немцов и воспользовался. Одним из первых указов на новой должности он окончательно добил атомную котельную – ГАСТ, с борьбы против которой, собственно, и начинал свою общественную деятельность. Здание станции передавалось в областную собственность с целью перепрофилирования в газовую котельную. Впрочем, в данном случае Немцов, позднее многократно приписывавший «победу» лично себе, фактически пинал мертвую собаку. Еще в ноябре Министерство атомной энергетики СССР издало приказ о ликвидации дирекции строящейся ГАСТ и фактическом прекращении всех работ на объекте. В условиях экономической разрухи у ведомства попросту не было денег на достройку станции, а в рыночные времена бредовый проект ядерных котельных оказался не востребован. Не вспомнил про него даже апологет мирного атома Сергей Кириенко в бытность главой Росатома.

Кстати, народ тогда и впрямь ждал от Немцова чудес. Вскоре после его назначения появились слухи, что он собирается продать за границу атомную подлодку, строящуюся «на одном из волжских заводов» («Красное Сормово» еще не успели официально рассекретить), за 5 миллиардов долларов. «Это сообщение взбудоражило Нижний, – писал журналист Владимир Кочетков. – Еще бы: перспектива получения нескольких миллиардов в СКВ позволила бы превратить область в один отдельно взятый оазис посреди пустыни». В то время была идея обогатить страну продажей военной техники, которая потом получила воплощение в Нижегородской ярмарке. Однако новость оказалась «дезой», или, как сейчас говорят, «фейком». Во-первых, субмарина не являлась собственностью области, во-вторых, стоила гораздо дешевле. «Но не будем унывать, ведь в „одном из волжских городов“, помимо лодок, есть еще много чего», –

успокаивал Кочетков.

Кстати, духом суверенизации в то время были охвачены многие регионы. Еще вчера считавшиеся лишь частями огромной и как бы дружной советской семьи, теперь каждая республика и область мнили себя автономными государствами. И хотели самостоятельно распоряжаться своими «богатствами». Вот Мордовия, например, десятки лет поставляла в соседние регионы лампочки для светофоров. Однако в 1991 году «суверенное» руководство республики и ее предприятия решили данный товар попридержать для других целей. Если раньше Горьковская область получала 90 тысяч лампочек ежегодно, то за этот год всего 16 тысяч. Как итог – к началу 1992 года из 350 светофоров в Нижнем Новгороде 50 вышли из строя полностью, еще столько же частично. То есть красный свет горел, а зеленый нет и наоборот! «Наступившую суверенность республик нижегородцам придется оценивать не только по пустым прилавкам, но и по резкому росту дорожно-транспортной аварийности, обусловленному отсутствием светофорного регулирования дорожного движения, – писала газета „Нижегородские новости“. – Сотрудникам ГАИ в поисках выхода из такого положения, пожалуй, придется за нарушение правил дорожного движения с пешеходов и водителей взимать электролампочки». В итоге вопрос поставки лампочек пришлось лично решать губернатору Немцову!

Вторым мероприятием Немцова стало назначение угодного ему мэра Нижнего Новгорода, фактически превратившееся в небольшой переворот местного масштаба.

Когда в начале декабря в недавно избранном Горсовете народных депутатов услышали фамилию Бедняков, почти у всех возник резонный вопрос: «А кто это?!» Лишь немногие слышали, что это некий бывший милиционер, полковник, преподаватель высшей школы МВД (готовившей специалистов зловещей для торгашей и спекулянтов ОБХСС), а в последнее время член какого-то экономического совета при Верховном Совете. Но с чего бы ему быть мэром?! В советские времена, чтобы дослужиться до председателя горисполкома или первого секретаря горкома, люди сначала проявляли себя на производстве или партийной работе, потом вкалывали в райсоветах и райкомах, затем немногие из них поднимались до замов – с надеждой при удачном стечении обстоятельств возглавить город. А тут вот так – раз, и вылез! Сам Дмитрий Иванович честно говорил журналистам, что лучше всего разбирается в технологиях реализации (и разбавления) бензина, изготовления сыра, знает, что такое базисная жирность молока, как списывают овощи и делают на этом миллионы. Все это он знал, потому что расследовал такие уголовные дела! Но эти ли

качества требовались в то кризисное время главе администрации? Вряд ли. Зато Бедняков имел важный козырь: он был другом Немцова. С коим познакомился… в курилке здания Верховного Совета РСФСР! Закурили, разговорились и подружились.

12 декабря кандидатура Беднякова рассматривалась на заседании Горсовета. При этом из 199 народных избранников на заседание явились только 159, но для кворума этого оказалось достаточно. Немцов лично выступил с речью и настоятельно рекомендовал утвердить Дмитрия Ивановича.

Главным аргументом губернатора было «опасение за судьбу Нижнего». «Я не хотел бы просыпаться в холодном поту и со страхом думать, что у меня там с городом, – заявил Борис Ефимович. – Станет мэром Бедняков – при полном взаимопонимании можно будет изменить к лучшему жизнь города и области». И никто, кроме Беднякова, по его мнению, не мог обеспечить губернатору приятных сновидений. Однако на депутатский корпус все это не произвело никакого впечатления. «Мы вас не знаем! Кто вы такой вообще?» – доносилось из зала. В итоге за Беднякова отдали голоса всего 63 депутата, 93 высказались против, а трое воздержались. После этого сконфуженный Дмитрий Иванович покинул зал, а собравшиеся решили утвердить своего мэра – заместителя председателя горсовета Евгения Сабашникова.

40-летний депутат был из одного поколения с Бедняковым, более того, его коллегой по Высшей школе МВД СССР, где работал преподавателем общественных наук. В то время он входил в руководство Российского движения демократических реформ (Попова-Собчака), руководил его Нижегородским региональным отделением. В общем, типичный демократ первой волны. Правда, в отличие от Беднякова, он был избранным депутатом и политиком, успевшим завоевать у коллег авторитет и доверие. Это подтвердило голосование: ПО человек высказались за Сабашникова, 42 проголосовали против. В тот же день отправили телеграмму президенту Ельцину: «В связи с несогласованием Городским советом кандидатуры Д. И. Беднякова просим Вас назначить на пост главы администрации г. Нижнего Новгорода заместителя председателя Горсовета народных депутатов Евгения Викторовича Сабашникова».

Депутаты не учли, что у последнего был серьезный «недостаток»: он не являлся другом Немцова и не ходил с ним по одним курилкам. Именно это обстоятельство и не позволило Сабашникову стать первым постсоветским мэром Нижнего Новгорода. Скорее всего, Борис Ефимович, имевший прямой выход на Ельцина, позвонил тому еще до того, как горсовет

оформил свою телеграмму, и представил произошедшее в выгодном для себя свете. Мол, депутаты утратили чувство реальности, устроили цирк, да и вообще все это очередной заговор против демократии! «Мне кажется, у депутатов случилось некое затмение: большинство из них просто зациклилось на своем уязвленном самолюбии, – прокомментировал отклонение своей кандидатуры сам Бедняков. – Сейчас все заражены духом суверенизации, каждый мнит себя верхом совершенства… Кроме того, депутаты не понимают простой вещи: три месяца назад ситуация была одна, а теперь она совершенно другая. Тогда еще существовала возможность выборов главы городской администрации, сегодня речь может идти только о назначении». В итоге так оно и вышло. 26 декабря Бедняков попросту издал постановление о вступлении в должность самого себя! И у него имелись на то все основания. Дело в том, что за два дня до этого президент, вероятно под влиянием Немцова, подписал указ о назначении глав администраций в областных центрах РСФСР, в том числе в Нижнем Новгороде. В результате оппозиция в лице Горсовета была полностью разгромлена. Бедняков стал правопреемником его исполкома, почти все работники получили уведомления о «высвобождении» с 3 января 1992 года.

Собственно, примерно в таком духе Немцов, не по профессиональным признакам, а в силу личных симпатий и лояльности, подбирал всю свою команду. Неофициальным советником молодого губернатора по экономике и политическим вопросам стал скандально известный бизнесмен Андрей Климентьев. Как утверждает последний, с Немцовым они познакомились летом 1989 года в «Ждановце» – загородном лагере отдыха Горьковского политехнического института, расположенном на восточном берегу Горьковского водохранилища. «И я и Немцов поехали туда девок кадрить, так вот и познакомились, – вспоминает Андрей Анатольевич. – А потом сдружились на почве антикоммунизма. Немцов ненавидел советский строй, и я ненавидел советский строй. А с женским полом у него проблемы были с детства, он всегда переживал, что девушкам не нравится. Со мной советовался по этой теме».

Андрей Климентьев был на пять лет старше Немцова, он вырос в Горьком в семье партийно-хозяйственного функционера, занимавшегося снабжением колхозов и совхозов области сельскохозяйственной техникой. После окончания школы он поступил на Автомобильный факультет Горьковского политехнического института, но на пятом курсе бросил учебу. Про таких, как Климентьев, в те годы говорили – «золотая молодежь». Дети больших начальников, с юных лет не знавшие

трудностей и материальных проблем, жившие красивой жизнью. И если в Москве к тому времени такой молодежи стало уже довольно много, то в провинции юноши, разъезжавшие по центру города на собственной «Волге» и снимавшие девок, а потом устраивавшие шумные гулянки в ресторанах и игравшие в азартные игры, во время которых проигрывались десятки тысяч рублей, быстро привлекли внимание партийных органов. После того как в 1982 году трагически погиб Климентьев-старший (утонул в машине во время поездки в область), все трое его сыновей были арестованы и показательно осуждены. В тот период, когда советская мораль быстро разлагалась, власть реагировала на эти факты особенно остро. Андрей был обвинен в распространении порнографии (якобы устроил коллективный просмотр фильма «Эммануэль») и «попытке мошенничества в особо крупных размерах» (играл в покер) и приговорен к восьми годам тюрьмы. Именно эти липовые «преступления» позднее позволили утверждать, что «криминал рвется во власть».

Вышел из тюрьмы Климентьев в 1989 году и оказался в совсем другой стране, где порножурналы продавались на «толчках» вместе с сувенирными машинками, а певец Вячеслав Добрынин уже сочинял свою песню «Казино». Андрей Анатольевич конечно же не стал отставать от времени и тотчас организовал собственный бизнес. Ну а когда Немцов стал губернатором, он, как старший товарищ и знаток рыночной экономики, был его неофициальным советником, который оказывал большое влияние на многие принимаемые решения. Бизнесмен, не занимавший никаких официальных постов в администрации, ходил в здание бывшего обкома, как к себе на работу. «Немцов самостоятельно не мог принять ни одно решение, – утверждает Климентьев. – Все тогда решалось коллегиально, либо у Немцова на даче, либо прямо в его кабинете. Сели, обсудили и решили. Многие решения принимал я лично, а потом они оформлялись постановлениями губернатора. Я был в курсе всех тем и вопросов». Конечно же не стоит думать, что областью в первые годы правил Климентьев. У Немцова сформировался некий ближний круг, «семья». Периодически в нее вливались новые люди, а старые, наоборот, впадали в опалу. В поддержке «семьи» Борис Ефимович очень нуждался. Не только в силу молодого возраста и неопытности, но и определенных психологических особенностей, подробнее о которых будет рассказано ниже.

Ничего удивительного во всем этом не было. В периоды распада государства и кризисов у власти всегда оказывались случайные люди и авантюристы, которых волна перемен как бы

сама забрасывала на борт тонущей страны. Во время Смуты были Лжедмитрий II, Семибоярщина и Василий Шуйский, в эпоху дворцовых переворотов – Меньшиков, Остерман и Ко, в 1917 году – Керенский, в 1953-м – Лаврентий Берия. Не был исключением и период распада СССР. Так или иначе Немцов возглавил область в самый сложный период, предстояли глубокий экономический и промышленный спад, «шоковая терапия», «криминальный беспредел», окончательное крушение прежних ценностей и т. д. Страна вступала в новую эпоху.

Глава 4
Немцовская губерния

«Плюс спекулятизация всей страны»

В январе 1992 года советские граждане, только что превратившиеся в россиян, впервые после долгих лет советской власти узнали, что такое рыночная экономика. Если выразиться точнее – рыночные цены. Люди, привыкшие к тому, что стоимость большинства товаров от копеечного коробка спичек до пятнадцатитысячной «Волги» не меняется годами. Поэтому «новогодний сюрприз» от правительства Гайдара многим показался кошмарным сном. К примеру, возле рожка из белой муки, долгие годы стоившего пять копеек, появился устрашающий ценник – 90 копеек. Сметана, долгие годы продававшаяся по 37 копеек, «взлетела» сразу до 60 рублей! В среднем же цены в магазинах выросли в 20–30 раз. Либерализация цен являлась первым пунктом программы неотложных экономических реформ, одобренной Съездом народных депутатов РСФСР в октябре 1991 года. За нее тогда проголосовало 878 народных избранников из 894. Об этом, кстати, забывают многие критики последующих реформ, приписывая ответственность за них исключительно «не легшему на рельсы» президенту Борису Ельцину и премьер-министру Егору Гайдару.

Со 2 января 1992 года 90% розничных и 80% оптовых цен были освобождены от государственного регулирования. При этом контроль за уровнем цен на ряд социально значимых товаров и услуг (хлеб, молоко, общественный транспорт, услуги ЖКХ) был временно оставлен за государством. Наценки на такие товары были лимитированы. Помимо либерализации цен, в это же время начались и другие реформы, в частности либерализация зарплат, введение свободы розничной торговли и др.

Впрочем, в первое время покупатели не заметили в магазинах обещанного изобилия. В связи с чем у части народа даже возникла паника, мол, цены вырастут, а дефицит останется! Словом, было плохо, а будет еще хуже. Голод грядет! «После второго января нас ждет совсем другая жизнь. Так в один голос говорили политики, экономисты, бизнесмены, мол, отпустим цены на свободу и в магазины будем ходить как в музей, где будет недоступное большинству изобилие, поэтому исчезнут очереди, – писал журналист О. Васильев. – Стены, завешанные лоснящимися от жира копчеными колбасами, витрины, ломящиеся от разнообразия сыров, прилавки, заваленные рыбными тушками всевозможных размеров и форм, в общем – молочные реки и кисельные берега рисовало голодное

воображение… Увы, экскурсия по нижегородским магазинам разочаровала. Очередей действительно не стало, но совсем по другой причине. Прилавки и витрины поразили девственной пустотой… В торговых залах царило запустение. Правда, ценники заменили на новые, по крайней мере, стоимость товара, который ожидается продавать за тем или иным прилавком, узнать можно. Как написал бы Михаил Жванецкий времен свободных цен: вчера не было по три рубля, а сегодня по пять».

«Поэтому трудно удержаться от вывода, что нынешняя „либерализация“ сродни павловскому апрельскому повышению цен, – пессимистически констатировал журналист Михаил Левин в статье „Плюс спекулятизация всей страны“. – Даже по своей методе они схожи, ибо страдают опять-таки простые потребители, т. е. мы с вами… Из ничего ничего не появится. Безудержная государственная гонка цен никогда не заменит конкуренции – а конкурировать сейчас некому и не с кем. А если что и маячит впереди, то это гиперинфляция и (давайте скажем честно) товарный голод».

А в некоторых магазинах даже как бы по инерции продолжалась торговля по талонам. Дело в том, что рыночные цены с Нового года ввели, однако как такового приказа об отмене карточек никто не издавал. Соответственно, на местах власти поступали по своему усмотрению. Благо все магазины пока оставались государственными, их заведующие подчинялись пищеторгам, а те горисполкомам. «А вот официальный список товаров, которые мы можем приобрести в январе по талонам: крупа из наличия – 500 г, макаронные изделия – 325 г, маргарин – 250 г, винно-водочные изделия, коньяк, шампанское – 2 бутылки, соль нулевого помола – 1 кг на квартал, синтетические моющие средства (включая пастообразные) – 500 г на квартал, мыло хозяйственное – 1 кусок на квартал, мыло туалетное – 500 г на квартал, – сообщали СМИ 4 января. – Срок действия талонов на сахар за ноябрь 1991 г. продлен до 1 февраля».

В этих условиях 9 января 1992 года в Нижний Новгород прибыл президент Борис Ельцин. Целью его поездки по городам Поволжья было на месте оценить ход реформ и поддержать население в эпоху трудных испытаний. Визит был полон сюрпризов и импровизаций. Так, еще утром президент уклонился от намеченного маршрута и неожиданно появился в гастрономе на площади Горького (впоследствии получил известность как «климентьевский» магазин «Европа»). Там он с изумлением увидел на прилавке масло крестьянское по 207 рублей за килограмм. Губернатор Немцов, сопровождавший главу государства, впоследствии вспоминал:

«Прилетев, Ельцин высказал пожелание: „Хочу в гастроном“. – Я: „Пожалуйста. Прямо сейчас?“ – „Да, и в какой – выберу сам“. У него, чтобы ты знал, такая фишка была: мол, вы мне тут специально потемкинскую деревню устраиваете, а я не позволю пускать пыль в глаза… Едем, короче, по Нижнему, и вдруг около одного из гастрономов он скомандовал остановиться – ткнул пальцем: „Вот этот“. Заходим, а там бабушки – набросились на него, естественно, с кулаками…

– …и палками…

– …„Что ты, – кричат, – натворил?!“ Ельцин подошел к прилавку, увидел там напуганных продавцов, для которых появление президента было полнейшей неожиданностью».

Борис Николаевич тут же обратился к Немцову с вопросом: «А кто торгует маслом по таким ценам?» Заместитель губернатора Иван Скляров тут же сообщил, что «спекулянтом» являлось объединение «Горькиймолокопром» и его дочернее предприятие «Молокоторг». Тогда Ельцин потребовал в суточный срок ликвидировать указанную контору, а цены опустить. Немцов выполнил указание главы государства в тот же вечер! Вот как быстро и легко решались вопросы на заре капитализма. Попутно в очереди за молоком президент встретил бывшего народного депутата СССР ректора Нижегородского университета Александра Хохлова. Тот, пользуясь случаем, пожаловался главе государства на социальную незащищенность людей и низкие зарплаты. Ельцин пообещал разобраться. После чего кортеж тронулся дальше.

Еще прошлым вечером было сообщено, что президент посетит универсам «Нижегородский». Последний был одним из первых подобных магазинов в СССР, строившийся по итальянскому проекту в рамках реформы советской торговли. А в 80-х годах стал местным символом дефицита с гигантскими очередями, петлявшими вокруг полупустых прилавков, «хвост» которых нередко выходил на улицу. К указанной торговой точке еще с раннего утра стали подтягиваться жители и журналисты, желавшие лично пообщаться с Ельциным. «В день визита президента на работы вышли продавцы и кассиры, которые в этот день по графику могли отдыхать. Продавцов много, торговля шла бойко, молоко распродавали почти без очередей. По залу сновали телевизионщики и газетные репортеры, журналист Би-би-си Тим Хьюэлл брал свои первые интервью, – писали „Нижегородские новости“. – Наступило время напряженного ожидания. Несколько

раз кто-то истошно вопил с крыльца: „Едет!“, но в очередной раз ошибался. Вдруг в толпе, стоящей на крыльце, делают коридор. По бокам – оцепление милиции. Испуганная бабушка с авоськой шарахается в сторону и к ближайшему милиционеру: „Милок, а в магазин-то можно зайти?“ – „Давай, бабка, быстрей!“».

Вскоре со стороны еще не переименованной в Варварскую улицы Фигнер появился кортеж. Президентский ЗИЛ-41047 с российским флагом чуть притормозил, а потом вдруг резко рванул вперед. Оказалось, что Ельцин, увидев ожидавшую его толпу, не захотел участвовать в спланированном представлении и приказал сопровождавшим его лицам ехать на другую торговую точку, где его не ждали. В итоге через пять минут его лимузин внезапно затормозил у входа на Мытный рынок, расположенный посреди старого квартала неподалеку от кремля и резиденции Немцова. Минуя изумленных посетителей, Борис Николаевич решительной походкой отправился прямиком к торговым рядам. Осмотрев небогатый, но дорогостоящий ассортимент продуктов, президент приобрел за 10 рублей яблоко крупного размера. Кстати, после отъезда главы государства какой-то человек с кавказской внешностью тут же купил президентский червонец за 100 рублей в качестве сувенира со словами: «Его сам прэзидэнт в руках дэржал, панимаэшь!»

Не обошлось и без «челобитных царю». Плачущая пожилая женщина сумела проскользнуть мимо охраны, возглавляемой известным Александром Коржаковым, и подсунуть Ельцину какое-то письмо. На выходе с рынка президент изрядно зачерпнул ботинком воды из грязной лужи, после чего отправился, на сей раз по плану, на Горьковский автозавод. Пресса так описывала происходящее: «Короткое выступление перед людьми у главной проходной. Далее – сборочный цех № 3 производства грузовых автомобилей. Лавирование среди не останавливающихся конвейерных лент, выступление с приступочки – и дальше. Короткая остановка под одним из „застойных“ экономических лозунгов и реплика президента: „Вы бы лучше повесили другой лозунг – „Добьемся средней заработной платы 1258 рублей“». Побеседовав с руководством завода и конструкторами, жаловавшимися на трудное финансовое положение, Ельцин разрешил им продать за рубеж 300 бронетранспортеров, минуя Министерство обороны. Губернатор Немцов, которому президент безоговорочно доверял, получил по итогам визита широкие полномочия и карт-бланш на проведение радикальных реформ, включая скорейшую приватизацию и прямые закупки товаров из-за границы. Кроме того, региону выделили 500 миллионов в качестве финансовой помощи.

Буржуазного джинна выпустили из бутылки, оставалось только подождать. Вскоре нашлись предприимчивые граждане, быстро наладившие перепродажу товаров нерасторопных производителей и поставки из-за рубежа. Уже к весне обещанное правительством изобилие начало обретать реальные черты. Дефицит как явление природы навсегда канул в прошлое. Впрочем, январский шок 1992 года был только началом нелегких испытаний и приключений. Впереди еще были гиперинфляция, обесценивание вкладов на сберкнижках, задержки зарплат и пенсий, разгул криминала…

«Учили сексу, а обернулось разбоем»

«Учили сексу, – писал в газету разгневанный рабочий. – Я давно писал, что это приведет к хаосу. А обернулось еще худшим – разбоем, насилием. Люди стали недовольны друг другом. Люди перестали улыбаться, не хотят видеть соседку в автобусе, на улице и т. д.» К весне 1992 года народ постепенно стал понимать, что ликвидация СССР, появление рыночной экономики и возрождение капитализма отнюдь не привели к улучшению жизни. Наоборот, те, кто в последние пять лет советской власти обеднел, стали беднеть еще быстрее. Рушились тщательно выстроенные карьеры, планы и мечты. Рушились остатки привычной реальности. Хорошо помню печальную ситуацию, в которую попал один из моих одноклассников Алексей Р. Его отец всю жизнь мечтал о машине и копил на нее деньги. Семья Р. жила скромно, фактически в подвале дореволюционного дома, так что, сидя на диване, можно было видеть сапоги идущих по тротуару прохожих. Детей не баловали, себе во всем отказывали. Бабушки и дедушки, как водится, тоже жарили покупные пельмени только на маргарине, а все героически сэкономленное клали в Сбербанк. При этом машину семья Р. хотела не простую, вроде «ИЖ-Комби» или «жигулей», а «Волгу» ГАЗ-24-10. Таковые продавались населению, но в небольших количествах и только не черного, как у начальников, цвета. Конечно, по качеству это была уже не та «двадцать четверка», что блистала в 70-х годах, но благодаря отсутствию доступа к иномаркам по-прежнему ценилась высоко. «Семья у нас большая, на дачу надо ездить, поэтому места надо много» – так объяснял намерения отца сам Алексей. В итоге после многолетнего томительного ожидания в очереди и бесконечных снов о том, как они будут на зависть всем разъезжать на «Волге», в конце 1991 года семья Р. наконец накопила на сберкнижке нужную сумму (что-то около 15 тысяч рублей). Да и очередь (в которую, разумеется, попали не без блата, а с помощью бабушки – ветерана МВД) как раз подошла!

Однако в последний момент произошли какие-то проволочки (то машин на складе нет, то документы не успели оформить). В итоге начался 1992 год, очереди были отменены, а «Волги», о которых мечтало не одно поколение советских людей, наконец поступили в свободную продажу. Правда, уже по рыночным ценам! Которые сразу взлетели чуть ли не до 300, а к лету уже до 900 тысяч рублей! Так что мечта семьи Р. о машине, как и тысяч других «очередников», рассеялась, как утренний туман. А вот те, кто еще успел урвать «Волгу» или «жигули» по госцене, теперь

могли сказочно озолотиться, продав их чуть ли не в 20 раз дороже.

Тем временем в стране наконец началась обещанная приватизация. Первым шагом стала продажа наиболее убыточных продуктовых магазинов в частные руки. Правда, данная мера дала неожиданный эффект. Вместо того чтобы расширять ассортимент продуктов, новоявленные коммерсанты стали превращать вчерашние булочные и продмаги в маленькие универсамы. То есть рядом с колбасой и сахаром расставляли шампуни, косметику, магнитофоны и развешивали модные в то время джинсы-варенки. Кроме всего прочего, выяснилось, что советская система, когда торговые точки равномерно распределялись по микрорайонам без учета реального спроса, уже не отвечала потребностям рынка. Ну а поскольку у бизнесменов еще не было средств на постройку новых капитальных магазинов, был найден простой и дешевый выход – коммерческие киоски. В простонародье «комки». Уличная торговля была официально разрешена указом президента Ельцина.

Одна за другой на центральных улицах и площадях, возле вокзалов и рынков, на автобусных остановках и просто свободных местах стали появляться разнотипные деревянные и металлические будки, торгующие самым разнообразным товаром. Культура торговли, за которую десятилетиями билась советская власть, была сметена одним ударом. В Нижнем Новгороде первые «комки» появились в начале 1992 года на Московском вокзале, затем, вопреки протестам части общественности, их начали ставить во всех районах. И действительно, к чему все эти советские универсамы, универмаги, гастрономы, галантереи и т. п. Нашел подходящее проходное место, поставил киоск и торгуй себе. Плохо пошла колбаса, не беда, завтра перейдем на джинсы. Джинса не пошла – водку выставим! Вот он, настоящий рынок!

Стоит отметить, что, несмотря на введение свободных цен, губернатор Немцов все же решил на какое-то время сохранить и «советские пережитки», то есть талоны. В частности, область централизованно закупала сахар и по-прежнему распределяла его по карточкам. У граждан был выбор – стоять по старинке в очередях за жизненно необходимым товаром по госцене либо свободно покупать его в других магазинах, но вдвое дороже. При этом «твердая» цена устанавливалась непосредственно областной администрацией. «Если отменить талоны, цены сразу будут взвинчены, и это не обойдется без серьезных последствий, – так комментировали необходимость сохранения талонов чиновники. – Поэтому о полном отказе от талонов говорить пока

рано».

Еще одной давно забытой приметой времени стала мойка автомашин. В смысле не камера с рабочими, шлангами, а толпа детей, моющих автомобили на улице. Советская власть много лет боролась против детского неквалифицированного труда. Еще в 30-40-х годах на улицах можно было встретить детишек, занимавшихся чисткой обуви, акробатикой, пением и другими «пионерскими калымами». В основном это были беспризорники, детдомовские и подростки из малообеспеченных семей. В эпоху «развитого социализма» это некрасивое явление вроде бы извели. А газеты постоянно писали о том, как американские школьники вместо учебы вынуждены подрабатывать… И вот детский уличный труд снова вернулся в нашу жизнь. «Пацан остался явно недоволен, – рассказывал один из клиентов детской автомойки на улице Родионова. – Мне даже показалось, что он выругался. А то… Какой-то червонец за машину. „Двадцатка“ еще куда ни шло, но червонец! Впрочем, слишком долго переживать было некогда, потому что на моечный пятачок уже заворачивала очередная машина. Словно мошкара, мальчишки облепили жигуль и бежали рядом, пока тот не остановился.

– Петька, наша! – заорал один и призывно замахал руками своему напарнику. Как говорится, кто успел – тот и съел».

Утром, уже начиная с 7:00, на эту площадку (рядом была колонка с водой и большая магистраль – стратегическое место!) стекалась толпа подростков, в среднем 12–13 лет. Хотя встречались на мойке даже семилетние школьники! Как правило, это младшие братья помогали старшим в нелегком труде. Ведь на помывку автомобиля вручную уходило порой от 30 до 50 минут. На этом стихийно возникшем рынке тотчас возникли свои особенности. Если обычные водители, владельцы «жигулей» и «москвичей» платили максимум 20–25 рублей, то владельцы иномарок и водители-«южане» могли выложить и стольник. Поймать такого клиента считалось у детворы большой удачей. Общество разделилось во мнении об этом новом явлении. Одни считали, что дети молодцы, родителям помогают, себе на мороженое (ну или на пиво с куревом) зарабатывают. Другие, напротив, тяжело вздыхали при виде подростков с ведрами. Докатились, мол. Вот он – звериный оскал капитализма! А еще над Америкой смеялись…

У бывшей советской, а теперь российской молодежи в этот период вообще происходила, так сказать, смена приоритетов. Конечно же это явление возникло не «вчера» и не после распада СССР. О тревожных тенденциях, когда комсомольцы променивали Павку Корчагина на джинсу и порнуху, а комсомольские песни на

тяжелый рок и шансон, писали уже при генсеке Черненко, а потом и в годы перестройки. Уже тогда ношение пионерских галстуков и комсомольских значков у многих превратилось в простую формальность и традицию, когда по утрам рассказывали с серьезным лицом на уроках про подвиги вождей «комсы», а по вечерам курили в кустах и пили пиво. Ну а теперь, когда старую идеологию признали утратившей силу, молодежь стала открыто приобщаться к «западным ценностям». В самом простом их понимании.

«Все мои друзья развлекаются, кто как может, – писала в молодежную газету „Ленинская смена“ 18-летняя Наташа. – Секс, выпивка, таблетки, наркотики. И я не хочу от них отставать – в жизни надо попробовать все. У меня есть постоянный парень, но я знаю девчонок, которые ходят по рукам – и без претензий. Из наркотиков сейчас чаще всего курят шмаль (травка, обычно конопля). Дешево (70 рублей спичечный коробок) и легко достать. Если „залечу“, то сделаю аборт. Сейчас даже такого понятия „просто гулять“ нет. Ни один парень не будет „без этого“». «Я стараюсь быть как все: пью, курю, – признавалась 15-летняя Ира. – Но все меня хамят из-за плохой одежды. В школе училась плохо, меня тошнило от уроков. Если я никуда не устроюсь, то пойду в проститутки. Парня у меня нет». Правда, были и те, кто не соглашался с указанными девицами. «Мне трудно понять 15-16-летних девушек, которые объясняют близость со своим парнем тем, что они до смерти любят друг друга, – писала в газету 16-летняя Тамара. – Ведь если молодой человек действительно любит, то он и относится к своей девушке бережно и внимательно. Я знаю, что таких юношей меньше, чем тех, которым от нас нужен только секс. Но ведь они есть!» И действительно, говорить о том, что в то время «моральное разложение» шло повсеместно и касалось всей молодежи, нельзя. Автор сам вырос в среде, где до 16 лет толком не знали, что такое секс, а даже когда узнали, не помышляли о том, чтобы им вот прямо сейчас заняться.

Ну а пока подростки рассуждали о том, надо ли идти учиться в вузы или лучше пойти более «современным» путем – в бандиты и проститутки, взрослых больше волновало, как свести концы с концами. В самом тяжелом положении оказались бюджетники, привыкшие всю жизнь находиться на иждивении государства и всецело доверять ему свою судьбу. Зарплаты своевременно не индексировались, да еще и задерживались. В мае 1992 года волнения охватили учительскую среду. Труд педагогов и в СССР оплачивался весьма скромно, а в новой России их и вовсе бросили на произвол судьбы. И тут всю страну потрясла новость о

готовящейся всероссийской забастовке учителей. Не являлась исключением и Немцовская губерния. «Уже и средства массовой информации известили о намеченной на 22 мая забастовке, – писала „Ленинская смена“. – Что же, Нижний поддержит коллег? Решение нижегородского учительства – из уст председателя координационного комитета по защите социально-экономических прав педагогических работников Константина Кожевникова:

– Решение о предстоящей забастовке мы находим неудачным, неэтичным и безрезультатным. У школьников переходные и выпускные экзамены. Воспользоваться этой ситуацией для решения своих проблем? В конце концов выход все равно найдут, и экзамены примут учителя, отказавшиеся от участия в забастовке. Следующий наш аргумент – зачем лишний раз поднимать людей, лишний раз их разочаровывать?»

Забастовка учителей в Нижегородской области действительно не состоялась. Одной угрозы оказалось достаточно, чтобы Немцов и Бедняков решили вопрос об увеличении платы за классное руководство, проверку тетрадей и кабинет сразу в три раза. Некоторые районы области обещали педагогам компенсацию за питание. Также возникла идея создать с помощью «коммерческих структур» города некий Фонд образования. Вроде как биржи и новоявленные коммерсанты будут скидываться, кто сколько сможет, а полученные средства пойдут на финансирование отдельных школ и «творчески работающих учителей». Эдакое капиталистическое стимулирование лучших педагогов. Одним словом, проблему удалось кое-как решить в духе времени, немного увеличив зарплату и раздав обещания.

Пассажиры-оборотни и «автобусно-полевые суды» Немцова

Одной из первых серьезных проблем, с которой столкнулся губернатор Немцов, был начавшийся упадок общественного транспорта. Город Горький всегда был очень сложным в плане обеспечения пассажирских перевозок.

Растянувшийся по двум берегам Оки и разделенный ею на две отдельные части, он, помимо всего прочего, был «разрезан» еще и железной дорогой, а также многочисленными речушками, оврагами, что к тому же усугублялось большим перепадом высот и большой удаленностью центральной исторической части от густонаселенных окраин. Поэтому ни многочисленные трамваи, ни троллейбусы долгие годы не могли обеспечить перевозки, основную тяжесть традиционно брали на себя автобусы.

Временем наибольшего расцвета автобусных перевозок в Горьком стал конец 80-х годов. К этому времени общая протяженность линий в городе достигла 500 километров. Ежедневно на них выходило около 850 автобусов, в том числе 330 из 1-го автобусного парка (ГПАП-1), который всегда являлся своего рода флагманом общественного транспорта. За сутки автобусы выполняли в среднем 4600 рейсов и перевозили по 400 тысяч пассажиров. При этом количество маршрутов к 1990 году достигло восьмидесяти восьми. Для сравнения: в том же 1990 году в Горьком насчитывалось всего 20 троллейбусных, 19 трамвайных маршрутов и 22 маршрутных такси. Кстати, в 80-х годах ГПАП-1 был одним из лучших в стране. Достаточно сказать, что именно этому предприятию доверяли транспортное обслуживание таких мероприятий, как Фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1985 году и Игры доброй воли 1986 года.

Однако столь высокая интенсивность перевозок приводила к быстрому износу подвижного состава, который требовалось постоянно обновлять. Основные магистральные и экспрессные линии обслуживались венгерскими «икарусами», в том числе большой вместимости, которые с конца 50-х годов поставлялись из дружественной Венгрии. Это были надежные и вместительные машины, которые, правда, не имели отопления салона. В холода людям, которые набивались в «икарусы», как сельди в бочку, приходилось буквально греться друг о друга. Из-за этого автобусы данной марки порой звали «скотовозами». В начале 90-х годов из-за экономического кризиса и распада СССР ситуация с транспортом стала стремительно ухудшаться. Закупки новой

техники постепенно сокращались, административный контроль за работой предприятий ослаб, а водители, в свою очередь, выживали как могли. В моду вошли и всевозможные хулиганства, автобусы (даже не переполненные) постоянно проезжали остановки, высаживали пассажиров не доезжая их или же, наоборот, проехав метров на пятьдесят дальше и т. д. Многие калымили, причем совершенно нагло. Например, было в Нижнем Новгороде два почти одинаковых маршрута: 40С и 60Э. Только у второго остановок было поменьше, зато проезд стоил вдвое дороже. Экспресс же! По городу с ветерком. Так вот большинство водителей с 40-го попросту ставили трафарет с номером 60 и ехали «экспрессом». В итоге маршрут тот же, билетов продано столько же, а выручка вдвое больше! Половина, соответственно, себе в карман. Ну а водители-лентяи порой просто снимали маршрутоуказатели и гнали от конечной до конечной порожняком.

Кроме того, в целях извлечь дополнительный заработок, шоферы экспрессов придумали еще одну дополнительную услугу – остановка по требованию за 10 рублей. «Как выяснилось, это была чистой воды самодеятельность водителей, незаконно клавших эти деньги в собственные карманы, – сообщали СМИ, когда афера была наконец раскрыта. – Ответственные за это лица получили суровую взбучку и клятвенно заверили, что подобное больше не повторится». Придумали свой «калым» и водители междугородних автобусов. Дело в том, что согласно действовавшим правилам на внутриобластных рейсах следовало перевозить пассажиров только сидя. Однако многие водители соглашались посадить людей и стоя, но при условии, что билет они не получат. Мол, в случае чего я не виноват. А всю выручку за «лишних» тоже клали в карман. В итоге областной администрации пришлось издать специальное распоряжение о том, что возить стоячих все-таки можно, но только с их согласия. И билет им тоже полагается. А для проверки в область пришлось отправить «летучие» отряды контролеров.

«Пришла весна, а транспорт у нас по-прежнему работает в „зимнем“ режиме – все хуже и хуже, – писала пресса. – Обещанные губернатором области „уже весной“ двести „икарусов“ до сих пор не маячат даже на горизонте».

Ко всему прочему еще и водители автобусов в апреле заявили о подготовке к забастовке. А это, пожалуй, было даже хуже, чем аналогичная акция учителей. Личного автотранспорта у народа тогда было совсем мало, а троллейбусы и трамваи попросту не могли перевезти даже половину пассажиров. Практически полный коллапс! Главным требованием шоферов было, разумеется,

повышение зарплаты. Причем сразу вдвое. И это притом, что те в общем-то и так не бедствовали и, к тому же, всегда имели возможность подкалымить. То билеты «левые» продадут, то топливо сольют. Тем не менее средняя зарплата в 2631 рубль (даже недавно увеличенная зарплата врачей оказалась в полтора раза меньше) водителям автобусов казалась ничтожно маленькой.

Немцов и председатель областного Совета Евгений Крестьянинов и тут пошли на уступки, выполнив требования шоферов почти полностью. С 1 мая они начали получать уже 5 тысяч рублей. Однако тем и этого показалось мало, и они потребовали повысить зарплату еще раз! Причем в одном из парков просили сразу 8 тысяч, а в другом и вовсе 12. В противном случае товарищи снова грозили забастовкой. Но на этот раз Немцов на шантаж не поддался, заявив, что деньги нужны не только водителям. В итоге намеченная на 12 мая предупредительная забастовка все-таки не состоялась, так как в водительской среде, поначалу настроенной единодушно, начался раскол. Большинство решило, что готово работать пока и за пять «штук».

Решив проблему с зарплатами и забастовками, Немцов активно взялся за пополнение автобусного парка. Первым серьезным мероприятием в этом направлении была организация сборки автобусов ЛиАЗ-677М на Борском авторемонтном заводе. Это позволило уже летом 1992 года стабилизировать положение в 3, 4 и 5-м автобусных парках (всего их в полуторамиллионном городе насчитывалось шесть). Однако флагман – 1-й автопарк – стремительно сдавал свои позиции. В итоге Немцов договорился о поставке 41 «икаруса» из Венгрии. Первые 15 машин прибыли в Нижний Новгород в начале сентября и были распределены по самым востребованным маршрутам. Кроме того, автобусные парки получили большую партию запчастей, что позволило отремонтировать и ввести в строй сразу сотню ранее вышедших из строя «икарусов».

Пополнение автобусного парка совпало с еще одним немцовским нововведением. Дело в том, что в конце лета губернатору пришла в голову очередная авантюрная идея. Он решил первым в стране внедрить в общественном транспорте безналичную систему оплаты проезда. Конечно, никаких электронных проездных тогда и в помине не было. Суть нововведения состояла во внедрении так называемых проездных карточек. На один, пять дней или на месяц. Купив, скажем, карточку на все виды транспорта на сутки, можно было ездить по ней с неограниченным количеством пересадок. Возможность оплатить проезд наличными в автобусе или трамвае сохранялась,

но цена такого билета была в полтора раза выше, чем безлимитной карточки. Тем самым Немцов пытался изжить извечную проблему воровства части выручки водителями. Попутно по приказу губернатора были введены поистине драконовские меры для безбилетников. Таковые ежегодно «надували» транспортные предприятия на сотни тысяч рублей. С «зайцами» боролись начиная с 60-х годов, их ловили и контролеры, и комсомольские дружины, и милиционеры, но проблема все равно не решалась. Кто-то просто катался бесплатно, другие бросали в кассы самообслуживания меньше положенного и отрывали билетики. В общем, до Немцова общественный транспорт обворовывали все, кому не лень! И водители, и пассажиры.

«Как известно, с началом осени вступили в действие билетные карточки, дающие право проезда в автобусах на один день, пять дней, один месяц, – рассказывала статья „Жить стало лучше и веселей!“. – Однако однодневные карточки были расхватаны пассажирами с самого утра. И те, кто не успел их приобрести, вынуждены были покупать билеты по 3 рубля, что гораздо накладнее, чем покупать карточки. Пикантности ситуации прибавлял тот факт, что для „зайцев“ действительно наступили плохие времена: в контролерах нынче работают не бабушки пенсионного возраста, как было раньше, а сотрудники милиции и прочие крепкие парни. Тех же безбилетников, кто отказывается на месте выложить 30 рублей штрафа, контролеры имеют полное право доставить в парк и взыскать с них в законном порядке уже 2 тысячи». А по тем временам это было практически ползарплаты, а то и больше! В первые недели действительно возникали определенные перебои с продажей проездных карточек, но потом процесс удалось отладить.

Косвенно помогали Немцову и самостийные «народные контролеры». Все-таки «лихие девяностые» на дворе! Ужесточение контроля за безбилетниками породило новый вид криминального бизнеса – лжеконтролеров. Крепкие парни попросту выходили на конечные остановки, нацепляли красные повязки, как у дежурных учеников в школе, и поджидали троллейбус или автобус. Когда тот подъезжал, каждый член «бригады» брал на себя одну из дверей и задерживал безбилетников. Потом с испуганных граждан требовали немедленно оплатить штраф. Если денег при себе не было или пассажиры отказывались платить, то в лучшем случае им угрожали, а потом все-таки отпускали с миром. А в худшем могли отобрать «в залог» часы или другую ценную вещь. Мол, найдешь деньги – приходи. Причем происходили такие сцены не только на рабочих окраинах, но и прямо в центре

города, в двух шагах от областной администрации! Там долгое время орудовала банда во главе с Андрюшей-контролером. И никому, как правило, не приходило в голову пожаловаться в милицию или в парк, ведь человеку нужно было и дальше на этом троллейбусе ездить, мало ли чего. Такое было время.

Если безбилетнику удавалось выйти из схватки с «контролерами» без потерь, понятно, что желание еще раз прокатиться «зайцем» у него заметно убавлялось. Водители, разумеется, тоже нередко были в доле. К примеру, лжеконтролеры во время проверки в маршрутных такси (тогда они тоже были государственными) собирали у испуганных пассажиров все билеты, а потом возвращали шоферу, который продавал их по второму разу. Но выработавшаяся десятилетиями привычка у части народа ездить на транспорте бесплатно все же искоренялась медленно и не сразу. Порой охота на «зайцев» приводила к целым дракам и побоищам.

Доходило до того, что вполне приличные на вид дамы и мужики с остервенением бросались на контролеров, душили и даже кусали их! Эдакие пассажиры-оборотни. На работе и дома вроде приличные люди, а при виде красной повязки с надписью «Контроль» вдруг звери и впадали в дикое бешенство!

«Результаты этого новшества превзошли все ожидания, – писала „Ленинская смена“ в начале октября. – По сравнению с августом доходы от перевозок за сентябрь возросли почти на 50 процентов. Случилось это прежде всего потому, что удалось ликвидировать длинную цепочку воровства денег, начиная от пассажиров, отрывающих билеты, не бросая денег, и кончая „несунами“ в автопарках. Ведь только по старым ценам 1991 года подобные убытки составили около 10 миллионов рублей. Что касается безбилетников, то конфликты между ними и контролерами, похоже, перерастают в настоящую войну. Последние на днях рассказали жуткие вещи о сломанных ребрах и прокушенных руках, которыми приходится платить за контакт с безбилетниками. О том, что с тех „зайцев“, которых все же удается доставить в милицию, взимается 3 тысячи рублей за отказ платить штраф и 742 рубля за простой автобуса – эти деньги якобы отрабатываются „неплательщиками“ на ночном строительстве дорог в Верхних Печерах. Официальные лица этого не подтверждают, однако то, что за последнее время только на водителей совершено 9 нападений с целью отобрать выручку или заставить их ехать туда, куда хочет „клиент“, – факт».

«Купив „простую“ двухрублевую карточку, не пытайтесь проехать по ней в экспрессе, – предупреждали СМИ. – Львиная доля конфликтов возникает именно из-за этого. „Правила

проезда“, висящие в каждом автобусе, во многом устарели… Если из-за строптивого поведения „зайца“ приходится снимать с линии автобус и везти на нем провинившегося в милицию, автопарк может предъявить пассажиру иск за простой автобуса (себестоимость часа движения – 740 рублей)».

Правда, по-настоящему страшные времена для безбилетников длились совсем недолго. Уже осенью, после вступления в силу нового Закона о милиции, ее сотрудники утратили право взимать штраф за безбилетный проезд. Теперь это могли делать только контролеры. Всякого рода дополнительные поборы также были запрещены, а штрафовать за простой транспорта мог только суд. Так что «зайцам» отныне грозил лишь штраф в 50 рублей от «официальных» контролеров и разные неприятности от «неофициальных». Впрочем, немцовские «автобусно-полевые суды» так сильно напугали народ, что в течение нескольких следующих лет ездить на автобусах бесплатно стало как-то немодно. Позднее пришлось вновь ввести на транспорте кондукторов, которых благополучно изжили в 70-х годах, перейдя на кассы самообслуживания и талоны. Эти бабульки контролировали наличие карточек и обилечивали тех, у кого таковых не было.

Конечно же эти нововведения оценивались по-разному и были во многом спорными. Финансовый вопрос осложнялся тем, что трамваи и троллейбусы находились в подчинении у города, а автобусы – у области. Возникали вопросы, как делить полученные деньги и т. д. Предприятия, привыкшие работать за выручку и в соответствии с ней регулировать выпуск транспорта на линии, фактически лишились прямого стимула работать. Напротив, при безналичной и обезличенной (пассажиры платили как бы в общий котел, а не конкретному перевозчику) системе оплаты стало выгодно попридержать машины в парке, сэкономив на бензине и запчастях. Красть действительно стали меньше, зато народу пришлось порой часами стоять на остановках в ожидании транспорта.

Кроме того, Немцов одним из первых в стране ввел бесплатный проезд на общественном транспорте для инвалидов I и II групп. Новая льгота, призванная поддержать эту категорию граждан, распространялась на все виды транспорта, кроме маршрутных такси. Причем для проезда инвалиду требовалось только показать соответствующий вкладыш в пенсионном удостоверении, дающий право на эти льготы. В дальнейшем список льготников стал быстро пополняться. Немцову очень понравилось принимать подобные популистские решения, благо они не требовали немедленных расходов из бюджета. То же самое

происходило в те годы и в правительстве. Уже к середине 1994 года треть пассажиров будет ездить на муниципальном транспорте совершенно бесплатно. При этом возмещать предприятиям убытки и выпадающие доходы почему-то никто не собирался или как минимум не торопился. В последующие годы данное несоответствие росло как снежный ком, во многих городах привело к полной ликвидации социального транспорта, а в самом Нижнем Новгороде к его глубокому кризису. Но тогда, в начале 90-х, до этого еще было далеко…

Несмотря на все улучшения и меры по закупке автобусов, ситуация с общественным транспортом не только не улучшалась, но, напротив, продолжала ухудшаться. Дело в том, что, идя навстречу рыночной экономике, Верховный Совет России принял ряд антимонопольных законов. Которые, в частности, запретили прямое административное вмешательство в работу предприятий, в том числе государственных. Если раньше первый секретарь обкома или председатель облисполкома мог в любой момент вызвать на ковер директора «Пассажиравтотранса» и устроить ему разнос, то теперь все вроде как решал рынок. Все изменилось. Все полномочия: контроль за выходом автобусов на линию, наказания за самоволки проштрафившихся водителей – были отданы в автопарки. А последние оказались вовсе не заинтересованы в большом выпуске машин на линии, так как деньги они получали не за количество рейсов, а соответственно расходам. Совершенно без контроля остался и процесс списания старых автобусов. В былые годы предприятия берегли каждый старенький ЛиАЗ и «икарус» и выпускали их, пусть даже на короткие маршруты, пока они еще могли ездить, а теперь держать в парках «всякий хлам» оказалось невыгодно. Ибо это увеличивало расходы на ремонт и содержание, а также увеличивало штат ремонтников и фонд их зарплаты. Поэтому, в то время как Немцов, используя свои связи, с трудом выискивал, где бы еще купить 20–30 автобусов, парки стремительно избавлялись от еще не выработавших свой ресурс машин. «Из-за действий Верховного Совета мы теперь практически лишены возможности влиять на ситуацию, – жаловался Немцову гендиректор ПО „Нижегородпассажиравтотранс“ Евгений Дедиков. – Мне регулярно приходится отчитываться перед депутатами, не наказываю ли я, не дай бог, водителей». «Получается, что мы с огромным трудом достаем им автобусы, а они их списывают?!» – возмущался в ответ Борис Ефимович. И это действительно было так.

В начале зимы 1992 года пассажирский транспорт продолжало лихорадить. Несмотря на рост доходов, из-за

высокой инфляции постоянно не хватало денег на топливо и зарплату. Доходило до того, что шоферы приезжали на нескольких автобусах прямо к кремлю и посылали делегатов в областную администрацию. «В четверг утром водители третьего автобусного парка предприняли очередное „хождение во власть“, съехавшись на площадь Минина и направив делегацию в областную администрацию, – сообщали СМИ. – Причина стара как мир, уже более 10 дней водителям не выдают зарплату. Вообще ситуация с деньгами, выделяемыми автобусникам, постоянно балансирует от тяжелейшей до критической. Ежедневно автобусы, находящиеся в ведении ПО „Нижегородпассажиравтотранс“, сжигают топлива на сумму более 7 миллионов рублей (деньги по области с учетом НДС). Малейшая задержка с выделением дотаций из областного бюджета может обернуться почти полным параличом автобусного транспорта. Последствия подобной катастрофы даже сложно предсказать». Но в тот раз все же обошлось. К протестующим лично вышел вице-губернатор Иван Скляров, который пообещал немедленно выделить деньги и на зарплату, и на бензин.

Возвращаясь к протестным движениям: не успел Немцов разобраться с учителями и водителями автобусов, как забастовали уже аграрии. Прямо во время сессии областного Совета к зданию приехала толпа сельхозработников и начала пикетирование. «Кто разрубит узел проблем села? Долой обман! Крестьянинов, позаботься от крестьянах!» – значилось на их лозунгах. Аграрии требовали повысить закупочную цену на молоко и мясо до 10 и 100 рублей, снизить налоговые ставки, переложить на плечи налогоплательщиков строительство дорог и газовых сетей и т. д. Дело в том, что еще со сталинских времен колхозы должны были за свой счет строить дороги и содержать социальную инфраструктуру на селе. И эти нормы, несмотря на многочисленные послабления Хрущева, Брежнева и Горбачева, по инерции даже пережили СССР! В разгар митинга к протестующим вышел Борис Немцов. Лично и в одиночку! Он пообещал колхозникам повысить зарплату и удовлетворить некоторые другие требования.

Впрочем, митинговать тогда было модно, и в Немцовской губернии чуть ли не каждую неделю проходили манифестации и акции протеста, собиравшие толпы народу. Отчасти все это напоминало 1917 год после свержения царя. Тогда, в эпоху Временного правительства, почти никто не работал, все отовсюду дезертировали и всё побросали, зато на митинги и демонстрации с самыми разными лозунгами неизменно собирались десятки тысяч человек. Аналогии действительно напрашивались. Крах

великой империи, наскоро собранное правительство, проводящее непонятные реформы, и стремительно ухудшающееся экономическое положение. Многим не без оснований казалось, что все это лишь временный маскарад, а вскоре к власти придет некая, неизвестная пока, новая политическая сила типа большевиков, которая возьмет все в свои руки и наведет порядок. Предсказывали и скорое повторение Гражданской войны. В то, что ельцинский (а в Нижегородской области – немцовский) режим (ну или «демократия», тут уж как кому нравится) установился всерьез и надолго, в 1992 году верили только оптимисты.

Так, 24 октября в Нижнем Новгороде прошел очередной митинг протеста против «антинародной политики правительства Гайдара». Это была всероссийская акция, организованная профсоюзами. На площади Минина собралось около 10 тысяч человек. По очереди взбираясь на привезенный с собой грузовик, протестующие рассказывали о тяжелой жизни после «шоковой терапии» и требовали от президента Ельцина либо отправить правительство в отставку, либо пойти и лечь на рельсы. В то время, да и в последующие годы было очень модно вспоминать неудачное обещание Бориса Николаевича совершить этот поступок в случае роста цен. Кроме того, часть митингующих требовала вернуть советскую власть и восстановить СССР. А также смеялись над ваучерами. А кто-то даже прилюдно сжег приватизационный чек под одобрительные возгласы толпы. Раздавались и призывы к революции и свержению правительства.

Выступить не дали только лидеру альтернативного профсоюза «Свобода» анархисту Борису Самсонову. Тот неудачно обратился к собравшимся «Господа», вследствие чего был закидан гнилыми яблоками и изгнан с трибуны.

Глава 5
Столица реформ или полигон для авантюр?

Явление Явлинского и Сорос на «членовозе»

Уже в начале своего правления Немцов поставил задачу превратить Нижний Новгород в «столицу реформ». Первым мероприятием в этом направлении стало приглашение в город эксперта экономической политики правительства Григория Явлинского. Ранее он получил известность благодаря так называемой программе «500 дней», которая предполагала построение рыночной экономики за полтора года. Явлинский прибыл в Нижний со своей командой на три месяца с простой задачей – способствовать экономическому развитию региона и выработать некую модель развития для остальных. При этом работа финансировалась из бюджета Нижегородской области. Явлинский и его сотрудники, обещавшие создать некую «программу для всей России», разместились в комфортабельном доме для гостей бывшего обкома КПСС. Кстати, группа сама себе дала амбициозное название «ЭПИцентр».

«Для Г. Явлинского Нижний Новгород не просто заказчик, – писала газета „Нью-Йорк таймс“ 9 августа 1992 года. – Это возможность доказать, что Явлинский – именно тот человек, который должен возглавить российские реформы, а не Гайдар. Явлинский был тем самым „радикальным реформатором“, который разработал для М. Горбачева печальной судьбы программу „500 дней“. Он же расширил экономический кругозор Б. Ельцина, он же придумал способы привлечения МВФ. Но после августовского путча Явлинский остался с Горбачевым, а Ельцин пригласил Гайдара… Правительство Гайдара, по словам Явлинского, делало те же ошибки, что и последнее советское руководство. „Они действовали так, как будто бы у нас есть экономика, и все, что мы должны делать, – это наращивать производство и корректировать финансы, – говорил Явлинский. – Но нельзя освобождать цены, не имея рынка. Все вопросы, связанные с приватизацией, землей, монополией, до сих пор не решены. Сейчас проблема в том, чтобы привить людям интерес к приобретению собственности, когда нет уверенности ни в ценах, ни в кредитах“».

Стоит отметить, что и Немцов, и американские журналисты сильно переоценивали возможности Григория Явлинского. Тот начиная с середины 80-х годов утверждал, что только один он знает, как правильно проводить реформы. Дайте только мне время и возможности! Однако ни одна из многочисленных

разработок и программ так и не была оценена, понята и внедрена современниками. «Семьдесят лет этот древний город, переименованный большевиками в Горький, был в Советском Союзе ведущим в производстве вооружения, – писала газета „Нью-Йорк таймс“ 9 августа 1992 года. – Сейчас новое смелое поколение городских лидеров надеется, что, вновь став Нижним Новгородом, город останется ведущим – на этот раз на пути реформ. В своих кабинетах в средневековой крепости стремительный, молодой губернатор, мэр города, ведущий постоянную борьбу с нарушениями чиновников, и известный экономист, вступивший с ним в союз, имея за плечами поддержку талантливых западных специалистов, разрабатывают далекоидущую независимую экономическую программу. Программа, по их мнению, могла бы в итоге стать моделью для Москвы, где реформы застопорились. Это серьезный вызов. Последние семь десятков лет Горький, этот город и окружающая область были закрытым бастионом высокотехнологичной военной промышленности. Но еще раньше целых семь веков Нижний был процветающим центром русской торговли, застроенным роскошными особняками, родиной знаменитой ярмарки. Это наследие и хочет возродить в городе и области губернатор Б. Е. Немцов, 32-летний физик, чей путь в политику начался с борьбы против сооружения атомной станции».

Ну а поскольку этот физик был молод и неопытен, американцы прислали ему в подмогу целую группу менеджеров для помощи в организации конверсии военных предприятий. Университетский научный центр по проблемам крупных городов, а это был целый консорциум в составе 28 университетов и научно-исследовательских институтов с центром в Филадельфии, занялся составлением базы данных по научно-техническим исследованиям в Нижнем Новгороде для заключения возможных контрактов и патентов. В город даже лично приезжал посол США в России Роберт Страусс.

Различные американские чиновники, экономисты и просто богатеи в это время вообще зачастили на берега Волги. В октябре 1992 года в Нижний Новгород прибыл знаменитый Джордж Сорос, один из богатейших бизнесменов в мире и основатель одноименного фонда. Американец прилетел в город с ознакомительным визитом, посмотреть на красоты Волги, памятники архитектуры, а заодно школы и другие образовательные учреждения. В частности, побывал Сорос в экспериментальной театре-студии «Вера» в микрорайоне Мещерское озеро. После чего обещал вложить деньги в некие «перспективные нижегородские гуманитарные программы».

Данный эпизод примечателен тем, что Немцов, являвшийся известным поборником борьбы с привилегиями чиновников, в том числе персональными автомобилями, приехал в аэропорт встречать Сороса на черном лимузине «чайка» ГАЗ-14! На этой же машине долларового миллиардера возили по Нижнему Новгороду.

«Четырнадцатая» «чайка» тоже волей судьбы стала одним из отражений той эпохи. Новый лимузин, который должен был прийти на смену знаменитой первой «чайке» – ГАЗ-13, Горьковский завод обязался изготовить еще в 1967 году! Она значилась в списке обязательств, которые трудящиеся города Горького взяли к 50-летнему юбилею советской власти. Поначалу конструкторы хотели пройти простым путем: сделать новый кузов на шасси уже выпускавшейся «чайки». Однако идея оказалась неудачной, прототип получился громоздким и некрасивым. И даже эту машину сделать в срок не успели. Более того, новый лимузин не смогли сделать даже к следующей дате – 100-летию со дня рождения Ленина. Зато в результате кропотливого труда появился революционный для своего времени автомобиль, не уступавший по качеству «членовозам» марки ЗИЛ. Ходовая часть машины была сделана настолько ювелирно, что могла обеспечить плавный ход на любой дороге. К примеру, поставленный на подлокотник полный стакан с водой не расплескивался даже на большой скорости и поворотах.

Первые предсерийные образцы новой «чайки» были готовы в 1971 году. Однако до массового производства дело дошло только через шесть лет! Тому было несколько объективных и субъективных причин. Во-первых, в экономике все больше сказывались застойные явления, автомобильная отрасль работала с перебоями. Большинство капитальных вложений поедал только что построенный советский «фиат» – ВАЗ. Во-вторых, руководство завода имени Лихачева, опасаясь конкуренции, попыталось пропихнуть вместо ГАЗ-14 свой укороченный лимузин ЗИЛ-117. Тогда горьковчане пошли на хитрый шаг. А именно, зная о страсти вождя к автомобилям, взяли и подарили окрашенную в гламурный вишневый цвет «чайку» Брежневу на день рождения 19 декабря 1976 года. Горьковский лимузин генсеку понравился, и на следующий год серийному производству был дан зеленый свет. С весны 1977 по 1988 год ГАЗ собрал 1114 машин. Однако излишняя шикарность автомобиля в итоге сыграла с ним злую шутку. Вскоре после начала перестройки новый генсек Михаил Горбачев в целях искоренения пережитков «застоя» объявил борьбу с привилегиями. Среди всего прочего чиновников было решено (кстати, далеко не в первый и не в последний раз!)

пересадить с роскошных лимузинов на более скромные автомобили. По личному указанию Горбачева производство ГАЗ-14 было прекращено. Этим немедленно воспользовались конкуренты. Руководство ЗИЛа имело мощное лобби в Министерстве автомобильной промышленности, которое позаботилось, чтобы в Горьком не только прекратили выпуск «чаек», но и уничтожили всю технологическую оснастку, рабочую документацию, сборочные линии, кузовные штампы и т. д. По некоторым данным, были пущены под пресс даже штампы для выпуска соответствующей сувенирной машинки!

Что касается Немцова, то в данном случае он, по всей вероятности, воспользовался бывшей персональной «чайкой» последнего секретаря Горьковского обкома КПСС Геннадия Ходырева. Во всяком случае, в кремлевском гараже имелась только одна такая машина. Причем сам Ходырев этим громоздким лимузином почти никогда не пользовался, предпочитая обычную «Волгу». В общем, стояла шикарная машина в гараже и пылилась долгие годы. Ну а перед Соросом Борис Ефимович, видимо, решил попросту выпендриться, подкатив к самолету на огромном черном лимузине – символе застойных времен. Прямо как в фильме 1990 года «Не будите спящую собаку», в котором аферисты разводят подпольного коммерсанта. Имитируют уголовное дело, а потом обещают отмазать за огромную взятку. В одном из эпизодов вымогатель нанимает на время чью-то персональную «чайку», чтобы на глазах у «клиента» на ней к зданию министерства подъехал фальшивый «министр». Фраза из этого эпизода «С шиком хочет…» как раз подходила к встрече Сороса. Обкомовская «чайка» и впоследствии нередко использовалась Немцовым для встреч высоких гостей.

Но в основном Борис Ефимович, позиционировавший себя противником чиновничьих привилегий, ездил на «Волгах». Позднее своей борьбой с «членовозами», превратившимися в «возы народных избранников», Немцов прославился на всю страну. В советские времена в ходу был анекдот примерно такого содержания. «Иностранец в СССР видит толпу людей, идущих на переполненную остановку трамвая, и спрашивает: „Это кто такие?“ Прохожий ему отвечает:

– Это рабочий класс – народ. Он у нас в стране хозяин жизни!

– А это кто такие едут? – спрашивает иностранец, указывая на группу черных „Волг“, мчащихся по улице.

– А это слуги народа…»

И это в общем-то было правдой. Если на Западе уже в 30-х годах XX века автомобили перестали быть роскошью, став вполне доступным средством передвижения, то в Советском Союзе

времен относительно благополучного застоя абсолютное большинство граждан продолжало перемещаться на общественном транспорте. Даже те, кому посчастливилось приобрести «жигули», «москвич» или «запорожец», как правило, ездили на них только на дачу либо по особым случаям. Зато чиновники, то есть те самые «слуги народа», заняв определенный пост, получали пресловутые привилегии, одной из которых был персональный автомобиль с водителем. В простонародье – «членовоз». Иметь служебное авто, надо заметить, было гораздо выгоднее, чем личное. Для него не нужно было покупать гараж, ремонтировать, беспокоиться о возможном угоне. Бензин тоже заливался за счет государства. В зависимости от негласной табели о рангах каждому номенклатурщику полагался определенный тип автомобиля от «Волги» до лимузина высшего класса ЗИЛ. На разработку авто представительского класса денег не жалели, на них бросали лучшие конструкторские кадры и наиболее квалифицированных рабочих.

В начале 90-х новые чиновники, как и президент Ельцин, в основном катались на советском наследии – машинах, доставшихся от ЦК КПСС, обкомов и райкомов. Однако потом в ход пошли иномарки, сначала бэушные, а позднее и новые. В результате «слуги народа» стали обходиться народу еще дороже, чем при советской власти! Но при Немцове-губернаторе ничего подобного не было и в помине. Ни иномарок, ни милицейских машин с мигалками. Узнать авто главы региона на улице было практически невозможно! Понятно, что в таких условиях и подопечные могли себе позволить максимум «ноль вторую» «Волгу». «Моя личная машина – „жигули“, шестая модель, – писал Борис Ефимович в 1996 году. – Ни разу не выезжал на ней. Зачем, если у меня есть персональная машина? Дело в том, что у меня есть охрана и я не могу ездить на „жигулях“. Может быть, я продам эту машину и куплю „Волгу“». По свидетельству Андрея Климентьева, Немцов и сам любил порулить своей персональной «Волгой», особенно во время поездок по районам. При этом не обходилось без аварий. «Однажды был случай, мы ехали в Гагино и по дороге он наехал на пешехода, – вспоминает бизнесмен. – Немцов сразу же перепрыгнул на пассажирское сиденье, а я пошел договариваться с потерпевшим, чтобы он никуда не заявлял».

Забегая вперед, стоит отметить, что традиция ездить на «Волгах» сохранилась и после ухода Немцова с поста губернатора. Так, его преемник Иван Скляров разъезжал на ГАЗ-3105. Разработка этой уникальной машины началась в середине 80-х годов. Роскошный полноприводный седан с восьмицилиндровым

двигателем, удлиненной базой и массой дополнительного оборудования конечно же создавался как новый автомобиль для чиновников. Внешний вид «Волги» был просто-таки футуристическим, чего стоило только двойное остекление дверей с утопленными в стекла ручками! Машина оснащалась гидроусилителем руля, регулируемой рулевой колонкой, полным электропакетом, включая электропривод и подогрев задних и передних сидений, а также климатической установкой. Однако самая новаторская из всех «Волг» появилась не вовремя. В 1988 году на стадии подготовки к серийному производству, в связи с нехваткой средств, правительство приказало ГАЗу сосредоточиться «пока» только на ГАЗ-3105, оставив остальные на потом. Невзирая на массу проблем, заводу удалось подготовиться к выпуску к началу 1992 года. Однако ситуация к этому времени кардинально изменилась. СССР распался, и страна вступила в эпоху рыночной экономики. К нам тут же хлынула волна дешевых подержанных иномарок. В этих условиях разрабатываемая «ноль пятая» оказалась попросту невостребованной. Рыночная стоимость автомобиля составила фантастическую сумму в 60 тысяч долларов! В итоге до 1996 года всего было произведено, по разным данным, от 55 до 200 ГАЗ-3105. В России их мало кто видел, а вот на «родине» – в Нижнем они встречались довольно часто. Помню, как мы с восхищением и недоумением смотрели на эти чудо-автомобили, выделявшиеся не только на фоне унылого отечественного автопрома, но даже тогдашних иномарок. Ну а послужить чиновникам, для которых она создавалась, машина все-таки успела, но в весьма ограниченных количествах. Самым известным из них и был Иван Скляров, который ездил на такой «Волге» вишневого цвета, сначала будучи мэром, а потом и губернатором[3].

Возвращаясь к работе «ЭПИцентра» Григория Явлинского: по его инициативе в Нижнем Новгороде был создан так называемый Координационный совет, в который была сведена вся исполнительная и законодательная власть города и области. Причем возглавил этот орган сам Явлинский. Правда, единственным серьезным мероприятием, которое этот непонятный «совет» провел, стал месячник свободной торговли в сентябре. Явлинский утверждал, что благодаря беспрецедентным мерам (были фактически временно заморожены все налоговые и прочие сборы) ассортимент товаров значительно расширится (навезут торгаши из соседних регионов), а цены из-за резко возросшей конкуренции резко понизятся. В итоге месячник прошел, торгаши почему-то так и не приехали, а бюджет региона недополучил огромную сумму. В конце сентября «ЭПИцентр»

наконец выдал и свой гениальный план реформ под громким названием «Экономика и политика в России. Нижегородский пролог». Многие наивно верили, что вот сейчас-то они увидят тот самый план светлого будущего, который Григорию Алексеевичу не дали осуществить при Горбачеве и мешают воплотить при Гайдаре. И начнется наконец нижегородское, а потом и российское экономическое чудо!

Однако на деле общественности представили лишь собрание пространных выводов, призывов и рассуждений. И всё общего, можно сказать, философского характера. Основным лейтмотивом объемного документа стала идея о том, что Россия, подведя черту под прежним этапом своего существования, должна вступить в новое состояние, поскольку «центр лишился экономического и политического реформаторского потенциала». А раз так, то необходимы новые «точки роста», которые, будучи разбросанными по всей стране, станут «генерировать логику дальнейшего развития». «Целесообразно начать с одной или нескольких точек кристаллизации, – говорилось в докладе. – Опора на централизованные институты в нынешних условиях есть миф». Например, с Нижегородской области. Кому, как не Немцову, создать первую такую «точку»?! «Мы присутствуем при заключительном акте реформаторской драмы», – драматически восклицал «пролог». Кроме того, Явлинский и К° предложили немедленно начать распродажу в частные руки гостиниц, жилых домов, судов, автопредприятий и даже коммунального хозяйства. А также ликвидировать все монополии и крупные предприятия в регионе.

Документ сразу же вызвал настоящий шквал критики. «То, что изложено в „Нижегородском прологе“, – это уже другая Россия, – писал Андрей Макарычев, исполнительный директор Фонда стратегической инициативы. – И Россия ли? Или это просто очередной эксперимент на деньги нижегородских налогоплательщиков?» «Концепция Г. Явлинского содержит в себе и некоторые логические противоречия, – писала газета „Ленинская смена“. – Так, ратуя за всемерное и по возможности максимальное „распыление власти“, его соавторы в то же время весьма благожелательно восприняли идею создания координационного совета, сосредоточившего в своих руках все управление реформами в Нижнем. В другом месте идея регионализации России удивительным образом сочетается с требованием „повышения управляемости общественно-политических процессов“ в стране». Сам Немцов Явлинскому, который после составления ни к чему не обязывающего, но щедро оплаченного «пролога» благополучно вернулся в лишившийся

всего «центр», поверил. Уж больно заманчивая это была идея – превратить отдельно взятую область в точку роста для всей России. «Я не хочу идеализировать нижегородскую деятельность Явлинского или преувеличивать ее значение, – писал потом Борис Ефимович. – Это была повседневная, рутинная работа, и времени было немного, и, может быть, не так уж много удалось сделать. После отъезда команды Явлинского мы продолжали работать и придумали еще массу интересных и новых вещей. Но тем не менее то, что было сделано здесь Явлинским, потом получило распространение во всей России, и сегодня это – общеизвестные вещи. Например, региональные займы, которые теперь есть везде. У нас же появились новые варианты – жилищные, телефонные, экологические, энергетические займы как естественное продолжение тех самых „немцовок“ или „явлинок“ 1992 года».

«Немцовки» – лучше, чем шиш с маслом!

Именно Явлинский подсказал Немцову еще одну авантюрную идею – выпустить в оборот собственную валюту… Летом и осенью 1992 года страна столкнулась с новым невиданным доселе явлением – дефицитом денег. В смысле наличных. То есть людям начисляли пенсии и зарплаты, но сами «бумажки» в Госбанке попросту закончились. Безналичный расчет только еще входил в обиход, поэтому получку выдавали исключительно наличными и в магазинах расплачивались тоже наличностью. «Такого даже в худшие времена советской власти не было! Мыла не было, масла не было, бывало, и хлеб был в дефиците, но чтобы деньги…» – поговаривали на улицах и в автобусах. Дело в том, что после введения свободных цен отечественная валюта стала стремительно обесцениваться. Цены росли, правительство и областные власти на местах щедро удваивали оклады бюджетникам и пенсии. Но производство самих наличных за раскручивающейся инфляцией попросту не успевало. Доходило даже до того, что деньги возили в регионы специальными самолетами. С борта которых ящики с купюрами под вооруженным конвоем развозили в местные отделения Госбанка. Ну а губернаторы вынуждены были чуть ли не с поклоном ездить в Санкт-Петербург и Пермь, где находились те самые «печатные станки» – фабрики Гознака, и просить выделить вне очереди пару мешков наличности.

Не являлась исключением и Немцовская губерния. К началу июня задолженность по выплатам населению там составила уже 2,5 миллиарда рублей. Зарплату не получали целые предприятия и учреждения. Дошло до того, что мэр Дмитрий Бедняков вынужден был выступать по телевидению и лично давать гарантии нижегородцам, что «на днях привезут 500 миллионов». Миллионы, или «лимоны», как их вскоре стали называть, действительно подвозили, только вот задолженность государства перед населением росла значительно быстрее. Уже вскоре ее объем вырос до 4 миллиардов, а к концу осени мог увеличиться еще на 2–3 миллиарда рублей. В итоге Немцов и тут нашел выход. Он попросту решил ввести в оборот собственные – нижегородские деньги! Точнее, так называемые «казначейские потребительские билеты». Как официально сообщила областная администрация, таковые вводились из-за дефицита наличных денег и должны были иметь хождение только на территории Нижегородской области. При этом Немцов лично съездил на Пермскую фабрику Гознака, где договорился с ее директором о

выпуске «билетов», которые в народе тотчас окрестили «немцовками». По аналогии с «керенками» – казначейскими билетами, которыми Временное правительство расплачивалось по долгам свергнутого царизма в 1917 году.

«Определено, что общая сумма казначейских билетов не должна превышать суммы задолженности по выплатам населению – во избежание роста инфляции, – сообщали СМИ. – „Немцовки“ будут обеспечиваться областным бюджетом, т. е. магазин, сдав в банк определенную сумму казначейских билетов, получит на свой счет точно такую же сумму по безналичному расчету. „Немцовки“ обязательны к приему во всех муниципальных магазинах. На рынках, в коммерческих ларьках хозяева будут действовать по собственному усмотрению. „Немцовки“ будут выдавать по принципу добровольности. Достоинство казначейских билетов пока не определено. Власти встали перед дилеммой: нужны не очень крупные, но не очень мелкие. По предварительной информации, из областного бюджета на оплату труда пермяков будет выделено около 20 миллионов рублей. Срок действия казначейских потребительских билетов пока не определен… Что будет дальше и какова реакция людей на все это – одному Богу известно. Главное – без паники. Пусть лучше такие деньги, чем шиш с маслом, который предлагает нам непопулярный внук популярного деда». Граждане журналисты, разумеется, намекали на премьер-министра Егора Гайдара.

При этом Немцова в его начинании даже сравнивали… с древними римлянами. «Нехватка наличных денег – не изобретение нынешнего российского правительства, – писала „Ленинская смена“. – Во время одной из войн римляне обратились к богине Юноне: как ликвидировать острый денежный дефицит. И, как писал византийский историк Свида в X веке, римляне получили ответ – недостатка в деньгах не будет, если война со стороны римлян носит справедливый характер. Победоносно завершив войну, римляне стали почитать Юнону как Советчицу. А советовать по латыни означает – монетиум. От этого латинского слова и произошло „монета“. Похоже, что Борис Немцов, заказав в Перми потребительские казначейские билеты, объявил справедливую войну правительству Гайдара. И если он ее выиграет, то у нас с вами не будет, как и у древних римлян, проблем с денежным дефицитом… Гайдару, конечно, не понравится решение губернатора области о введении нижегородских денег, как уже не понравилось предложение Бориса Немцова выбросить в оборот пятидесяти-сторублевые деньги, изъятые год назад Павловым. Их, к слову сказать, в подвалах Нижегородского банка хранится на сумму 1 700 000

рублей. Но нашему губернатору, по достоверным данным, безразлична реакция Гайдара на сей счет. Он озабочен одним: взрывоопасной ситуацией, сложившейся в области из-за дефицита наличных».

А озаботиться было от чего. Многие рабочие на предприятиях объявили скрытую забастовку. То есть приходили на работу, но к станкам не вставали. А иные и вовсе продавали свою продукцию (в том числе военную) прямо у проходных! Гайдар же в ответ советовал Немцову создавать в области группы для поиска наличности в составе работников милиции, сотрудников КГБ и народных депутатов. Прямо как продотряды в годы Гражданской войны! Только если в 1919 году речь шла о продразверстке, теперь правительство предлагало что-то вроде денежной разверстки!

Однако до выдачи зарплаты «немцовками» все же не дошло. Ведь Гайдар, как и Немцов, тоже имел прямой выход на Ельцина и, видимо, смог убедить того, что выпуск своих денег в отдельно взятом регионе может привести к самым непредсказуемым последствиям. В том числе повсеместному отказу от рубля и в конечном счете даже к развалу страны. В то же время в середине октября в Нижний Новгород самолетами доставили-таки крупную партию наличности, что несколько облегчило ситуацию. Однако полностью отказываться от своей идеи Немцов все же не собирался. Уже отпечатанные казначейские билеты в итоге были использованы губернатором для так называемого «энергетического займа». В ноябре объединение «Нижегороднефтепродукты», которому в то время принадлежали практически все заправки в регионе, получило первый миллиард «немцовками». В свою очередь это предприятие начало распределять облигации по нефтебазам, а те по автопаркам. Так появились «бензиновые деньги», уникальный пример начала 90-х годов! Выглядела схема просто. Конкретный водитель конкретного таксопарка или грузовой конторы перед рейсом получал на бензин те самые «немцовки». Которыми он и расплачивался за топливо. Потом заправщики сдавали выручку обратно в «Нижегороднефтепродукты», а те опять распределяли «облигации» между потребителями. Эдакое замкнутое бензиново-финансовое хозяйство получилось. Понятно, что и красть, присваивать такие «деньги» особого смысла не было.

По замыслу Немцова введение в оборот «немцовок» таким способом должно было обеспечить бесперебойную работу транспорта и бензоколонок, ликвидировать дефицит наличности, создать стратегические запасы нефтепродуктов и защитить сбережения граждан от обесценивания. «Фактически это

конвертируемая валюта, – говорил он. – Деньги стремительно обесцениваются, а топливо растет в цене. Будет увеличиваться и курсовая стоимость обесцененных нефтепродуктами облигаций». Среди прочего Немцов решил бороться с помощью «немцовок» и с преступностью. По его данным, к концу года рэкетиры уже обложили многие автозаправочные станции «поборами». Подъезжали к заправке парни в спортивных костюмах на вишневых «девятках» и говорили: «Или платите, или сожжем тут все». А тут примчатся они в очередной раз за данью, а им вместо денег «немцовки» вручают! Рэкет сам собой отпадет. «Похоже, что рэкетиры действительно расстроятся, – писала по этому поводу пресса. – „Немцовки“, и без того имеющие сомнительную ценность, выходят в свет в куцем виде. Прежде всего, теперь на них можно приобрести только бензин. К тому же держатели „энергетических“ облигаций не смогут их сдать, получив назад свои деньги по безналичному расчету». Позднее «немцовки» еще несколько раз возвращались в оборот, но уже в виде облигаций, которые продавали всем желающим. С целью пополнения бюджета.

В 1992 году Немцов начал развивать еще один свой любимый проект – Нижегородскую ярмарку. С тех пор появилось утверждение, что именно он эту самую ярмарку «возродил». Стоит отметить, что как таковой Нижегородской ярмарки, известной в царские времена, к тому времени давно не существовало. Вся ее бывшая территория была застроена типовыми панельными хрущевками и кирпичными многоэтажками, а к 100-летию со дня рождения Ленина на месте торговых рядов выросла помпезная одноименная площадь. Прибрежную часть, куда некогда приставали купеческие баржи, заняли широкие дороги и грузовой порт. От старой Ярмарки остались только несколько старых домов и здание Главного ярмарочного дома, который в советские годы был перепрофилирован в горисполком, а позднее в «Детский мир». Так что возрождать там было уже нечего и негде. Если же говорить собственно о торговле, то еще в 70-х годах вокруг этого самого «Детского мира» постоянно проводились сезонные ярмарки. Собственно, тогда и возродилась «ярмарочная» торговля. Немцов лишь углубил эту идею, притащив туда танки, ракеты и автомобили. «Нижний Новгород может стать одним из центров международной торговли оружием, – рассказывала статья „Оружие как средство обогащения“. – Первый шаг к оружейному бизнесу сделан Всероссийским акционерным обществом „Нижегородская ярмарка“. 8 сентября там открылась выставка „Нижегородская осень“, состоявшая из трех блоков:

„Конверсия“, „Товары народного потребления“ и „Мода России“. Впервые в России на всеобщее обозрение были выставлены некогда секретные образцы военной техники. Казалось, вот он, путь к процветанию региона! Сейчас съедутся представители из разных стран и все расхватают. Первый и долгие годы бессменный директор Ярмарки тогда прямо говорил, что цель военной выставки: „пробить брешь в монопольной торговле оружием российского правительства“. Вроде как заводы наши – нижегородские, значит, мы должны иметь свою долю от продаж и собственный рынок сбыта бронетранспортеров и самолетов! „Наша организация намерена получить у правительства лицензию на право продажи оружия, – говорил он. – Это позволит улучшить положение наших оборонных предприятий. Конечно, и сама ярмарка внакладе не останется, получая определенные проценты от сделок. Здесь начнет действовать постоянная военная комиссия, которая будет выступать в качестве своего рода посредника между производителями и покупателями военной продукции“».

Рыночная экономика ударила по предприятиям ВПК особенно больно. А таковых в бывшем городе Горьком была тьма-тьмущая. Крупные и средние военные заводы, многочисленные НИИ и КБ, много лет благополучно жившие за счет огромных и щедро оплачиваемых госзаказов, оказались предоставленными сами себе. Мол, мы вас рассекретили, «легализовали», теперь продавайте свою продукцию кому хотите!

Но что могли продать предприятия ВПК? И главное – кому? В итоге на упомянутой выставке машиностроительный завод, еще недавно в целях секретности даже не имевший своей автобусной остановки (она называлась скромно – «Техучилище»), выставил на всеобщее обозрение и продажу артиллерийскую установку, транспортно-заряжающую машину, миномет, несколько салютных установок и другую спецтехнику, пару лет назад являвшуюся совершенно секретной. Вышел из тени и соседний авиазавод № 21. До 1992 года предприятие тоже было секретным, на его проходных не висело никаких вывесок, а близлежащая автобусная остановка также носила неприметное название – «Почта». И вот «почта» стала авиазаводом «Сокол» и тоже показала на упомянутой выставке свою десятилетиями скрываемую продукцию – истребители МиГ-31.

Кое-кому в то время казалось, что наша военная техника лучшая в мире и стоит только начать ее продавать по рыночным ценам, как заводы и страна просто-таки озолотятся. Однако тут ВПК ждал новый моральный удар. Выяснилось, что продукция оборонки, которую столько времени прятали от чужих глаз, не

только не произвела фурора, но и вообще не вызвала никакого интереса. Посему «нижегородской осенью» продать ничего не удалось… Что касается Ярмарки, то она превратилась в место проведения различных выставок и форумов, которые продолжаются там по сей день. Однако большого будущего проект так и не получил. В частности, заложенный еще при Немцове выставочный центр так и остался на стадии котлована, а «временные» павильоны, загородившие вид на Главный ярмарочный дом (в народе их прозвали «конюшнями»), так и остались там на постоянной основе.

«Светлое ваучерное будущее»

Широкую приватизацию в Нижегородской области Немцов и Бедняков решили начать с магазинов. При этом кампанию курировали специально приглашенные специалисты корпорации при Международном банке. Немцов, видимо мнивший себя чем-то средним между Петром Столыпиным и Петром I, вообще открыл шлюзы в город всем желающим, в том числе иностранным менеджерам, экономистам и финансистам. И те хлынули в бывший закрытый город сплошным потоком. Продажи магазинов начались в апреле 1992 года, раньше всех в России. Правда, аукционы, о которых большинство новоявленных капиталистов знали только из художественных фильмов и книг, поначалу проходили довольно комично. Нередки были случаи, когда покупатели в азарте взвинчивали цену за какой-нибудь продмаг, а потом победитель оказывался не в состоянии оплатить лот. Некоторые все же выкупали магазин, но уже через пару недель отказывались от него и пытались вернуть обратно, мол, нерентабельно оказалось… К тому же областная администрация, основываясь на советах иностранных специалистов, немедленно устанавливала для частных торговых точек большие налоги. Это же капитализм! Получил частную собственность, заработал деньги, изволь стать налогоплательщиком.

В итоге даже магазины на Большой Покровской улице, бывшей Свердловке, центральной улице в исторической части города, в первое время работали на грани убыточности. Вера Павлова – бывшая заведующая известным магазином сыров «Дмитриевский», сумела сама выкупить «свой» же магазин у государства за 4,5 миллиона рублей (45 тысяч долларов по тогдашнему курсу). Однако, чтобы сохранить даже небольшую прибыльность, ей тотчас пришлось ввести семидневную рабочую неделю и удлиненный рабочий день. Сейчас многим может показаться странным, но в советские времена продуктовые магазины действительно имели и выходные дни, и обеденный перерыв и работали до 18–19 часов. Продавщицам же тоже отдыхать надо! «Мы не хотели, чтобы нас продали, – жаловалась Павлова американским журналистам через несколько месяцев после приватизации. – Пока мы существовали в системе распределения, наш магазин всегда имел хорошую репутацию. Сейчас нас душат налогами. Того, что к концу месяца останется от выручки, едва хватает на зарплату».

Летом, когда первый приватизационный ажиотаж немного спал, цены на магазины несколько упали. А местами даже имели

место акции протеста против распродаж. Организовывали их в основном сами работники торговли, опасавшиеся быть изгнанными на улицу новыми хозяевами, а также покупатели, опасавшиеся потерять привычные удобные торговые точки. Тем не менее процесс шел, к концу августа Немцову и Беднякову удалось распродать около 450 магазинов.

Вторым на очереди оказался «Нижегородпассажиравтотранс». Это было огромное предприятие, в состав которого входило шесть автобусных парков, два таксопарка и множество грузовых автопарков. «Приватизация нужна для разукрупнения экономики, – говорил губернатор. – По сравнению с Западом у нас очень мало предприятий. И приватизация проводится для того, чтобы создать множество мелких и средних. Быстрый рост экономики возможен только через малые формы. Малые и средние предприятия способны пробудить инициативу и обеспечить занятость, поэтому приватизация грузового автотранспорта стала логическим продолжением рыночных преобразований области. Нижегородцам мало одного мощного предприятия по перевозке грузов „Нижегородпассажиравтотранс“, им понадобится много „автотрансов“». «Монополист „Нижегородпассажиравтотранс“ сейчас (да и раньше тоже) какую цену хочет, такую и заломит, и никто ему не указ, – вторил Немцову на соответствующей пресс-конференции мэр Дмитрий Бедняков. – С созданием приватных компаний по перевозке грузов у „монстра“ появится масса мелких конкурентов».

Приватизация грузовых автопарков вызвала еще большие протесты, чем в случае с магазинами. Польский представитель МФК Мариуш Волоньевич, специально нанятый Немцовым для этой миссии, даже получал анонимные письма с угрозами. А в городе появились объявления с его фотографией и обещанием заплатить 10 тысяч долларов за его голову. «Да будет вам известно, что уже две тысячи нижегородцев ездят на персональных автомобилях. Грузовых, – писала пресса. – В скором времени таковых будет еще тысячи полторы, и по количеству частных грузовиков на душу населения наша область, по всей вероятности, поедет впереди России всей. Купить автомобиль может каждый, у кого есть деньги и желание. Первые торги грузовиками пройдут в середине октября». Для России владение личным грузовиком действительно было в диковинку. Ведь в Советском Союзе таковые частным владельцам не продавались ни при каких условиях, даже в подержанном виде. Более того, гражданам долгое время не разрешали владеть даже легковыми универсалами вроде «Волга» ГАЗ-22! Не говоря уже о пикапах. Делалось это по двум причинам. Во-первых, из-за банальной

нехватки этих самых грузовиков и пикапов, носившей хронический характер. В наибольшем дефиците были не крупнотоннажные МАЗы и КрАЗы, а среднетоннажники и грузовики малого класса, фургоны и пикапы. Во-вторых, это был один из методов борьбы со спекулянтами.

Вскоре грузовые автопарки ударно распродали, а НПАТ, некогда представлявший собой целую империю, с тех пор стал чисто пассажирским транспортным предприятием. В народе уже пошли слухи, что скоро на продажу выставят и крупные предприятия: ГАЗ, «Красное Сормово», «Двигатель революции» и др. Мол, то, что большевики в свое время отняли у буржуев, снова им отдадут! И действительно, ведь как хорошо, продал по дешевке завод частнику и умыл руки. Теперь предприятие частное, пусть владелец сам и решает все проблемы и выгоняет лишних рабочих на улицу. Однако на этот шаг областное руководство все же не решилось, вероятно опасаясь роста протестов и волнений. «85% всех предприятий, которые у нас есть, совершенно бесполезны, – признавался мэр Бедняков американскому журналисту Сержу Шмеманну. – Мы могли бы их просто разогнать. Но наша работа состоит в том, чтобы не допустить кризиса, смягчить темп коллапса промышленности. В этом принципиальная разница между нашей программой и правительственной». И в общем он был прав. Большинство предприятий ОПК, лишившись военных заказов, оказалось попросту не востребовано в условиях рынка. Некоторым казалось, что вскоре эти конторы развалятся сами собой, а народ из них ринется в сферу обслуживания. «В Соединенных Штатах и Европе 70% населения заняты в сфере обслуживания. А у нас одни бюджетники и рабочие заводов» – так звучал модный лозунг того времени.

Тем временем все россияне уже узнали новое необычное слово – «ваучер». Точнее, приватизационный чек. Согласно нехитрой задумке правительства Гайдара, воспользовавшись этими бумажками, все граждане России, «от мала до велика» (чеки выдавались даже на детей, родившихся в период их выдачи – с 1 октября по 31 декабря 1992 года), должны были бесплатно получить в общей сложности 35% от приватизируемого в 1992 году государственного имущества. Вроде как раньше это было народное достояние, построенное силами же народа, а теперь этот народ вправе бесплатно получить свою долю в нем. Гражданам клятвенно обещали, что, несмотря на довольно скромный номинал – 10 тысяч рублей, ваучеры будут стоить огромных денег, на них будто бы можно будет купить пару автомобилей «Волга». Последнюю в качестве примера ценности

привели не случайно. Ведь именно легковая «Волга», сначала ГАЗ-21, потом ГАЗ-24, долгие годы была мечтой миллионов советских людей. Народу постоянно внушали с газет и телеэкранов, что жизнь в стране неуклонно улучшается, а благосостояние трудящихся неизменно растет. Однако, чтобы купить, живя на одну зарплату, даже простенький «запорожец», нужно было копить деньги несколько лет, во всем себе отказывая. Не говоря уже о «москвичах» и «жигулях». А тут наконец-то мечта сбудется! Получили ваучеры, и через год любой желающий наконец сможет купить себе по «Волге». «Срок действия чека – весь 1993 год, – писала пресса. – За это время его можно обменять на акции предприятий (акционерных обществ) в местном отделении фонда федерального имущества. Если владелец чека слабо разбирается в ценных бумагах, то он вправе обменять ваучер на акции специализированных фондов. Фонды будут аккумулировать чеки, приобретать на них ценные бумаги различных акционерных обществ и выплачивать владельцу „заложенного“ чека определенный доход». Заманчиво звучало!

В начале сентября вице-премьер и председатель Госкомимущества Анатолий Чубайс, выступая перед руководителями предприятий и органов власти Амурской области, заявил, что уже к 1 октября будет напечатана первая партия из 40 миллионов приватизационных чеков. «С учетом повышения цен приватизационный чек, оцененный по положению на 1 января 1992 года в 10 тысяч рублей, будет стоить с началом широкой приватизации 150–200 тысяч рублей», – обещал Чубайс. Конечно, уже тогда были люди, которые скептически относились к обещаниям правительства. «Хлестаковщина? Маниловщина? – писала „Ленинская смена“. – Как сказать… Во-первых, за деньги акции не купишь, только за чеки. И при суперинфляции они в цене подскочат. А во-вторых, чем объяснить россиянам, почему их доля в собственности – всего три ящика водки, лучше напустить туману про светлое ваучерное будущее.

А в-третьих, накануне новых резких повышений цен (на хлеб, на энергоносители) срочно нужна подслащенная пилюля ценой – ориентировочно 150–200 тысяч рублей». «О ваучерах говорят по-разному, – писал журналист Михаил Иванов. – Одни считают, что владелец приватизационного чека – потенциальный миллионер. Другие видят в чеках пустую бумажку, от которой следует как можно быстрее избавиться. Ни один нижегородец еще не получил пропуск в царство собственников. Но сбыть его с рук уже можно. Одна из брокерских контор Нижегородской биржи объявила о желании приобрести опцион (право на покупку) ваучера. И готова заплатить за это право тысячу рублей. Потом, когда продавец

получит и сам чек, брокеры купят его за 3 тысячи. Таким образом, ориентировочная цена ваучера составляет 4 тысячи рублей. Не слишком много, зато верные деньги и сразу». Впрочем, специалисты советовали не спешить с продажей чеков, так как предсказывали постепенный рост цен на них. Правда, в то, что кто-то даст за ваучер его номинальную стоимость – 10 тысяч рублей, уже тогда никто всерьез не верил.

Ну и конечно же на этом фоне просто не мог не появиться новый вид преступлений! На первых порах преступники действовали по примитивной схеме. Например, висит на какой-нибудь конторе вывеска «куплю ваучер». А возле нее шныряет пара типов. Подходит гражданин к двери или окошку, а ему говорят: если хочешь ваучер продать, дам вдвое дороже! Если доверчивый продавец соглашался, ему предлагали отойти в подворотню и там совершить сделку. Ну а потом злоумышленники попросту выхватывали приватизационные чеки из рук и убегали. И оставались некоторые и без доли в промышленности, и без денег…

«Нас не утопят!»

Не успел Немцов расправиться с ненавистной ему атомной котельной и отпраздновать этот факт, как уже вскоре на горизонте замаячил новый, «ужасный», по его мнению, энергетический проект. Точнее, старый, но недоделанный…

Летом 1992 года нижегородская общественность узнала, что правительство собирается принимать решение о достройке Чебоксарской ГЭС и подъеме уровня Чебоксарского водохранилища до проектной отметки. В былые годы это событие конечно же вызвало бы сплошное одобрение в прессе, которая бы с запоем писала о достижениях советских энергетиков и восхищалась просторами нового рукотворного моря. Тем более что указанное мероприятие должно было завершить гигантский проект по созданию единого глубоководного пути от Балтики до Черного моря и каскада ГЭС, заложенного еще в 30-х годах при Сталине. Однако на дворе было начало 90-х, советские проекты и достижения стали не в моде. Более того, появился тезис о «сплошном вреде» равнинных гидроэлектростанций и миф о том, как тоталитарный режим испортил до неузнаваемости Волгу, воспетую в картинах Левитана. Поэтому новость вместо радости вызвала шквал критики и протестов. Экология тогда была в моде, а новоявленные экологи словно озверелые набросились на Чебоксарское водохранилище. Ну и Немцов был бы не Немцов, если бы он, даже не разбираясь в сути вопроса, эти «справедливые протесты» не поддержал!

Тут, как и в случае с ГАСТ, стоит кратко остановиться на истории вопроса. Тем более он по сей день является предметом бесконечных споров и дискуссий.

Первые проекты постройки на Волге «выправительных сооружений» появились еще в XIX веке, а отнюдь не при большевиках, которые «все только уродовали». Это было связано с огромным материальным ущербом, который ежегодно наносила река судоходству и городам, расположенным на берегу. Главной причиной была неравномерность уровня воды, который во время дождей и паводка резко поднимался, а в засуху, наоборот, падал до минимума. Получалось, что в половодье Волга превращалась в бушующую стихию, смывавшую и уносившую вниз по течению пристани, мосты, дома, целые кварталы и деревни. Летом же река настолько мельчала, что ее можно было во многих местах попросту перейти пешком. Кроме того, из-за сильного течения на Волге постоянно происходили шторма, ежедневно тонули суда и гибли люди. Вот какой представала крупнейшая река Европы

глазам наших предков! В 1881 году научная экспедиция под руководством профессора Богуславского по инициативе Министерства путей сообщения провела масштабное исследование Волги. В первую очередь ученые измеряли количество воды, проходящей через живое сечение русла реки в различных ее пунктах и при различных степенях горизонта. В результате были подготовлены точные расчеты, какой ежесуточный объем воды необходим для поддержания фарватера в судоходном состоянии в период засухи. По итогам исследований Богуславский издал труд под названием «Волга, как путь сообщения». В нем он предложил построить запруды в долинах рек, впадающих в Волгу, с тем чтобы во время паводков удерживать там излишний объем воды.

Если говорить современным языком, речь шла о водохранилищах. Ученые даже составили подробную смету проекта, включавшую в себя расходы на постройку самих плотин, выкуп подлежащих затоплению земель, строений, а также компенсацию жителям за переселение на другие места. Таким образом, еще при царе Александре III русским ученым стало ясно, что обуздать свирепую Волгу можно только с помощью мощных гидротехнических сооружений. Позднее на основе исследований экспедиции Богуславского появился на свет более радикальный проект известного инженера В. В. Малинина. Он предлагал построить на Волге от верховьев до Камского устья несколько мощных плотин со шлюзами, перегородив ими реку. Тем самым, по мнению Малинина, уровень воды был бы поднят на нужные отметки на всем протяжении, а течение бы при этом замедлилось в два-три раза. Тем самым убивались сразу два зайца. Во-первых, обеспечивалось бесперебойное судоходство, во-вторых, уходили в прошлое штормы и страшные наводнения, которыми издревле славилась Волга-матушка. Благо опыт таких сооружений, хоть и в меньшем масштабе, в России существовал. Плотины и шлюзы работали на Мариинской системе, в верховьях Оки и в других местах. В 1895 году в Петербурге проходил съезд гидротехников, на котором инженер Малинин сделал доклад по строительству плотин и водохранилищ на Волге, который, как писали «Губернские ведомости», «ни в общем, ни в деталях не вызвал никаких возражений, после чего было постановлено: „Принять доклад к сведению…“». Далее, по выражению прессы: «Вероятно в силу традиционного обычая, этот проект, как и много других полезных начинаний, найдет там преждевременную могилу, если печать не поможет ему увидеть свет Божий». Однако из-за нехватки средств в царские времена проекты по реконструкции Волги так и остались нереализованными.

К вопросу о «выправительных сооружениях» вернулись уже при советской власти. В 1931 году была выдвинута идея создания каскада гидроузлов на Волге и Каме, известная как проект «Большая Волга». Предполагалось возвести 10 гидроузлов. При этом выработка электроэнергии, как это многие думают, вовсе не являлась главной задачей. Проектируемый каскад должен был создать единый глубоководный путь, соединяющий Каспийское, Черное, Балтийское и Белое моря. Водохранилища позволяли полностью исключить проблему паводков, замедлить течение и обеспечить равномерный уровень воды на протяжении всего года. Реализация проекта началась с постройки Иваньковского, Угличского и Рыбинского гидроузлов. В послевоенный период проект реконструкции Волги был доработан. Кроме уже введенных в строй трех плотин, было решено создать еще шесть на Волге и четыре на Каме. Сразу после Горьковской, Куйбышевской и Волгоградской намечалось построить и Чебоксарскую ГЭС. Последней отводилась ключевая роль в центре каскада. В 1950-х годах институтом Гидроэнергопроект было разработано проектное задание на строительство станции в Пихтулинском створе (4 километра ниже Чебоксар). На основании этого еще в 1959 году Совет министров РСФСР запретил новое строительство в зоне будущего Чебоксарского водохранилища. Таким образом, никаких новых населенных пунктов и промышленных объектов в районе подтопления с тех пор не должно было возводиться.

В 1960 году место станции окончательно определили в Ельниковском створе, тогда же и установили проектную отметку верхнего бьефа в 68 метров над уровнем моря. Здесь необходимо пояснить, что, по сути, каскад водохранилищ является лестницей, в которой высота каждой ступеньки рассчитана с точностью до метра! Только при этом условии «выправительные сооружения» полностью обеспечивают перечисленные выше функции: обеспечение равномерного уровня воды, глубоководного пути и защита от паводков. Работы по сооружению Чебоксарской ГЭС были начаты в 1968 году, Волга была перекрыта плотиной в ноябре 1980-го. А 31 декабря того же года после подъема воды на промежуточную отметку 61 метр был пущен первый гидроагрегат. К следующей весне водохранилище поднялось на вторую промежуточную отметку – 63 метра. В 1987 году, после достройки всех инженерных защит, планировалось достижение проектного уровня… Однако из-за нехватки средств оно не было осуществлено. В связи с этим станция не была принята в эксплуатацию и ее строительство по сей день считается незавершенным.

11 сентября 1992 года в Чебоксарах прошло Всероссийское совещание с участием президента Ельцина и председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова по поводу нового подъема уровня Чебоксарского водохранилища. В Нижнем Новгороде еще задолго до этого события началась настоящая истерика. «Несмотря на протесты администрации Нижегородской области и Марийской Республики, общественности и „зеленых“, энергетики упорно настаивают на подъеме воды, и МИНТОП ЭНЕРГО России уже подготовило по поручению правительства соответствующие обоснования, – писала нижегородская пресса. – При этом их мало заботит, что затопленными окажутся многие гектары земель, лесов, пастбищ. Практика строительства гигантских ГЭС на равнинных реках давно себя скомпрометировала, а представители энергетических ведомств по-прежнему не желают признавать свои ошибки. Остается надеяться, что позиция здравого смысла главы Нижегородской администрации Бориса Немцова и руководства Марийской Республики перевесит аргументы сторонников пагубного проекта. Очень многое сейчас зависит от простых нижегородцев».

Однако вопрос в итоге решили вовсе не «простые нижегородцы», а губернатор Немцов, ссылавшийся на их всеобщее негодование. «Только-только стал губернатором Нижегородской области, и тут в правительстве решается вопрос подъема уровня воды в Чебоксарском водохранилище, – рассказывал потом Борис Ефимович. – Вопрос для Нижнего Новгорода судьбоносный. Если бы воду подняли, то затопило бы всю индустриальную часть Нижнего Новгорода, что привело бы к катастрофе. Чувашская Республика во главе с Николаем Федоровым выступала категорически „за“ этот проект, поскольку увеличивалась выработка электроэнергии, повышались налоги, зарплаты и прочее. Мы – „против“. Истерика, попутно организованная областными властями и СМИ по поводу пресловутой 68-й отметки, зачастую основывалась на лучших традициях советской пропаганды. Энергетиков обвинили в том, что „они покушаются на нижегородские святыни“. Мол, мало того, что бесценные заливные луга и другие плодородные земли хотят утопить, так еще и на храмы подняли руку! Точнее, воду. Якобы такие важные для духовного наследия края Макарьево-Желтоводский монастырь и кафедральный собор Александра Невского при подъеме водохранилища могут уйти в пучину и разрушиться. Как то уже случалось в 1941 году в печально известном поселке Молога во время строительства Рыбинского гидроузла. И легковерные нижегородцы сразу же представили апокалипсическую картину, как погружаются в болото белые

стены монастыря, трескается и рушится один из символов города – желтый собор на Стрелке… В общем, ужас!»

В Чебоксарах тогда вопрос так и не решили, вскоре он обсуждался уже на заседании правительства. «На совещании у Гайдара мы обсуждали подъем Чебоксарского водохранилища, – вспоминал Немцов в 1996 году. – Было очень много людей: проектанты, представители Самары, Чувашской Республики, Марийской, мы – нижегородцы. Высказывались самые разные точки зрения. Причем наукообразные утверждения теоретиков сочетались с очень эмоциональными выступлениями нижегородцев, марийцев… Гайдар все это слушал, потом в конце сказал: „Водохранилище поднимать не будем. Решение принято“. Тот самый „тихий Гайдар“, который, иногда причмокивая, иногда не причмокивая, говорил что-то, вдруг проявился как абсолютно твердый и непоколебимый политик и хозяйственник». Кстати, через 10 лет Немцов вспомнил еще ряд интересных подробностей, связанных с этим событием: «Перед поездкой в Москву мой заместитель Иван Скляров предлагает: „Слушай, Батька (он меня звал Батькой, хотя старше меня), так просто эти дела не делаются. Надо подготовиться к совещанию. Мы же на Волге живем, надо бы икорки с собой прихватить, да и Хохлома у нас неплохая, Городецкая роспись отличная. Водочки возьмем литров двадцать. Да и поедем на двух машинах, чтобы перегруза не было“. Он человек опытный, партийно-советской закалки. В общем, загрузились и поехали в столицу. Идем на совещание, „сани“ с дарами оставили во дворе. Гайдар тогда блестяще провел совещание, вопрос рассмотрели за каких-то полтора часа. Ситуация разрешилась благополучно для нас. После совещания я подхожу к Гайдару и говорю: „Спасибо вам огромное. Мы с моим заместителем привезли вам от нижегородцев, арзамасцев (а у Гайдара дедушка из Арзамаса, там и школы, и больницы имени Гайдара) небольшой подарок“. Гайдар, как интеллигентный человек, тоже благодарит и уходит. Мы со Скляровым возвращаемся в машину, забираем баулы с икрой, водкой и хохломской росписью и заносим все это в приемную премьер-министра. И вдруг… Банки разлетаются из сумок, катятся по кабинету и, как в калейдоскопе, – „икра черная“, „икра осетровая“… Помощник Гайдара смотрит на все это выпученными глазами и спрашивает: „Что это?“ На шум выходит Гайдар, хватается за голову: „Убирайте все и идите к чертовой матери! Быстро!“ Скляров начинает его уговаривать, премьер его с этими уговорами просто на х… послал… Я не могу передать, как мне было стыдно! Возвращаемся в Нижний с этой водкой, и я говорю Склярову: „Иван Петрович, ты меня опозорил. Он же из

интеллигентной семьи, образованный, да и из другого поколения, а ты со своей совковой тупостью“. А он мне: „Да ты сам идиот, разве ж так это делают? Надо было отвезти все Гайдару домой и отдать жене“».

Спекуляция на страхе перед наводнением оказалась весьма выигрышным пиар-ходом. На нем же были основаны «опасения», что подъем уровня водохранилища вызовет затопление Заречной части Нижнего Новгорода, вызовет «общее резкое ухудшение» экологической обстановки в регионе, потребуется переселение жителей, значительные затраты на изменение инфраструктуры и инженерную защиту Нижнего Новгорода. И это притом, что упомянутая Заречная часть вовсе не является низиной, шкала высот в разных районах там колеблется от 69 до 80 метров, то есть выше проектного уровня водохранилища. Утверждения о том, что «уже сейчас 20–30% территории этой части города находятся в подтопленном состоянии, а грунтовые воды залегают в этих местах выше 3 метров», также были несостоятельны. Истинной причиной внутригородских наводнений являлась не столько собственно вода, сколько отсутствие необходимой дождевой канализации и дренажей, которые не построили при советской власти. Между тем проект строительства Чебоксарского гидроузла предусматривал не только поднятие уровня воды, но также строительство и совершенствование инженерной защиты на всей зоне подтопления. Что касается святынь, то тот же собор Александра Невского находится на высоте 80 метров над уровнем моря и никоим образом не попадал в зону влияния водохранилища.

Затопление неких «ценных сельхозугодий» также было придумано на ходу, ибо предусмотренные проектом гидроузла 68 тысяч гектаров были выведены из оборота еще в 1975–1980 годах. Тогда же провели компенсационные мероприятия, в том числе повышение продуктивности незатопляемых сельскохозяйственных угодий путем проведения мелиоративных работ и освоения новых земель. Одновременно с этим в 80-х годах была проведена и очистка территории от лесов. Столь же нелепыми выглядели и панические опасения, что поднятие уровня водохранилища якобы приведет к заболачиванию и, следовательно, ухудшению качества воды. Дескать, в районе Стрелки будут квакать лягушки, а вся рыба передохнет. Кое-кто и вовсе заявлял, что в водохранилище начнут расти ядовитые водоросли! Так или иначе, Немцов благодаря своему влиянию на Ельцина смог добиться замораживания проекта на неопределенный срок. В 1995 году при Черномырдине энергетики снова инициировали вопрос о поднятии уровня водохранилища. Правда, на сей раз речь шла о

«компромиссной» 65-й отметке. Была даже создана комиссия государственной экологической экспертизы, которая должна была изучить состояние дамб, защитных сооружений и мнение жителей. Осмотрев плотину и ГЭС, ее члены на вертолете облетели все водохранилище, а потом провели ряд совещаний на местах. Председатель комиссии академик И. П. Айдаров тогда заявил, что все заинтересованные стороны предоставили массу бумаг и документов, но все при этом что-то скрывали и недоговаривали. Впрочем, итоговый результат получился тот же. Если, будучи в Чебоксарах, ученые были уверены в необходимости подъема уровня воды на отметку 65 метров, то посещение Республики Марий Эл и Нижегородской области породило у них сомнения. «Почти все гидротехнические сооружения не достроены и не выполняют свои защитные функции, кроме того, рассчитанные на всю ту же отметку 68, они „не работают“ при отметке 63 метра», – отметил тогда гидротехник Н. П. Куранов. В итоге вопрос снова отложили до лучших времен.

Нижегородская область осталась единственным регионом на Волге, в котором каждую весну происходят большие паводки. При этом в ходе весеннего половодья уровень воды в районе Нижнего Новгорода иногда достигает отметки 72 метра и более! Подобный уровень воды фиксировался как раз при Немцове – в 1994 году. Но никакого подтопления города почему-то не случилось. А крупнейшая в Европе Чебоксарская ГЭС по сей день работает всего на 60% от своей проектной мощности, при этом ежегодная недовыработка энергии составляет, без малого, 1,43 миллиарда кВт/ч. Кроме того, длительная работа гидроагрегатов на непроектном напоре воды стала приводить к их ускоренному износу и частому ремонту. Еще больший ущерб от замораживания проекта был нанесен судоходству. Вследствие работы водохранилища на пониженной отметке с годами начало происходить так называемое выклинивание подпора в верхнем бьефе. То есть русло стало вымываться и деградировать, а глубина постепенно падать. Уже в начале 2010-х годов на участке от Городца до Нижнего Новгорода необходимая гарантированная глубина 4 метра стала обеспечиваться только при усиленном сбросе воды на Нижегородской ГЭС. Кроме того, воды стало не хватать и для нормальной работы шлюзов Чебоксарской ГЭС. В результате этот участок речные суда стали проходить с недогрузом в 20% в течение двух суток, а пассажирские корабли пропускаться только в течение трех часов в сутки. Следующие транзитом крупнотоннажные суда оказались вынуждены и вовсе снимать часть грузов на суда с меньшей осадкой, проходить

мелководный участок, по две недели стоять в очереди на шлюзование, а потом вновь загружаться. Понятно, что и эта ситуация привела к многомиллионным убыткам. Страдают и речники в других регионах. Ибо из-за недолива Чебоксарского водохранилища гарантированные глубины не выдерживаются и в нижней части транспортного коридора «Север-Юг» на участке от Волгограда до Стрелецкого. В верхней части же части Волги также наблюдается тенденция снижения гарантированных габаритов пути из-за чрезмерных сбросов воды с Нижегородской ГЭС.

Таковы были весьма неполные последствия популистских решений Немцова и властей Республики Марий Эл, которые с каждым годом ощущаются все острее. После его ухода ситуация с Чебоксарским водохранилищем и вовсе, как говорят психологи, перешла на невротический круг. По поручению президента Путина в начале 2010-х годов компания «РусГидро» вернулась к проекту наполнения водохранилища до проектной отметки. Однако политику Немцова с воодушевлением и использованием новых технологий продолжил уже губернатор Шанцев. Опираясь на широкое «общественное негодование», которое создавалось подконтрольными СМИ, не допускавшими никакой альтернативной информации кроме страшилок о «потопе» и «болотах», он несколько лет бился против проекта. В итоге правительство долго думало и в 2015 году приняло некий компромиссный вариант – построить рядом с Нижним Новгородом еще одну плотину и образовать новое водохранилище. Чтобы поднять уровень воды только на критическом участке. Правда, многие специалисты считают, что это лишь временная мера, которая через годы заставит снова вернуться к вопросу о 68-й отметке…

Справедливости ради стоит отметить, что, даже если бы Немцов и К° в 1992 году не стали вставлять палки в колеса данному проекту, вряд ли бы в то время его удалось довести до конца. На масштабные работы по берегоукреплению, скорее всего, не хватило бы средств, учитывая, какие времена были впереди. Однако само по себе принятие решения могло дать старт работам и облегчить решение этой задачи в будущем.

На заре беспредела

Тем временем страна вступала в эпоху криминального беспредела. Бандитские разборки с пальбой из автоматов прямо посреди города, заказные убийства, стрельба по милиционерам – то, что лет пять назад видели только в криминальном сериале «Спрут», теперь входило в обиход и на наших улицах. 6 мая 1992 года в Бутове, на окраине Москвы, состоялась вошедшая в историю разборка между сразу несколькими криминальными группировками. Побоище, в котором участвовало свыше сотни бандитов, закончилось перестрелкой. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, братва разъехалась до подъезда милиции, бросив сразу несколько автомобилей и оставив после себя кучи автоматных гильз. В том же месяце возле одного из крупных столичных ресторанов устроили пальбу представители чеченской и сибирской мафии. И снова изрешеченные дорогие автомобили, лужи крови и россыпь автоматных гильз. Все это напоминало даже не итальянскую коза ностра, а скорее Чикаго начала 30-х годов.

Нижний Новгород, разумеется, не отставал от остальной страны. И хотя крупных бандитских разборок с перестрелками в нем еще не регистрировали, автоматные очереди уже раздавались. 19 мая на складе № 5 ПО «ГАЗ», забитом новенькими «Волгами» ГАЗ-31029, появились четыре крепких парня с автоматами. Приказав опешившим сторожам лечь на землю и не вставать как минимум полчаса, они захватили пару легковушек и скрылись… «Двадцать девятая» «Волга» тоже относилась к символам той эпохи. Сконструированная еще в СССР путем навешивания немного переделанного кузова «чиновничьей» ГАЗ-3102 на шасси более «народной» ГАЗ-2410, она была запущена в производство уже в новой России. Причем собирать первую партию начали еще в формально советские времена – в декабре 1991 года, но из ворот завода она вышла уже в постсоветские – в январе 1992-го. И хотя эта «Волга» по качеству и дизайну не шла ни в какое сравнение со своими предшественницами, бренд машины – «мечты миллионов» продолжал работать. Посему стоила «двадцать девятая» дорого и на складах долго не залеживалась. И вот именно такие машины с визгом и ревом неслись по нижегородским улицам в то утро. Правда, преступники были не местные, плохо ориентировались в городе, поэтому довольно оперативно были перехвачены патрульной «Волгой» патрульно-постовой службы. Пытаясь уйти от погони, бандиты заехали в глухие кварталы частных домов за

стадионом «Локомотив» и в итоге оказались в тупике. Бросив машины и разделившись по парам, они ринулись бежать вглубь частного сектора. Двое милиционеров бросились за ними, третий остался в машине – держать связь. Однако силы оказались не равны. У патрульных лишь пистолеты Макарова, а у бандитов – автоматы Калашникова. В итоге 25-летний сержант Игорь Глоткин попал в засаду и был расстрелян в упор. Только после этого случая, потрясшего весь город, милиционерам разрешили брать с собой автоматическое оружие. Хотя бы один калаш на экипаж.

Захваты автомашин в то время были не редкостью. Товар ведь ходовой, стоит дорого, а добыть проще простого. Остановил машину в безлюдном месте или на трассе, выкинул водителя и угнал. Тем более сотовых телефонов тогда не было и с момента преступления до сообщения в милицию порой проходил час или два. За первые пять месяцев 1992 года в Нижегородской области было угнано 134 автомобиля, в том числе 51 машина захвачена (большинство с применением оружия). И почти все были «Волги». Причем не только новой модели, не чурались бандиты и «двадцатьчетверок», в том числе такси. Как раз незадолго до упомянутого случая в районе деревни Федяково вооруженные преступники остановили ГАЗ-2410 такси и, угрожая оружием, выбросили из нее водителя. Среди захваченных автомобилей оказалась даже персональная «Волга» начальника Высшей школы МВД генерала Бабаева.

В июле 1992 года городская прокуратура Нижнего Новгорода подготовила сводку о состоянии преступности за первое полугодие. «Цифры неутешительные, – сообщали СМИ. – Преступность растет практически во всех районах Нижнего. Если в первом полугодии 1991 года на территории города зарегистрировано 16 630 преступлений, то за тот же период 1992 года – 19 892. Наибольшее количество преступлений зарегистрировано в Автозаводском, Канавинском и Сормовском районах. Число тяжких преступлений возросло с 2431 до 2786. Наибольшее число таких преступлений зарегистрировано в Автозаводском (377), Ленинском (473) и Нижегородском (383) районах». Число умышленных убийств выросло с 51 до 85, а тяжких телесных повреждений со 191 до 225, грабежи и разбойные нападения на государственное и личное имущество с 22 до 77, грабежи личного имущества – с 1089 до 1664. Преступность, совершенная в общественных местах, возросла на 22,3%, на улицах – на 20%. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними, выросло на 29%, группой лиц – на 32%. При этом больше всего выросло число преступлений,

совершаемых нигде не работающими людьми, – сразу на 46%. Единственный вид преступности, по которым в 1992 году, наоборот, наметилось снижение, – это изнасилования. Оно и понятно, когда есть стало нечего, многим было уже не до секса, в том числе извращенного! Впрочем, самый плохой показатель того времени – это раскрываемость преступлений. За первую половину года этот показатель составил лишь 62%. Не случайно многие граждане уже не верили в то, что милиция их бережет, и зачастую в органы внутренних дел вовсе не обращались.

А с началом холодов невиданный доселе размах принял новый вид преступлений – срыв шапок. «За сутки по городу регистрируются от 10 до 15 подобных сигналов, – сообщали СМИ. – А что будет, когда нагрянут настоящие холода? Работники правоохранительных органов озабочены тем, что в последнее время участились случаи „шапочных“ грабежей, совершенных девушками-подростками. Совсем недавно двое из них, сорвавших шапку в Советском районе, были задержаны и теперь привлекаются к уголовной ответственности. Грабитель, совершивший аналогичное преступление в Сормовском районе, был задержан благодаря смелости и мужеству гражданина К. Он гулял с собакой и стал свидетелем грабежа. Не растерявшись, гражданин К. дал команду собаке задержать преступника, и подоспевший наряд милиции доставил последнего в райотдел». Конечно, головные уборы крали и в былые годы, но именно в ту пору данный вид преступлений приобрел особенно широкий размах. Как раз в это время вошли в моду норковые шапки – еще один атрибут «лихих девяностых». Они и стали главной мишенью уличных грабителей. Впрочем, воровали «норки» и в других местах: в гардеробах, раздевалках, из кабинетов учреждений. В общем, отовсюду, где шапки «плохо лежали». Занимались этим в основном наркоманы, таким способом «зарабатывавшие» на очередную дозу. Те, кто по-прежнему предпочитал (в основном из-за нехватки денег) ходить в старых ушанках и вязаных шапочках, подвергались риску быть ограбленными куда меньше.

Глава 6
Год обманутых надежд

Секс-шопы и амбалы-менялы

1993 год больше всего запомнился огромной инфляцией. Ни много ни мало, а 30%. Не в год, а ежемесячно! «По статистическим данным, сохраняется тенденция к увеличению цен на все, ухудшение материального состояния большинства наших сограждан и интенсивный рост прожиточного минимума, – писала „Ленинская смена“. – Так, средний прожиточный минимум составляет 9514 рублей, среди работающих – 10 427 рублей, пенсионеров – 6556… Средний денежный доход на одного работающего составляет в промышленности 28 167 рублей, в сельском хозяйстве – 31 111, а в социальной сфере – 23 475 деревянных. Средний размер пенсий – 9622 рубля, что чуть-чуть превышает скромный прожиточный минимум. Безработных в Нижнем Новгороде зарегистрировано 26 003 человека, а сколько в реальности – одному Богу известно». Примечательно, что эти цифры примерно соответствуют современным. Ныне средняя зарплата в России, по официальным данным, тоже близка к 25 тысячам рублей, а «средняя» пенсия 10 с небольшим тысяч. Только вот цены на продукты того времени, мягко говоря, сильно отличались от современных. К примеру, килограмм мяса стоил в среднем 859 рублей, килограмм вареной колбасы – 1187 рублей, литр молока – 80 рублей, а кило картошки – 104 рубля! Получается, что среднестатистический пенсионер мог купить на пенсию 9 килограммов колбасы… Промтовары, в частности одежда, тоже были большинству, как говорится, не по карману. Самые простые мужские брюки стоили в среднем 2650 рублей, а джемпер – 13 877 рублей. Цены же на бытовую технику были вообще заоблачными: например, холодильник в Нижнем Новгороде стоил 180–200 тысяч рублей! То есть по нынешним меркам почти как автомобиль.

Инфляция и безудержный рост цен не щадили никого. Инженеры, ученые, военные, преподаватели – все, кто еще вчера жил вполне обеспеченно, оказывались на грани нищеты. В это время мало кому «у нас на Руси» жить стало хорошо. То, что еще вчера считалось престижным, в одночасье стало убыточным и ущербным, те, кто еще недавно катался как сыр в масле, оказались на обочине жизни. В 1993 году военные заводы оказались в отчаянном положении, пытаясь продать хоть что-нибудь. Тот же машзавод, не сумевший продать свое оружие, наладил поставки «легендарных» пылесосов «Циклон» (была такая «установка», ревевшая, как авиационный двигатель в миниатюре) в Марокко, Румынию, ОАЭ, а также листового

проката в Китай. Причем не за деньги, а в обмен на дешевые китайские товары. Многие, вероятно, еще помнят слово «бартер». Это когда расчеты выполнялись не деньгами, а товарами. К примеру, за 1000 пуховиков покупали 500 чайников или два грузовика в обмен на 300 тонн солярки и т. п. Появление бартерных сделок было связано с гиперинфляцией, доходившей до 30% в месяц. Из-за этого заключение каких-либо долгосрочных договоров стало очень рискованным, а то и вовсе невыгодным. Вот и пошел обмен, как в Средние века в эпоху натурального хозяйства… У предприятий и учреждений ВПК впереди были трудные времена. Это и массовые сокращения работников, и многомесячные задержки зарплаты, и обманутые надежды на самоокупаемость. Вскоре некоторые конторы ради выживания занялись непрофильной работой. Как, к примеру, упомянутый авиазавод, занявшийся ремонтом троллейбусов. Другие, типа режимной в прошлом «Эры», и вовсе превратились в торговые центры.

Ко всему прочему прибавились и ставшие хроническими задержки зарплаты. Коснулись они даже святая святых. Союз разработчиков ядерного оружия (именно так называлась «общественная организация, объединяющая создателей атомных боеприпасов») направил открытое письмо президенту Ельцину и Верховному Совету Российской Федерации. Сообщалось, что в еще недавно сверхсекретном атомграде в Саровской пустыни создалось критическое финансовое положение. Оказалось, что из-за нехватки средств государство перестало выделять деньги не только на зарплаты сотрудникам ядерного центра, но и на утилизацию ядерных боеприпасов, хранение плутония, изготовление спецконтейнеров и устройств! Про Саров (точнее, пока еще Арзамас-16), о существовании которого еще недавно большая часть россиян даже не подозревала, видимо, попросту забыли! Ну не до того было президенту и правительству! Как-никак, собственные полномочия до сих пор не могли поделить, не знали, пенсии из каких средств выплачивать, гиперинфляция шла в стране, хлеба не хватало… А тут еще какие-то ядерщики со своим плутонием. В связи с этим работники Арзамаса-16 решились на невероятный шаг – пригрозили забастовкой и… ядерной катастрофой.

Было в жизни много и других изменений. В Немцовской губернии – в Нижнем Новгороде и Дзержинске – открылись первые секс-магазины (слово «секс-шоп» еще не вошло в наш язык, посему называли новые заведения по-русски). Любопытно, что один из них, вполне в духе времени, находился в кожно-венерологическом диспансере, а второй в лечебно-

оздоровительном центре. Как говорится, позанимался сексом – и прямиком на лечение! Пресса писала, что наибольшим спросом у покупателей пользуются возбуждающие крема и мази, искусственные фаллосы и «заменители женских половых органов»… А в разных местах между тем расплодились русские «шанхаи» – многочисленные барахолки, где народу предлагались модные для того времени шмотки: «собачьи» шапки, джинсы марки «ливайс», олимпийки типа «адидас» и китайские пуховики. В Нижнем Новгороде самой большой торговой площадкой такого рода стал Центральный рынок в Канавине, где неказистые деревянные киоски и торговые палатки заполонили также и все соседние улицы. Множество барахолок, в том числе не очень санкционированных, появилось в самых разных местах города: прямо посередине пешеходной Большой Покровской, на Черном пруду, на пешеходных аллеях в центре Сормова, у кинотеатра «Россия» и т. д. Сейчас, когда граждане уже привыкли к огромным торговым центрам, такой вид торговли кажется диковатым. А тогда нам, уставшим от дефицита, думалось, что вот он – настоящий капитализм! Кроме того, в стране появилось большое количество всевозможных сект, проповедовавших самые разнообразные учения: «белые братья», предсказывавшие скорый «конец света», а конкретно 18 ноября 1993 года, кришнаиты и т. д. В общем, разгул демократии… Ну а в газетах можно было прочитать объявление вроде «Куплю квартиру за 30 ваучеров». Так и не дождавшись обещанных «двух „Волг“», большинство людей по сходной цене продавало их в киосках. На вырученные деньги можно было приобрести модные электронные часы «монтана» плюс несколько шоколадок «сникерс». В общем, рыночная экономика…

Криминальная хроника пестрила рассказами о доселе неслыханных преступлениях. Рабочим же надо было на что-то жить и кормить семьи! Воровать начали то, что еще недавно валялось никому не нужным во дворах и на свалках. «16 июня инспектором охраны Советского РОВД капитаном милиции В. Большаковым в переулке Бойновском были задержаны похитители прутков меди в количестве 43 кг с недавно рассекреченного завода им. Петровского, – писала „Ленинская смена“. – Ими оказались Р. А., 1968 года рождения, проживающий по улице Малиновского в доме 10, кв. 38, инвалид 2-й группы (что вызывает сочувствие, но зачем же грабежом заниматься?), а также В. А., 1952 года рождения, слесарь обокраденного завода… Крадут у государства и тогда, когда добро тщательно охраняется. Так, с 12 июня по 16-е, несмотря на то что склад НИИ „Кварц“ оберегает ведомственная охрана, оттуда сперли 1 тонну меди».

Ну а кто не помнит уличных валютных менял, появившихся в людных местах города? Были среди них, конечно, и честные «предприниматели». Но нередко граждан в этих уличных ходячих «обменных пунктах» облапошивали. «Работали эти ребята на площади Революции у Московского вокзала дружно, дело у них спорилось. Работали, так сказать, „по финансовой линии“, – рассказывала криминальная хроника. – Проще говоря, меняли желающим наши „деревянные“ на доллары. Навар „бригада“ (главарем у которой был некто Г. по кличке Амбал) ежедневно имела солидный. Ведь на самом деле жаждущих иметь доллары они весьма тонко обманывали. Операцию по задержанию аферистов провели сотрудники межрайонного отдела по борьбе с преступлениями в сфере экономики. Взяли банду из 8 человек мгновенно». В эти же дни в кинотеатре «Россия» был задержан, по выражению журналистов, «финансовый воротила», который пытался продать двум гражданам зеленых на сумму целых 2 миллиарда рублей! В общем-то в торговле валютой ничего противозаконного тогда уже не было, однако делать это должны были специальные обменные пункты, а не прохожие на улице.

Летом 1993 года нижегородцы впервые узнали, что всенародно избранный депутат, оказывается, может быть отнюдь не «слугой народа», а жуликом. СМИ сообщили, что сессия Нижегородского горсовета дала согласие на арест некоего депутата Сухова. Последний «подрабатывал» в фонде имущества и, пользуясь своим служебным положением, помогал коммерсантам в проведении аукционов. А в итоге был пойман на взятке в 600 тысяч рублей.

«Спаситель Нижнего Новгорода»

В таких вот условиях в Нижний Новгород прилетела сама бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Нижегородцы, которые были наслышаны о знаменитой Железной леди из выпусков «Международной панорамы» и газет «Правда» и «Известия», неожиданно смогли увидеть ее собственными глазами! Причем не по телевизору или на официальном приеме, а прямо на центральной пешеходной улице города – бывшей Свердловке. Еще лет пять назад такое даже во сне невозможно было представить. Это все равно как встретить зловещего Рональда Рейгана, которым пугали советских детишек в начале 80-х, на барахолке! «Ранним утром следующего дня мы с Дэнисом и нашей дочерью Кэрол, взявшейся освещать наш визит в газете European, отправились самолетом в Нижний Новгород, – писала об этом событии сама Тэтчер в своей книге „Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира“. – При коммунистах он назывался Горьким и был закрытым городом, где велись секретные разработки ядерного оружия. Само его существование долгое время скрывалось, насколько это было возможно, от Запада. Экипаж частного британского самолета, которым мы пользовались, вынужден был взять на борт российского штурмана, чтобы тот помог отыскать аэродром, не отмеченный ни на одной из обычных карт.

Было время, когда Нижний Новгород, насколько мне известно, олицетворял совсем другую традицию в российской истории. В 1817 году в городе прошла первая ярмарка, которая быстро приобрела репутацию самой известной в России. Русские, по праву считающиеся самыми изобретательными в мире в том, что касается пословиц и поговорок, говорили, что Москва – сердце России, Санкт-Петербург – ее голова, а Нижний Новгород – карман. С окончанием холодной войны пришел конец и военному бюджету, который обеспечивал рабочие места. „Карман“ быстро пустел. Поэтому у населения появились все основания для возврата к предпринимательству – старому способу зарабатывать на жизнь. Успех предпринимательства в конечном итоге зависит от делового чутья. Однако для создания работоспособного предприятия требуется также определенный опыт и, конечно, соответствующая правовая и финансовая основа. В Лондоне до меня доходили слухи о том, что губернатор области Борис Немцов – человек, понимающий все это и проводящий в жизнь радикальную программу, которую некоторые называют „тэтчеризмом“, а я – здравым смыслом. Именно поэтому я и

решила посмотреть на это сама, а наше посольство организовало поездку.

Спаситель Нижнего Новгорода оказался очень молодым (ему было немногим больше тридцати), необычайно энергичным, очень привлекательным внешне и наделенным умом и проницательностью. Он блистал ораторским мастерством и бегло говорил по-английски. Физик по образованию, он имел около 60 научных работ. Держался Немцов чрезвычайно уверенно, впрочем, для этого были основания. И в самом деле, чем больше он рассказывал о реформах (беседа проходила в губернаторской резиденции на территории Нижегородского кремля), тем больше я поражалась. Он объяснил, что, пользуясь властью губернатора, пытается создать реальные условия для развития свободного предпринимательства. В то время как российская Дума все еще сопротивлялась принятию закона о праве на частную собственность, в Нижнем Новгороде действовал местный закон о частной собственности на землю. Земли там, как я могла позже убедиться, были плодородными и хорошо возделанными. Основная трудность заключалась вовсе не в выращивании урожая (Нижний Новгород уже тогда с избытком обеспечивал себя зерном), а в продаже готовой продукции.

При коммунистах решения о распределении и сбыте принимались, естественно, партийными бюрократами. После развала системы снабженческо-сбытовые сети, которые при капитализме обычно формируются в течение длительно времени, нужно было создать в один прием на голом месте. Г-н Немцов ясно дал понять местным фермерам и оптовым торговцам, что они сами должны прийти на помощь друг другу: у государства не было никаких решений. Вместе с тем он внес существенный вклад в решение проблемы, продав с аукциона целый парк государственных грузовых машин, – когда я в тот же день побывала на одной из приватизированных транспортных фирм, увиденное произвело на меня огромное впечатление, особенно энтузиазм руководителя и персонала.

Для того чтобы ближе познакомиться с населением Нижнего Новгорода и немного размяться, мы с губернатором прошлись пешком по Большой Покровской улице. Все магазины там были частными. Мы останавливались то тут, то там, разговаривали с владельцами магазинов, смотрели, чем они торгуют. Большего контраста с серой монотонностью Москвы невозможно было себе представить. Один магазинчик врезался мне в память. В нем торговали молочными продуктами, а выбор сыров был таким, которого я не видела нигде. Я попробовала несколько сортов, и они мне очень понравились. Оказалось, все сыры произведены в

России и стоят значительно дешевле, чем их аналоги в Великобритании. Я не скрывала своего восторга. По всей видимости, я, как истинная дочь бакалейщика, звучала очень убедительно, поскольку, когда мои слова перевели, раздался взрыв аплодисментов, а кто-то даже крикнул: „Тэтчер в президенты!“ Речь шла о том самом упоминавшемся выше магазине сыров „Дмитриевский“, расположенном на углу улиц Пискунова и Большая Покровская, в то время считавшемся одним из образцово-показательных».

Путч в День учителя

Маргарет Тэтчер, хоть и была опытным политиком, конечно, не понимала, что в действительности происходит в России и Нижнем Новгороде. Сырный магазин на Покровке был лишь вершиной айсберга, красивой упаковкой, закрывавшей море накопившихся социальных проблем. Осенью 1993 года после почти двухлетних реформ и «шоковой терапии», проводившейся президентом Ельциным и его правительством, люди постепенно осознали, что обещанный после распада СССР капиталистический рай как-то не удался. Наоборот, экономическая ситуация в стране становилась все хуже, на заводах стали месяцами задерживать зарплату, а цены в магазинах стремительно росли. 1 октября впервые после немецких бомбежек 1943 года полностью встал главный конвейер Горьковского автозавода, что само по себе, несмотря на официальные объяснения, – мол, подвели поставщики, – стало символичным событием. В стране разворачивался криминальный беспредел, который затронул и Нижний Новгород. Пресса ежедневно сообщала о разбойных нападениях, уличных ограблениях и изнасилованиях. Атаковали даже работников госучреждений и представителей власти. Так, утром 15 сентября неизвестный попытался прямо в Нижегородском кремле изнасиловать 43-летнюю работницу городской администрации.

А в Дзержинске двое бандитов ворвались в кабинет председателя городского Комитета по экологии и природопользованию Владимира Прозорова. Сначала они брызнули ему в лицо нервно-паралитическим газом, а потом порезали ножами… Вот такое было время.

Политическая ситуация в стране тоже не радовала стабильностью. Весь 1993 год нарастала конфронтация между парламентом и президентом. После всенародного избрания Бориса Ельцина съезд народных депутатов РФ и Верховный Совет во главе с Русланом Хасбулатовым сохранили за собой неограниченные полномочия, что породило неразрешимую проблему двоевластия, которая дополнилась усиливающимся расколом общества на сторонников продолжения реформ и их противников. Ельцин настаивал на изменении формы правления в России и передаче полномочий съезда народных депутатов президенту, а сторонники Хасбулатова, наоборот, на сохранении верховной власти за представительными органами. К осени 1993-го уже всем стало понятно, что в итоге, прямо как в известном фильме «Горец», должен был «остаться только один».

Давно ожидавшаяся буря разразилась 21 сентября. Вечером граждане увидели по телевизору обращение президента Ельцина, в котором он воинственно сообщил, что издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», которым предписывал съезду народных депутатов и Верховному Совету Российской Федерации прекратить свою деятельность. В свою очередь, Верховный Совет и его сторонники объявили о совершении Ельциным государственного переворота. Рубикон был перейден.

В Нижнем Новгороде тоже возникла конфронтация между исполнительной и законодательной властью, которая, к счастью, ограничилась только «бумажной» войной. 22 сентября областной Совет народных депутатов принял Постановление «Об организации управления в области в связи с некоторыми актами Президента и Верховного Совета Российской Федерации». А на следующий день уже так называемый городской малый Совет народных депутатов принял Постановление № 91 «по правам граждан, законности и общественному порядку». В них фактически цитировалось принятое в 20:15 21 сентября постановление Президиума Верховного Совета о прекращении полномочий президента Ельцина о переходе их к вице-президенту Александру Руцкому. Депутаты подчеркивали верность конституции и фактически подписались в верности Руслану Хасбулатову и законно избранному парламенту.

Согласно одной из версий, исполнительная власть Нижегородской области в лице губернатора Бориса Немцова и мэра Дмитрия Беднякова сразу же встала на сторону президента Ельцина. Однако сомнительно, чтобы фактически подконтрольные им законодательные органы, которыми управляли «верные люди», самовольно пошли на такой шаг. Есть версия, что Борис Ефимович сам подговорил облсовет принять указанное постановление. Так сказать, «на всякий пожарный». Или, по крайней мере, не препятствовал ему. Однако на следующий день Немцов и Бедняков, видимо, пришли в себя и официально выразили протесты на указанные постановления. По утверждению Андрея Климентьева, Немцов в этой критической ситуации в очередной раз просто растерялся и не мог принять никакого решения. «Только когда я с ним поговорил, выразил уверенность, что надо однозначно встать на сторону Ельцина, он пришел в себя и „зашевелился“», – рассказывает Андрей Анатольевич. Однако Борис Ефимович все же не стал делать публичных заявлений, положившись во всем на коллег.

Председатель облсовета Евгений Крестьянинов и председатель горсовета Александр Косариков осудили решения

своих подопечных. По решению последнего была создана комиссия горсовета по изучению Постановления № 91, которая признала его незаконным. Прокурор Нижнего Новгорода Шевелев также посчитал его не соответствующим Закону РФ «О местном самоуправлении». В результате 2 октября городской малый Совет вынужден был сам же пересмотреть и фактически отменить собственное решение. Правда, не единогласно, 12 депутатов из 27 по-прежнему настаивали на его законности.

Между тем к концу сентября конфронтация усилилась. Не случайно 30-го числа Борис Немцов подписал Постановление «О мерах по усилению охраны общественного порядка». На улицах Нижнего Новгорода и городов области вводилось усиленное патрулирование нарядами милиции с привлечением специальных моторизированных частей и слушателей школ МВД. А в газетах граждан призывали сохранять спокойствие, не реагировать на провокации и воздерживаться от любых экстремистских действий. При этом почти все СМИ были на стороне президента, что тоже играло против Верховного Совета. Так, 2 октября «Ленинская смена» опубликовала интервью с культовым актером Вячеславом Тихоновым, который как раз находился на съемках в Кстове. «По-моему, нынешние депутаты, многие из которых пришли к власти на волне борьбы с привилегиями, очень не хотят расставаться с этими привилегиями, – заявил „Штирлиц“. – Я их понимаю – сам Герой Соцтруда, народный артист, кое-чем пользовался. Понимаю, но не понимаю. А Хасбулатов вообще возомнил себя каким-то удельным князьком. В общем, выбираю сторону президента».

Однако решающую роль в событиях все-таки сыграли не народные артисты, депутаты и журналисты, а силовые структуры. 3 октября губернатор Немцов приказал усилить охрану стратегических объектов, в том числе телецентра, государственного банка, почты, вокзала, аэропорта, ТЭЦ, ГЭС, складов военной техники и даже водозаборов. В зданиях администрации и кремле был введен особый пропускной режим, омоновцы перекрыли все входы и въезды. «В центре внимания журналистов „Нижегородских новостей“ в этот день оказались важнейшие автострады, проходящие по территории Нижнего Новгорода, стратегический Волжский мост, Главное управление Центробанка РФ по Нижегородской области, госпредприятие связи и информатики „Россвязьинформ“ и многие другие объекты, – сообщало издание. – И везде была видна одна картина – усиленные посты ГАИ, наряды милиции и военных, оснащенных табельным оружием».

Кстати, меры эти были далеко не безосновательными, так как

отнюдь не все нижегородцы поддерживали Немцова и Ельцина. К примеру, в полдень того же дня в Нижнем прошел митинг в защиту Руцкого и Хасбулатова, на котором даже выкрикивались призывы к аресту губернатора и началу восстания. А председатель Центрального исполнительного комитета рабочих России сормовский рабочий Дмитрий Игошин предложил, как в памятном 1905 году, создавать на предприятиях рабочие дружины. Правда, дальше слов дело в Нижнем Новгороде, к счастью, не пошло.

Решающие события в это время происходили в столице. 3 октября вся страна отмечала традиционный День учителя. А в 15:45 на балконе Белого дома появился Александр Руцкой. Вовсе не для того, чтобы поздравить педагогов, а с целью призвать народ начать штурм мэрии и телецентра в Останкине. Это событие спровоцировало массовые беспорядки и начало открытой вооруженной борьбы. Вскоре было объявлено о введении в Москве чрезвычайного положения и вводе войск. Нижегородцы с замиранием сердца слушали новости: неужели в стране начинается гражданская война?

Все развивалось стремительно. В 6:50 4 октября Таманская дивизия начала штурм здания Верховного Совета. А через 2,5 часа занявшие позицию на Новоарбатском мосту танки открыли огонь прямой наводкой. Впервые с 1918 года в Москве шли полномасштабные боевые действия! Нижегородцы следили за этими событиями по радио, где в прямом эфире транслировалась хроника боев. Автор прекрасно помнит этот исторический момент. «Танки стреляют по Белому дому! – взволнованно кричал комментатор. – Только что сообщили, что снаряд попал в кабинет Хасбулатова! Белый дом начинает рушиться, из окон все больше валит дым!» После этого в течение дня из Москвы приходили разрозненные и противоречивые сообщения о сдаче «мятежников» и перестрелках на улицах Москвы. Точно было понятно одно: в столице идет настоящая война, со взрывами, уличными боями и зачистками. Ну и убитыми, ранеными и пленными. Только вечером стало окончательно ясно, что Верховный Совет потерпел поражение.

Ну а в Нижнем Новгороде в тот день возле памятника Чкалову, то есть там же, где в августе 1991-го требовали ареста ГКЧП и периодически случались другие протестные мероприятия, состоялся митинг общественности в поддержку президента Ельцина. Участники требовали принятия решительных мер по «декоммунизации» государственного аппарата, выявлению всех виновных в мятеже, а также четкой позиции от городских и областных властей. «Требования» эти были, понятное дело,

инспирированы властью, уже почувствовавшей вкус победы. Ельцин и его сторонники намеренно старались придать происходящим событиям «красную» окраску: дескать, недобитые коммунисты хотели совершить переворот, уничтожить демократию и восстановить советскую власть. Это сейчас, спустя два с лишним десятилетия, становится понятно, что речь тогда шла не о спасении демократии, а лишь о вооруженной борьбе новоявленных политических элит. В которую, волей и неволей, были втянуты и простые граждане, а также армия. А все потому, что в отличие от опереточного ГКЧП двухлетней давности окружение Ельцина действовало решительно, оно не только ввело в столицу танки и БМП, но и отдало им приказ стрелять. Количество жертв тоже было соответствующим. Если в августе 1991-го погибло лишь трое, то в октябре 1993-го только по официальным данным было убито 123 человека и почти 400 ранено, порой называются цифры и в 1000 погибших. А Белый дом в Москве, еще недавно являвшийся символом завоеванной свободы, волею судьбы превратился в сгоревший «оплот мятежа».

Выборы на краю бездны

Всего через пару месяцев после московской бойни в стране прошли выборы в новый парламент. Ему в духе времени присвоили название Государственная дума, по аналогии с представительным органом, работавшим в 1906–1917 годах. Не какой-то там «совет», «конгресс», «палата депутатов», а именно Дума. Уж больно название красивое, намекающее на то, что после выборов там «думать» будут. О судьбах страны и реформах…

Избирательная кампания, которая в те времена практически не регулировалась законодательством, была полна эмоциональных выступлений и призывов, содержание которых варьировалось в широком диапазоне – от возврата к коммунистическому прошлому до шовинизма. «По телеканалу „Россия“ в субботу до и после полуночи неувядаемый г-н Жириновский двинул на двадцать с лишком минут предвыборную речугу, – писал обозреватель газеты „Ленинская смена“ Андрей Смирнов. – Долгонько не мог понять я, кого слушаю: кандидата в парламент, лидера партии или же врача-сексопатолога? Потому как редкий абзац этой речи обходился без поминания изнасилования, извращений и нормальной половой жизни и полового воспитания применительно к нашей жизни». Жириновский действительно стал настоящей сенсацией и изюминкой той кампании. Кричащий, не стесняющийся в выражениях, грубый и прямолинейный, для кого-то смешной и забавный.

Между тем предвыборные страсти проходили на фоне стремительно ухудшавшегося экономического положения. Не был исключением и «оазис реформ» – Нижегородская область. «Но вот автозаводцы, кажется, будут лучше других подкованы политически, – писали „Нижегородские новости“. – Многие из них остались без работы – на неделе замерли три грузовых конвейера. Причина банальна, как репа, – склады забиты дорогими невостребованными грузовиками. Вот и трутся возле темпераментных телеящиков тысячи квалифицированных рабочих и ИТР. Одураченные какими-то непонятными реформами нармассы шарахаются от слухов, которые трактуют: работы в декабре не будет долго, а в январе новогодний отдых затянется на 10 дней. Вот так гайдаровская шоковая терапия достала самое стабильное и благополучное производство губернии». А вскоре автозаводцам объявили, что начинается приватизация их предприятия…

Газеты в это время пестрели заголовками вроде «Капитализм

– это отдых плюс гайдаризация всей страны» (намекавшим на известный ленинский лозунг про электричество), «Мы с вами на краю бездны» и т. п. Экономические показатели и впрямь не радовали. По сравнению с 1990 годом спад производства в целом по стране составил около 50%, в Немцовской губернии – 47%. Только производство мяса ежегодно падало на 15–17%. В результате гайдаровских реформ магазины были буквально завалены импортными товарами. Блестящие и яркие упаковки создавали иллюзию невиданного при коммунистах изобилия и процветания. Советской действительности вообще не хватало ярких цветов, оттенков и блеска. Жилые дома и примыкающие к ним корпуса были серыми, как сама жизнь. Или, в лучшем случае, грязно-желтыми или грязно-фиолетовыми. Автомобили на дорогах тоже не радовали глаз разнообразием цветовой гаммы. Серые заборы, серые витрины магазинов, серые прилавки в них, серые куртки и пальто. В общем, сплошная серость…

Не случайно в конце 1992 – начале 1993 года страну охватила мода на коллекционирование… пивных банок. После либерализации в страну хлынул целый поток пива в алюминиевой таре. Ярко разрисованные, разноцветные, приятно похрустывавшие при сжатии банки. Для любителей пива, привыкших к однообразному вкусу, примитивным названиям вроде «Окское» и «Жигулевское», а также типовым бутылкам и стаканам (а нередко разливали даже в литровые банки!), это был один из символов новой жизни. Ну а после употребления банки из-под американского, немецкого, чешского и голландского пива пополняли многочисленные коллекции, которые собирали как взрослые, так и дети. Ими украшали квартиры и даже кабины автобусов. Помнится, в Нижнем Новгороде по автобусному маршруту № 3 курсировал ЛиАЗ, в котором все стойки кабины, уплотнители стекол были обклеены этими яркими банками! Тару из-под пива продавали за деньги на «толчке» – стихийном рынке, работавшем по воскресеньям в скверике, носящем имя Якова Свердлова и под его «присмотром».

Однако была у капитализма и обратная сторона. Большинство предприятий перешли на неполную рабочую неделю, начались сокращения и задержки зарплаты. А последняя и без того нещадно съедалась гиперинфляцией. И как раз незадолго до выборов власти объявили о «реформе ЖКХ», основная составляющая которой, естественно, заключалась в повышении квартплаты. Словом, все больше народу опускалось за черту бедности. Все это не могло не сказаться и на предвыборных настроениях. «Обвальное падение уровня производства докатилось и до нашей области, – рассказывала статья с

кричащим названием „Мы с вами – на краю бездны“. – Поэтому развалы колбас и мясопродуктов на прилавках, навязчивая реклама телевизоров, холодильников и пылесосов по ТВ – изобилие кажущееся. Людям попросту уже не на что покупать все это в нужном количестве. НЕ исключено, что в ближайшем будущем в магазины многим из нас не придется ходить вообще. Большинство предприятий области уже теперь работает на неполную рабочую неделю. Дальнейший спад, остановка предприятий приведет к потере рабочих мест. Иными словами – безработице открытой, снижению уровня жизни». В заключение автор – Юрий Горбанев призывал народ ответственно отнестись к предстоящему голосованию. «Мы с вами уже ошибались, – взывал он к согражданам. – На выборах 90-го года. Исходя единственно из закономерной антипатии к КПСС и проголосовав за людей с „улицы“. Не знающих основ. НЕ имеющих опыта и ответственности. В том, что произошло со страной, есть доля и нашей вины. 12 декабря 1993 года ошибку можно исправить. Если понять, на кого следует делать ставку. На очередных говорунов, бомбардирующих нас красивыми обещаниями программ, или на людей, каждодневно доказывающих свой опыт, знание жизни, нелицемерную заботу о каждом». Осталось непонятным, кого именно имел в виду автор под «заботливыми» и «опытными» людьми, но последующие события ясно показали, что он явно переоценил гражданскую сознательность и ответственность среднестатистического населения!

Нижегородская область не отставала от остальной страны в плане разнообразия программ, обещаний и персон. В выборах принял участие бывший и последний первый секретарь Горьковского обкома КПСС Геннадий Ходырев (будущий губернатор Нижегородской области в 2001–2005 годах), будущий скандально известный политик Михаил Дикин (впоследствии осужденный на длительный срок за покушение на бизнесмена Олега Сорокина). А по 120-му Канавинскому избирательному округу «шел» независимый кандидат, адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов 30-летний Вадим Булавинов (будущий мэр Нижнего Новгорода в 2002–2010 годах). «Да, я не состою ни в какой политической партии, – говорил тогда еще мало кому известный молодой мужчина журналистам. – Человек, состоящий в партии, связан партийной дисциплиной. В какой-то степени каждый член партии поддерживает имидж своего политического лидера. Любая партия – это прежде всего борьба за власть. Октябрьские события в Москве – пример такой борьбы. Разодрались две партии, а пострадали мы все».

На вопрос, кто финансирует его избирательную кампанию,

Булавинов ответил, что получает только «добровольные пожертвования» от людей, обращавшихся к нему как к адвокату. Кроме того, он поведал журналистам, что собирается стать членом Гринписа и бороться за экологию. В то время, вскоре после Чернобыля, использовать экологическую тему в предвыборных программах было популярно.

От блока «Гражданский союз» в Нижнем Новгороде баллотировался бывший первый секретарь Горьковского горкома комсомола, депутат горсовета 31-летний Алексей Лихачев. В 1993 году слово «стабильность», не в пример нынешним временам, не было в моде. Наоборот, одни настаивали на радикальных реформах, другие на возврате к светлому прошлому, третьи на «твердой руке». И только «Гражданский союз» во главе с небезызвестным Аркадием Вольским как бы стоял в стороне. Впрочем, и его кандидатам, в духе времени, казалось, что достаточно пропихнуть пару-тройку умных идей, и дела в стране резко пойдут в гору. «Для того чтобы принять новое налоговое законодательство, облегчить бремя конверсии, урегулировать вопросы импорта-экспорта, много времени не требуется, – говорил Лихачев в интервью журналистам. – Ведь существующий порядок выгоден только тем, кто торгует „сникерсами“».

Надо отметить, что знаменитые шоколадки «сникерс» в то время стали как бы символом гайдаровских реформ и демократии. Вот-де, на что променяли советскую власть! Ну и символом быстро растущего социального расслоения. Если идет по улице и покусывает батончик «сникерса», да еще запивает кока-колой из алюминиевой банки, значит, парень при деньгах! Либо коммерсант, либо «пацан». Ну или сын «коммерса»… Как-то в коммунистической газете «Советская Россия» даже вышла статья «Смерть на фоне Сникерса», в которой рассказывалось, как голодный бездомный в Москве умер прямо возле киоска, где торговали этими злосчастными шоколадками. Вот-де, зверино-шоколадное лицо капитализма!

Кстати, решить проблему нехватки денег кандидат от «Гражданского союза» предлагал просто: начать массовые распродажи за рубеж оружия и военной техники. Это, дескать, в два счета обогатило бы страну и отдельно взятый город, как один из центров ВПК. Идея, прямо скажем, была далеко не нова, высказывалась и до и после этих выборов (Немцов озвучивал ее еще в 1991 году).

Выборы состоялись 12 декабря. Причем избиратели должны были выбрать не только полюбившуюся партию и кандидата-одномандатника, но еще и двух кандидатов в Совет Федерации. А также определиться, подходит ли им наскоро состряпанная после

октябрьского путча новая конституция. В общем, каждый получал на участке целый ворох бумаг! 19% избирателей Нижегородской области проголосовали за ЛДПР, 13,3% за «Выбор России» Егора Гайдара, 11,5% за блок Явлинского, 11% за КПРФ Геннадия Зюганова, 9,3% за «Женщин России», 6,8% за Аграрную партию, 5% за Партию российского единства и согласия и т. д. В одномандатных Автозаводском и Канавинском округах в Думу были избраны Александр Цапин и Вадим Булавинов. На выборах в Совет Федерации победил тандем Борис Немцов – Евгений Крестьянинов. В целом по России либерал-демократы получили почти 23% голосов, «Выбор России» – 15%, КПРФ – 12,4%, Аграрная партия России и «Яблоко» – примерно по 8%, «Женщины России» – 8,1%.

Результаты голосования не являлись полным «поражением демократов», – все-таки за Гайдара и Явлинского суммарно отдала голоса почти четверть избирателей – 23%, а Жириновский и Зюганов суммарно набрали 35%, но они все же наглядно показывали, что большая часть народа недовольна происходящим в стране. А «либеральная» общественность и интеллигенция были просто шокированы!

Вместо торжества демократии победил как раз тот, кого до выборов называли «сексопатологом» и «клоуном». «В Нижнем на выборах в Федеральное Собрание по списку партийных блоков победу одержала, как известно, партия Жириновского, – писала „Ленинская смена“. – Такой расклад удивляет, если учесть, что нижегородцы проголосовали за Бориса Немцова, а также за принятие Конституции. Непонятно, как можно одновременно голосовать за Немцова, ельцинскую Конституцию и поддерживать Жириновского?! Такая же ситуация и по всей стране». Журналисты и политические обозреватели терялись в догадках, силясь понять, как такое могло случиться.

Высказывалось несколько возможных причин «победы национализма». Во-первых, это давление, которое оказывали на Жириновского его оппоненты, и в первую очередь чиновники. Дескать, в России кого бьют, тот и становится национальным героем. Во-вторых, народ как бы высказывал такими способом возмущение недавним расстрелом парламента из танковых орудий. Но, пожалуй, наиболее точно причины победы Жириновского выразил журналист «Ленинской смены» Олег Капитанов: «Жириновский сумел стать телезвездой в то время, когда телегайдар и телешахрай рассуждали о какой-то там экономической политике… В его словах были не просто обещания, а обещания и разговоры как бы между друзьями в пивной. Это было для нас всех необычно. При этом Жириновский

нажимал на больные струны. Это был разговор как бы „на кухне“, но только для миллионов. Заморочки типа национальных вопросов, расстрела главарей банд на месте, то, что „российские солдаты должны омыть свои сапоги в Индийском океане“, – это все проза. Пока? Хотя во многом слушать его было страшно. Но народ проголосовал за него, за обещания опять же, что, дескать, россиянам жить будет лучше, жить будет веселей… А теперь Жириновский уже грозит ядерной войной Японии, Германии».

Сейчас к эпатажным выходкам Владимира Вольфовича уже никто не относится всерьез, за 20 с лишним лет к ним давно привыкли. А в 93-м в народе всерьез стали поговаривать о приходе к власти «радикалов», проводили параллели с престарелым президентом Гинденбургом и новым канцлером… «А народ все равно в ж…» – резюмировала «Ленинская смена», намекая на слово из четырех букв и подводя итог выборам в Госдуму декабря 1993 года.

Проваленные проекты

Тем временем в Нижнем Новгороде снова обострилась транспортная проблема. Слишком уж большие обязательства взяли на себя транспортные предприятия при советской власти, и слишком долго еще до Немцова копилась проблема с обновлением подвижного состава. Еще прошлой осенью, когда вводились проездные карточки, автобусные перевозки претерпели небольшую «оптимизацию». Некоторые некогда популярные маршруты были сокращены, другие и вовсе отменены или объединены. Нехватку подвижного состава на обычных линиях стали компенсировать введением дополнительных остановок у экспрессов. Однако уже через год – осенью 1993 года в 1-м автобусном парке – предприятии, имевшем в лучшие годы свыше 500 автобусов, – осталось только 328 машин, из которых 100 требовали списания, как отработавшие свой срок… «Опять эти автобусники! – ругался Немцов. – Только недавно вроде решили все вопросы». Но Борис Ефимович снова нашел выход! Причем довольно оригинальный. В Германии была закуплена большая партия подержанных «икарусов», а также пять немецких автобусов марки MAN, ранее работавших в ГДР. Первые 18 машин прибыли в Нижний Новгород в декабре, из них пять поступили в НПАП № 6 и 13 – в НПАП № 1. «Все автобусы, пришедшие из Германии, уже были в эксплуатации, но находятся в очень хорошем состоянии, – писали „Нижегородские новости“ в декабре 1993 года. – Это пополнение парка не последнее. За следующей партией из двенадцати „икарусов“ уже отправилась новая группа нижегородских водителей. Ожидается, что транспортники получат 40–45 автобусов». «Это была идея Немцова, – вспоминает Рудольф Безруков, в 70-90-х годах заместитель директора по перевозкам ГПАП-1/НПАП-1. – Он здорово помогал нам в те годы. Поставки „икарусов“ после распада СССР постепенно сошли на нет, они стали их в Китай отправлять. Возникли проблемы с обновлением техники. Тогда Немцов и придумал дешево купить бэушные автобусы в Германии. За первой партией туда поехал наш главный инженер Капитон Шаланин. Он раньше служил в ГДР и знал немецкий язык. Первые из закупленных машин раньше работали в Берлине, у них уже был большой пробег, некоторые прошли капремонт. Тем не менее они у нас еще потом чуть ли не 10 лет „пробегали“».

Вскоре на улицах Нижнего Новгорода появились непривычные, ярко разрисованные немецкими рекламными надписями автобусы. Конечно же эти машины были не очень

приспособлены для наших условий. Германские «икарусы», как правило, имели меньше дверей и гораздо большее количество сидячих мест, из-за чего стоящим пассажирам в салоне было буквально не развернуться. А главным недостатком «манов» была плохая вентиляция, так как форточками чаще всего были оборудованы лишь задние окна. Тем не менее немецкие автобусы полюбились водителям и нижегородцам. Как и яркие пивные банки, ставшие символом капитализма, эти машины, имевшие плавный ход и аккуратный, по-европейски отделанный салон, воспринимались как один из атрибутов новой жизни.

Сами транспортники поначалу хотели отказаться от дальнейших закупок «манов», ссылаясь на дороговизну запчастей к ним. Мол, «икарусы» не столь современны, зато чинить проще. Сказывалась советская привычка «раздевать» на запчасти ранее вышедшие из строя машины. Да и поставки деталей из Венгрии еще продолжались по инерции. Больше всего работников парков пугала цена нового немецкого двигателя – 20 тысяч долларов (31 миллион рублей по тогдашнему курсу). Им и в голову не могло прийти, что германские моторы попросту будут работать 10 лет без серьезного ремонта! Но позднее сама жизнь заставила Немцова покупать только автобусы MAN. Те стоили втрое дешевле, чем привычные «икарусы»… Благодаря этим закупкам транспортная проблема в городе была Немцовым в целом решена на долгие годы.

При Немцове также расширилась сеть маршрутных такси, которые в Нижнем Новгороде традиционно обслуживали не микроавтобусы, как в других городах, а автобусы средней вместимости – ПАЗ-672, потом ПАЗ-3205. Вместе с тем вскоре после того, как Горьковский автозавод наладил выпуск микроавтобусов на базе «газели», именно Немцов выступил с идеей выпустить их на городские маршруты. Правда, губернатору они поначалу виделись как некий транспорт бизнес-класса! Первые «газели» в 1995 году пустили по довольно короткому маршруту от кремля до Московского вокзала, причем по тарифу 5 тысяч рублей. Для сравнения: проезд в обычных автобусах тогда составлял 2 тысячи. Вроде как «НН-экспресс» (так они назывались) предназначался для чиновников и бизнесменов, спешащих из администрации на поезд и обратно. Однако идея не прижилась, число желающих ездить на микроавтобусах бизнес-класса оказалось Борисом Ефимовичем явно завышенным! Вскоре «газели» пустили параллельно обычным маршрутам из центра города на окраины и уже за 3 тысячи рублей. Ну а потом у немцовских «газелей» появились конкуренты – фирма «Автолайн». Сначала последняя возила пассажиров на «рафиках», потом также

с успехом освоила газовский микроавтобус.

И все же успехи с автобусами носили скорее тактический характер. Этот вид транспорта всегда требовал значительных затрат из бюджета и постоянно являлся предметом бесконечных жалоб от населения. А вот в стратегическом развитии – строительстве метро при губернаторе Немцове, наоборот, наметился сплошной застой.

Горьковский метрополитен начал строиться в 1977 году, вскоре после того, как население мегаполиса перевалило за миллион. Несмотря на то что в первое десятилетие метро, по сути, было ударной стройкой, на нем в полной мере сказались симптомы эпохи позднего застоя. Из-за нехватки средств тоннели строили там, где проще и дешевле, – под проспектом Ленина, главной осевой магистралью Заречной части города. Станции делали неглубокими, а перегоны между ними с многочисленными «рацпредложениями», из-за которых их по сей день приходится ремонтировать. Но главное, что пущенный в ноябре 1985-го метрополитен не дошел ни до одного из спальных микрорайонов, а также до центра города, где традиционно формировались самые крупные пассажиропотоки. Когда к власти пришел Немцов, ему достался задел в виде медленно строящейся второй – Сормовской линии из двух станций. Их-то Борис Ефимович и открыл торжественно 20 декабря 1993 года, вскоре после выборов в Государственную думу. Видимо вдохновившись видом вылетающих из тоннелей составов, Немцов тогда загорелся идеей развития метро. Ведь пиар-то какой! Поэтому намекнул строителям в духе «продолжайте, деньги непременно найду…». Метростроевцы поверили Немцову, и уже вскоре в Нижнем Новгороде появилось сразу пять (!!!) площадок, огороженных бетонными заборами и буквами «М»: на улице Звездинка, Сормовском шоссе, станции «Варя», в центре Сормова и на площади Ленина напротив Ярмарки. На последней даже установили огромный козловой кран, вроде бы свидетельствовавший о том, что работы вот-вот начнутся!

Появление заборов, значительно затруднивших проезд по некоторым улицам, нижегородцы восприняли с воодушевлением. Ничего, потерпим, зато скоро метро придет! Однако потом энтузиазм у Немцова поубавился, да и выбить деньги, несмотря на прямой выход на Ельцина, он не смог. Масштабная стройка так и не началась. Работы продолжились только на будущей станции «Буревестник» в Московском районе, да и то продвигались черепашьими темпами. Потом начались забастовки метростроителей, требовавших от губернатора выплатить зарплату. А тот в ответ пенял на федеральное правительство, мол,

стройку они финансируют, вот с них и спрашивайте, я-то тут при чем? В итоге Немцов ни одной станции больше не открыл, а длинные серые заборы на местах так и не начавшегося строительства постепенно разобрали. Вообще, заниматься крупными инфраструктурными проектами тогда было не в моде. Очевидно, из-за претивших тогдашним руководителям ассоциаций с советскими временами и свойственными им «великими стройками». Еще какую-нибудь развязочку новую с помпой открыть в центре города – это куда ни шло. А так, чтобы годами строить новые трассы, мосты, тратя на это львиную долю бюджета, – это нет. Время было такое – жили одним днем. Зато ярко!

Не был исключением и губернатор Немцов. Последним крупным инфраструктурным объектом в Горьком стал Мызинский мост через Оку. Его строительство стартовало в 1972 году. Сооружение должно было одновременно решить сразу несколько задач: соединить удаленные юго-западные и западные районы города прямой скоростной автострадой, окончательно вывести транзитный транспорт из его центральной части и разгрузить действующие переправы. Первоначально Мызинский мост планировалось построить за семь лет, однако из-за большого объема и трудностей работы продолжались девять лет и закончились 1 августа 1981 года. В то время все советские стройки уже с трудом доводились до конца. Одновременно с этим была введена в строй и 24-километровая скоростная автомагистраль с многочисленными путепроводами, соединившая Московское и Казанское шоссе. В тот момент проект казался грандиозным и даже циклопическим. Однако и он померк перед тем, что было задумано руководством Горьковской области и Министерством транспорта СССР в самом конце эпохи застоя.

В 1984 году известный московский институт Гипрогор разработал грандиознейший генплан развития города Горького до 2005 года, согласно которому за пределы города, с учетом значительного роста его территории в северо-западном, южном и юго-западном направлениях, предполагалось вывести не только весь автомобильный, но и железнодорожный транзитный транспорт. В первую очередь предусматривалось строительство Северного и Южного обходов, которые в будущем должны были соединиться в Горьковскую кольцевую автодорогу (ГКАД). Однако на дворе был поздний застой, денег в стране стало не хватать, посему воплощение наполеоновских планов решили начать с самого неотложного – Южного обхода. Первые работы на будущей магистрали начались еще в январе 1984 года – именно с этого момента ведет свою историю самый известный ныне долгострой

Нижегородской области. Согласно первоначальным оптимистическим планам, Южный обход тогда еще города Горького собирались построить за 10, максимум за 12 лет. «Уже к 1995 году горьковчане окончательно забудут, что такое транзитный транспорт, – писал „Горьковский рабочий“ в марте 1984 года. – Сейчас ведутся работы на месте будущего, уже четвертого моста через Оку, который выведет бесконечные вереницы грузовиков далеко за пределы областного центра. А в следующем году начнутся изыскательские работы на трассе будущего Северного обхода, который выведет с улиц транзит северо-восточного, кировского направления. И наш город, наконец вздохнув полной грудью, сможет с новыми силами раздвигать свои границы».

Несмотря на вскоре начавшуюся перестройку и распад СССР, Южный обход поначалу строился довольно быстрыми темпами. Первая и самая трудоемкая очередь объекта (длиной 16 километров), включавшая мост через Оку и четыре развязки, была сдана при Немцове в 1993 году. Однако потом федеральное финансирование было приостановлено, а Борис Ефимович, видимо, посчитал, что у Нижнего Новгорода и без обхода проблем хватает. Лоббировать же интересы региона в Москве (если это касалось не закрытия проектов, а их продолжения) он не умел, а зачастую даже не пытался. К тому же объект с отдаленными сроками сдачи не сулил никаких дивидендов для сиюминутного политического рейтинга. Поэтому строительство Южного обхода на долгие годы заморозили. Не возвращались к этой теме и преемники Немцова – ни Скляров, не пользовавшийся авторитетом в Москве, ни Ходырев, не сумевший наладить отношения даже с полпредством. Можно сказать, что на 10 лет об объекте вообще забыли, как о каком-то пережитке темного советского прошлого[4].

«ЗеРНО»: навоз на экспорт и коллективизация наоборот

В сельском хозяйстве дела шли не лучше. Из-за дешевого доллара колхозы и совхозы оказались в сложной ситуации. Пшеница, скажем, выращенная в Дальнеконстантиновском районе, стоила дороже, чем импортная. В связи с чем отечественные сельхозпроизводители стали неконкурентоспособными. А Немцов решил закупать зерно в США! В 1992 году из 1202 тысяч тонн лишь 322 тысячи были поставлены местными хозяйствами. В следующем году их доля еще больше уменьшилась. Казалось, что в условиях рынка наше зерно вскоре вообще не понадобится. Термины «продовольственная безопасность» и «поддержка отечественного производителя» в те времена были не в моде, а уж у обожавшего все американское Немцова и подавно! Наоборот, многим думалось, что все импортное лучше, дешевле, а главное – в красивой упаковке. В это время прилавки магазинов заполонили дешевые американские окорочка, а также немецкий и голландский сыр и иностранная копченая колбаса. Селянам же от отчаяния в голову лезли самые авантюристичные и даже бредовые идеи. «Навоз издревле весьма высоко ценился во всех странах, – писала газета „Фермер“. – Горцы Кавказа навозом платили приданое за невесту. У китайцев было много пословиц о навозе. Например, „когда в стране существует мир, лошади унавоживают землю“. Удобрения в Китае были объектом купли-продажи еще в III в. до н. э. Ценились они высоко. В неурожайные годы урожая не хватало на оплату удобрений».

Вспомнили, что и в царской России навоз поставлялся на экспорт! Оказывается, в 60-х годах XIX столетия пуд гуано стоил 1,2–1,6 рубля. Наиболее ценился овечий и коровий навоз, конский шел подешевле – 50 копеек за пуд. Главными конкурентами у нас были… чилийцы. Заокеанский навоз завозился в Европу целыми кораблями. А коммерсанты из Прибалтики, несмотря на дороговизну, даже умудрялись заключать выгодные контракты на его поставку в Латвию. В связи с этим кое-кто предлагал возродить старые традиции и снова поднять культуру добычи и реализации дерьма на достойный уровень. Мол, раз пшеницу нашу невыгодно продавать, давайте возродим экспорт навоза. И ведь примеры уже были! Газета «Известия» на первой полосе, то есть там, где не так давно печатались постановления ЦК КПСС, опубликовала историю о

том, как фабрика сувенирных изделий из города Нолинска продала полякам большую партию навоза с ферм Кировской области.

Вообще же, все надежды страны в начале 90-х связывались с фермерами. Народу внушали, что на Западе, а особенно в Соединенных Штатах, таковые в количестве 3% «кормят всю страну», да еще и на экспорт зерно посылают. Поэтому, дескать, и у нас рай не за горами. Превратим колхозы в фермерские хозяйства и завалим страну, а заодно и Европу дешевым продовольствием! Вспоминали и царскую Россию, где кулаки якобы добивались невероятных достижений. Слово «фермер», ставшее в начале 90-х таким же модным, как «бизнес», «биржа», «фирма» и т. п., не сходило с экранов и страниц печатных изданий. Появились «отраслевые» фермерские издания и соответствующие приложения к другим газетам. Однако губернатор Немцов вопреки всероссийской моде решил идти другим путем. В начале июня 1993 года Немцов съездил в США и совместно с американцами разработал свой собственный план приватизации колхозов. «Нижегородские новости» писали: «При разработке этого проекта, – говорит губернатор Б. Е. Немцов, – мы исходили из идеи, что приватизация колхозов путем превращения их в фермерские хозяйства авантюристична». В связи с этим было решено превратить крупные государственные хозяйства в своего рода акционерные общества, сохранив при этом профиль и методы их работы. Борису Ефимовичу даже удалось получить у американцев льготных кредитов на 20 миллионов долларов, специально для осуществления этого проекта. Так был дан старт программе, получившей кодовое наименование «ЗеРНО» (земельная реформа Нижегородской области).

10 февраля 1994 года в Нижегородскую область прибыла целая делегация правительства в составе премьер-министра Виктора Черномырдина, вице-премьеров Анатолия Чубайса и Заверюхи, министра сельского хозяйства В. Хлыстуна и председателя Комитета по земельной реформе Н. Комова. Все они присутствовали на совещании руководителей 37 регионов страны, прошедшем в колхозе имени Куйбышева, что в Городецком районе. Данная территория считалась образцовой и рассматривалась тогда чуть ли не как модель для всей страны. А перед этим Черномырдин лично присутствовал на имущественном аукционе в другом колхозе – имени 60-летия Октября. Глава правительства оказался настолько в восторге от увиденного, что приказал немедленно начать внедрять успешный опыт во всей России.

Впрочем, в реальности радоваться было особо нечему. В

отличие от Гайдара, считавшего, что колхозы и совхозы надо просто распродать, отдав все в руки фермеров, его преемник, человек крепкой советско-застойной закалки, по сути вернулся к советской модели «поддержки» сельского хозяйства. То есть вливанию в него огромных бюджетных средств. Там же, в Городецком районе, Черномырдин похвастался, что аграрному сектору выделено уже 11 триллионов рублей из бюджета. В основном в виде дешевых бюджетных кредитов. «Вопрос не в том, сколько мы даем кредитов, а в том, кому даем, что в результате получим, сколько и какого качества продукции произведем и хватит ли этого стране», – заявил Виктор Степанович главам регионов. А потом потребовал использовать опыт Немцова «с учетом своих особенностей». Некоторые губернаторы, правда, пытались что-то возразить, на что премьер отрезал: «Не будем сегодня критиковать, работать надо!»

А вот как описывала упомянутые события газета «Городецкий вестник» спустя 12 лет: «В советское время на территории Ковригинского сельсовета располагался колхоз имени 60-летия Октября. Был он крепким середняком. Шесть лет, с 1986 по 1992 год, возглавлял его Александр Васильевич Ященко. А потом председателем избрали главного инженера М. А. Панина. За 2 года хозяйство довели, что называется, до ручки. Руководство решило войти в печально знаменитую немцовскую программу „Зерно“. Делить хозяйство на части приезжал тогдашний премьер-министр В. С. Черномырдин. А. В. Ященко, работавший в колхозе инженером по технике безопасности, раз 10 писал губернатору Б. Е. Немцову, что делить колхоз нельзя, так как он оптимален по количеству земли, скота, инфраструктуры, и предлагал свои услуги по выводу хозяйства из прорыва. Ответа не получил. Колхоз был разделен на части…» Не дожидаясь ни позитивных, ни негативных результатов реорганизации (а их можно было оценить только следующей осенью), уже 14 апреля первый вице-премьер Чубайс и министр сельского хозяйства Заверюха были назначены ответственными за проведение земельной приватизации в России «на основе опыта Нижегородской области». В то же время администрация президента и правительство выступили за немедленный принудительный роспуск колхозов и совхозов до начала посевных работ, который предполагалось поручить главам администраций районов. «Следует обязать акционерные общества и оставшиеся колхозы провести в феврале-марте общие собрания акционеров и колхозников по вопросам разукрупнения сельхозпредприятий, разделения их на коллективные крестьянские хозяйства, имеющие в собственности отдельные фермы, севообороты,

тепличные хозяйства и т. п., – говорилось в записке П. Филиппова, руководителя Аналитического центра по социально-экономической политике при президенте. – Возложить ответственность за успешное разукрупнение акционерных обществ и колхозов на глав администрации районов… Установить, что при успешном разделении хозяйств к весенне-летнему сезону 1994 г. кредиты, предоставленные акционерным обществам, будут пролонгированы на полгода». Правда, эти авантюрные меры, которые собирались оформить соответствующими указами президента, были своевременно заблокированы аграрными комитетами в Совете Федерации и Госдуме.

Главной идеей немцовской программы «ЗеРНО» было «развитие рынка земли» путем продвижения к отношениям купли-продажи земли и имущества сельскохозяйственных предприятий. С этой целью средства производства разделялись на земельные доли и имущественные паи с выдачей свидетельств о праве собственности и перегруппировке паев согласно желанию их владельцев при организации новых форм производства через аукционы. При этом в проекте было указано, что реорганизация хозяйств будет проводиться «только на добровольной основе». В действительности же, по мнению ряда специалистов, ликвидация колхозов фактически являлась принудительной. Если в 30-х годах селян насильно, а также путем экономического шантажа и создания невыносимых условий для единоличников загоняли в колхозы, то теперь, наоборот, стали выгонять из них. Конечно, никаких комиссаров и политработников на этот раз не было, все делалось в духе времени. Во-первых, областная администрация и коммерческие структуры всячески тормозили выплату долгов колхозам. Во-вторых, для реорганизованных хозяйств и фермеров предоставлялись многочисленные льготы, субсидии и дешевые кредиты. Например, 22 февраля 1994 года было принято распоряжение областной администрации о выделении «реорганизаторам» кредитов на срок до трех лет из расчета до 200 тысяч рублей на 1 гектар сельхозугодий под 10% годовых. В то время как процентная ставка в коммерческих банках тогда составляла около 200%. Правда, позднее условия все же скорректировали до 50% годовых и 50 тысяч на гектар. Кроме того, администрация Немцова всячески поощряла заинтересованность в реорганизации самих руководителей хозяйств, многие из которых рассчитывали сосредоточить в своих руках значительное количество долей и паев своих односельчан. Бывшим председателям колхозов прямо намекали: «Большое количество собственников будет тормозить дело».

Кроме того, в том же 1994 году Немцов принял решение больше не закупать у села овощи для города. «Бананы же государство не закупает, а они постоянно есть в продаже, так будет и с картофелем», – заявил губернатор. Это решение затрудняло своевременную выплату хозяйствами кредитов, взятых у банков под урожай, что увеличило задолженность хозяйств и стало дополнительным стимулом для продажи заложенных земель и техники. Бориса Ефимовича полностью поддерживал и Анатолий Борисович. Выступая 8 октября того же года на радиостанции «Маяк», он заявил, что селу надо отказать в государственной помощи, так как государство должно колхозам и фермам 6 триллионов, в то время как они сами задолжали банкам 8 триллионов. И это притом, что государство все еще не расплатилось с селянами за предыдущие урожаи! Кроме собственно земель, Немцов еще и перевел все объекты социальной инфраструктуры на местный бюджет. Это привело к закрытию большинства из них и распродаже других.

Результаты программы «ЗеРНО» оценивались по-разному. «Немцов дал всем одинаковые стартовые возможности, – говорил Юрий Котов, в 1996 году руководитель Госкомитета Республики Чувашии по земельным ресурсам и землепользованию. – Те, кто за это дело болел душой, особенно на земле, вытянули. Одни смогли раскрыться как хозяева, собственники, другие для этого просто не созрели – привыкшие надеяться на государство, они развалили и колхозы, и собственные хозяйства. И ругать за это Немцова просто несправедливо». «Программа была совершенно идиотская, – утверждает Андрей Климентьев, ныне один из крупных сельхозпроизводителей Нижегородской области. – Суть ее состояла в том, чтобы разделить крупные хозяйства на 50 частей – кому сеялка, кому плуг, кому доильный аппарат. А при севообороте нужна вся техника вместе. И все это Немцову насоветовали хитрые американские советники. Лучше бы дали кредит – 1 миллиард долларов, на него можно было создать 100 тысяч хозяйств по всей стране. Вместо этого американцы лишь дали Немцову „схему“. В итоге большинство хозяйств было „убито“, лишь отдельные смогли выжить и работать. В основном лишь там, где глава администрации, председатели сумели все выкупить и создать крупные сильные хозяйства. А Черномырдин и Чубайс поддерживали идеи Немцова потому, что им сельское хозяйство было до лампочки, главное – создать „потемкинские деревни“ для Запада в целях получения там очередных кредитов „на реформы“».

Хорошие главы районов в области действительно были. Например, в 1993–1994 годах славился на весь регион Юрий

Лебедев, бывший первый секретарь Шахунского райкома КПСС, в постсоветские годы перековавшийся в главу администрации. Он попросту взял и приватизировал в своем районе все, что только можно. Только за 1992 год Лебедев распродал объектов на огромную по тем временам сумму – 187 миллионов рублей. А на следующий год еще на 87 миллионов. При этом имущество там скупали не приезжие и кавказцы, а местные, создавшие множество ТОО. Юрий Исакович же обеспечил им льготное налогообложение и кредитование. И успехи пришли быстро. Если в 1991 году в Шахунском районе наблюдался дефицит хлеба (район-то северный и не хлеборобный), то уже в конце 1993-го там работало девять частных пекарен и множество магазинов. Прославился Лебедев и тем, что превратил «направления» в дороги. Которые тогда были чуть ли не лучшими в области. Только за 1993 год в Шахунском районе было капитально отремонтировано и построено 84 километра дорог, в том числе 10 километров – в райцентре. А также построено три железобетонных моста. Как утверждал сам Лебедев, деньги выделялись за счет доходов от приватизации, из средств местных предприятий, а также в софинансировании из районного и областного бюджетов. Не забывал глава администрации и социальную сферу: открыл новый интернат для престарелых, пару школ и детсадов. Ну и в духе времени построил он в Шахунье и новую церковь. Казалось, вот он, образец новой России! Без жулья и нищих, с добрыми чиновниками, с дорогами и без дураков! «Так может быть, с Божьей помощью и с такими людьми, как Лебедев из Шахуньи, мы без потрясений и революций осилим все же реформы?» – спрашивала в феврале 1994 года потрясенная увиденным в отдельно взятом районе журналистка Валентина Урусова.

Немцов, который очень любил ездить в Шахунью и отдыхать там в тиши дремучих лесов, высоко ценил Лебедева. Считая, что вот на таких «крепких хозяйственниках» и должна держаться Россия. А всего через полтора года Борис Ефимович пригласил Юрия Исаковича на должность вице-губернатора. Правда, по утверждению Андрея Климентьева, Немцов не столько ценил профессиональные качества «шахунского сказочника», сколько ему очень нравилось, как тот играет на гармошке. И играл он, кстати, действительно неплохо!

Глава 7
Демократия по-немцовски

«Контрнаступление» Беднякова

Мэр Нижнего Новгорода Дмитрий Бедняков, как оказалось, совсем недолго обеспечивал Немцову хороший сон. Напомним, именно с такой формулировкой он продвигал его на эту должность в декабре 1991 года. Мол, не хочу просыпаться с мыслью: что у меня там с городом? Уже в 1992 году в тандеме начались первые разногласия, которые в следующем году постепенно переросли в борьбу. Бедняков и Немцов разошлись в видении приватизации, в скандальном вопросе наделения горожан земельными участками, в той же транспортной проблеме (мэр настаивал на закупке более дорогих, но «ремонтопригодных» отечественных автобусов и «икарусов», а губернатор на дешевых подержанных иномарках). Серьезные разногласия возникли и в распределении бюджетных средств. Немцов видел в городе в основном донора для области, а Бедняков настаивал на его финансовой самодостаточности и самостоятельности. Но главное противоречие конечно же заключалось в характере Бориса Ефимовича. Бедняков хотел быть независимым мэром, с которым глава региона должен был считаться, а Немцову нужен был лишь послушный исполнитель его идей.

Как утверждал впоследствии сам Бедняков, план его смещения возник у Немцова еще осенью 1993 года. В один из дней на даче у председателя областного Совета Евгения Крестьянинова собрались Немцов, Климентьев и ряд директоров крупных предприятий. Там-то и был разработан некий план. Объявить всенародные выборы мэра, развернуть против Беднякова масштабную кампанию по дискредитации и подсунуть народу «нормального» кандидата от Немцова. Выбор пал на Крестьянинова. Мол, лицо доброе, интеллигентное, народ его знает… Немцов и К° позаботились и о запасном варианте, а вдруг не удастся опорочить Беднякова и тот будет выигрывать. Вскоре после регистрации два из четырех кандидатов – О. Маслов и Б. Новиков были под разными предлогами сняты с выборов. В тот момент на это никто не обратил внимания, все равно фигуры не проходные! В действительности Немцов, вероятно, просто собирался при неблагоприятном исходе сорвать выборы, сняв кандидатуру Крестьянинова. «Бедняков в целом был не прав, – рассказывает Андрей Климентьев. – У нашей команды была четкая установка – нельзя зарабатывать деньги на городе в революционный период. Сначала поднять хозяйство, потом деньги. А Бедняков договорился с бизнесменом Растеряевым, и они решили зарабатывать. При этом проводившаяся в городе

приватизация вообще была „аферой для дураков“: всем рулили два пацана: Кефир и Руслан. Все „вкусное“ распределялось заранее, а по-честному продавались только „сараи“». К тому времени Климентьев был уже не просто неофициальным советником и другом Немцова, но и самым известным новым русским в Нижнем Новгороде. Именно он открыл в бывшем кинотеатре имени Минина знаменитый в те годы ночной клуб «Рокко» – символ красивой жизни и роскоши начала 90-х. Климентьевский магазин «Европа» на площади Горького, тот самый, где Ельцин в январе 1992 года удивился цене масла, также считался элитным, туда ходили только те, кто был при деньгах, а ассортимент продуктов действительно блистал европейским разнообразием. Климентьев же создал первую крупную барахолку возле микрорайона Мещерское озеро, потом купил универсам «Нижегородский» – крупнейший в то время магазин в центре Нижнего Новгорода. В общем, любил он все большое. Даже по городу Андрей Анатольевич разъезжал на огромном внедорожнике «шевроле-субурбан» изумрудно-зеленого цвета, который своими размерами и видом вполне соответствовал статусу хозяина.

Сроки предвыборной кампании были, по всей видимости, намеренно искусственно сжаты. Регистрация кандидатов заканчивалась 5 марта, то есть всего за три недели до самого голосования. При этом сам Бедняков до последнего не понимал, в чем истинный смысл назначенных Немцовым выборов. «Для меня это решение (выдвижение в качестве главного кандидата Крестьянинова. – *Авт.)* было неожиданным, я долго не мог понять, в чем здесь причина, – говорил в начале марта мэр. – Сегодня я, пожалуй, согласен с тем, что губернатору надоела моя неуступчивость и собственная точка зрения на некоторые моменты региональной политики… Сегодня мне стало понятно, что губернатору нужно, чтобы во главе городской власти стоял другой человек. Однако хочу заметить, если это случится, то, на мой взгляд, Немцов потеряет в моем лице человека, на которого можно опереться. Потому что, как сказал кто-то из умных, на то, что не сопротивляется, опереться нельзя». Только вот был ли среди умных сам Немцов?

«Команду нашего кандидата, под руководством которой осуществлялась избирательная кампания Д. И. Беднякова, составляла небольшая группа доверенных лиц, – рассказывал потом один из членов команды мэра. – На разных этапах и в разной мере нам помогали юристы, психологи, политологи, журналисты, некоторые работники администрации. Нас поддерживала общественная организация „Позиция“, а

технической работой занималась многочисленная армия добровольцев, отдавших свои симпатии этому кандидату. Финансовые вопросы нам помогали решать предприниматели, в основном представляющие мелкий и средний бизнес, для развития которого Д. Бедняков очень много сделал. План предвыборной кампании нашего кандидата напоминал традиционный военный, с помощью которого русской армии удалось одержать немало славных побед. Пусть сначала, решили мы, наш оппонент выложит все основные аргументы, которыми располагает, как говорится, полностью раскроется, и вот тогда мы перейдем в контрнаступление».

24 февраля было опубликовано постановление главы администрации Нижнего Новгорода о проведении референдума по принятию Устава местного самоуправления. В нем Бедняков ссылался на соответствующие пункты недавно принятой Конституции РФ, указы президента о реформе местного самоуправления от 26 октября 1993 года и решение облсовета «О местном самоуправлении в Нижегородской области на период поэтапной конституционной реформы» от 12 декабря того же года. «Включить в бюллетень для голосования вопрос: „Принимаете ли вы Устав местного самоуправления в городе Нижнем Новгороде?“ – говорилось в документе. – Варианты ответа „Да“, „Нет“ (ненужное зачеркнуть)». Мэр явно копировал прошлогодний всероссийский референдум о доверии президенту и недоверии Верховному Совету, на котором большинство граждан ответило «да, да, нет, да», результаты коего стали одним из аргументов за последующий разгон парламента. Ну и недавнее голосование за новую конституцию, прошедшее одновременно с выборами в Госдуму.

Вообще Дмитрий Бедняков был опытным юристом, и в его команде также работало немало юридически грамотных людей. Милицейская школа все-таки. Поэтому администрация Нижнего Новгорода оформила все в точном соответствии с действовавшими законами и нормами. В частности, инициатива по проведению общегородского плебисцита полностью соответствовала постановлению о референдуме в Нижегородской области, которое было утверждено областным Советом народных депутатов 12 октября 1993 года. Бедняков явно шел ва-банк. Совместив референдум с выборами мэра, в случае успеха он намеревался убить сразу двух зайцев. Во-первых, стать законно избранным градоначальником, окончательно дистанцировавшись от назначенного президентом (и, соответственно, находящегося в более шатком положении) губернатора. Во-вторых, закрепить полномочия мэра и городской думы уставом собственной

разработки, чтобы обезопасить себя от вмешательства в городские дела того же губернатора. И все в полном соответствии с конституцией, где четко прописано: в России должно быть разделение властей и независимое местное самоуправление.

Согласно Уставу, опубликованному в газетах 3 марта, главой местного самоуправления становился всенародно избранный мэр сроком на три года. При этом он сочетал в себе функции председателя городской думы (избиравшейся на два года) и главы администрации. Но в то же время был подотчетен депутатам и населению города. Причем были в проекте устава и такие прогрессивные нормы, как обязательная публикация декларации о доходах кандидатов в мэры, а также возможность досрочной отставки избранного градоначальника путем всенародного референдума. Что касается маленьких сроков полномочий, то сам Бедняков объяснял это тем, что выборы являются основным регулятором и отражением качества работы мэра и депутатов. Посему чем чаще их переизбирать, тем больше органы власти будут зависеть от народа. Этот пункт отчасти копировал устройство Римской республики, где сроки замещения должностей порой и вовсе ограничивались одним годом. Конечно, были в уставе и некоторые положения, вызывавшие вопросы.

«Городская дума утверждает бюджет и отчет о его исполнении по представлению главы местного самоуправления, – говорилось в главе 4. – Устанавливает и отменяет местные налоги и сборы по представлению главы местного самоуправления, утверждает программы социально-экономического развития города, осуществляет контроль за деятельностью администраций города, районов, поселков, имеет право выразить недоверие главе местного самоуправления… Городская дума принимает решения в соответствии со своей компетенцией. Решения, принятые Городской думой, подписываются главой местного самоуправления и скрепляются его печатью. В случае несогласия с решением Городской думы глава местного самоуправления направляет в пятнадцатидневный срок решение на повторное рассмотрение в Городскую думу со своими поправками. Если при повторном рассмотрении решение принято двумя третями от общего числа депутатов Городской думы в ранее принятой редакции, решение считается принятым и глава местного самоуправления подписывает его». Получалось, что, наладив хорошие отношения хотя бы с 40% депутатов, мэр мог заблокировать любое решение парламента.

Зато народу устав предоставлял самые широкие права. «На городской, районные и иные референдумы выносятся наиболее важные вопросы местного самоуправления, – говорилось в статье

14-й. – Решения, принятые путем городского референдума, обязательны для исполнения всеми расположенными на территории Нижнего Новгорода государственными, муниципальными органами и общественными организациями, предприятиями, учреждениями, независимо от подчиненности и форм собственности, должностными лицами и гражданами». Именно этого пункта, видимо, больше всего и боялся Немцов. А что, если после избрания Бедняков будет любой спорный с ним вопрос выносить на городской референдум? Например, спросит: «Нужна ли нам Ярмарка?» Или: «Нравится ли вам нынешняя форма приватизации?» Или же вовсе решит путем плебисцита раздать бюджетные деньги и муниципальную собственность народу, хуже того – предложит выразить вотум недоверия областным властям?

«Возомнил себя барином и повысил ветхость жилого фонда»

Ну а Крестьянинов тем временем вел свою предвыборную кампанию. Как водится, он тоже был щедр на обещания. Безработным – работу, нуждающимся – адресную социальную защиту, жителям «ветхого фонда» (тогда это словосочетание всегда писали в кавычках) – новые дома, культуре – государственное финансирование и благотворительные фонды, военным предприятиям – новые госзаказы (идеи всеобщей конверсии и распродажи техники за рубеж стали уже не в моде) и т. д. Но отдельное внимание пронемцовский кандидат уделял «единству». Мол, нельзя рассматривать город и область как две разные единицы. «Город и область – единый хозяйственный организм, – говорил Крестьянинов. – Я уверен, что, только сохраняя единство, осуществляя совместные программы в социальной, экономической и культурной сферах, Нижний Новгород и его область смогут успешно развиваться». Он конечно же намекал на «отщепенца» Беднякова, который якобы хотел расколоть власть и отделить город от области. Попутно в подконтрольных губернатору СМИ началась масштабная травля Беднякова. Выступали самые разные лица, когда-либо «пострадавшие» от действий мэра и обиженные им. Обращались к народу даже простые инженеры и рабочие. В то же время доступ самого Беднякова к газетам и телевидению постепенно сокращался, вокруг него складывалась информационная блокада – новое явление для тогдашней региональной политики.

Тот факт, что многое в предвыборной борьбе решают деньги, тоже стал для кое-кого откровением. «В один из дней нам катастрофически не хватало людей для технической работы, – вспоминал один из доверенных людей Беднякова. – Обратился к студентам – помогите. И услышал ответ: „Заплатите больше, чем нам платит Крестьянинов, будем работать на вас“. И это заявил мне курс, у которого я вел занятия и считал, что у меня сложились с ним очень хорошие отношения. Никак не думал, что студенты нашего института настолько беспринципны и меркантильны».

Тем временем Немцов между делом вспомнил, что Бедняков, оказывается, вовсе не глава администрации, а всего лишь «исполняющий обязанности», каковым и являлся последние два года. А посему права не имеет обращаться к народу и всякие там референдумы проводить. «Тот факт, что на референдум

выносится жизненно важный для всех нижегородцев вопрос должностным лицом, назначенным исполняющим обязанности главы администрации, ни разу никогда и никем не избиравшимся, не может не вызывать справедливых возражений», – заявил он в официальном комментарии по поводу инициативы Беднякова, сделанном 16 марта. Кстати, и сам Немцов никем не избирался и, можно сказать, «исполнял обязанности». Если, конечно, не считать его депутатство еще при советской власти.

Кроме того, губернатор ссылался на некое официальное разъяснение от Государственно-правового управления президента, в котором, дескать, было указано, что указы и статьи конституции, приведенные в постановлении Беднякова, истолкованы неправильно, а посему сам документ подлежит отмене. «Если таковые действия со стороны Д. И. Беднякова предприняты не будут и он будет настаивать на проведении референдума в установленном им порядке, сотни тысяч нижегородцев будут втянуты в незаконное голосование, – угрожал Немцов. – Сейчас многим стало абсолютно ясно, что такой порядок вынесения проекта Устава г. Нижнего Новгорода является выражением только эгоистических интересов небольшой группы чиновников, преследует их амбициозные политические цели и приведет лишь к укреплению личной власти конкретного должностного лица». Ну а далее Борис Ефимович стал пугать народ параллелями с «парадом суверенитетов» в СССР. Будто бы принятие референдума приведет к необратимым последствиям и чуть ли не отделению Нижнего Новгорода в отдельное государство. А вы же помните, чем все кончилось?! Страну развалили!

Впрочем, Дмитрий Иванович не испугался прямых угроз и стал действовать в духе: хотите войны, Борис Ефимович? Вы ее получите! В тот же день он собрал в бывшем Доме Советов – сером здании, построенном в 1931 году в форме самолета (на месте снесенного Спасо-Преображенского собора), а ныне ставшем вотчиной городской администрации, – пресс-конференцию. На ней он поставил под сомнение юридический статус документа, на который ссылался сидевший в расположенном напротив здании бывшего обкома КПСС губернатор. И действительно, с каких это пор администрация президента стала заниматься толкованием конституции? На то есть суды и прокуратура. А они на сей счет молчат. Так что самоуправству не подчинимся, а референдуму быть. После этого борьба между Немцовым и Бедняковым перешла в самую острую фазу. Кое у кого даже приходили на ум неприятные ассоциации с

событиями полугодовой давности. Уж не закончится ли война Бориса с Дмитрием стрельбой и танковыми боями?

Через пару дней, вероятно, по совету Немцова громко подал в отставку глава администрации Нижегородского района Александр Сериков. Данный акт он сопроводил разгромным «обращением» к Беднякову (а фактически к народу), содержавшим многочисленные обвинения в развале городского хозяйства, узурпации власти, «барском поведении» и даже повышении «ветхости жилого фонда». «Мне повезло в жизни, – писал Сериков. – Я встречался и работал с конструктивными и созидающими людьми. А так как вся моя сознательная жизнь связана с Нижегородским районом, историческим и культурным центром Нижнего Новгорода, эти люди щедро передавали мне культуру и традиции нижегородцев, любовь к родному городу. У них я учился профессионально работать в области управления городским хозяйством, учился порядочности, они привили мне чувство ответственности за свое дело. К сожалению, после двух лет совместной работы я не могу сказать этого о вас. Честолюбие, данное вам природой, подозрительность, выработанная за годы работы следователем, барственное отношение, проявившееся у вас с утверждением на городском олимпе, не способствовали коллективной работе по реализации проблем социально-экономического развития города… Вы обвиняете областные власти в отсутствии бюджета, используя для этого газеты и телевидение, вместо того чтобы совместно с губернатором утрясти все вопросы. Вы же к нему идти не спешите… До вас город строили и развивали. А при вас в городе полностью развалили систему бытового обслуживания, возросла степень ветхости жилого фонда. Да только ли это!»

В качестве же единственной пользы от Беднякова Сериков отметил тот факт, что несогласие с его методами приватизации позволило Александру Алексеевичу изучить эту проблему и даже защитить диссертацию по управлению муниципальной собственностью… Ну а в заключение он обратился к жителям с призывом не допустить установления «режима личной власти» и прихода к власти градоначальника с «диктаторскими полномочиями».

Конечно, предвыборная кампания проходила не только в подобных культурных выражениях. Город был обклеен огромным количеством всевозможных листовок и петиций, появились даже листовки антисемитского характера, намекавшие на национальное происхождение губернатора и его «связь с мировым сионизмом». Чуть ли не каждый день в разных районах города шли большие и мелкие митинги, на которых некоторые

выступавшие выкрикивали революционные лозунги и проводили аналогии Белого дома (администрации области) в Нижнем Новгороде с Белым домом в столице, который в итоге сгорел после танкового обстрела. Мол, если не понимают по-хорошему, этот тоже сгорит.

Немцов тоже не сидел сложа руки. Сначала он добился решения прокурора области, который наложил протест на постановление Беднякова, а потом созвал внеочередное заседание областного Совета. Кстати, для Беднякова оно стало последним, так как 27 марта должны были состояться выборы уже в новое Законодательное собрание региона. Депутаты выслушали речь губернатора и постановили: референдум отменить. После этого, так и не дождавшись, что Бедняков сам отменит свое решение, Немцов попросту взял и аннулировал его своим постановлением. «Сам устав, по мнению администрации области, в случае его принятия развязывает руки беспредельной чиновничьей власти, – говорилось в официальном комментарии. – Вот только некоторые вопросы, которые по проекту Устава мэр может решать единолично: предоставление налоговых и иных льгот и преимуществ предприятиям, принятие решений о предоставлении и изъятии земельных участков, создание муниципальных предприятий, распоряжение муниципальной собственностью и т. д. Причем все эти решения могут обжаловаться только в судебном порядке». В данном случае Немцов явно превысил свои полномочия, фактически скопировав прошлогодний указ Ельцина об «особом порядке управления страной».

Сорванные выборы

23 марта, за четыре дня до выборов, Бедняков последний раз обратился к нижегородцам по телевидению и в газетах. «Губернатор области Б. Е. Немцов принял решение об отмене референдума по Уставу местного самоуправления г. Нижнего Новгорода, назначенного на 27 марта, – заявил он. – Несмотря на то что решение губернатора незаконно, я намерен его исполнить, чтобы не нагнетать напряженность в городе, избежать силовых мер, провокаций, срыва предстоящих выборов. Отмена референдума лишила нас всех конституционных возможностей самим определять, по каким правилам и законам мы хотели бы жить… В интересах горожан я вынужден подчиниться силе беззакония, а не силе права и продолжаю бороться на выборах за пост мэра города. Надеюсь на вашу поддержку». Тогда же Бедняков поведал нижегородцам сенсационную историю о плане его свержения, составленном на даче Крестьянинова еще минувшей осенью. Новость вызвала эффект разорвавшейся бомбы! Заговоры? У нас?! А народ перед фактом решили поставить?

И надеялся Дмитрий Иванович небезосновательно. Как ни старался Крестьянинов рассказывать о своих невиданных программах по обустройству города и обличать своего соперника, рейтинг его практически не рос, оставшись на минимальном уровне. Сказалось банальное отсутствие харизмы, неискренность (все понимали, что это просто тень и креатура губернатора), да и вообще образ бородатого интеллигента оказался не по душе нижегородцам. Не случайно Крестьянинов фактически сорвал запланированные на 24 марта прямые теледебаты между кандидатами. На них явился один Бедняков и «дебатировал» сам с собой. Скорее всего, ставленник Немцова попросту понимал, что в случае, если оппонент его переспорит, ситуация станет совсем патовой.

Предвыборный штаб Крестьянинова и стоявший за ним губернатор допустили еще несколько серьезных ошибок. Чего стоит только воззвание к народу с телеэкранов скандально известных бизнесменов Климентьева и Седова. Говорили они неплохо, красноречиво, даже лучше самого Немцова, однако последний, видимо, искренне не понимал, что «коммерсы», особенно столь одиозные, мягко говоря, не пользуются широким уважением у трудящихся, месяцами не получавших зарплату и пенсии. «Крупный просчет наших оппонентов заключался в том, что они начали бороться с Бедняковым и выливать на него грязь,

в результате чего нравственные чувства людей оказались задетыми, – вспоминал один из работников предвыборного штаба. – Кроме того, „атака“ на Беднякова шла столь широким „фронтом“, что я не исключаю – часть избирателей просто пожалела тогдашнего мэра: столько на одного!»

Утром 25 марта предвыборный штаб Крестьянинова, а потом и сам Немцов получили удручающие данные телефонных социологических опросов. Это когда вежливые девушки садились за аппараты и попросту выборочно обзванивали адресатов телефонной книги с вопросом: за кого голосовать собираетесь? Они показывали, что от 50 до 60% назвали Беднякова. Данные противоположной стороны были еще более оптимистическими – 76% за Беднякова. Было ясно, что исход выборов предрешен, а все усилия противников главы администрации оказались не только бесполезными, но и дали обратный эффект. Теперь у Немцова был простой выбор – либо признание Беднякова демократически избранным мэром и срыв в случае его победы, либо срыв голосования. «Я был не в курсе плана свергнуть Беднякова без выборов, – рассказывает Андрей Климентьев. – По моим данным, мы еще могли его дожать. На последние дни были запланированы интересные эфиры и сюжеты по телевидению и т. п. Но Немцов в этот раз со мной не стал советоваться, а советовался с Явлинским. А тот сказал: „Ради победы все средства хороши!“». Вскоре Крестьянинов отправился в избирательную комиссию и подал пафосно оформленное (так тогда было принято) прошение о снятии своей кандидатуры.

Формально он объяснил свое решение «вмешательством» в предвыборную агитацию представителей государственных органов, что-де незаконно и приведет к оспариванию результатов в суде, «дестабилизации обстановки» и новому витку противостояния. Кроме того, в своем заявлении Крестьянинов намекнул, что Бедняков как бы «подозрительный человек». «Моему сопернику на выборах был предъявлен ряд конкретных претензий по финансовым нарушениям в деятельности городской администрации, объективное расследование которых должно быть, с моей точки зрения, завершено до проведения выборов с участием кандидатуры Д. И. Беднякова», – писал несостоявшийся мэр. Понятно, что все эти объяснения были, мягко говоря, надуманными. Претензии претензиями, а никаких уголовных дел против Беднякова никто не заводил. В общем, даже судя по стилю, наверняка текст заявления Крестьянинову надиктовал сам Немцов. Так или иначе, проводить выборы с одним действующим кандидатом было нельзя, и избирательная комиссия вынуждена была отменить их. Бедняков проиграл.

Стоит отметить, что Дмитрий Иванович был сколь упорным, столько же и наивным. Он попросту верил в «демократические идеалы» Немцова и не допускал возможности, что тот фактически пойдет по пути бывшего Верховного Совета и Ельцина. То есть ради своей личной власти плюнет на избирателей, на демократию и пойдет напролом, в том числе и на полный срыв выборов. Поэтому Беднякову даже не пришла в голову мысль подстраховаться, скажем выставить на выборы пару технических кандидатов. Эту роковую ошибку его штаб понял только спустя несколько дней после 27 марта. «Все эти выборы и вся предвыборная кампания, особенно связанная с выборами мэра, представляют собой такую игру, которая навязана нам сегодня», – заявил он сразу после отмены голосования. При этом поняв наконец, насколько далеко готов зайти Немцов, Бедняков логично предположил, что выборы вряд ли состоятся вновь в ближайшем году. Ведь понятно, что и в случае повторного голосования шансы Беднякова оставались весьма высокими. И оказался прав.

Впрочем, не успела проигравшая команда как следует осмыслить произошедшее, как уже 29 марта президент подписал указ о снятии с должности Д. И. Беднякова. С формулировкой за «однократное и грубое невыполнение должностных обязанностей». Законность и правомочность этого указа сразу ставилась многими под сомнение (например, где документы, подтверждающие нарушения?). Сам Немцов утверждал, что отказ немедленно отменить референдум и стал этим самым «однократным нарушением». Впоследствии Бедняков после долгих тяжб доказал в суде свою правоту. Однако никаких последствий эта формальность, как и в последующих схожих случаях, не возымела. Теперь победа Немцова стала полной.

Между тем срыв выборов мэра (которые сам же губернатор и назначил) и референдума имел весьма серьезные политические последствия. Большинство избирателей Нижнего Новгорода попросту игнорировало голосование, а явка составила 26,6% при минимально необходимом пороге 25%. Однако многие пришедшие рвали бюллетени, писали в них похабные надписи, в том числе про областную власть и Крестьянинова и т. п. В итоге лишь в 16 округах из 34 число действительных бюллетеней составило свыше четверти! Большую активность проявили жители Верхней части города, рекорд поставил Советский район, где проголосовало почти 30% избирателей. Зато в Заречной, где было сосредоточено большинство крупных предприятий, по понятным причинам мероприятие проигнорировали. Сормовский и Канавинский районы не избрали ни одного депутата. Выборы в городскую думу такими образом были фактически сорваны. То

есть орган как таковой сформировался, но ни имел ни кворума, ни возможности принимать законы и постановления.

Выборы в Заксобрание Нижегородской области первого созыва, хоть и формально состоялись, из-за Немцова тоже прошли, так сказать, не в полном объеме. Так, в Заречной части Нижнего Новгорода, где находилось 12 из 17 избирательных участков, из-за неявки избирателей выборы не состоялись в 9 округах. В результате только трем известным кандидатам удалось завоевать депутатские мандаты: гендиректору АО «ГАЗ» Борису Видяеву, главе администрации Ленинского района И. Н. Яковлеву и художественному руководителю телекомпании ННТВ Александру Блудышеву. Впрочем, выборы были сорваны не только в областном центре. Второй по размерам город региона – Дзержинск также дружно проигнорировал выборы! Общий итог: 30% мандатов остались «неразыгранными»! В районах народ шел на участки более дружно, голосуя в основном за местных глав администраций. В итоге последние заняли 42% мест в Заксобрании! Остальные 16% достались «хозяйственникам» и банкирам и 13% – журналистам, научным и профсоюзным работникам. При этом большинство избранных не состояли ни в каких партиях и движениях. В общем, получился аполитичный и чиновничий парламент, да еще и неполного состава.

«Демократия может быть в органах представительной власти, – заявил Немцов на пресс-конференции, посвященной итогам „выборов“. – В системе исполнительной власти должна быть железная дисциплина, иначе мы все развалим. И когда вдруг в системе исполнительной власти появляются граждане, которые на каждое слово возражают, не выполняют элементарные поручения, возникает развал и неразбериха. Еще до выборов было понятно, что совместная работа невозможна, что управление затруднено. Если главной задачей власти является выяснение отношений друг с другом, как это случилось перед выборами, то дела не будет… Я надеюсь, что теперь обстановка стабилизируется. А что касается „угрозы демократии“, то разве вчерашний митинг, где кричали „Долой Немцова!“ – не замечательный пример демократии?»

В нынешние времена подобные вопиющие результаты «выборов», несомненно, вызвали бы серьезные вопросы к главе региона. Тем более фактически сорванные выборы обошлись бюджету в 3,7 миллиарда рублей. И это при хронических задержках зарплаты и нехватке средств на ремонт дорог, благоустройство и т. д. Но тогда Немцову нечего было опасаться. По гордуме и Заксобранию было решено позже провести дополнительное голосование, а вот на выборы мэра Нижнего

Новгорода и вовсе был наложен мораторий. Губернатор попросту решил выждать, пока страсти улягутся, а про обиженного Беднякова все забудут. Главой администрации областного центра 30 марта был назначен верный немцовец, заместитель губернатора Иван Скляров. Человек, говоривший с ярко выраженным деревенским акцентом, имевший при этом имидж аполитичного «крепкого хозяйственника». И называвший Немцова, который был на 11 лет моложе (внешне разница казалась еще большей), «батькой»…

«Через год я стал опухать»

Немцов, ощущавший себя слишком молодым и незрелым и чувствовавший, что люди более старшего возраста – директора заводов, председатели колхозов, чиновники – зачастую не воспринимают его всерьез, вообще тяготел к «отцам». То есть мужикам старшего поколения. Которые как бы компенсировали его молодость и нехватку опыта, а заодно давали «отеческие» советы. Как себя вести, как разговаривать, как стоять на своем и т. д. Именно поэтому окружение губернатора в основном состояло из «стариков». Скляров был его типичным представителем. Немцов не только чувствовал себя с ним, как за каменной стеной, но и охотно слушал советы Ивана Петровича, даже откровенно глупые. Дошло до того, что Скляров едва не споил его! «Знаешь, Батька, ты человек молодой, тебя никто за губернатора не держит, – вспоминал Немцов о том, как его воспитывал мэр. – Сам понимаешь – серьезные люди: директора заводов, председатели колхозов и так далее. Надо бы тебе как-то с ними познакомиться, подружиться…» – «И что мне для этого надо сделать?» – «Да водки с каждым попить». – «А сколько заводов-то у нас?» – «Заводов около 500, а колхозов 750». – «Великоват список. Надо бы его как-то сократить и оставить, скажем, только передовиков». В итоге список сократили до 400 собутыльников, и пошло-поехало знакомство с закреплением авторитета. Через год я стал опухать. С большим трудом вставал по утрам, ухудшилась память, начались проблемы с речью, тяжело давалось принятие серьезных решений. Я осознал, что попадаю в цепкие лапы алкоголизма. Я пригласил Ивана Склярова и спросил: «Иван Петрович, вы зачем это сделали?» – «А что?» – «Вы сказали, что для повышения своего авторитета я должен выпить с директором каждого завода». – «Я же не знал, что ты это все конкретно воспримешь и так пунктуально будешь выполнять…»

Кстати, аналогичный случай имел место и с Черномырдиным, которого Немцов тоже воспринимал примерно как отца. «Мы с Черномырдиным летали в Индию продавать самолеты, – писал потом Борис Ефимович. – Поскольку самолеты МиГ-29 делали в Нижнем Новгороде, он пригласил в поездку и меня, губернатора. По дороге в Индию в самолете Черномырдин всех предупредил, что Индия – страна грязная, все болеют дизентерией и холерой: „Поэтому, дорогие друзья, вы с утра натощак должны выпивать граммов по двести виски, а потом уже чистить зубы“. Прилетели в Индию. Я там оказался впервые в жизни: все вокруг чужое, антисанитария полная. Резкие, абсолютно чуждые нам запахи,

зловоние, мертвые тела в воде. Но в гостиничном номере уже стояла бутылка виски. И каждое утро я, по указанию премьер-министра, выпивал. На улице стояла жара градусов под сорок, и хотя переговоры начинались в девять часов утра, к этому времени я уже воспринимал мир несколько искаженно: сильно запинался либо что-то говорил невпопад. Наконец Черномырдин не выдержал: „Борис, ты почему все время пьяный с девяти утра? Я зачем тебя сюда приглашал? Все понимаю, командировка и так далее, но ведь не с девяти утра напиваться… И кто тебя вообще надоумил колбасить с утра? Как ты губернией-то управляешь?“ – „Виктор Степанович, я вам клянусь, что дома практически не пью. Но вы же мне сами сказали, что надо с утра по 200 граммов виски пить натощак“. – „Ты что, шуток не понимаешь?“ – рассмеялся Черномырдин». Интересно, а если бы известный шутник и юморист Виктор Степанович посоветовал доверчивому Борису Ефимовичу перед посещением Индии нанюхаться кокаина, тот бы, вероятно, тоже воспринял этот наказ буквально и по прилете отправился бы доставать кокс?

Возвращаясь к Склярову, истинный уровень его интеллекта проявился в первом же громком мероприятии нового градоначальника – «крепкого хозяйственника». Которое касалось вовсе не хозяйства, а… нравственности. Он издал постановление, согласно которому все телефильмы и программы, «пропагандирующие насилие, секс, безудержное распитие спиртных напитков и курение», должны были демонстрироваться только после полуночи. А то, мол, одну стрельбу, пистолеты, женщин голых и пьяниц показывают! Вот поэтому наша молодежь и идет в рэкетиры и проститутки.

Правда, выполнить на практике указанное постановление оказалось довольно сложно. Ибо четких критериев, что такое «пропаганда секса» и просто секс, чем отличается «безудержное употребление» от обычного, пропаганда насилия от обычных сцен погони и драк (ведь даже в советских фильмах «Пираты XX века» или «Место встречи изменить нельзя» кто-то в кого-то стрелял, бил и проявлял насилие) и т. п., Иван Петрович не выделил. Да и не имел права выделять, просто он забыл, что цензуру в России давно запретили, а его «указ о морали» противоречил федеральному законодательству! В прессе сразу же появились шуточные статьи с заголовками вроде «Скляров поставил Рэмбо на место» и «Запрет на миньет». В дальнейшем новоиспеченный мэр еще много всяких идей придумает. Но Немцов смотрел на все это сквозь пальцы. Главное, чтобы уставы города не писал и губернатора не критиковал, пусть балуется…

Ну а председателем городской думы стал удобный Немцову,

совершенно аполитичный 37-летний Иван Карнилин. Про таких иногда говорят «человек без лица». Никогда не был замечен в политических скандалах, никогда не сказал ни одной яркой фразы, никогда не высказывал своего определенного мнения ни по одному из острых вопросов. Это был типичный выходец из горьковского комсомола, как всем известный Сергей Кириенко, упомянутый Александр Сериков, Евгений Люлин (на момент написания книги вице-губернатор Нижегородской области). Все они начинали карьеру на заводах, потом переходили на комсомольскую работу. Карнилин, будучи родом из Ленинского, самого депрессивного района, трудился на местном «Теплообменнике» (фактически секретный завод авиакомпонентов), а на заре перестройки дослужился до секретаря Ленинского райкома ВЛКСМ. Откуда плавно перетек на работу уже в районную администрацию. Карнилин примечателен тем, что символизирует эдакую связь времен от Немцова до современности. Двадцатью двумя голосами из двадцати пяти он был избран председателем гордумы. И эту должность он (хоть и с перерывом) занимает по сей день! А вот бывший председатель областного Совета Евгений Крестьянинов, в выборах в Заксобрание по понятным причинам не участвовавший, получил почетный пост представителя президента по Нижегородской области. Ранее эту должность по совместительству занимал Немцов. Учитывая тот факт, что Борис Ефимович все равно фактически представлял в регионе интересы Ельцина и пользовался его полным доверием, роль Крестьянинова оставалась по сути формально-почетной.

В заключение темы стоит отметить, что все СМИ, которые проявили лояльность к губернатору в ходе конфликта, были сразу же щедро вознаграждены. Так, газеты «Земля нижегородская» и «Нижегородские новости» получили госдотации в размере 150 и 434 миллионов рублей соответственно, а областная студия телевидения – 2 миллиарда 678 миллионов. «Вообще, если разобраться, деньги получили те, кто завязан непосредственно на областную власть, – писала независимая газета „Ленинская смена“. – С одной стороны это и понятно, с другой – эти деньги наши с вами налоги, деньги налогоплательщиков… Почему местные власти, ратуя на словах за независимую прессу, содержат экономически зависимые от них газеты и телевидение?»

Эпизод со срывом выборов был рассмотрен так подробно, потому что он воочию показывает, как именно «либералы», точнее, люди, называвшие себя либералами, находясь у власти, понимали этот самый «либерализм». Под «демократией», видимо, имелись в виду такие выборы, когда народ голосовал

«правильно», избирая только нужных, «хороших» людей. Если же глупый народ ошибался, никак не хотел понимать, кто «хороший», а кто «плохой», то мнением этого народа можно было и пренебречь. И это был далеко не первый и не последний случай в политической карьере Немцова, считавшего себя чуть ли не главным российским либералом. Эта кампания также во многом объясняет тогдашние и последующие бесконечные разногласия между «правыми», так и не сумевшими создать сколь-нибудь влиятельную партию или объединение. Каждый из них, как и Немцов, представляли либерализм как возможность свободно реализовывать свои личные природные нужды и амбиции, распихивая и затаптывая на пути всех остальных. Прямо как говорил известный монарх: либерализм – это я!

Ракетовоз для ОМОНа

В 1994 году страна жила в условиях полной свободы. В прямом смысле слова, то есть кто что хотел, тот то и делал. В политике тоже царила «свобода нравов»: депутаты и чиновники чуть ли не в прямом эфире крыли друг друга матом, а также обливали соком… Народ, еще не уставший от демократии, с трепетом ждал очередных выпусков новостей. Ибо они позволяли хоть как-то отвлечься от тягот жизни. А их хватало! К примеру, литр молока на нижегородских базарах за год подорожал со стольника аж до 800 рублей. Стоимость хлеба за тот же период выросла в 5–8 раз, картошки в 7–8 раз, капусты в 30 раз, а репчатого лучка аж в 40! Впечатляла также разница цен по регионам. Ведь тогда еще не было крупных торговых сетей, а ценообразование определяли мелкие продуктовые магазинчики и рынки. Так, в Лыскове кило капусты можно было взять за «штуку» рублей, в то время как в Балахне она продавалась по 2500. В среднем цены росли на 2–5% в неделю, причем это тогда даже называли «стабилизацией». Если в середине 1992 года хорошей зарплатой считалось 5 тысяч рублей в месяц, а проезд в автобусах стоил 3 рубля, то летом 1994 года прожиточный минимум составлял 50 тысяч рублей, а проезд в автобусах – уже 200 рублей!

Ну и криминальный беспредел… Если в 1990 году у МВД СССР имелись данные на 785 организованных преступных групп, то к лету 1994 года их число выросло почти до 6 тысяч. При этом лишь 300 из них возглавляли «заслуженные товарищи», то есть «воры в законе». Остальные вожаки выдвинулись уже в годы беспредела. Общую численность мафиозной «армии» правоохранительные органы оценивали в 100 тысяч человек. Оргпреступность полностью контролировала шоу-бизнес, торговлю Москвы, Питера и других крупных городов, включая Нижний Новгород, почти все производство и продажу алкогольных напитков и экспортные поставки сырья. 90% бизнесменов были обложены данью. Как тогда говорили, «имели крышу» и «платили». Прогнозы также не радовали. Эксперты предсказывали скорое начало криминальных войн за передел сфер влияния, а также приход выдвиженцев мафии или ее прямых ставленников на посты мэров, руководителей регионов и крупных федеральных чиновников. Ну а улицы, в особенности темные и вечерние, заполонили гопники. Сотовых телефонов и дорогих айфонов на руках у жителей еще не имелось, посему отнимали в основном наличность, часы и одежду. В «Ленинской смене» по

этому поводу даже вышла характерная статья Александра Кобезского под названием «Лучше бей первым, Федя!», в которой автор инструктировал сограждан, как лучше действовать при встрече с уличными хулиганами.

На улицах Нижнего Новгорода в 1994 году появились многочисленные беженцы из Таджикистана и Узбекистана. Сейчас, спустя два десятилетия, все мы уже привыкли к гастарбайтерам. В роли строителей, подсобных рабочих, водителей маршруток и даже трамваев, ну и конечно же торгашей на рынках. А тогда дома еще строили обычные русские мужики, да и автобусы водили они же. «Гости с Востока» первоначально явились нам в образе попрошаек. «Вместе с детьми, грязными, оборванными, они ходят по квартирам – просят деньги, – писала пресса. – Сколько их в Нижнем – сказать не может никто. Дело в том, что беженцы в официальные структуры, занимающиеся этой проблемой, за помощью не обращаются. Предпочитают ночевать где придется. И жить на подаяния. Оно и понятно. У многих, если не у всех, узбеков и таджиков нет официальных документов, удостоверяющих статус беженца. А без этих документов какую-то помощь от государства получить невозможно. Да и для „официальных“ беженцев денег нет…» На Нижегородчине на оборванцев поначалу смотрели сквозь пальцы, к тому же никаких специальных ведомств по этой теме еще не существовало. Пионером борьбы с нелегалами стал тогда новый мэр Москвы Юрий Лужков. И именно в столице сделали «неожиданное открытие», что после высылки за пределы РФ «беженцы» быстро прибегают обратно… Кстати, первыми, кто серьезно пострадал от азиатов в материальном плане, стали… нижегородские бомжи и алкоголики. Они еще с советских времен традиционно держали рынок попрошайничества и сбора пустых бутылок. Теперь же львиная часть выручки от сердобольных сограждан стала перепадать приезжим, в то же время цена на бэушную стеклотару в рыночные времена резко упала. Вследствие этого между старыми и новыми попрошайками периодически стали возникать драки и потасовки, особенно из-за наиболее хлебных мест на вокзалах и рынках. Впрочем, попрошайки серьезной угрозы не представляли. Куда больше людей пугал разгул бандитизма.

Страшный случай произошел в Нижнем Новгороде в конце марта. Ему предшествовали следующие события. В ранжирном парке Горьковской железной дороги, что в глухом районе между масложиркомбинатом и заводом «Красная Этна», происходила обыденная перегрузка заключенных, прибывших из Калуги. Оцепление осуществляли военнослужащие внутренних войск. Когда операция закончилась, одного из них недосчитались… А

через три дня в полночь из микрорайона Мещерское озеро поступило сообщение о разбойном нападении на прохожего. Молодой парень в черном полушубке и военных брюках, угрожая пистолетом, отнял у него норковую шапку, кожаную куртку и часы. На место прибыла оперативная группа с кинологом, однако собака след не взяла. В то же время по описанию стало ясно, что это тот самый вооруженный дезертир. После этого весь микрорайон, расположенный на берегу Волги, был оцеплен нарядами милиции и внутренних войск. На всех выездах (а их было всего три) были поставлены патрули с гаишниками, проверявшие все выезжающие автомашины и автобусы. Наряды милиции встали у всех школ и детсадов, на Мещерку пригнали даже БТР! Такого в Нижнем Новгороде еще не было. В полдень следующего дня на улице Акимова был замечен человек, внимательно наблюдавший за действиями солдат в оцеплении. Затем очевидцы сообщили, что видели выбегавшего из многоэтажки мужчину с пистолетом. Милиционеры начали готовить операцию по захвату преступника. Однако тот неожиданно проявился сам. В 13:00 милиционера-водителя, проезжавшего по улице Карла Маркса, остановил парень и попросил отвезти на Автозавод, предложив за это часы. Сразу опознав подозреваемого, милиционер попытался его задержать, но тотчас получил пулю в живот. Действия правоохранителей, не привыкших к подобным операциям, вообще оказались довольно хаотичными и непрофессиональными.

Несмотря на то что раненый водитель сообщил по рации о случившемся, задержать бандита снова не удалось. А пока милиционеры и солдаты прочесывали дворы в районе улицы Карла Маркса, тот неожиданно появился на соседней улице Акимова. Там он внезапно столкнулся с рядовым внутренних войск и выстрелил тому в лицо. Только после этого, увидев приближающихся с разных сторон милиционеров и понимая, что уйти из закрытого со всех сторон микрорайона не удастся, дезертир застрелился. А если бы он вломился в проезжавший мимо троллейбус или автобус или забаррикадировался в одном из домов, взяв заложников? Последствия и число жертв трудно было себе представить! Об этой истории потом слагали легенды по всему городу.

«Убийств в 1993 году было совершено на 27,9 процента больше, чем в предыдущем, тяжких телесных повреждений – на 27, – сообщало в своем отчете руководство Нижегородского УВД. – Настораживают большая жестокость, рост материального ущерба, заказные убийства. Часть преступников с мелких переходят на крупные, профессиональные преступления,

например вымогательство. Им занимаются в основном молодые люди 20–25 лет, нередко они делают это под видом охраны коммерческих структур… В Волго-Вятском регионе на сегодняшний день действует несколько бандформирований. Два дела по бандитизму направлены в суд. Всего же в регионе в прошлом году пресечена деятельность 320 организованных групп численностью 5 тысяч человек. На их счету 1200 преступлений. Работниками милиции у них изъято материальных ценностей более чем на 3 миллиарда рублей, и 290 единиц огнестрельного оружия, в том числе 6 пулеметов, 20 автоматов, 100 гранат». Особый размах приобрели ограбления дальнобойщиков на междугородних трассах. Только за одну операцию в конце марта в регионе было задержано 16 лиц кавказской национальности, занимавшихся разбоями на дорогах. Грабили машины не только приезжие, но и местные. «Двое нигде не работающих граждан Вачского и Автозаводского районов возомнили себя Робин Гудами и вышли на „большую дорогу“, а именно на трассу Нижний Новгород – Касимов, – рассказывала криминальная хроника. – На отрезке оной дороги у села Монаково Навашинского района они и развили достаточно бурную деятельность. 5 июля в промежутке с 14 до 18 часов они совершили разбойные нападения на четыре транзитных автомобиля. Водители и пассажиры под угрозой оружия отдали экспроприаторам деньги, золотые цепочки и прочие „оковы капитализма“… 8 июля в Ленинском районе нигде не работающий господин В., угрожая директору фирмы „Альмир“, не таясь от посторонних взглядов, конфисковал у перепуганного бизнесмена автомобиль ГАЗ-31029… В результате широкомасштабной операции „Молния“, прошедшей с 8 по 9 июля, раскрыто 45 преступлений. За различные правонарушения задержано 4255 человек. Из них семнадцать находились в розыске».

Отдельной проблемой был невиданный рост наркомании и связанных с ней преступлений. По данным милиции, к началу 1994 года в Нижегородской области насчитывалось 150 тысяч наркоманов! «Каждому из них на приобретение зелья ежемесячно требуется до 1,5 млн рублей (в ценах декабря 1993 года), – сообщало УВД. – Средства они добывают в основном квартирными кражами, угонами автомобилей, грабежами». «Идешь по Покровке и ищешь, что бы спионерить, – рассказывал автору незамысловатую технологию поиска денег на ширку наркоман по кличке Нос. – И в конце концов что-нибудь спионеришь». «В 1993 году отмечался довольно большой рост преступности в Нижнем Новгороде, равно как и в России, – говорил Немцов в своем выступлении перед депутатами

областного Совета в марте 1994 года. – Но я должен отметить как довольно отрадный факт, что в последнее время количество преступлений стало уменьшаться. Уменьшилось их количество на 8,6%, тогда как в России наблюдался рост. Однако участились случаи особо дерзких преступлений, включая изнасилования, убийства, грабежи. И здесь, к сожалению, администрация Управления внутренних дел явно не сделала все от него зависящее, хотя я должен сказать, что областной Совет принял чрезвычайно серьезное решение об увеличении финансирования управления внутренних дел, которое позволило увеличить численность милиционеров и сделать работу милиции более доброкачественной. Мы смогли приобрести специальные средства и создать специальные подразделения по борьбе с наиболее дерзкими преступлениями». Обращает на себя внимание явная косноязычность Бориса Ефимовича в речи, напоминающей выступления полуграмотных ораторов эпохи Сталина. Такое не раз наблюдалось, когда Немцову приходилось не рассуждать на пространные и философские темы, а говорить о конкретных проблемах. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке в этой роли.

Кстати, о «спецсредствах». Еще 6 апреля 1993 года в Нижнем Новгороде был сформирован отряд милиции особого назначения (ОМОН) «Нижегородская гвардия», а 8 ноября того же года еще один отряд в Дзержинске, который в то время был одним из лидеров по стране по уличной преступности. «В те времена мы помогали уголовному розыску, – вспоминает ветеран нижегородского ОМОНа Алексей Манаков. – Брали особо опасные банды преступников. Одной из первых была операция по задержанию банды, терроризировавшей дальнобойщиков на трассе. Задержали всех». Нижегородский ОМОН, благодаря своей успешной работе, быстро стал известен на всю Россию. При этом финансово-технической поддержки у омоновцев почти не было, отсутствовала даже специальная форма и экипировка. В Дзержинске ОМОН был сформирован на базе роты специального назначения при отряде патрульно-постовой службы. В городе в это время орудовало множество юношеских группировок, которые контролировались организованной преступностью. Воевали в духе «улица на улицу», «район на район», все это сопровождалось многочисленными конфликтами и драками. Только за 1994 год сотрудники ОМОНа провели 312 специальных мероприятий, раскрыли 69 преступлений и задержали 116 преступников. «В то время четких разграничений в работе между обычной милицией и ОМОНом не было, – вспоминает ветеран Дзержинского отряда Андрей Репин. – Раскрывали преступления, грабежи и убийства,

помогали сотрудникам угрозыска. Выезжали и на бытовые преступления и даже выписывали административные протоколы. Успевали всё!»

А вот с транспортом у спецподразделений обстояло не очень. Точнее, совсем плохо. Только в 1994 году Нижегородский ОМОН получил 15 внедорожников УАЗ, которые на несколько лет стали одним из символов милицейской гвардии. А вот бойцам специального отряда быстрого реагирования Волго-Вятского РУБОП, также созданного в 1993 году, долгое время приходилось выезжать на операции на обычных оперских легковушках типа ВАЗ-2109. Кроме того, для этих целей переоборудовали рафик «скорая помощь». «Все медицинское оборудование было демонтировано, а в салоне вдоль бортов разместили сиденья, – вспоминает ветеран СОБРа Иван Акифьев. – Главным преимуществом рафика было наличие мигалки, с которой легче было доехать до места операций, а также „маскировка“ в виде белых стекол, благодаря которой сотрудники были не видны снаружи. Ну а преступники оказывались в полном недоумении, когда к ним подъезжала „скорая“ и из боковой или задней двери выпрыгивал „десант“ из 5–6 сотрудников СОБРа». Как правило, никакого сопротивления бойцам спецподразделений бандиты не оказывали, а сами клали руки на капот или на стены.

И вот в марте 1994 года губернатор Немцов решил «помочь» своим гвардейцам со спецтехникой. Он подарил ОМОНу настоящий… ракетовоз. «Создан спецавтомобиль по соседству с Нижегородчиной – в городе Шумерля Чувашской Республики на базе… стандартного армейского ракетовоза, многие годы эксплуатировавшегося в ракетных войсках страны стратегического назначения, – сообщали СМИ. – Теперь вчерашний ракетовоз послужит верой и правдой нижегородским омоновцам». Кое-кто даже пошутил на сей счет, что Немцов собрался бороться с оргпреступностью с помощью межконтинентальных ракет. Фактически речь, конечно, шла не о «ракетовозе», а о модификации МАЗ-543М «Ураган» – машине обеспечения боевого дежурства межконтинентальных ракетных комплексов с перекомпонованной передней частью, демонтированной правой кабиной и огромным грузовым отсеком. Правда, зачем ОМОНу была нужна столь огромная восьмиколесная махина весом 22 тонны, было, мягко говоря, не совсем понятно. Заместитель командира отряда Сергей Бирюков не стал обижать губернатора, пояснив, что авто сгодится в качестве казармы для личного состава, передвижного штаба, кухни и столовой. Ну или для подавления массовых беспорядков в местах лишения свободы. «До 1 апреля спецавтомобиль будет

парковаться в отряде, затем он будет апробирован в деле», – писали «Нижегородские новости».

Но никакого подходящего «дела» для «Урагана» конечно же так и не нашлось. Да и не могло найтись! Ведь чтобы, скажем, подавить беспорядки в колонии, до нее еще надо было доехать. А МАЗ-543М ну никак не был рассчитан для движения по узким городским улицам и тем более пригородным трассам. Если только напрямки, через поля и леса… Но и тогда он мог подоспеть к месту беспорядков уже к их концу, ведь скорость у машины обеспечения была немногим больше, чем у танка… «Мы его стали в основном для „представительских“ целей использовать, – рассказал ветеран ОМОНа, ныне директор музея спецподразделений майор в отставке Дмитрий Демидов. – По праздникам в центр города вывозили детишкам показать. Улицы, правда, приходилось перекрывать для него. А так машина совершенно бесполезная. Хотели даже баню передвижную сделать, но руки не дошли». Ну а вскоре «Ураган» и вовсе пришлось поставить на прикол. Машина, у которой ведущими были все восемь колес, расходовала 125 литров горючего на 100 километров и бюджет спецподразделения не мог позволить себе подобные траты. Одним словом, странный «подарок» получился.

Жириновский два часа правил Нижегородской областью…

Лето 1994 года в Нижнем Новгороде выдалось богатым на политические события. Создатель и лидер Либерально-демократической партии России Владимир Жириновский долго собирался наведаться к Немцову в гости. Началась эта история еще в декабре 1993 года, когда большинство нижегородцев одновременно поддержали ЛДПР на выборах в Госдуму и Бориса Немцова в Совет Федерации. Жириновцы тогда объявили победу на выборах в области общей с Немцовым и потребовали соответствующего «разделения властей». Давайте-де совместно управлять регионом и согласованно проводить в ней реформы. Однако губернатор, естественно, наотрез отказался и все предложения либерал-демократов попросту игнорировал. Тогда Жириновский объявил о своем намерении лично прибыть в Нижний Новгород и «разобраться на месте». Визит планировался еще весной 1994 года, когда разгорелся скандал с выборами мэра, но всякий раз откладывался.

И вот 16 июня газета «Ленинская смена» вышла с заголовком «Вольфович все же приедет» и сообщила, что лидер ЛДПР «десантируется» в области ориентировочно 18-19-го числа. Журналисты и обыватели уже приготовились к новым сенсациям, а администрация губернатора к обороне. Однако новость в очередной раз не подтвердилась. После этого в серьезность намерений Жириновского уже никто не верил, они стали восприниматься то ли как шутка, то ли как утка. Но спустя десять дней тот все же неожиданно прилетел в город, который тогда называли ни больше ни меньше «столицей российских реформ». Утром 27 июня Владимир Жириновский спустился по трапу самолета и был жутко возмущен тем, что вместо нормального приема «государственному деятелю» у него на пути выставили пикетчиков с «провокационными плакатами». После этого лидер ЛДПР, как говорится, «рвал и метал».

Первым делом он провел пресс-конференцию в пансионате «Дубки» в пригородном Балахнинском районе. Там Жириновский кратко изложил собравшимся свою программу, уже в те времена состоявшую в основном из популистских обещаний: бизнесу – низкие налоги, госпредприятиям – поддержку, армии – мирное будущее, большие зарплаты и т. п. А также заявил, что крупные города надо закрыть, «пока в них не переловят всех преступников», а главарей банд расстреливать прямо на месте

преступления. Ближе к вечеру Владимир Вольфович прогулялся по улицам Нижнего Новгорода, торжественно открыл в Московском районе «Клуб Жириновского», а затем провел «областную партконференцию» в кинотеатре «Сормовский». Там он пообещал посадить Немцова и расстрелять его помощника Александра Котюсова. Но главные события были, как оказалось, впереди.

Около 18 часов кортеж ЛДПР, которому не было предоставлено никакого сопровождения, промчался по Канавинскому мосту (тому самому, по которому где-то в это время как бы гоняли на БМВ бандиты Саймон и Сергей из фильма «Жмурки»), поднялся по Зеленскому съезду и повернул налево, прямо в кремль! Выйдя из машины возле Белого дома, Жириновский направился прямиком в приемную губернатора, где потребовал встречи с оным. Хозяина на месте не оказалось, а работники на вопрос «Где Немцов?» не смогли дать внятного ответа. Тогда Владимир Вольфович вломился в пустой кабинет и попросту уселся в губернаторское кресло! Там заявил: «Власти в области нет, и я беру ее в свои руки». После чего потребовал от секретаря чашку чаю! Так нижегородский Белый дом был фактически захвачен либерал-демократами, причем без всякого сопротивления, ибо милиционеры попросту не решились заламывать руки депутатам, да еще такого уровня! «Народный губернатор» Жириновский в течение двух часов фактически руководил Нижегородской областью. Из кабинета Немцова он звонил по спецсвязи в Москву: в администрацию президента, в правительство, а также директору Федеральной службы контрразведки Сергею Степашину. Затем Владимир Вольфович вызвал к себе областного прокурора и начальника местного управления ФСК и провел с ними что-то вроде оперативного совещания. В это время его соратники по партии разгуливали по помещениям, рылись в шкафах, лазали по папкам с документами, а всех возмущенных посылали подальше, кое-кому даже пообещав плюнуть в рожу.

По утверждению упомянутого выше Александра Котюсова, за это время из кабинета Немцова якобы пропало 100 тысяч рублей, а также два серебряных предмета, подаренные зарубежными делегациями. Кроме того, Жириновский будто бы хотел разорвать фотографию, на которой губернатор запечатлен с Биллом Клинтоном, но по какой-то причине не сумел сделать это. Где в момент захвата находился сам Немцов, история умолчала. По распространенной тем же Котюсовым версии – в своей загородной резиденции. А вот Андрей Климентьев утверждает, что Борис Ефимович, узнав, что подъехал Жириновский, попросту убежал на

четвертый этаж и там заперся в одном из помещений. «Я приехал, успокоил его, потом все же состоялась короткая встреча, – рассказывает Андрей Анатольевич. – Там было человек десять бизнесменов с Жириновским, посидели, коротко поговорили, и все». Дальнейшая программа пребывания лидера ЛДПР в Немцовской губернии также была яркой, но уже не настолько скандальной. Жириновский встретился с избирателями в Доме архитектора, потом возложил цветы к памятнику Кузьме Минину и к Вечному огню, затем поехал в Дзержинск выступать перед рабочими. Кроме того, утром 28 июня делегация ЛДПР наведалась в Арзамас-16. Там скандальный политик планировал выступить перед народом и рассказать о своем видении будущего атомной энергетики. Но на сей раз власти успели подготовиться. Ведь кто его знает, вдруг Жириновский еще и ядерный центр захватит! Посему министр атомной промышленности России Владимир Михайлов отдал приказ все въезды в город перекрыть и никого не пускать. Прибывший на КПП-3 кортеж был остановлен, после чего Владимир Вольфович смог там лишь вдоволь покричать, поугрожать арестами – и убрался восвояси. Скандальный визит подошел к концу.

Напоследок Жириновский обещал вскоре выиграть президентские выборы и навести порядок в Нижегородской области. Вот такое было время! К слову сказать, согласно социологическим опросам за лето 1994 года, у Владимира Вольфовича действительно был самый высокий «президентский» рейтинг. 47% опрошенных заявляли, что, если бы выборы главы государства прошли сейчас, они бы отдали голоса именно Жириновскому. Рейтинг же действующего президента составлял 24%, лидера КПРФ Геннадия Зюганова – 9%, бывшего президента СССР Михаила Горбачева – 4%, певца Иосифа Кобзона – 5%… Впрочем, Немцов в тот период также не мог похвастаться высокой поддержкой населения. Согласно тем же опросам, его хотели бы видеть губернатором лишь 28% избирателей, в то время как за других кандидатов готовы были отдать голоса 39%. Сам Борис Ефимович позднее так отзывался в своей книге о лидере ЛДПР, с которым ему еще предстояло встретиться: «Умный человек. С клиническими особенностями. Абсолютно беспринципный – это отнюдь не мое наблюдение, это говорят люди, которые с ним часто общаются. Готов изменить свои собственные решения на прямо противоположные, если потребуется. Очень любит роскошь. Тут, как видно, тяжелое детство сказалось. Ясно и свободно излагает свои мысли, но при этом ориентируется на совершенно определенных людей. Не только на „социальное дно“, но и просто на психически нездоровых людей. Такие люди есть в

любом обществе, каким бы ни было общество – богатое или нет, люмпенизированное или наоборот. До 10 процентов таких людей может быть в обществе. И поэтому у Жириновского всегда будут избиратели. Примерно от 5 до 10 процентов. По-моему, он довольно хорошо владеет техникой воздействия на толпу. По-моему, пользуется услугами профессиональных психологов. В принципе опасный человек для страны».

… А Немцов посадил на мель теплоход Жириновского

Всего через полтора месяца Жириновский снова наведался в Немцовскую губернию. Правда, на сей раз лидер ЛДПР прибыл по воде…

В августе 1994 года президент Ельцин отправился в путешествие по Волге на теплоходе «Россия». Это была речная яхта, строившаяся еще для Леонида Брежнева, как бы доставшаяся Борису Николаевичу в наследство от генсеков, как и лимузины ЗИЛ-41047. Идея была хорошая – совместить приятное с полезным. Отдохнуть, пейзажи посмотреть, а заодно проинспектировать Поволжье. Однако турне президента было несколько подпорчено все тем же Жириновским. Тот зафрахтовал четырехпалубный туристический теплоход «Александр Пушкин», на котором вместе с 45 депутатами от ЛДПР отправился в погоню за Ельциным.

На судне Владимир Вольфович со своими ближайшими сподвижниками и семьей занял сразу четыре люксовые каюты, в остальных расположились коллеги и помощники, а также команда техподдержки мероприятий. Получалось так, что едва президентская яхта прибывала в тот или иной город, как вскоре там причаливало судно либерал-демократов, и тут же, с ходу начинались митинги Жириновского.

15 августа Ельцин прибыл в Нижний Новгород. Где первым делом попросил Немцова снять с хвоста Владимира Вольфовича! «И вот он приходит в Нижний Новгород на теплоходе „Россия“, я его встречаю, в девять часов он сходит с трапа – Наина Иосифовна, он, Таня, обнимает меня и говорит: „Слушайте, мне так Жириновский осточертел, – описывал потом тот день Борис Ефимович. – Он в каждом городе ко мне выходит и мешает мне работать. Сделайте, чтоб его не было“. Спрашиваю: „А где он?“ – „Да там плывет за мной по Волге“. Я позвонил в службу гидросооружений: „Где теплоход „Александр Пушкин“?“ – „Да шлюзы проходит, Горьковское водохранилище“. Я говорю: „Задержите этот теплоход в шлюзах“. – „Мы не можем задержать“. – „Вы воду спустите в шлюзах“. – „Вы что, господин губернатор, это аварийная ситуация!“ – „Спускайте, иначе я вам башку оторву!“ – „Нам нужно ваше письменное указание“. – „Сейчас я вам дам указание“».

В результате «Александр Пушкин» застрял под Городцом. Вместе с ним прервали рейсы еще два пассажирских теплохода –

«Черняховский» и «Соболев». Таким образом, Жириновский застрял, а поскольку время задержки и роль Немцова в ней были ему неизвестны, временно пересесть на автомобильный транспорт он не догадался. Да и нелегко это было сделать с судна, стоящего в ожидании шлюзования! Западня практически…

Тем временем Ельцин прямо с причала отправился на Нижегородскую ярмарку, где встретился с бизнесменами, позавтракал, осмотрел продукцию АО «ГАЗ», в том числе новые «газели» и перспективные модели, а также новые автобусы ПАЗ. Потом президент отправился на открытие теннисного турнира «Кубок губернатора» и нового теннисного корта в парке имени Пушкина. Правда, обещанный матч между Ельциным и Немцовым не состоялся, они лишь «размяли подачу», обменявшись несколькими ударами. Состояние здоровья Бориса Николаевича уже было не то, да и жара стояла на улице. Согласно первоначальной программе президент должен был посетить магазин «Художественные промыслы», где Немцов собирался похвастаться ему, как он поддерживает хохлому, семеновскую роспись и т. п., а потом традиционно прогуляться по Большой Покровке. Перед этим на всей улице специально обновили вывески магазинов, покрасили фасады и поставили новые телефоны-автоматы. И заасфальтировали все ямы. Но все это в итоге не понадобилось, Ельцин гулять пешком и общаться с народом не захотел. Вероятно, он попросту устал от подобных встреч в других городах. Там же, на корте, президент заявил известной нижегородской журналистке Нине Зверевой, что Немцов вполне способен стать его преемником. «Мне показалось, что он тогда уже очень сильно заматерел и стал лениться, – вспоминал Немцов. – Если вообще так можно о царе говорить. Ельцина сопровождало огромное количество охранников из „Альфы“, они постоянно были рядом, в том числе и на корте, где мы играли в теннис. На открытии теннисного корта он сказал: „Наконец-то я вырастил себе преемника. Он у вас так Нижний Новгород отстроил, у вас такой порядок, вы так его все любите (а у меня рейтинг был процентов 70, причем со свободной печатью. – *Авт.)*. Я могу спокойно дорабатывать, у меня преемник, он такой молодой, такой спортивный“».

Обращаясь к психологии, следует отметить, что детско-родительские отношения, будь то между мужчинами и женщинами, учителями и учениками, наставниками и подмастерьями, офицерами и солдатами, да и вообще во всех сферах жизни – это норма. Как и воспитание «наследников» и «преемников». Не является исключением и политика, особенно если ею занимаются не зрелые личности, а природные индивиды,

движимые не мышлением и волей, а банальными природными эмоциями. Вспомнить того же Ленина, «сыном» которого (кстати, хорошим, глубоко почитавшим «отца» и его наследие) воспринимал себя Сталин. Бывает, что «усыновляемый» становится «наследником» даже без воли «родителя» и лично не зная его. Так сказать, на бессознательном уровне. Так, Адольф Гитлер фактически стал «сыном» кайзера Вильгельма II и всего лишь пытался довести до конца то, что, по его мнению, не смог осуществить (из-за всяких там «предателей», вонзивших Германии «нож в спину») «папа». И таких примеров в политике и истории можно привести великое множество. Собственно, само желание вырастить наследника и воспитать преемника, «усыновить» подходящего ставленника вполне естественно с природной точки зрения, как восприятие женщиной своего мужчины как взрослого ребенка. Но ненормально! Демократия для того и создавалась, чтобы с помощью разных сдержек и противовесов ограничивать влияние природных эмоций, желаний и инстинктов (как низменных, так и искренне возвышенных) на общество и власть.

Но Борис Ельцин жил чувствами, ему просто хотелось взрастить подходящего «сына», а потом спокойно уйти на пенсию. Собственно, стремление это настолько лежало на поверхности, что его смог понять и сам Немцов. «У него две дочки, но, видимо, он всегда мечтал о сыне, – писал он потом. – И наверное, я подсознательно вписывался в эти мечты. Во-первых, я был с ним рядом в трудные минуты. В 1990-м, когда его не избирали председателем Верховного Совета, а я был активным его сторонником; в 1991-м я был с ним рядом, когда он был на танке. Даже в 1993-м, когда я был губернатором, я его поддерживал против фашистов, Макашова. Он много раз приезжал в Нижний, ко мне относился очень по-отечески. Мы с ним говорили обо всем на свете. Например, он меня спрашивал: „Вы молодой человек – а где вы с девушками встречаетесь?“ Я ему сказал, что есть у меня место, а он мне говорит: „Надо иметь много мест, потому что одно место будет засвечено“. А дальше он сказал гениальную вещь: „Знаете, почему родилось движение молодежных жилищных кооперативов?“ – „Почему?“ – „Мне надо было каждые шесть месяцев сдавать новый дом“. Гениально, да?»

Ну а пока Ельцин делал свое историческое заявление, мимо Стрелки Оки и Волги как раз проплывал теплоход ЛДПР. Но и здесь его попытались задержать, попросту отказав в швартовке! Все суда, находившиеся в порту, получили приказ от водной инспекции не двигаться, так что даже с пересадкой десантироваться на берег Владимир Вольфович не смог. Не на спасательной лодке же ему плыть! Кстати, о том, что «Александр

Пушкин» задержался по вине Немцова, тогда никто не догадался.

– В шлюзах под Заволжьем не было достаточного уровня воды, – охарактеризовал ситуацию журналистам капитан судна Владимир Родионов.

– Для президентской «России» воды хватило, – возразили ему.

– Наверное, «России» требуется меньший уровень воды, – предположил капитан.

Когда Жириновский наконец ступил на Нижегородскую землю, он заявил, что не играет в теннис, а в противном случае непременно принял бы участие в Кубке губернатора! А потом отправился на митинг. Тот состоялся на Волжском откосе в знаменитой «ракушке» – открытой эстраде, на которой в 60-70-х годах проводились музыкальные летние концерты. Кстати, от теннисного корта в парке имени Пушкина, в котором играли в теннис Ельцин и Немцов, это место отделяло довольно большое расстояние, фактически это был противоположный конец исторического центра города. Автор хорошо помнит атмосферу этого знойного дня. Многие пошли к местам, куда ожидался приезд Ельцина. Про визит Жириновского никто ничего не слышал, мы даже не подозревали, что на откосе, куда часто ходили гулять, вещает лидер ЛДПР. Центр города был пуст, все центральные улицы перекрыты патрулями ГАИ. В какой-то момент по площади Минина прямо мимо меня пронеслись сразу два президентских лимузина ЗИЛ-41047. Правда, самого президента там не было, в салоне виднелись только водители.

В итоге Ельцин с Жириновским так и не встретились. Пока второй вместе со своими соратниками произносил речи в зелени откоса, первый быстренько погрузился на судно и отбыл в Макарьевский монастырь. Лидер ЛДПР отчалил только в 20 часов вечера. Кстати, кульминацией противостояния Немцова и Жириновского стал знаменитый выпуск телепередачи «Один на один», снятый через год после описываемых событий, 18 июня 1995 года. Тогда в ответ на фразу «Мы вас вылечим», намекавшую на психические отклонения у оппонента, Владимир Вольфович плеснул в лицо Борису Ефимовичу соком из стакана. Последний в ответ тоже плеснул, но этот момент уже не попал в передачу.

«Короче, братцы, доигрались»

То теплое третье лето постсоветской России хорошо запомнилось россиянам еще и крахом «МММ» Сергея Мавроди. Началось все с того, что «акционеры», поверившие в незамысловатую рекламу с Леней Голубковым и его братом трактористом, а точнее, обманутые вкладчики, как их потом называли, стали с перебоями получать положенные деньги. После чего очереди тех, кто хотел продать «акции», стали значительно длиннее очередей из тех, кто все еще желал их купить. Как правило, к последним относились те, кто долго не верил в быстрое обогащение и сомневался, но потом все же «решился» стать «акционером». Поэтому попытался, так сказать, запрыгнуть в последний вагон… Затем в июле все СМИ сообщили о масштабных проверках в принадлежавшем Мавроди так называемом АОЗТ «Инвест-Консалтинг» и его региональных филиалах, в результате которых были выявлены сплошные финансовые нарушения и неуплата налогов на десятки миллиардов рублей, заведены первые уголовные дела. Впервые во всеуслышание прозвучал термин «финансовая пирамида». Сам Мавроди в ответ объявил ультиматум. Дескать, если не прекратите проверки и «давление», мы не сможем платить по обязательствам и тысячи вкладчиков останутся без денег. «Если государство решило ограбить полстраны и названные в акте суммы будут в той или иной форме у акционеров „МММ“ изъяты, дальнейшая деятельность ЧИФов и МММ-инвест, АОЗТ „МММ“ и АОЗТ „Компания МММ“ объективно станет невозможной просто в силу отсутствия необходимых для этого средств, о чем мне и придется объявить в средствах массовой информации», – заявил Мавроди. А заодно припугнул революцией и гражданской войной.

То было время очередных разочарований в «капитализме». Многие граждане, вложившие в акции «МММ» все свои сбережения, в очередной раз поняли, что их обманули. Так же как с ваучерами, рыночной экономикой со всеобщим процветанием, «конверсией» и т. п. Правда, были среди «кинутых» и настоящие Лени Голубковы, которые искренне считали, что Мавроди прав. Мол, это чиновники проклятые помешали ему довести до конца начатое, «разорили» и «ограбили». А вместе с Мавроди и народ обокрали… Кстати, отчасти это было правдой. Если бы правительство не начало масштабное расследование деятельности «МММ» в это время, пирамида, вероятно, еще протянула бы до осени, а может, и до зимы. Тогда бы кто-то (меньшая часть) обогатились бы еще больше, а другие (большая

часть) лишились бы еще большей части своих денег!

«Короче, братцы, доигрались, – писала „Ленинская смена“. – История с акциями АО „МММ“, которые „абсолютно ликвидны“, приобретает все более трагикомический характер… В пятницу президент АО „МММ“ Сергей Мавроди выступил с заявлением, где, помимо прочего, сообщил, что все операции с акциями АО „МММ“ прекращаются до общего собрания акционеров, которое он обещал провести им до 1 августа. В субботу возмущенные акционеры на Варшавской, 26, в Москве (числом, по разным оценкам, от 8 до 15 тысяч человек) четко разделились на три группы. Первая требовала защитить ненаглядный „МММ“, вторая считала, что во всем виновато правительство – отдельные голоса даже настаивали на немедленном штурме „Останкино“, третья – самая многочисленная – объединила обманутых пенсионеров и инвалидов, лишившихся последних сбережений. Пресс-служба АО „МММ“ через громкоговоритель сообщила, что в толпе якобы находятся представители конкурентов и просто провокаторы». А потом уже премьер-министр Черномырдин официально заявил, что те, кто «пошел на риск», сами виноваты и правительство им ничего не должно, а мэр Москвы Юрий Лужков наконец запретил показывать уже привычную рекламу с Леней Голубковым.

Крах финансовой пирамиды «МММ» оказался опять же лишь вершиной пирамиды. Одновременно с компанией Мавроди или чуть позднее повалились и другие «акционерные общества», «компании», обещавшие вкладчикам быстрое обогащение: «Русский дом Селенга» (РДС), «Хопёр-инвест» и др. И везде было примерно одно и то же. Сначала налоговые и прочие проверки, блокирование счетов, оправдания и обещания, а потом закрытые офисы и кучи «акций», в одночасье превратившихся из «ценных бумаг» в никому не нужные бумажки. Правда, находились, даже среди моих знакомых, и те, кто и после полного краха аферы, спустя год-два куда-то ходил и переоформлял акции «МММ» в надежде все-таки что-то там за них получить…

Глава 8
Немцов – наследник Петра I

Рождение «газели» и Немцов против Видяева

Были и положительные новости. Как раз в то время, когда рухнул «МММ», в Нижнем Новгороде началось серийное производство знаменитой «газели».

Для Горьковского автозавода конец 80-х – начало 90-х годов стали непростым временем. Впрочем, как и для всех отечественных автозаводов, создававшихся и десятилетиями работавших в условиях отсутствия конкуренции на внутреннем рынке. В 1986 году, когда генеральным директором автозавода стал Борис Видяев (его предшественник Николай Пугин ушел на повышение – на должность министра автомобильной промышленности СССР), предприятие оказалось в кризисном положении. Количество рекламаций от потребителей только за 1986 год выросло на 30%, а убытки от брака составили 10 миллионов рублей. Строительство жилья и объектов соцкультбыта, которыми в течение десятилетий славился ГАЗ, также сократилось. Предприятию предстояли еще более суровые времена: распад СССР, нарушение сложившихся связей с заводами-смежниками, переход к рыночной экономике. Однако Видяеву удалось не только сохранить завод, кадры, технологическую базу, провести техническое перевооружение, но и запустить в производство совершенно новое семейство автомобилей.

При всем многообразии советского автопрома у него всегда была, можно сказать, ахиллесова пята. Это так называемый «класс LCV» – международное обозначение легких развозных коммерческих автомобилей, включающее пикапы, малотоннажные фургоны и грузовики транспортной категории N1 (полной массой не более 3,5 тонны), а также микроавтобусы вместимостью до 17 пассажиров. Причин тому было две. Первая – это долгие годы существовавшая в СССР политика выпуска продукции двойного назначения. Подход был такой: в случае войны любой трактор должен быть способен таскать пушки, любой автобус – возить солдат, любой грузовик – обслуживать армейские перевозки. До 70-х годов все грузовые автомобили даже красили исключительно в зеленый цвет, чтобы в случае чего не тратить время на нанесение камуфляжа! Ну а легкие развозные авто для войны никак не годились (исключение составляли разве что топорные «буханки» – УАЗ-452В). Вторая причина – это, как ни странно, борьба со спекуляцией. Советская власть считала, что

именно класс LCV наиболее востребован у подпольных коммерсантов, жуликов и торговцев дефицитом. Не случайно легковые машины с кузовом универсал долгое время выпускались лишь в ограниченных количествах, а продавать фургоны в частные руки вообще было категорически запрещено. В итоге ниша заполнялась, что называется, с миру по нитке: низкокачественными ереванскими фургонами, ижевскими «каблуками» и польскими фургонами «ныса» и «жук», сделанными на базе допотопной «победы».

Уже в конце 80-х годов стало ясно, что трех-, пятитонные грузовики, на выпуск которых плановая экономика ориентировала ГАЗ, в условиях зарождающейся рыночной экономики нужны не в таких количествах. Чтобы выжить, предприятию требовалась альтернатива. Гендиректор Борис Видяев, в отличие от своих ульяновских коллег, которые попросту спихнули разработку нового полуторатонного грузовика, вовремя понял, что именно такая машина нужна стране. Поэтому всячески поддерживал конструкторские и экспериментальные работы. В 1989 году началась активная работа над конструкцией автомобиля, и в переломном 1991 году удалось собрать первый макетный образец будущей «газели». Затем автомобиль прошел предварительные, приемочные и ресурсные испытания. Объем работ был колоссальным, ведь грузовик, на базе которого потом предполагалось создать фургон и микроавтобус, в отличие от других базовых моделей, создавался полностью с нуля, без каких-либо заделов. Выпуск ГАЗ-3302 торжественно стартовал 20 июля 1994 года.

«На торжественный пуск „ГАЗели“ прибыл глава правительства В. Черномырдин, который купил первую облигацию очередной эмиссии областного займа, – сообщали СМИ. – Премьер-министр отметил, что выпуск нового грузовика – это начало большого пути в отечественном автомобилестроении. А автомобиль, видимо, действительно качественный, ибо, как заявил на митинге В. Черномырдин, он копит деньги на первую полуторку». И это действительно было знаковое и переломное событие. Ведь в те годы вообще бытовало мнение, что отечественный автопром нам больше не нужен, все потребности можно закрыть дешевыми подержанными иномарками. И наши автобусы тому яркий пример! Мучились, мучились десятилетиями со своими «сараями», так ничего путного и не выпустили, а тут купили по дешевке маны в Германии и разом решили все проблемы. В условиях дешевого доллара российским автозаводам действительно было трудновато конкурировать с дешевыми иномарками. Тем более никаких пошлин и

заградительных барьеров тогда не было. Как показала история, «газель» фактически спасла Горьковский автозавод от смерти. Среднетоннажные грузовики «двойного назначения» в условиях рынка оказались мало востребованы. «Волга», создававшаяся как персональное авто для начальства, тоже постепенно утратила свою популярность и в итоге «умерла». А вот «газели» остались и фактически вытянули завод из затяжного кризиса. В противном случае ГАЗ, скорее всего, повторил бы судьбу своего коллеги – ЗИЛа, который также специализировался на среднетоннажных грузовиках и правительственных лимузинах и, несмотря на все усилия властей Москвы, канул в историю.

Запуск «газели», позднее получившей кличку «боевая машина торговли», совпал с конфликтом между Немцовым и Видяевым. Несмотря на то что директор пользовался большим авторитетом и уважением трудового коллектива, методы его работы не нравились губернатору. Последний любил вспоминать свое противостояние с Видяевым чуть ли не как первую битву с «олигархами». Мол, вырос «идеалистом» и не предполагал, что какие-то дяди посмеют «ослушаться госвласть». «Первая такая стычка случилась еще в Нижнем Новгороде, – вспоминал Немцов. – Директором автозавода у нас работал Борис Видяев. Вел себя как олигарх, демонстративно и нагло, налоги в областной бюджет вовсе не платил. За это я, как губернатор, без долгих увещеваний уволил директора с работы. Что тут началось! Рабочие перекрывали дороги, угрожали забастовкой… Что только не делали, чтобы заставить меня отменить решение! Но ту, первую битву я выиграл: Видяев остался пенсионером».

В действительности Немцову, который позиционировал себя «демократом», но при этом предпочитал авторитарный стиль правления и культ своей личности, вероятнее всего, не нравились независимая позиция Видяева и его популярность в крупнейшем районе города. Да и сама «битва» развивалась вовсе не так просто, как о ней вспоминал уже подзабывший многие детали Борис Ефимович. Эту версию подтверждает и хорошо знавший Немцова Андрей Климентьев: «Это был совершенно пустой конфликт, не имевший никакой финансовой подоплеки. ГАЗ тогда был убыточный и разворованный, никому он был не нужен. Но Видяев вел себя как царек, Немцову это не нравилось, начали бодаться. Видяев нес свое, Немцов свое. За Видяевым был народ, за Немцовым стоял Черномырдин».

Первые серьезные разногласия между областным и заводским начальством возникли в 1993 году, когда решался вопрос с приватизацией ГАЗа. После ликвидации Министерства автомобильной промышленности автозавод остался как бы сам по

себе. Огромный, отдельно расположенный Автозаводский район еще в советские времена жил как обособленный город, лишь номинально подчинявшийся городским и областным властям. Даже менталитет людей и понятия о жизни (включая уголовные) там были особенные. А директор завода был, можно сказать, и царь и бог. Борис Видяев, например, прославился тем, что в годы дефицита по его инициативе в Автозаводском районе появилась сеть дешевых китайских магазинов. Рабочие ГАЗа получали специальные талоны, по которым могли отовариться в них. Особой популярностью пользовались джинсы китайского пошива (в то время их аналоги на черном рынке стоили огромных денег). Правда, это явление имело и оборотную сторону. На Автозавод стали часто приезжать представители Поднебесной, при этом район всегда слыл своими криминальными традициями. В связи с этим появился новый вид преступлений – ограбление китайцев. В начале 90-х «автономность» ГАЗа еще больше усилилась.

Однако сделать завод отдельно взятым успешным предприятием Видяев все же не смог. К весне 1994 года на складах скопилось уже 50 тысяч нереализованных автомобилей на сумму 240 миллиардов рублей. Дебиторская задолженность на 1 марта достигла 378 миллиардов, кредиторская – 322 миллиарда, а долги в бюджет – 150 миллиардов. Учитывая же, что ГАЗ давал четверть всех доходов областного бюджета, с подобным кризисом конечно же надо было что-то делать. Только Видяев видел выход в распределении акций исключительно между работниками и руководством, а Немцов считал, что крупнейшим акционером завода должна стать область. Один считал, что автогигант должен сохранить автономность и независимость от областных властей, второй настаивал на повышении управляемости и создании совета директоров, подконтрольного губернатору. Еще в конце 1993 года на заводе был создан забастовочный комитет, который открыто выступил против правительства. И угрожал массовыми акциями протеста и чуть ли не восстанием. Но в итоге под давлением премьер-министра Виктора Черномырдина Видяеву все же пришлось пойти на компромисс.

8 апреля 1994 года во Дворце культуры ГАЗа при огромном скоплении народа был избран совет директоров, председателем которого, а также президентом АО «ГАЗ» стал бывший министр автомобильной промышленности СССР Николай Пугин, в свое время уже работавший генеральным директором предприятия. Ну а Видяев, в тот момент уже депутат Законодательного собрания, остался на посту генерального директора. Немцов, присутствовавший на церемонии, даже прослезился, а

большинство рабочих, стоявших на стороне Видяева, данный расклад не то чтобы успокоил, но точно запутал. Ибо кто такой директор – на заводе знали все, а вот кто такой президент и председатель совета директоров – черт его знает. И кто из них главный вообще? 40% акций осталось в руках государства, что в общем и в целом позволило Немцову поставить крупнейшее предприятие в регионе под контроль. Ну а Видяев, лишившийся большей части полномочий и власти, проработал генеральным директором еще пару лет и ушел на пенсию.

«Я превратился в полнеющего и дряхлеющего человека»

И вот тут настал момент, чтобы определиться, а кем, собственно, был Борис Немцов с точки зрения психологии. Собственно, ответ на этот вопрос он дал сам в своей книге «Исповедь бунтаря», описав свое состояние в 1994 году. За три года губернаторства Немцов сильно изменился. Поклонники были уверены, что он общительный, вечно улыбающийся, веселый мужчина в полном расцвете сил, а его политическая карьера еще только начинается. Еще бы! Превратил регион в «столицу реформ», спихнул взбунтовавшегося мэра, усмирил директора ГАЗа, создал «под себя» систему власти, почти официально стал преемником Ельцина. Однако сам Борис Ефимович воспринимал ситуацию и свое состояние с точностью до наоборот. «В 35 лет, на пике губернаторства, я превратился в полнеющего и дряхлеющего человека средних лет, замученного разными проблемами, курящего и раздражительного, не интересующегося почти ничем, – вспоминал он. – Я просыпался уже раздраженным и утомленным. И постепенно единственной истинной страстью становилось курение. А ведь это ужасно, когда человек получает удовольствие только от того, что его уничтожает. Начались сильнейшие боли в спине. Однажды во время прямого эфира на телевидении в программе Савика Шустера у меня так сильно схватило спину, что я едва не рухнул в обморок. Спасло то, что я упросил Савика, чтобы он объявил перерыв на рекламу».

Этих симптомов вполне достаточно, чтобы понять, что Немцов был вовсе не тем, кем казался, а точнее, старался казаться. Чтобы понять его истинную сущность и психологический тип, достаточно взглянуть на его детские и юношеские фотографии и послушать речи в молодом возрасте. Во-первых, по телосложению Немцов был классическим астеником. Собственно, именно так он и описывал самого себя в подростковом возрасте: «Однажды на школьной вечеринке, на дне рождения одноклассника, как водится, после еды и чаепития начались танцы. Мне очень сильно нравилась девочка по имени Марина. Я пригласил ее на танец, а она мне отказала. Она бросила на меня презрительный взгляд и сказала, что „с рахитами не танцует“. Я был в шоке. Это произвело эффект ядерного взрыва, и я решил срочно спасать положение. Зеркала отвергали очень высокого и крайне тощего парня. Жалкое зрелище: фонарный столб с человеческим, но изможденным

лицом и кучерявыми непослушными волосами». Классический астенический тип Немцова и описанные им характерные симптомы психологического перенапряжения позволяют без труда определить его темперамент. Он был меланхоликом и интровертом. Особенностями этого типа являются слабая нервная система и чрезвычайно высокая чувствительность, которые, в свою очередь, имеют как положительные, так и отрицательные особенности.

Многие, конечно, возразят, дескать, Немцов был «ярко выраженный экстраверт», «общительный», любил сборища и компании. В действительности психика – вещь многослойная. И у взрослого человека за социальным и личностным пластами, приобретенными чертами характера и привычками, а во многих случаях и развившейся психопатией порой сложно разглядеть его истинную природную сущность. Но тем не менее, несмотря на тренировки, приспосабливание к условиям и личностные расстройства, темперамент на протяжении всей жизни продолжает играть ключевую роль. Немцов действительно не выносил длительного уединения, «рвался в толпу», любил быть на людях. Однако у многих людей эти симптомы могут являться вовсе не проявлением темперамента, а следствием опять же врожденной психопатии. Вероятно, Немцов являлся истероидом (по-простому «хулиганом»). К слову сказать, сам он себя называл «бунтарем», что в принципе схоже по смыслу. Главной целью и мотивом такого типа является «неизменное стремление к почету» (научный термин), проще говоря, привлечение к себе внимания любыми возможными способами. Причем не важно, какого именно внимания, главное, чтобы не забыли и хоть как-то реагировали на его бурную деятельность. Истероидам свойственно постоянное стремление к возбужденности, признанию со стороны окружающих и деятельности, позволяющей находиться в центре внимания, неадекватная обольстительность во внешнем виде и поведении, чрезмерная озабоченность своей физической привлекательностью. Нередко им свойствен крайний эгоцентризм, потворство по отношению к себе, постоянное желание быть признанным неограниченным кругом лиц и постоянное манипулирование людьми ради удовлетворения своих потребностей.

К 35–40 годам эта особенность может внешне настолько заслонить настоящий темперамент человека, что последний становится практически незаметен. Так интроверты и меланхолики в житейском смысле превращаются в экстравертов и холериков, и наоборот. Даже чрезмерная любовь к женщинам (в простонародье «бабник»), особенно у взрослых мужчин, является

вовсе не следствием гиперсексуальности и любвеобильности, а также того, что человек недогулял, перегулял и т. п., а опять же верным способом привлечения к себе внимания окружающих. Ведь о бабниках всегда много говорят, пишут, слагают легенды. Отсюда и такая непостоянность у ловеласов и частая смена пассий. Сами женщины, секс с ними и любовь истероидов мало интересуют, они лишь служат для них средством хулиганства и самоутверждения. Но при этом истероиды, как и все люди, по своей сущности делятся на «добрых» и «злых». Соответственно, и способы привлечения внимания могут сильно варьироваться. Так вот Немцов при всех его недостатках был «хулиганом» добрым и человечным.

«Областная администрация – не вор!»

В канун нового, 1995 года Немцов сделал большой «подарок» населению. 20 декабря он подписал постановление о резком повышении квартплаты в регионе. «Установить с 1 января 1995 года уровень платежей граждан в общих тарифицированных затратах на содержание жилья и коммунальные услуги 40 процентов», – говорилось в нем. Эта новость стала для граждан настоящим шоком. Ведь сумма платежей увеличивалась сразу в четыре раза! Сейчас, во времена, когда народ уже привык отдавать за квартиру чуть ли не треть зарплаты и половину пенсии, платить взносы за «капремонт», «общедомовые нужды» и прочие коммунальные поборы, уже и не верится, что когда-то государство само оплачивало большую часть коммунальных услуг. Так было заведено в Советском Союзе, и какое-то время этот «коммунизм» по инерции продержался и первые годы рыночной экономики. Собственно, именно благодаря дешевой квартплате большинство граждан кое-как пережило «шоковую терапию», хронические задержки зарплат и пенсий и прочие явления. Ведь одежду можно поносить подольше, ботинки – подклеить, на еде – сэкономить и попитаться за счет садов и огородов, а вот за квартиру надо выкладывать деньги ежемесячно. А даже если какое-то время не платить, даже за полгода задолженность образовывалась небольшая и легко гасилась за счет полученных долгов по зарплате. И никакие письма с угрозами, а потом судебные приставы и коллекторы к людям не приходили.

Но когда-то эта сказка должна была закончиться. В конце 1994 года правительство разрешило региональным властям постепенно перекладывать на жильцов все большую часть оплаты за ЖКУ. Ну а Немцов, в отличие, скажем, от областной администрации Ульяновска или Ярославля, не стал откладывать неприятное в долгий ящик и сразу учетверил тарифы. Скажем, за небольшую квартиру площадью 32 квадратных метра вместо прежних 5 тысяч рублей надо было платить 19 500 рублей, за 54-метровую двушку – 36 300 рублей вместо прежних 9 тысяч и т. д. «Нижегородская областная администрация – не вор! – писала „Ленинская смена“, ставшая к тому времени самой оппозиционной газетой в Немцовской губернии. – И потому, кажется, готова содрать со своих отнюдь не благоденствующих сограждан последнее. Именно так истолковали собравшиеся 23 декабря в Малом зале Облсовпрофа нижегородские профсоюзные лидеры постановление губернатора за № 208 от 20 декабря этого

года… Материальное положение нижегородцев и без того не блестяще: долг по заработной плате на 21 декабря составил 60 миллиардов „деревянных“, долг по пособиям на детей – 14,3 миллиарда. Биржа труда еженедельно регистрирует от 500 до 1000 безработных… Даже если оставить тарифы на прежнем уровне, цена все равно в связи с инфляцией удвоится. И это еще цветочки! Ведь к 1998 году планируется стопроцентная оплата тарифов! И это при многомиллиардной задолженности по зарплате, при смехотворной, т. н. „минимальной зарплате“ (34 440 руб.) и притом, что физиологический минимум сейчас составляет 84 тысячи рублей на человека… В Нижнем самые высокие в регионе цены на молоко, а плата за жилье и коммунальные услуги и без немцовского постановления была, скажем, выше среднего. С Нового года вводится трехпроцентный налог на продажи – так что цены вновь прыгнут. В этой ситуации, пожалуй, не хватало для полного, как говорится, счастья только упомянутого 208-го постановления. Платить-то квартиросъемщик, полгода не получающий зарплату, чем будет? Или на улицу?»

У народа в общем-то возникал резонный вопрос: почему государство требует с него оплачивать все новые обязательства, но при этом хронически не выполняет свои собственные? Кроме того, резкий рост квартплаты (далеко не последний) позволил повнимательнее разглядеть «звериное лицо капитализма». Вместо обещанного процветания и западных стандартов жизни в придачу к росту цен, безработице, массовому обнищанию и огромному социальному расслоению, обману с ваучерами, совпавшему с крушением финансовых пирамид, люди получили новый, можно сказать, плевок в лицо. Особенно тяжело стало оплачивать новые тарифы одиноким пенсионерам, живущим в «больших» квартирах, которые они в свое время бесплатно получили от государства. Впрочем, Немцов большой проблемы в этом не видел. Он открыто заявлял бабулям: дескать, если вам дорого оплачивать большую квартиру, продайте ее и купите поменьше. А коли хотите и дальше жить в «апартаментах», извольте раскошелиться!

«Следует переселить Ельцина в Грозный»

Всего пять лет прошло с вывода советских войск из Афганистана, как страна оказалась втянута в новую войну. Причем на сей раз уже на своей собственной территории.

Строго говоря, Чеченская война, конечно, началась не в декабре 1994 года, а значительно раньше. Еще весной 1993 года в фактически независимой республике, как и в Москве, обострились противоречия между президентом Джохаром Дудаевым и парламентом. 17 апреля было объявлено о роспуске парламента, Конституционного суда и МВД, а 4 июня вооруженные дудаевцы под командованием Шамиля Басаева захватили здание Грозненского городского совета, в котором проходили заседания парламента и Конституционного суда. После этого в северных районах Чечни, неподконтрольных правительству в Грозном, начала формироваться вооруженная антидудаевская оппозиция, вскоре начавшая борьбу с режимом президента. При поддержке России эти силы и развернули полномасштабные боевые действия с применением танков и артиллерии. Несколько раз пророссийские чеченцы штурмовали Грозный, однако из-за нехватки сил эти операции завершались провалом. 26 ноября 1994 года оппозиционеры в третий раз атаковали столицу и снова потерпели поражение. При этом в плен к сторонникам Дудаева попало несколько российских военнослужащих, воевавших по контракту с Федеральной службой контрразведки, а также российские добровольцы. После этого провала терпение Ельцина, видимо, лопнуло, и он решил больше не маскировать свои намерения под «оппозицию». 11 декабря в Чечню вошли российские войска. А уже через пару дней северная группировка в районе поселка Долинский, расположенного в 10 километрах от Грозного, была внезапно обстреляна из «Градов». Появился первый груз-200…

«Война принесла горе в две нижегородские семьи, – рассказывала статья „Президент скоро утонет. В крови“. – Официоз не торопился сообщить об этом, но мы все же узнали. Так и не встретил новый год дзержинец младший сержант Ковыляев Сергей Николаевич, служащий в ВДВ. Он погиб в Чечне 12, в День российской конституции им. Б. Н. Ельцина. Похоронен 20 декабря. Еще один „груз-200“ прибыл в Нижний на Автозавод 9 января в 12:30. В Чечне погиб рядовой Емелин Алексей Сергеевич. В Чечне льется кровь, а президенту на это плевать. Как было наплевать и на то, когда в стремлении к единоличной власти проливалась кровь в октябре 1993-го с той и другой

стороны». «Ленинская смена», в то время самая смелая газета в Нижегородской области, даже открыла постоянную рубрику под названием «Хроника объявленной смерти». В ней в первую очередь печатались данные именно о погибших на войне нижегородцах. «Новые сведения о погибших в Чечне нижегородцах: рядовой Шаргатов А. Е. (погиб 12 января, проживал в Московском районе Н. Новгорода; рядовой Беляков В. И. (погиб 7 января, проживал в Княгининском районе области); младший сержант Лебедев ДА. (проживал в Дзержинске); старший сержант Короткевич С. Г. (погиб 13 января, проживал в Сормове), рядовой Кленков А. И. (проживал в Ардатове), – сообщало издание в конце января 1995 г. – Все они – служащие в Российской армии. Среди военнослужащих нижегородцев из внутренних войск МВД РФ погибших, слава богу, нет. Есть раненые и заложники, достоверно о судьбе их ничего не известно».

Ну а потом СМИ опубликовали обращение 83 российских военнопленных к премьер-министру Черномырдину, президенту Ельцину и русскому народу. Оно напоминало аналогичные воззвания пленных немецких солдат к своим товарищам с призывом отречься от Гитлера, печатавшиеся в газете «Правда» в 1941 году: «Мы, российские военнопленные, заявляем следующее: обманутых однобокой пропагандой, нас послали в Чечню наводить конституционный порядок. Нас уверяли, что боевых действий не будет и что наша задача – стоять по периметру, „оберегая мирное население от вооруженных бандформирований“. По существу же нас бросили в мясорубку и били нас не „бандформирования“, а весь народ, в защиту своей свободы. После пленения нас провезли по улицам и показали, как наводят „порядок“. Мы увидели разрушенные и раскуроченные огнем жилые кварталы и заводы, сотни трупов российских солдат, съедаемых одичавшими собаками… Огромные жертвы среди мирных жителей: стариков, женщин, детей, среди которых много русских. Мы солдаты и по-солдатски просто говорим: Россия совершает преступление против целого народа. Требуем безотлагательно отдать приказ о прекращении огня и начале переговоров для мирного решения вопроса».

На граждан все эти события, сводки, списки погибших и обращения пленных, сведения о заложниках произвели тяжелое впечатление. Больше всего переживали конечно же матери и родственники тех, кто в это время проходил службу в армии. А также матери и девушки парней, которым вскоре должно было исполниться 18 лет. Количество уклонистов от службы резко возросло. Для большинства главным способом спасения от войны

стало поступление в вузы. Ну а наше поколение, в то время студенты, стало с еще большим страхом ждать приближения очередной сессии! Ибо за неудом на экзамене в то время зловеще всплывал образ объятой пламенем Чечни и тех самых трупов из упомянутого «обращения». Конечно, панический страх перед службой в армии был силен и в былые годы. Рассказы о диких зверствах, избиениях, унижениях и убийствах, от подробностей которых волосы вставали дыбом, ходили из уст в уста. Но в 1995 году этот страх уже превратился в настоящий ужас.

Те, кому служба в силу возраста или иных причин не грозила, переживали о бессмысленных жертвах и разрушениях, а также огромных военных расходах. И это в нашей бедной-то стране! Из СМИ граждане узнали, что одна заправка штурмовика Су-25 обходится бюджету в 9 миллионов рублей, заправка танка – 2,5 миллиона, выстрел из пушки – 200 тысяч рублей, выстрел из танка – 8,5 миллиона рублей. «События в Чечне уже существенно затронули экономику области, – говорил Немцов в эфире телекомпании „Сети НН“. – Москва отказывается выделять ранее обещанные деньги, которые должны были пойти на конкретные местные программы, как то: развитие метрополитена, строительство жилья для военнослужащих и т. д. Москва ссылается на то, что все деньги направляются и будут направляться в Чечню».

Между тем Борис Немцов стал первым из глав регионов, который публично и открыто осудил войну в Чечне и назвал ее ошибкой Ельцина. Вернувшись в начале февраля с Всемирного экономического форума в Давосе, он собрал пресс-конференцию, на которой заявил, что российскую делегацию, в состав которой помимо него входили Чубайс, Явлинский и Гайдар, там фактически бойкотировали. Причиной, по мнению Немцова, была «братоубийственная война, развязанная правительством Ельцина в Чечне». Правда, при этом оговорился, что так называют происходящие события зарубежные СМИ. «Самое прискорбное – трансформация отношений к „российскому вопросу“ коснулась не только политиков, но и делового мира, – говорил губернатор. – Что чревато замораживанием перспективных контрактов и инвестиций. Рассчитывать в этом году, например, на получение от Мирового валютного фонда 6 миллиардов долларов России в свете чеченских событий трудно». Тем не менее Немцов заявил, что «тягостную для России войну» все равно надо как-то заканчивать, и чем быстрее, тем лучше. «И если войну не могут остановить Госдума и Совет Федерации (там есть силы не заинтересованные в ее прекращении), следует действовать иными средствами, – говорил Борис Ефимович. – Например, провести

мирную конференцию или переселить президента Ельцина в Грозный».

Впрочем, война – она всегда кому-то «мать родна». В условиях ухудшавшегося экономического положения для глав регионов и мэров городов появился повод свалить все беды на правительство. Мол, тратят все деньги на войну, а нам ничего не дают. А мы-то налоги перечисляем! А вот для легендарной газеты «Ленинская смена», которая одной из первых «перестроилась» в 80-х годах и интересно освещала все знаковые события, публикация о «переселении Ельцина в Чечню» стала одной из последних. После 16 февраля издание безо всяких объяснений перестало выходить в свет. По воспоминаниям Владимира Кочеткова, в то время журналиста «Ленинской смены», редакцию попросту лишили помещения, а делать газету на улице или в подъезде дома, понятное дело, было невозможно. Поскольку независимое и порой больно кусавшее Немцова СМИ не находилось на иждивении у областной администрации, никто ему помогать не стал. Неизвестно, расстроился ли Борис Ефимович по поводу схода со сцены «Ленинской смены», так или иначе серьезная критика губернатора в регионе практически прекратилась.

«Великий реформатор меня бы только похвалил»

1 марта 1995 года всех россиян ждало еще одно потрясение. В подъезде своего дома был убит популярный тележурналист, генеральный директор Общественного российского телевидения Владислав Листьев. Вся страна испытала одновременно и негодование, и страх, и недоумение. Конечно, о заказных убийствах слышали, к ним даже привыкли. Но чтобы популярного телеведущего, любимца миллионов просто так взяли и пристрелили в собственном подъезде – это было уже слишком. Сразу возникло множество версий, но общая суть сводилась к тому, что мафия, мол, показала всем, что может творить в этой стране все, что угодно. «Это выстрел во всех нас», – пожалуй, наиболее точно отражавший это событие заголовок в одной из газет того времени. «Почему вообще могло произойти это убийство? Ответ прост. Потому, что в стране творится беспредел, – прокомментировал преступление губернатор Немцов. – Безнаказанность убийц стала нормой. Ни один из убийц выдающихся людей так и не найден. Вспомните убийства Димы Холодова, Александра Меня. И при этом Ельцин без конца заявляет о том, что он берет расследование под свой личный контроль. Это во-первых. А во-вторых, Москва сегодня – опасный для жизни город. В Москве убить человека – все равно что воды стакан выпить. Ситуация в смысле охраны порядка находится вне всякого контроля». А после этого Борис Ефимович не преминул успокоить всех, что в его регионе ситуация под полным контролем. В какой-то степени он был прав, действительно, в 90-х годах в Нижнем Новгороде не регистрировалось каких-либо «громких» убийств. По крайней мере, директоров заводов, политиков, журналистов, телеведущих, да и вообще известных людей ни разу не убивали.

Обращает на себя внимание другое: убийство Листьева стало для Немцова очередным поводом пнуть Ельцина, фактически обвинив его в попустительстве криминальному беспределу. После начала Чеченской войны это был уже второй случай, когда он публично осудил политику своего протеже. С которым всего восемь месяцев назад мило отдыхал на теплоходе и обсуждал перспективы преемничества. Так, быть может, в тот момент у Немцова и правда появились президентские амбиции? Или же он просто чувствовал, что президент слабеет на глазах и явно не будет его наказывать за подобные вольности? А может быть,

просто хотел на всякий случай дистанцироваться от Бориса Николаевича, популярность которого падала буквально с каждым днем, и не подпортить собственный рейтинг? «Я считаю, что дальше так жить нельзя, – говорил Немцов журналистам. – Либо пусть они все уходят в отставку, если демонстрируют полную свою беспомощность, либо если у них все же есть совесть, то пусть наводят порядок. Тем более силы и средства у спецслужб и у центральной власти есть». Согласно статистическим опросам (правда, опубликованным в лояльных губернатору СМИ), в тот период лишь 14% граждан доверяли президенту Ельцину и 17% премьер-министру Черномырдину. Уровень доверия нижегородцев Борису Немцову оценивался в 59%, и с ним могла соперничать только… Элла Памфилова с 26%. При этом 65% заявляли, что категорически не доверяют главе государства и 45% – председателю правительства, в то время как число однозначно «не доверявших» Немцову не превышало 18%.

Доказательством возросших политических амбиций Немцова стал следующий эпизод. Весной 1995 года закончилась приватизация АО «Волга» – бывшего Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината. 51% акций достался коллективу, остальные 49% фонд имущества Нижегородской области продал инвесторам. При этом 29% были реализованы за ваучеры, а 20% на инвестиционном конкурсе, который выиграла немецкая фирма «ХИТ», уплатившая 12 миллионов долларов. При этом ваучерами уплатили вовсе не простые граждане, которым обещали за них по две пресловутые «Волги» (автомобили, не бумкомбинаты, конечно), а американский Фест-Бостон-банк (CS First Boston), в свое время по дешевке где-то скупивший чеки. «Инвестиционная программа превратит погибавшую „Волгу“ в производителя газетной бумаги мирового уровня, – заявил Немцов. – Завод от нас увезти невозможно, богатство останется у нас. Учиться у иностранцев менее зазорно, чем ходить с протянутой рукой». Данная сделка с участием немцев дала Борису Ефимовичу повод сравнить себя с самим Петром I! «Великий реформатор меня бы только похвалил», – говорил губернатор журналистам. Он вообще считал царя Петра одним из своих идеалов. «Авторитетов очень много. Солженицын. Сахаров. Столыпин. Петр I. Александр II», – писал он в своей книге «Провинциал». Хотя набор, в общем, довольно странный. Писатель-антисоветчик, прошедший ГУЛАГ, Александр Солженицын, диссидент и гуманист Андрей Сахаров, а иже с ними перевешавший на виселицах без суда и следствия сотни невиновных Столыпин, деспот и фактический создатель первых ГУЛАГов Петр I, а также довольно спорный «реформатор» Александр II, жестоко подавивший Польское восстание. Человек,

считавший себя демократом и либералом, восхищался создателем абсолютной монархии и сторонником военно-полевых судов.

Что же касается бумкомбината, то там все выглядело не так сказочно. Еще в 1992 году Немцов, по его собственному признанию, познакомил своего друга и советника, главу НБД-банка Бориса Бревнова с гражданкой США Гретчен Уилсон, которая являлась сотрудником Международной финансовой корпорации. По некоторым данным, Балахнинский бумкомбинат достался структурам, аффилированным с Уилсон, причем по значительно заниженной цене. «Комбинат продали за какие-то жалкие миллионы, а там только одна австрийская бумажная машина „Фойтх“ стоила 12 миллионов долларов, – утверждает Андрей Климентьев. – Ее закупили за год до приватизации, но она так и стояла нераспакованная». А годовой оборот «Волги», по некоторым данным, составлял 250 миллионов долларов. Причем инвесторы так и не провели обещанную масштабную модернизацию предприятия, а позднее просто перепродали его акции. В своей книге «Исповедь бунтаря» Немцов называл Уилсон «очень толковой женщиной», которая «очень много сделала для Нижегородской области». А в 1997 году Борис Бревнов и Гретчен Уилсон поженились. В общем, дело было темное, и как бы к нему отнесся покойный Петр I – это еще вопрос!

Тем временем 10 марта 1995 года указом президента Немцов был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени «за заслуги перед государством, связанные с завершением первого этапа чековой приватизации». «Считаю, что высокая правительственная награда предназначена не мне, а всем моим товарищам, с которыми я работаю и без которых просто ничего не смог бы сделать, – так прокомментировал награждение сам Немцов. – К товарищам я отношу не только сотрудников администрации, но и глав администраций районов, и в первую очередь мэра Нижнего Новгорода Ивана Склярова, многих депутатов областного Законодательного собрания, Городской думы. Без общей слаженной работы мы бы тут вообще ничего не сделали»[5]. К слову сказать, Немцов никогда не носил свой первый орден и не надевал его во время каких-либо торжественных мероприятий.

Поздравить Немцова с получением высокой награды, а заодно на месте ознакомиться с опытом нижегородцев по работе с денежными займами лично прилетел первый вице-премьер Анатолий Чубайс. «Як-40» с надписью «Россия» на борту пробежался по взлетно-посадочной полосе и замер возле здания Нижегородского аэропорта, – писала пресса. – А. Чубайса и сопровождавших его лиц встречали руководители области и

Нижнего Новгорода, АО «ГАЗ», ВАО «Нижегородская ярмарка». Вице-премьера в поездке сопровождали должностные лица Администрации Президента РФ и правительства РФ. Сначала Анатолий Борисович проследовал в Автозаводский район на улицу Спутника, где лично перерезал алую ленту во время сдачи в эксплуатацию жилого дома, построенного на средства Нижегородского жилищного займа. Там-то он и поздравил Бориса Ефимовича с получением ордена. Потом делегация проехала на ГАЗ, на презентацию уже первого автомобильного займа. Заодно Чубайс осмотрел конвейер и прокатился на «газели». Ну а потом было посещение Ярмарки. В то время господствовала целая теория о том, что именно всевозможные займы и облигации вытащат страну из кризиса и создадут новые «точки роста». Правительство щедро занимало деньги у международных финансовых структур, а регионы брали взаймы у банков и бизнесменов. Векселями и облигациями оплачивались сделки, стройки и закупки. Кто и когда по всем этим многочисленным займам будет расплачиваться, особо не думали, жили, так сказать, одним днем. Чем эта политика бесконечного выпуска облигаций закончится, все хорошо помнят. Кроме того, по мнению некоторых экспертов, немцовские займы являлись не чем иным, как финансовой пирамидой, выстроенной по типу «МММ».

Сам Немцов после визита Чубайса отправился в Чечню. К этому времени многим казалось, что война близится к концу. 6 марта последние боевики во главе с Шамилем Басаевым отступили из Грозного, большая часть равнинной и часть горной территории республики находились под контролем федеральных войск. Столица лежала в развалинах и напоминала разрушенный Сталинград. Формально Борис Ефимович сопровождал гуманитарный груз, собранный в Нижегородской области, фактически проводил своего рода губернаторскую инспекцию. Посещал госпитали, общался с ранеными и военными. Побывал Немцов, одетый в военный камуфляж, и в Грозном, недавно очищенном от боевиков. А после возвращения обрушился с очередной порцией критики в адрес федеральных властей. «И развязанная война, и большие потери – это не оттого, что ошибся какой-то генерал, а благодаря тупости политиков, – заявил Немцов. – И это самое печальное. Ущерб, нанесенный Грозному и Чеченской Республике, составит многие триллионы рублей. Саму столицу республики, похоже, не восстановить. Все это на совести политиков. Я укрепился во мнении, что и Ельцин и Черномырдин просто обязаны посетить места, по которым они отдавали приказы. Еще больше я убедился в том, что, только находясь на месте, в Грозном, на переднем крае у Старых Атагов, только видя

солдат, офицеров и генералов и саму ситуацию, оценив разрушения, можно принимать правильные решения. А из Московского Кремля или из Нижегородского кремля принять правильные решения невозможно». Попутно Борис Ефимович обвинил в непрофессионализме и бездарности российские спецслужбы, которые до сих пор не смогли поймать президента Джохара Дудаева.

«Денег нет – ездите бесплатно»

Продолжая свою политику критики федеральных властей, Немцов инициировал составление обращения к правительству и президенту от имени губернатора, председателя Заксобрания А.А. Козерадского, председателя Гордумы Ивана Карнилина и мэра Ивана Склярова с требованием немедленного перечисления средств из федерального бюджета. В нем было указано, что задолженность перед вузами и учреждениями профессионального образования за 1994 год составляет 34 миллиона рублей. В связи с чем во многих учреждениях уже начались отключения тепла и электричества за неуплату. Преподаватели бросали работу и уходили в коммерцию, а студенты голодали в общежитиях. Товарищи также обвиняли правительство в недофинансировании предприятий ВПК (на массовые продажи оружия за рубеж и самоокупаемость уже никто не надеялся). Кроме того, задерживалась выплата детских пособий, пособий по инвалидности, всякого рода положенных компенсаций и дотаций. «Без поступления средств из федерального бюджета невозможна реализация закона „О ветеранах“ в преддверии 50-летия Победы, – говорилось в обращении. – Все это приводит к оправданному социальному недовольству населения и потере доверия к властям».

Надо отметить, что Немцов хорошо знал обстановку в регионе и обращение было опубликовано как раз вовремя. В преддверии народных волнений. Рано утром 12 апреля на территорию Нижегородского кремля пришла огромная толпа протестующих с предприятий ВПК, учреждений здравоохранения, образования, предприятий ЖКХ и других. Народ плотным кольцом окружил Белый дом, после чего председатель обкома профсоюзов оборонных отраслей В. М. Трубников огласил требования: «Мы требуем досрочных перевыборов президента, отставки правительства, изменения курса реформ в пользу трудового человека. Терпение трудящихся не беспредельно».

Сначала к толпе вышел представитель президента Евгений Крестьянинов и интеллигентно попытался успокоить народ: дескать, «давайте разберемся», «надо потерпеть» и «вопросы решаются». Однако он был освистан протестующими. «Не можете править – уходите!» – доносилось из толпы. Неудавшийся в прошлом мэр Нижнего вообще не очень умел общаться с трудящимися. В какой-то момент Крестьянинов взял да и ляпнул: «Руки есть. Идите работайте!» Намекая, что, мол, не платят зарплату, смените род деятельности. В ответ он был проклят

женщиной, которая четыре месяца не получала зарплату и боялась отправлять в армию своего 18-летнего сына. Одним словом, общение явно не складывалось, в итоге в 9:15 из дверей Белого дома появился наблюдавший за происходящим в окно Борис Немцов. При этом он отказался от мегафона, заявив, что будет лично отвечать на вопросы.

«Образуются два круга, – так описывали происходящее журналисты. – В центре первого обсуждаются проблемы города, как жить без зарплаты, как платить за квартиру, ездить в городском транспорте, кормить годовалого ребенка, если денег нет.

– Не платите! – разрешает мэр. И отдает распоряжение милиции проверить городской транспорт, чтобы контролеры в автобусах и трамваях не выбивали из людей последние тысячи. И добавил: „Позавчера подписано письмо Черномырдина о том, чтобы 30% средств, поступающих на счета предприятий, направлять на выплату зарплаты“. В немцовском кругу обсуждаются проблемы оборонной промышленности. Губернатор считает, что нужно быть оборотистей заводскому руководству. Пикетчикам советует: „Будьте внимательны к текстам коллективных договоров. Что внесете в колдоговоры, то и получайте. Учитесь отстаивать свои права законно“. В итоге толпу удалось умиротворить очередными обещаниями и советами, а также порицаниями в адрес федеральных властей, и уже к полудню кремль опустел. А в автобусах вскоре появились очередные „льготники“, которые в ответ на призыв оплатить проезд решительно отвечали: „Денег нет, Скляров разрешил ездить бесплатно!“

Летом 1995 года в Нижнем Новгороде прошли новые волнения. На сей раз на митинги вышли толпы обманутых вкладчиков. Те, кто, наивно поверив навязчивой рекламе по телевизору, вкладывали свои деньги в „МММ“, „Русский дом Селенга“, „Хопёр-инвест“ (помните такой слоган в исполнении известного по сей день актера: „Хопёр-инвест“ отличная компания… от других» и смех…) и др. После краха финансовой пирамиды Мавроди летом 1994-го остальные аналогичные кампании повалились как карточный домик. И если поначалу у народа еще была надежда, что это временные трудности и законные деньги им все же вернут, то через несколько месяцев стало окончательно ясно, что трудящихся попросту обокрали. На одном из митингов, прошедшем 24 июля возле памятника Чкалову (там митинговали в конце 80-х, во время августовского путча, потом во время путча октябрьского), вкладчики требовали вернуть им деньги. А также обвиняли правительство и даже

местные власти в попустительстве аферистам и жуликам. И действительно, если все это были финансовые пирамиды, то почему власти несколько лет не проверяли их деятельность и не объясняли народу, что все это простое надувательство? А может, в доле с ними были?! «Все мы обмануты! – заявляли выступавшие. – В ожидании дивидендов ли, в результате ли реформ». Резолюция, принятая митингом, осудила власти города, области и страны в пособничестве ограблению сотен нижегородцев финансовыми компаниями. Однако в данном случае, несмотря на громкие крики, никто из представителей власти к согражданам не выходил. Все считали, что проблема обманутых вкладчиков – дело самих вкладчиков. Примечательно, что СМИ и журналисты, обычно радевшие за народ, занимали такую же позицию. И порой даже злорадствовали над людским несчастьем. «Вкладчики, люди в основном пожилые, годами копившие деньги и вложившие их в финансовые мыльные пузыри, обвиняя обманщиков, забывают вот о чем, – писали „Нижегородские новости“. – Свои кровные они несли добровольно, голосовали за обещавших златые горы демагогов тоже добровольно, никто их к этому не принуждал. Почему же не видят своей вины в случившемся?» И правда. Дураки же! Поверили в обещанный капиталистический рай, а оказались лохами…

Немцов и рыбалка Ричарда Гира

Вообще, время было интересное. И яркое. За пару дней до того, как прошел шумный митинг по поводу ограбления народа в финансовых пирамидах, в Нижнем Новгороде случилось событие, которое в СМИ не без оснований окрестили не иначе как «Шоу эпохи вырождения». Дело в том, что в июле в столице проходил XIX Московский кинофестиваль, главным действующим лицом которого был режиссер Никита Михалков. А последний в 90-х годах очень полюбил как Немцова, так и Нижегородскую область. «В Нижний Новгород его привело несколько причин, – объяснял этот факт сам Борис Ефимович. – Ну, во-первых, у нас с Михалковым отчасти похожие характеры. Далее. Ему редко приходилось видеть в России людей при власти, с которыми он мог бы говорить на своем собственном языке. На абсолютно том же языке, что и он сам. Далее – охота к перемене мест, убеждение, что провинция – истинная Россия… Он вообще часто живет в мире, который сам себе придумал и создал. Он – художник, он так и должен жить. И вот образ России, который он себе создал, он хотел сам в себе укрепить. Посредством путешествия в провинцию».

В общем, в конце фестиваля Никита Сергеевич взял да и решил провести так называемый «кинематографический уик-энд» в Нижнем Новгороде. Привести туда известных российских и зарубежных актеров, в том числе «мечту всех женщин» Ричарда Гира. Чтобы российскую провинцию посмотрели, а провинция на них. Михалков позвонил Немцову, тот, естественно, дал добро. Наскоро составили программу: экскурсия по городу, «декоративный теннисный турнир» (а как же без тенниса!), прогулка на теплоходе по Волге. Для торжественного приема выбрали Театр юного зрителя (ТЮЗ) на улице Горького, поскольку из всех обшарпанных театров и киноконцертных залов (на них денег хронически не хватало, и стояли они в том виде, в каком достались в наследие от советской власти) только он выглядел более-менее презентабельно. А дабы гостей не смущали обветшавшие ступени ко входу, на них соорудили некое подобие Каннской лестницы.

При этом бедственное положение губернии не помешало Немцову и Склярову выделить на это мероприятие 500 миллионов бюджетных рублей. Разве торг тут уместен?! Когда еще представится возможность самого Гира увидеть? «Для города это событие было уникальным, – утверждал потом Борис Ефимович. – Потому что еще несколько лет назад трудно было

представить, что звезды мирового кино приедут к нам. И я посчитал, что это намерение Михалкова напоминает действия героя бессмертного произведения Ильфа и Петрова в Нью-Васюках. Оказалось, что Михалков не шутил, и все состоялось. Приехали многие знаменитые артисты: сам Никита, и Андрейченко, и Федосеева-Шукшина, и Сергей Соловьев, и Гурченко, и Янковский…»

Правда, иже с ними в Нижний Новгород прибыла целая толпа неизвестно кого. «Когда утром 22-го дорогие (в буквальном смысле слова) гости ступили на Нижегородскую землю, подтвердились самые худшие опасения, – писала журналистка В. Генкина. – Вместе с прославленными звездами отечественного и мирового кинематографа прибыл внушительный эскорт неких загадочных личностей, которых почтенная публика отродясь знать не знала и на экранах видеть не видела. „Прихлебатели“, – зашептались в толпе. И оказались правы. Последние же, ничуть не смущаясь, победоносно улыбались потом и с открытой площадки ресторана „Колизей“, и у парадного входа в ТЮЗ. Даже ослепительная Наталья Андрейченко рядом с ними выглядела второразрядной статисткой, а продюсер последних фильмов Никиты Михалкова Мишель Сейду – просто бедным родственником».

Но ничего, думал народ, зато Гира увидим! Героя фильма «Красотка», над которым тогда умилялись миллионы российских женщин. Однако Гир прилетел в Нижний отдельным самолетом, в ТЮЗ опоздал, к людям так и не вышел, а тихонько прошмыгнул в дверь, куда широкую общественность не пустили, в сопровождении двух загадочных красоток. Да и вообще, герой-любовник Ричард Гир оказался совсем не таким, как его представляли. Невысокого роста, худой, замкнутый, не снимавший темных очков – одним словом, типичный меланхолик и интроверт по темпераменту. Даже Немцов был потрясен. «Гир произвел на меня приятное впечатление, – вспоминал он потом. – Хотя его кинообраз сильно расходится с тем, что я увидел в натуре. Он оказался довольно миниатюрным мужчиной. Худой, небольшого роста – для меня было загадкой, почему женщины всего мира от него тащатся. Так и не понял этого, честно говоря».

После ТЮЗа огромная толпа отправилась на теплоход и вместе с Немцовым поплыла в Макарьевский монастырь. Как выражались журналисты, пить, есть, гулять, а потом грехи отмаливать. Однако Гир, к удивлению многих, оказался человеком малообщительным и плыть со всеми не захотел. Вместо этого голливудский актер с близкими знакомыми арендовал какое-то судно и уплыл на один из островов посреди

Волги, чтобы ловить рыбу и отдыхать. Причем с собой он привез все для этого необходимое. Какое-то время Гир действительно занимался рыбалкой, любовался волжскими пейзажами, а потом разжег костерок. Романтика! Ну а потом актера арестовала водная милиция! «Мы спокойно веселились на пароходе, но в середине ночи ко мне подошел генерал Доброгорский, который возглавляет милицию на транспорте, – вспоминал Немцов. – Он сообщил, что на острове арестовали человека, который плохо говорит по-русски, и двух красавиц. Арестовал их рыбнадзор за то, что они варили уху из стерляди. Генерал поинтересовался, что делать с арестованными. Я не очень понял, почему мне об этом докладывают. Но Доброгорский сказал, что мужик похож на персонажа из фильмов „Красотка“ и „Клуб „Коттон“. До меня дошло, что речь идет о Ричарде Гире. И я сказал, что все это, конечно, очень забавно, но человека нужно отпустить. Потому что стерлядь в Волге он поймать не мог – он просто не знал, как она ловится, ее ему, скорее всего, подарили. К утру „островитяне“ вернулись».

В общем, «уик-энд» в то время, когда большинство граждан едва сводило концы с концами, оказался ярким и насыщенным. «Ничего удивительного в том, однако, нет: наши отечественные кинодивы и киногерои в последнее время очень полюбили оттягиваться за чужой счет, многочисленные „кинотавры“ с последующим „эхом“ их к тому приучили», – заключала с явным чувством зависти журналистка Генкина.

Глава 9
Комедия «ва-банк» по-нижегородски

Злополучные «навашинские миллионы»

Весна 1995 года ознаменовалась для Немцова новым крупным скандалом. Всего год прошел после окончания борьбы с бывшим мэром Дмитрием Бедняковым, как Борис Ефимович поругался уже с бывшим другом и соратником бизнесменом Андреем Климентьевым. Конкретным поводом послужила история с судостроительным заводом «Ока» в Навашине, что на западе Нижегородской области. Позднее она получила название «Навашинские миллионы». Отчасти эта запутанная история напоминала сюжет культовой польской комедии «Ва-банк», вышедшей на экраны в 1981 году. Согласно сценарию, известный в криминальных кругах взломщик сейфов и одновременно джазовый трубач Хенрик Квинто выходит из тюрьмы, а потом устраивает со своими новыми знакомыми сложную, многоходовую аферу, в результате которой обкрадывает банк Густава Крамера, своего бывшего сообщника, из-за которого в свое время и угодил за решетку. Возглавлявший следствие комиссар Пшигода определяет, что сейф был разрезан только для инсценировки взлома, а открыт был обычным путем. Затем на найденной пластинке были обнаружены отпечатки пальцев Крамера. Потом у последнего проводят обыск и в корзине с грязным бельем находят часть украденных ценностей. В итоге Крамер попадает в тюрьму за ограбление собственного банка. В 1984 году вышло продолжение фильма под названием «Ва-банк-2, или Ответный удар», в котором Крамер бежал из тюрьмы и попытался отомстить Квинто, но в итоге опять был ловко обманут, обкраден и в конце концов арестован…

Столь же запутанной и наполненной всевозможными подставами и разборками бывших друзей стало дело о «навашинских миллионах». Даже спустя много лет, несмотря на многочисленные публикации в СМИ на эту тему, многие толком не понимают, что произошло. Наиболее логичную и объективную версию событий составил еще в 1998 году аналитик и эксперт по промышленности Моисей Гельман в статье «Модель региональной олигархии по Немцову». Согласно ей, еще в марте 1992 года в ответ на просьбу Немцова премьер-министр Егор Гайдар распоряжением правительства разрешил создать в области некий внебюджетный фонд содействия конверсии, который наполнялся с ведома Гайдара средствами федерального бюджета. Но не напрямую, а путем перевода с предприятий ВПК региона 50% причитающихся с них федеральных налогов. Затем в конце апреля председатель облсовета Евгений Крестьянинов подписал

постановление об организации коммерческого банка «Нижегородский банкирский дом» (НБД), где и открылись счета фонда содействия конверсии. «Но фонд, однако, весьма скоро превратился в фонд содействия развитию самого НБД, – писал Гельман. – Решением Немцова оборонные предприятия, перечислявшие налоги в фонд, стали учредителями НБД, а перечисленные ими бюджетные средства внесли… в уставный капитал этого банка… Председателем правления НБД „избрали“ 24-летнего Бориса Бревнова, и с этого времени началась его скандальная карьера. Уже в июне 1992 г. Немцов приказал закрыть счет фонда развития конверсии, и бюджетные денежки от „учредителей“ потекли прямиком на корреспондентский счет коммерческой структуры – НБД в расчетно-кассовом центре Центробанка Нижегородской области. Часть этих денег Бревнов перекачал в собственную фирму, которая спекулирует ценными бумагами, в том числе и акциями РАО „ЕЭС России“, влияя на их котировку. Именно в НБД впоследствии и возникло дело о „навашинских миллионах“».

Директор Навашинского судостроительного завода «Ока» Александр Кисляков долго просил профинансировать конверсионную программу строительства сухогрузных судов для смешанного «река-море» плавания. И 20 января 1994 года Минфин заключил с «Окой» кредитное соглашение о выдаче заводу на два года целевой ссуды в размере 30 миллионов долларов под 15% годовых. Причем использовать ее – таково было основное условие – можно было исключительно на финансирование затрат, связанных с приобретением импортного оборудования для комплектации судов, строящихся на экспорт. Гарантировала возврат кредита администрация Нижегородской области. В обмен на это Немцов подписал с Кисляковым соглашение, согласно которому завод из выделяемого ему валютного кредита мог, только по разрешению администрации области, потратить лишь 18 миллионов долларов, а остальной частью ему разрешалось воспользоваться после завершения приватизации предприятия и полного распределения пакета акций. «Такое условие давало возможность губернатору области заполучить незаконным путем на длительный срок значительную сумму из федерального бюджета и крутить ее в чьих-то интересах, – заключил Гельман. – Ведь приватизация „Оки“ намечалась на лето того же 1994 г. и должна была завершиться через два года, то есть после намеченного срока возврата кредита. Таким образом, этим соглашением не только незаконно отбиралась у получателя часть ссуды, но и нарушалось важнейшее условие Минфина о целевом использовании

выделяемых бюджетных средств лишь на закупку импортного оборудования для экспортных судов».

Заказчиком сухогрузов, которые должны были построить в Навашине, стал предприниматель Андрей Климентьев. Он организовал посредническую российско-норвежскую фирму по продаже судов, куда и должны были поступить будущие суда. Поверив Климентьеву на слово, Немцов выдал Минфину гарантию о возврате «Окой» ссуды под залог федеральных трансфертов, причитавшихся области. При этом как таковых «гарантий» было две. Первую губернатор выдал при подписании кредитного соглашения с Минфином, когда «Ока» была еще государственным предприятием. А вторую после того, как летом 1994 года Климентьев выкупил на ваучеры 80% акций предприятия. И вряд ли эта типичная для того времени сделка проходила без ведома и одобрения Немцова. Причем после приватизации Климентьев не стал переоформлять кредитный договор с Минфином, что не помешало губернатору повторно гарантировать возврат кредита, но теперь уже частным лицом.

Вполне законно заполучив Навашинский судостроительный завод, Андрей Климентьев создал целый синдикат по производству и продаже сухогрузных судов. Часть комплектации и оборудования для них производилась на норвежских предприятиях, полностью или частично также принадлежавших нижегородскому бизнесмену. И если бы задуманный проект реализовался, завод получил бы большой доход и вполне мог стать успешным предприятием, а Климентьев одним из первых в постсоветской России частных судостроителей. Однако последующий скандал перечеркнул все эти планы. «У завода „Ока“ был счет в местном навашинском отделении Промстройбанка, – писал Гельман. – Казалось бы, выделявшиеся Минфином заводу кредитные средства должны были поступить именно на этот счет. По меньшей мере, так было бы удобно для бухгалтерии предприятия, ведь общаться с банком проще и дешевле в родном городе. Однако по невыясненным до конца обстоятельствам заводу почему-то открыли еще один счет в… НБД, расположенном в Нижнем Новгороде, куда и стали поступать кредитные средства. А в августе 1994 г. часть их в сумме 2,5 млн долларов завод почему-то разместил в том же НБД в виде вклада сроком на один год.

Следует заметить, что НБД, будучи банкагентом, уполномоченным контролировать расходование целевого валютного кредита „Оки“, не имел права открывать заводу депозит из этих средств. Открыт же он был явно в полном соответствии с упомянутым выше соглашением об использовании

кредита, который Борис Немцов, также вопреки закону о валютном регулировании, поделил на две части, одна из которых использовалась не по назначению. Но депозитом нарушения законодательства не ограничились. „Ока“ (неужто по своей воле?) закупила почему-то еще и акции НБД, заплатив за них также кредитными деньгами. И руководство банка вновь „закрыло“ глаза на нецелевое использование денег. После „черного вторника“ в октябре 1994 г. эти акции руководители банка выкупили, причем за ту же цену в рублях, по которой продали их, положив себе в карман таким образом почти 200 процентов прибыли из-за резко изменившегося валютного курса обмена». Однако непосредственной причиной скандала стал другой эпизод в этой странной, хотя и типичной для «лихих девяностых» истории.

К сентябрю 1994 года Минфин перевел на счет «Оки» 15 из 30 миллионов долларов. И почти все они, за исключением примерно 900 тысяч долларов и депозита, были истрачены для строительства экспортных судов. В это время потребовалось срочно закупить необходимое оборудование, так как суда на стапелях строились последовательно и нельзя было срывать намеченный график спуска их на воду. Но оборудование поставлялось на условиях авансовой предоплаты. И так как Минфин не перевел «Оке» очередную порцию кредита, Климентьев обратился к управляющему НБД с просьбой оплатить очередные импортные поставки с депозитного счета завода. Вероятно, с такой же просьбой Климентьев обратился и к Немцову. Но вот тут-то дело и застопорилось. По одной из версий, председатель правления банка Бревнов под надуманными предлогами отказался отдавать «чужие» деньги. Мол, такого уговору не было! Ну а Климентьев, будучи человеком решительным и авантюрным, взял да и поехал жаловаться на Немцова и НБД прямо в Министерство финансов!

Собственно, с этого момента и начался открытый разрыв между бывшими друзьями, быстро переросший в затяжной конфликт и скандал. 31 января 1995 года Минфин указал на недопустимость размещения целевого кредита на депозитном счете. Вскоре депозит «Оки» в НБД закрыли, а остаток своих кредитных средств завод перевел на счет в Промстройбанке. Туда же из Минфина стали поступать остальные заемные деньги. «Естественно, ни Немцов, ни Бревнов, то есть сросшиеся власть и капитал, не могли смириться с потерей возможности прокрутки бюджетных средств, – писал Гельман. – Ведь НБД обслуживал и нижегородский займ, по облигациям которого – „немцовкам“ надо было выплачивать проценты. И для этого выстраивалась

пирамида по образцу Мавроди». Между тем Навашинский завод, нуждавшийся в, по сути, своих же средствах, которые были заморожены в НБД, решил продать в кредит построенную им баржу стоимостью 2 миллиона долларов шведской фирме. Причем первый платеж в 250 тысяч долларов директор завода поручил этой фирме перевести в норвежскую компанию Климентьева в счет оплаты за поставку оборудования для экспортных судов. И оборудование «Оке» поставили. Но при этом формально был нарушен президентский указ об обязательной продаже половины валютной выручки на внутреннем российском рынке через уполномоченные банки. Именно это нарушение, по сути своей не являвшееся уголовным (указ президента – это не федеральный закон), в дальнейшем послужило поводом для возбуждения уголовного дела против Климентьева и директора завода Кислякова.

Ну а в Нижнем Новгороде тем временем разгоралась война пресс-конференций. Сначала Климентьев собирал журналистов и рассказывал им свое видение проблемы и катил бочку на губернатора, потом Немцов собирал свою пресс-конференцию, опровергал доводы оппонента и катил эту бочку в обратную сторону. При этом Андрей Анатольевич поддерживал образ честного бизнесмена, думающего о стране, а Борис Ефимович – честного, незапятнанного чиновника. Ну а нижегородцы с удовольствием следили за этим шоу. Бывшие компаньоны и друзья ругаются и грязью друг друга поливают! Пик скандала, во всяком случае его медийной части, пришелся на март 1995 года.

Война пресс-конференций

«Я подозрительностью не страдаю, – говорил Немцов в типичном интервью „Нижегородским новостям“ в начале марта. – Презумпция невиновности – главный принцип в моей работе. Если человек меня не подставляет, если он честно себя ведет, не ворует, если государственные деньги, которые даются, используются по назначению, у меня никаких претензий к нему не будет, если даже у него какое-то темное прошлое. Но когда возникает проблема, то, естественно, никакая дружба не может стать причиной, мешающей проверить, куда делись деньги. Дружба дружбой, а денежки врозь… Климентьев стал очень сильно нервничать, стал создавать партию, цель всего этого очень простая. „Буржуазная диктатура“ – это просто некий эпатаж, который нужен, чтобы привлечь публику. Цель – найти губернатора, который был бы подотчетен не народу, а только Климентьеву. Ему нужен ручной губернатор, желательно такой, у которого были бы какие-то неблаговидные поступки, о которых знает Климентьев, но не знает народ». Ну а у него, Бориса Ефимовича, таких «неблаговидных» поступков конечно же не было!

Что касается конкретики, то Немцов обвинил Климентьева в том, что тот, как совладелец российско-норвежской фирмы «Ароко», сначала заключил с еще не принадлежавшим ему заводом «Ока» договор на разработку проектной документации на постройку судов. Сумма контракта составила 790 тысяч долларов. А потом заключил точно такой же договор уже с российским ЦКБ «Вымпел», только уже на значительно меньшую сумму – 480 тысяч долларов. Куда, мол, ушла разница в 320 тысяч? Присвоил?! А потом на эти же и другие, неизвестно откуда взявшиеся деньги завод выкупил? На что Климентьев ответил, что ничего криминального в этой схеме нет. Мол, фирма «Ароко» являлась заказчиком, объявила конкурс, который и выиграло ОКБ «Вымпел». А разница не что иное, как прибыль. Попутно Андрей Анатольевич обвинил Бориса Ефимовича в фактическом срыве контракта через подконтрольный банк, о чем говорилось выше.

«Сейчас уже установлено, что 5 млн 300 тыс. долларов находятся на счетах RussianSchipping, – объяснял Климентьев 7 марта. – Компания несет ответственность за эти деньги. Почему же не исполняется контракт? Потому, что АО „Навашинский судостроительный завод „Ока“ перевело туда 5 млн 300 тыс. долларов, а должно перевести 6 млн 800 тыс., чтобы „начинался“ контракт. Кто же помешал их перевести? Из письма Министерства

финансов следует, что 2 млн долларов лежат на депозите в „бревновско-немцовском банке“. А то, что этот НБД-банк под непосредственным оком Б. Е. Немцова, ни у кого сомнений не вызывает. Посмотрим, кто окажется виновен в невыполнении этого контракта. О том, что Б. Е. Немцов знал о депозите 9 сентября 1994 года, свидетельствуют имеющиеся у меня документы». Попутно Климентьев зачитал документ о проверке деятельности завода по использованию валютных кредитов, проведенной Минфином в ноябре прошлого года и не выявившей никаких нарушений. Кроме того, Андрей Анатольевич предложил Борису Ефимовичу подать в отставку, если выяснится, что именно он виноват в разбазаривании денег. А заодно намекнул на собственные губернаторские амбиции. «У нас есть нормальная, сформированная промышленная элита, финансисты, – заявил он. – Выделяется группа, человек десять, начинается спокойная работа, чтобы делать Россию конкурентоспособной. Я, честно говоря, не за то, чтобы всем жилось хорошо и так далее. А за то, чтобы Россия была на первых местах в мире… Я бы вступил в ту „десятку“, о которой говорил. В десятку лучших Нижнего Новгорода в бизнесе я бы вошел».

Попутно Климентьев накатал телегу на Немцова Жириновскому и в другие партии. «Я прошу представителей фракций приехать в Нижний Новгород, чтобы разобраться в действиях господина Немцова как депутата по отношению ко мне и моей фирме», – говорилось в жалобах. А еще через пару дней Климентьев подал на Немцова в суд. «Отвечая на вопросы журналистов по поводу расходования валютного кредита, выделенного Министерством финансов РФ Навашинскому судостроительному заводу „Ока“, Б. Е. Немцов вменил мне в вину расхищение бюджетных средств и валютные махинации, – говорилось в исковом заявлении. – Не вникая в содержание контрактов между заводом „Ока“ и норвежской фирмой, по которым валютные средства были направлены за границу, губернатор голословно обвинил меня в прикарманивании государственных денег, в заключении фиктивных контрактов». Текст, разумеется, был зачитан журналистам на очередной пресс-конференции, состоявшейся 10 марта.

Тем временем народ, социологи и журналисты строили версии, почему же разругались бывшие друзья. Все понимали, что в деле о «навашинских миллионах» так или иначе задействованы оба оппонента, но не могли понять, почему вдруг весь сор из избы полетел в публичную плоскость. Поговаривали даже, что Немцова и Климентьева стравила некая «третья сила», которая таким способом хотела «низвергнуть высоко залетевшую область и ее

губернатора». Такую версию высказала депутат Госдумы Т. Черторицкая. «Никакой третьей силы нет, – опроверг эти домыслы Немцов в очередном интервью. – Соображения о третьей силе уходят в космическую область. Ситуация прозрачна. Государство дало взаймы деньги и теперь проверяет, как они были использованы. Если выяснится, что деньги разбазарены, украдены, то те, кто это допустил, будут наказаны. Это не конфликт между Немцовым и Климентьевым. Это конфликт между государством и гражданами, которые хотят поживиться за счет государства… Я не отвечаю за суд. Но я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы разобраться, чтобы все детали дела получили огласку. Хотя бы потому, чтобы за Россией не закрепилась слава криминального государства».

Примечательно, что в данном случае Борис Ефимович немного оговорился. Ведь всю эту ситуацию «допустил» как раз он, как лицо, участвовавшее в разработке всей этой странной схемы от имени того самого государства и дававшее гарантии. А что до «криминального государства», то это желание Немцова, увы, не сбылось. Ибо подобные «серые схемы» с уводом и нецелевым использованием бюджетных денег, тогда еще бывшие «новаторскими», в дальнейшем станут обыденностью.

Сразу после возбуждения уголовного дела Андрей Климентьев собрал очередную пресс-конференцию, на которой заявил, что случившееся не что иное, как очередные козни Немцова. По его данным, губернатор встретился с прокурором области Федотовым во время поездки в Княгинино, где они и договорились «засудить» Климентьева. Стоит отметить, что Андрей Анатольевич в то время был, пожалуй, единственным человеком в Нижнем Новгороде, который мог тягаться в красноречии и эпатажности с самим Немцовым. А в чем-то даже превосходил его. Поэтому все его пресс-конференции превращались в настоящие шоу. «К суду мы готовы и приготовили сюрпризы для этих господ», – заявил Климентьев.

С возбуждением против Климентьева и Кислякова уголовного дела Минфин прекратил дальнейшую выдачу кредита, а уже перечисленные почти 18 миллионов долларов в итоге бесследно исчезли. Ведь экспортный заказ из-за прекращения финансирования так и не был завершен, а недостроенные суда превратились в металлолом. Ну а поскольку валютный займ завод «Ока» тоже не вернул, в зачет этого долга из бюджета Нижегородской области в 1996 году года были изъяты в федеральный бюджет 19,9 миллиона долларов, то есть сумма в размере выданного кредита, возврат которого гарантировал Немцов, с процентами. Помимо потерь бюджетных денег и

потенциальных доходов, эта история обернулась для области отказом от компенсации части оплаты строительства и содержания муниципального жилья и крахом самого Навашинского судостроительного завода. Что привело к безработице и деградации этого города. И за это Петр I бы Немцова вряд ли похвалил. А скорее бы на кол посадил!

Что касается Климентьева, то он был арестован 17 октября того же года в Ташкенте. Думается, момент был выбран не случайно. Во-первых, весенний скандал к тому времени подзабылся, а пресс-конференции закончились. Во-вторых, Немцов, по всей вероятности (и не безосновательно), опасался участия Климентьева (прямого или косвенного) в предстоящих губернаторских выборах. Даже не выдвинув свою кандидатуру, бывший друг мог повлиять на определенные круги, финансировать кампанию какого-нибудь конкурента или же просто вести антинемцовскую пропаганду. А учитывая красноречие и публичную активность Андрея Анатольевича, все это могло представлять серьезную угрозу для Бориса Ефимовича. Да и вообще, Климентьев про Немцова «слишком много знал». Понятно, что, находясь в СИЗО, участвовать в политической жизни ему было гораздо сложнее. Однако упрямый бизнесмен не сдавался. Находясь в следственном изоляторе, Климентьев дважды баллотировался в депутаты: в декабре 1995 года – в Госдуму и в 1996 году – в гордуму Нижнего Новгорода. «Зачем мне было обкрадывать собственный завод?» – риторически спрашивает Андрей Анатольевич спустя 22 года после тех событий.

Глава 10
«Вечно улыбающееся лицо» против «Мыслителя»

«Американская» модель

Как известно, в 1995-м по всей стране прошли первые массовые выборы глав субъектов Федерации. Причем инициатива их проведения принадлежала лично Борису Немцову. Строго говоря, первые выборы региональных глав состоялись еще 12 июня 1991 года в Москве и Санкт-Петербурге одновременно с выборами президента РСФСР. В дальнейшем, в 1991–1994 годах, процедура эпизодически проводилась в некоторых регионах, а точнее, в республиках, где избирали своих президентов. Главы администраций большинства субъектов назначались президентом страны. Стоит отметить, что даже в большинстве демократических стран мира отсутствуют выборы глав административно-территориальных единиц. Такого нет ни в Германии, ни в Великобритании, ни во Франции. А власть в парламентских республиках строится на выборах исключительно представительных органов. Но Борис Ефимович, никогда не скрывавший своей любви к Соединенным Штатам, конечно же стремился скопировать именно их модель. Ведь США – это классический пример федерации, где проводятся прямые губернаторские выборы. Такая модель организации региональной власти также характерна для федеративных государств Латинской Америки – Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и Мексики. Политологи считают, что ее принятие произошло под влиянием Соединенных Штатов. Выборность глав регионов, по мнению американцев, является хорошей защитой от авторитаризма и условием политической стабильности. Примерно так рассуждал и Немцов. «Скоро у нас президентские выборы, – говорил он. – Вдруг власть сменится? Что будут делать нынешние главы регионов? Естественно, заранее искать „запасные аэродромы“, а также пытаться договариваться с вероятными кандидатами, лавировать». Немцов полагал, что в условиях политической нестабильности именно всенародно избранные губернаторы станут опорой демократии и фактором устойчивости режима. При этом нижегородский губернатор изъявил желание первым пойти на всенародные выборы, чтобы показать пример другим главам регионов.

В итоге Ельцин дал согласие провести эксперимент, то есть для начала провести выборы там, где будут внесены соответствующие изменения в местные законы. Обязательным избрание губернаторов народом стало позднее, лишь в 1996 году. Впрочем, с точки зрения некоторых, Немцов не столько пекся о будущем демократии, сколько решил подстраховаться на случай

ухода с президентского поста Бориса Ельцина – своего друга и протеже, которого он всю первую половину года нещадно критиковал. Понятно, что в случае избрания, скажем, Геннадия Зюганова политическая карьера Бориса Ефимовича могла быстро закончиться, а статус всенародно избранного давал определенную защиту.

Однако не стоит думать, что Немцов просто договорился с Ельциным, который с барского плеча разрешил ему избираться. Немцов был бы не Немцов, если бы фактически не продавил это решение! Первые намеки на то, что должность главы региона может стать выборной, появились еще в начале 1995 года, когда под руководством Немцова разрабатывался Устав Нижегородской области, который был принят Законодательным собранием в июне. Именно там было четко оговорено, что и законодательная и исполнительная власть в регионе должна быть выборной. После подписания документа Немцов снова не забыл пнуть федеральную власть. «Две равноправные подписи – Козерадского и Немцова, стоящие под Уставом области, возможно, придутся не по вкусу Москве, которая сделала все от нее зависящее, чтобы после 3 октября 1993 года представительная власть в России фактически перестала существовать, – заявил губернатор на пресс-конференции. – Устав Нижегородской области свидетельствует о том, что те, кто за него голосовали, голосовали за единую Россию». Тогда же он объявил о согласии президента на проведение губернаторских выборов в Нижегородской и ряде других областей. «Таким образом, сбудется то, о чем я мечтаю с 1991 года», – подытожил Борис Ефимович. После этого был спешно принят областной закон о выборах, и в конце лета политическая жизнь в регионе плавно перетекла в избирательную кампанию.

12 августа в Нижегородской области начались так называемые Малые игры доброй воли. Непосредственным организатором мероприятия был областной фонд развития физкультуры и спорта среди юношества «Юниор», идея же, конечно, принадлежала губернатору Немцову. Игры сочетали в себе «новое» и «старое», как бы связывали эпохи. В них было что-то от всесоюзных пионерских походов, как, например, в 1967 году, когда символический факел революции (отмечалось 50-летие Октября) путешествовал по стране, от одной пионерской организации к другой. И от Олимпийских игр. Да и название не случайно перекликалось с Играми доброй воли 1986 года, прошедшими в Москве под знаком борьбы за мир во всем мире. Настоящий факел, который был зажжен от Вечного огня возле областной администрации по эстафете, в которой участвовали

как молодежь, так и ветераны войны, отправился в путешествие по области. Из Нижнего Новгорода на север – в Городец, потом на запад – в Дзержинск, далее на юго-запад – в Выксу, на юг – в Арзамас и обратно в Нижний Новгород. В общей сложности 870 километров. Параллельно по всей области проходили спортивные соревнования, финальная часть которых – на стадионе «Динамо». «Упоминание об этом грандиозном празднике не случайно, – сообщали СМИ. – Ведь было много споров и сомнений, потянет ли область и город два крупных мероприятия за малый временной промежуток (имеется в виду 50-летие Победы. – *Авт.)?* Но вот сомнения развеяны – Малые игры Доброй воли, как говорится, имеют место быть, и это уже свершившийся факт». Игры, длившиеся ровно месяц, сопровождались многочисленными концертами, фестивалями и карнавалами. В общем, сплошной праздник! Фактически же это событие и дало старт предвыборной кампании Немцова.

На всем протяжении осени и начала зимы в Нижегородской области была целая череда праздников. Губернатор открывал новые школы, дарил детям «газели», пускал газ в села, вручал сертификаты и всюду перерезал красные ленточки. Большую часть долгов по зарплате, благодаря новым займам и помощи Федерации, удалось на время закрыть, а о тех, что не закрыли, во время предвыборной кампании просто перестали упоминать. Всюду создавалось ощущение праздника и неуклонно растущего благополучия. Согласно социологическим опросам, проведенным в начале декабря 1995 года, лишь 6% нижегородцев поддерживали текущий курс реформ, 44% выступали за серьезные изменения, а 31% вообще ратовал за возвращение плановой экономики и регулирования цен. В ответ на вопрос, какие силы способны вывести страну из кризиса, половина называла коммунистическое и национально-патриотические движения и только 8% – действующее руководство страны.

Таким образом, Борис Немцов, как ставленник Ельцина, олицетворявший собой тот самый «текущий курс реформ», на первый взгляд оказался в довольно непростой ситуации. Однако на стороне Бориса Ефимовича были молодость (что выгодно отличало его от привычных возрастных руководителей Советской эпохи), необыкновенное обаяние и очарование (благодаря этому он заслужил любовь женщин), красноречие и пиар. Немцов, занимавший должность главы региона с конца 1991 года, был одним из первых российских чиновников, кто оценил важность СМИ и планомерной работы над политическим имиджем (все это он тоже подсмотрел в США).

В 1996 году главный специалист Государственного комитета

по делам Федерации и национальностей РФ Ольга Сенатова охарактеризовала сформировавшийся при губернаторе Немцове режим как авторитарный. По утверждению Сенатовой, в условиях отсутствия надзора со стороны федерального центра (с 1991 по 1994 год Борис Ефимович совмещал посты главы администрации и представителя президента по области) Немцов, на словах позиционировавший себя «демократом», установил тотальный контроль над СМИ, что препятствовало деятельности оппозиции и способствовало формированию абсолютно управляемого законодательного органа власти: более 60% там составляли функционеры исполнительной власти всех уровней. «Бесконечные представления с перерезанием ленточек – прямо как в застойные времена, – так описывал предвыборную кампанию Немцова профессор В. Чумак. – Постоянно улыбающееся с телеэкранов лицо кудрявого отца-благодетеля губернии. Бесчисленное „одобрямс“ начальства от АО „Термаль“ до АО „ГАЗ“, активистов и доярок СХП, школьников и педагогов садов-школ». «Та кампания была исключительно интересная и запоминающаяся, – вспоминает креативный директор телекомпании „Волга“, заслуженный работник культуры России Виталий Пауков. – Самого Немцова мы не рекламировали, все делалось в формате социальных роликов. В то время губернатор активно продвигал сразу несколько громких программ: телефонизация, спасение вкладов в банках, жилье для военных. Вот с последней был связан интересный эпизод. Снимали мы вручение сертификатов на квартиры, проходившее в торжественной обстановке. Стоят генерал Павлов, Немцов, вызывают офицеров… И тут заходит один, стрижка бобриком, одет не по-военному, внешне не отличишь от бандита. Это ж 90-е годы, разгул криминала, сами понимаете! В общем, я говорю Александру Николаевичу Котюсову (тогда он был пресс-секретарем и помощником губернатора): „Это же реклама! Нехорошо получается, надо переснимать!“ Тот передает Борису Ефимовичу, а он: „Как? Где взять сертификат? Квартир больше нет пока!“ Но выход все-таки нашли. Через неделю опять приезжаем в кремль, и там губернатор уже при полном параде вручает офицеру сертификат вне очереди. Потом Немцов говорит: „Имейте в виду, у меня нет больше квартир!“ В итоге все получилось хорошо. А мне даже приятно стало: получилось, мы „плохим кадром“ обеспечили человека жильем».

Сам Немцов, в духе времени, построил свою предвыборную кампанию на противопоставлении «нового» и «старого». Дескать, народ должен не просто выбрать конкретного человека, а определить, каким путем будет развиваться отдельно взятый регион. Этот же прием будет чуть позднее использован и в

президентской предвыборной кампании. Понимая, что личных симпатий к действующему главе государства окажется явно недостаточно, россиянам будут внушать, что они голосуют не лично за Ельцина, а как бы за вектор развития, за «движение вперед», за «демократию». Немцов понимал, что сделать Нижегородскую область отдельно взятым процветающим регионом за четыре года правления ему не удалось. Поэтому построил все на сравнениях и сопоставлениях в духе «у других еще хуже». «Имеющиеся цифры позволяют говорить о том, что на общероссийском фоне положение Нижегородской области по ряду показателей не стало хуже за последние пять лет, а по большинству показателей улучшилось, – заявлял губернатор в своем обращении 8 декабря. – Хорошие результаты достигнуты в строительстве. Область в 1990 году занимала 46-е место среди всех российских регионов по строительству больниц и 60-е место по вводу школ. В 1994 году мы были соответственно на 12-м и 15-м местах. По вводу жилых домов – 71-е место в 1990 году, а в 1994-м – 44-е. По обеспеченности больничными койками 54-е место в 1990 и 38-е в 1994 году. По обеспеченности населения автобусами общественного пользования наша область занимала 21-е место в России, в 1994 году – 11-е. По охвату населения телевизионным вещанием в 1990 году – 40-е место, в 1994-16-е. По уровню преступности мы были на 16-м месте, сейчас наша область отодвинулась на 33-е место, и преступность продолжает снижаться при общем ее росте по стране. По относительному количеству детей, отдохнувших в летних лагерях в 1990 году, мы были 16-ми, а в 1994 году – уже 2-ми».

Аналогичной статистикой губернатор оперировал и по другим направлениям. Мол, в производстве молока прыгнули с 43-го места на 40-е, яиц – с 47-го на 29-е, а зерна – с 44-го на 38-е. И все эти перемещения по «турнирной таблице», без сомнения, его – губернатора достижение. Правда, какое значение для рядовых жителей имел рост производства яиц (дефицита уже давно не было), осталось невыясненным. А вот куда более важный показатель, доходы на душу населения, почему-то остался за кадром.

Вся оппозиция за потомка купцов!

Что же смогли противопоставить Немцову его оппоненты? Свои кандидатуры на пост губернатора выставили заместитель председателя исполкома общественно-политического объединения «Конгресс русских общин» Олег Маслов, директор по производству АО «Нижегородоблгаз» Владимир Соколов и экс-директор горьковского «Водоканала», бывший заместитель председателя горисполкома, а в 1995 году глава строительной компании «Нижегородский дом» Вячеслав Растеряев.

Первые два кандидата являлись скорее техническими, поэтому все противники Немцова объединились вокруг Растеряева, позиционировавшего себя как «крепкого хозяйственника», «потомка купцов», человека, «который мало говорит, но имеет твердый характер». «Широкоплечий, крутолобый, с крепкими русскими корнями» – так описывали «опытного строителя» в заказных статьях, явно намекая на понятные не совсем русские корни Бориса Ефимовича. В отличие от молодого, бесшабашного и вечно улыбающегося Немцова немолодой Растеряев старался выглядеть как эдакий мыслитель, суровый вид которого соответствовал суровому же времени. «Прозападному» экономическому курсу Немцова Растеряев противопоставлял «нечто свое», более конкретное и продуманное, с опорой на собственный опыт. «От романтизма дилетантов надо переходить к основательности профессионалов» – так звучал его общий лозунг. Растеряев ратовал за государственную поддержку сельхозпроизводителей, введение налоговых льгот для отечественных производителей, развитие жилищного строительства за счет сноса ветхого фонда. Сторонники Растеряева, такие как профессор В. Чумак, даже указывали, что тот стремится к возрождению «русских традиций и духовности», в то время как при Немцове происходит «духовное разложение» жителей Нижегородского края.

Кстати, разница в возрасте между Растеряевым и Немцовым составляла всего 10 лет, но выглядел первый намного старше, поэтому чисто внешне их противостояние действительно выглядело как «молодой против старика». «И это главные весы нашего с вами, нижегородцы, выбора, – писал тот же Чумак в „Нижегородских новостях“. – Выбор между имиджем (в переводе на русский – броский образ или его подобие) и делом (слава богу, в переводе не нуждается). Мне много приходится бывать в городах России. И везде спрашивают о „столице реформ“, об „оазисе капитализма на Руси“, о „полигоне нижегородского чуда“

и других подобных мифах о нашем Нижегородском крае. И это не случайно. Усилиями нашего брата-живописца Нижегородский край подан не только России, но и миру как оазис благополучия в российском море хаоса и волнений. Эдакий передний край борьбы за процветание России по модели Всемирного валютного фонда. Но мы-то знаем, что мы имеем в действительности. Очень и очень много прожектов и начинаний, и столь же мало действительных результатов. Вспомним хотя бы печальный итог „немцовок“, эпилог „Нижегородского пролога“ и припудренный фасад Б. Покровки вместе с грязью в ее дворах и так далее везде».

Конечно, отчасти этот Чумак был прав. В 1996 году автору довелось сплавать на теплоходе в Астрахань. Типичный такой туристический маршрут, ставший популярным еще в советские времена. До этого водный путь от Нижнего до Астрахани я проделал в 1990 году, то есть еще в советское время. Поэтому была возможность сравнить, как изменилось Поволжье за пять лет «капитализма». А изменилось оно, как оказалось, несильно, а местами и не изменилось вовсе. Все те же унылые, серые улицы, обшарпанные троллейбусы, разбитые тротуары и старые, знакомые еще с детства магазины с колышущимися на ветру масляными лентами, облепленными трупами мух. У нас же все было ярко и броско. Яркие вывески магазинов и ресторанов, яркие, светящиеся по ночам рекламные щиты, сверкающая огнями Ярмарка, целые города разноцветных киосков, набитых красочными товарами, яркие, разрисованные немецкими надписями автобусы. Эта яркость и вычурность во многом и создавала образ «столицы реформ». Ну а при упоминании своего места жительства все тут же восклицали: «Ого! Нижний Новгород! Губернатор Немцов, конечно, знаем, наслышаны…»

Впрочем, имиджмейкеры Немцова тоже были не дураки. Понимая, что губернатору действительно не хватает образа хозяйственника и хозяина, даже по возрасту он для этой роли не подходил, предвыборную кампанию проводили под знаком тандема Немцов-Скляров. Первый баллотировался в губернаторы, второй – в мэры столицы губернии. Первый молодой и симпатичный, олицетворял «романтизм», второй – в возрасте, опытный, олицетворял «хозяйственность». Даже внешне Скляров годился Немцову в отцы. Мол, молодой, горячий сынок и взрослый, мудрый батя вместе продолжат управлять городом и областью. С психологической точки зрения это был беспроигрышный ход.

Стоит отметить, что, как Немцов ни старался выглядеть политиком западного образца и отмежеваться от советского наследия, без отдельных «анахронизмов» ему обойтись не

удалось. В СССР к круглым датам, праздникам и выборам было принято отчитываться об успехах социалистического строительства и писать о многочисленных «трудовых подарках» стране от тех или иных коллективов. Чтобы граждане наглядно видели, как улучшается их жизнь под мудрым руководством партии и правительства. Вот и в Нижнем Новгороде в 14:40 15 декабря, то есть менее чем за два дня до губернаторских выборов, с конвейера автозавода сошла первая темно-вишневая «газель» с цельнометаллическим фургоном. Событие освещалось с большой помпой, новую машину лично приветствовал премьер-министр Виктор Черномырдин. А президент Ельцин еще накануне прислал по этому поводу поздравительную телеграмму: «Эта большая трудовая победа коллектива создает предпосылки для дальнейшего наращивания производства машин нового семейства, пользующихся устойчивым спросом в России и за ее пределами. Считаю, что деятельность коллектива АО „ГАЗ“ является образцом высокого профессионализма и ответственного отношения к делу». В общем, все как в «темные» советские времена! Ведь трудно представить, скажем, чтобы в США, на которые ориентировался Немцов, госсекретарь приезжал бы, например, на завод «Форд» и праздновал запуск в серию очередной модификации фургона! А президент поздравлял бы рабочих с великой трудовой победой. И все это с целью поддержать на выборах того или иного кандидата. Но в Нижнем Новгороде выпуск первого фургона ГАЗ-2705 конечно же не случайно приурочили к выборам. Вот-де, смотрите, как растет производство при нашем дорогом Борисе Ефимовиче.

Ну а оппозиционерам оставалось только объединиться вокруг «мыслителя». «Мы будем голосовать за Растеряева не потому, что он хорош, а потому, что плох Немцов», – заявил во время демонстрации 7 ноября бывший первый секретарь обкома КПСС Геннадий Ходырев, в 1995 году – председатель Центрального совета Всероссийского государственно-патриотического объединения «Духовное наследие» в Волго-Вятском регионе. Примечательно, что зюгановская КПРФ, в то время набиравшая популярность (там по совместительству состоял Ходырев), решила не выставлять на губернаторские выборы своего кандидата. В партии, видимо, решили, что это лишь растащит электорат и сократит шансы Растеряева. Последний, несмотря на явное отсутствие харизмы, старался как мог и провел довольно хорошую кампанию. Но справиться с административным ресурсом оказалось тяжеловато, особенно в районах. «Немцова, взявшего отпуск и разъезжающего по области как частное лицо (что он сам неоднократно подчеркивал, пытаясь изобразить себя

законопослушным и свято соблюдающим условия равноправия кандидатом), районные руководители встречают по всем правилам служебного этикета, принятого в начальственных кругах, и организуют практически все его встречи, – сетовал в своем интервью Растеряев. – Для кандидата Немцова залы заполняются в соответствии с расписанием его передвижения по району. Я же могу пригласить людей на встречу только в обеденный перерыв или вечером. Моя аудитория – это люди, по-настоящему обеспокоенные за судьбу страны, свою судьбу, судьбу своих внуков и детей, и, думаю, они принесут мне больше голосов, чем такая же по численности аудитория Немцова, собранная по разнарядке».

Однако потомок купцов ошибался. На выборах 17 декабря действующий губернатор получил 58% голосов и победил уже в первом туре. Растеряев набрал лишь 26%. Тот факт, что успешно сработал и тандем «сын-батя», подтверждает тот факт, что результаты выборов мэра Нижнего Новгорода почти точь-в-точь совпадали с губернаторскими. Иван Скляров набрал 59,5% голосов, в то время как ранее изгнанный из этого кресла Дмитрий Бедняков – 27,4%. Больше всего народу за ставленника Немцова проголосовало в центре города, наименьший, но тоже неплохой результат дал тот самый Автозавод с «газелями» – 52,6%. Причем явка, не в пример нынешним временам, составляла до 70% и более. «Мой самый крупный успех, думаю, победа на губернаторских выборах, – писал позднее Немцов. – Это, безусловно, успех. Понимаю, что это успех не непосредственно мой, но тем не менее эта победа показывает жизнеспособность нашей команды, показывает, что, несмотря на все издержки, к нам есть доверие, и это – оценка нашей работы, которой, собственно говоря, я посвящаю большую часть своей жизни».

По мнению нижегородского журналиста Виктора Деменева, которое он изложил после выборов в статье «Удались ли выборы губернатора?», победа Немцова была предопределена благодаря сложившемуся в то время в области монополизму политической системы. Когда руководящая группа во главе с губернатором фактически контролировала политическую жизнь, работу СМИ и финансы. А представительные органы и местное самоуправление были низведены до механических проводников идей губернатора. В этих условиях Растеряев не являлся фактическим конкурентом Немцова, а делал лишь то, что позволяла ему «система». При этом успех в ряде районов области объяснялся не столько тем, что Растеряев смог завоевать там электорат, сколько подготовленной там протестной почвой. Эти же районы на выборах в Госдуму отдали наибольшее число голосов за КПРФ и ЛДПР. «Но это не

вотум доверия, а победа над „слабыми“», – резюмировал Деменев.

Так или иначе Немцов свои выборы выиграл, а вот Ельцин свои проиграл. В том же декабре 1995 года истек двухлетний срок полномочий «пробной» Госдумы образца 1993 года, и народу предстояло избрать новый парламент.

«Реформы дают не только отрицательные, но и положительные результаты»

Стоит отметить, что «угроза фашизма», как порой называли либералы популярность Жириновского, еще в 1994 году казавшаяся вполне реальной, к тому времени сошла на нет. Если за год до выборов политологи и журналисты всерьез рассуждали о том, что ЛДПР в скором времени добьется большинства в региональных парламентах, «посадит» на местах своих губернаторов и вообще «захватит власть», после чего «стареющий президент» сам передаст бразды правления Владимиру Вольфовичу, то к концу 1995 года оказалось, что возможности либерал-демократов серьезно преувеличены. Фактически успех на думских выборах в 1993 году так и остался навсегда пиком популярности и влияния Жириновского. Перед вторыми думскими выборами все опросы показывали, что повторение успеха ЛДПР не светит. Это внесло некое успокоение в окружение президента, правительство и ряды сторонников Ельцина. В качестве проправительственной силы на выборы двинули движение «Наш дом – Россия» во главе с премьер-министром Черномырдиным, который лично появился на многочисленных плакатах с сомкнутыми ладонями, напоминавшими по форме крышу карточного домика. Демократов представлял «Демократический выбор России» Егора Гайдара (в качестве символа там был питерский Медный всадник), «Яблоко», которое олицетворяло постоянно сконфуженное лицо Григория Явлинского, и несколько других движений (уже тогда стали говорить о «вечном расколе» среди либералов, неспособных договориться между собой). «Недовольных» представляли КПРФ, ЛДПР и еще великое множество всевозможных конгрессов, движений, блоков и т. п. В общей же сложности в выборах приняли участие 42 политические силы!

Что интересно, многие тогда всерьез верили, что уж теперь-то, после того как народ «ошибся» в декабре 93-го, граждане точно сделают правильный выбор и проголосуют за «стабильность» и «продолжение реформ». Ельцин даже всерьез говорил о том, что ожидает установления в России двухпартийной системы «по типу США». Сначала будет создан некий аналог более консервативной республиканской партии (на эту роль и готовился НДР), а затем к нему путем конкурентного отбора «подобьют» наиболее крепкое «демократическое направление». А всякие там, понимаешь, коммунисты, либерал-

демократы и прочая шушера канут в небытие. Именно с этой целью, то есть максимально ограничить количество представленных в парламенте партий, в закон и был внесен пресловутый пятипроцентный барьер. В этом успокоении в очередной раз проявилось непонимание властью жизни своего народа. Люди, сидевшие в Москве в теплых кабинетах и передвигавшиеся по улицам на служебных лимузинах, искренне считали, что «страна развивается», «реформы идут», а народ по-прежнему верит в «демократические идеалы». От социологических опросов, показывавших уверенный рост протестных настроений, в Кремле попросту отмахнулись. Посчитав, что яркая и убедительная (как казалось) предвыборная кампания сделает свое дело. И народ в очередной раз поверит президенту и премьер-министру…

Однако выборы, состоявшиеся 17 декабря, снова стали шоком для руководства страны! ЛДПР действительно набрала всего 11% голосов избирателей, растеряв все свои прежние позиции. Зато победителем неожиданно оказалась КПРФ Геннадия Зюганова, завоевавшая 22% голосов, в то время как проправительственный «Наш дом – Россия» вынужден был довольствоваться всего 10%. Из партий демократического направления в Думу прошло только «Яблоко», сумевшее набрать почти 7%. Разброс голосов оказался поистине невероятным, так что в связи с применением пятипроцентного барьера в парламент по партийным спискам не прошли партии, в сумме набравшие почти половину голосов избирателей. В Нижегородской области результаты несколько отличались от общероссийских. КПРФ набрала там 18% голосов, ЛДПР – 12%, НДР и «Яблоко» – по 10%. Схожая картина имела место и по одномандатным округам. Таким образом, коммунисты практически удвоили свои прежние результаты, заняли думское большинство и теперь представляли собой внушительную оппозиционную силу.

«Разочарованность в результатах реформ, действиях властей, поражениях в Чечне захлестнула все общество, – рассказывала типичная статья „Назад к коммунизму?“. – Но особенно эти настроения оказались созвучными тем категориям населения, которые в наибольшей степени связаны с социалистическим прошлым страны: пенсионерам, почувствовавшим себя незащищенными, работникам ВПК, оказавшимся в положении полубезработных, колхозно-совхозному крестьянству, давно утратившему чувство хозяина земли, бывшей номенклатуре и обслуживавшим ее идеологам… Стремление к „светлому будущему“ оказалось таким сильным, что даже в Нижегородской области, где реформы дают не только отрицательные, но и

положительные результаты, три представителя идеологии марксизма-ленинизма сумели победить и бывших депутатов Госдумы, неплохо зарекомендовавших себя, и крупных предпринимателей, чья массированная пропаганда подкреплялась широкими материальными щедротами». В действительности результаты как раз и показали, что в Нижегородской области люди жили и чувствовали себя ничуть не лучше, чем в остальной стране!

Глава 11
Жаркое лето 96-го

«Однако война какая-то странная»

Конец 1995 – начало 1996 года ознаменовались очередным обострением ситуации в Чечне. Сначала 10–12 декабря город Гудермес был без сопротивления захвачен отрядами Салмана Радуева, Хункар-паши Исрапилова и Султана Гелисханова. После этого федеральным войскам в течение недели пришлось проводить зачистку. Бои сопровождались большими потерями и жертвами среди мирного населения. А 9 января отряд боевиков численностью 256 человек под командованием тех же полевых командиров Салмана Радуева и Хункар-паши Исрапилова совершил рейд на Кизляр. Первоначально целью боевиков являлась российская вертолетная база и оружейный склад, потом были захвачены больница и роддом, куда было согнано около 3 тысяч местных жителей. В ходе переговоров удалось добиться соглашения о предоставлении боевикам автобусов до границы с Чечней взамен на освобождение заложников, которых предполагалось высадить у самой границы. 10 января колонна с боевиками и заложниками двинулась к границе. Однако потом автобусы были остановлены в районе села Первомайское, которое террористы захватили и окопались. Так начался один из самых драматичных эпизодов войны.

Вначале народу обещали, что операция по освобождению заложников будет скоротечной и «точечной», сам президент рассказывал о «38 снайперах», которые следят за каждой целью. Цель перемещается, и снайпер за ней… Причем рассказывал так, будто сам видел это с передовых позиций. Однако на деле штурм Первомайского превратился в настоящее побоище. С залпами «Катюш» (точнее, «Градов»), ударами штурмовиков, артогнем. Село практически сровняли с землей. Тем временем «начальник штаба» боевиков Аслан Масхадов пугал тем, что война скоро выйдет из-под контроля, а разрозненные отряды ваххабитов начнут действовать во многих российских городах. Одновременно с боями в Первомайском в Сочи был захвачен паром «Авразия», который вез челноков в турецкий порт Трабзон. Налетчики представились абхазцами и членами отряда Шамиля Басаева, угрожали расстрелами заложников. Тем временем в Сургуте «террорист» остановил вахтовый автобус и, угрожая пистолетом, заставил водителя везти его в аэропорт. При этом все пассажиры были объявлены заложниками. В аэропорту боевик потребовал предоставить ему самолет для полета в Кизляр. А также дать ему автомат и ящик водки… В момент передачи последней захватчик был убит снайпером. «Террорист» в итоге оказался русским

уголовником.

Все эти события, ярко освещавшиеся по телевидению (особенно сильно смаковала подробности подконтрольная олигарху Владимиру Гусинскому телекомпания «НТВ»), были восприняты обществом особенно тяжело. Создавалась атмосфера полного бессилия федеральных войск и властей и одновременно решимости и успехов боевиков. Даже в «тылу», то есть в глубине страны, люди перестали чувствовать себя в безопасности. «Кто знает, что же теперь будет, – писал в газету ВТ. Репин, ветеран Великой Отечественной войны. – Поедешь из одного района в Нижнего в другой, а мост-то через Оку взорвут… В Отечественную мы сражались за Родину, за Сталина. А в Чечне кого от кого мы спасаем? Наверное, нам нужна их нефть. Но в Сибири своей полно. Нельзя было доводить до бойни. Небось детей членов правительства в Чечне не убивают, а на войну посылают сыновей рабочих». И ветеран в общем был прав. В те годы в армию шли только те, кто не мог поступить в вуз, получить липовую справку о болезни, «дать на лапу» в военкомате или просто куда-нибудь сбежать. И в основном юноши из самых бедных, неблагополучных семей, в которых не было денег на все вышеперечисленное! «Нам объяснили, что в Чечне сосредоточилось много ворованных денег, – писала 36-летняя Татьяна Симанова. – Как они там оказались, почему позволяли и по каким каналам их туда перекачивали? Пусть власти ответят наконец».

«Однако война какая-то странная, – писал журналист Ю. Федоров. – В ней представлены не только роды войск (авиация, пехота, артиллерия), но и виды войск (войска МВД, войска федеральные, ОМОН). В этой войне по-особому называют противников: боевики, бандиты и террористы. Если это ругательство, тогда понятно. А если определение, то нет. Выходит, что рэкетиры сели в танки, гопники стали снайперами и пулеметчики, карманники освоили гранатометы, а Джохар Дудаев лег на дно в одной из малин. Бандиты ведь… Думаю, такую банду, пусть и огромную, можно уничтожить, тем более П. Грачев когда-то заявил, что сделать это легко одним полком десантников. Так что же там делают, причем не первый год, российские войска? Воюют и воюют с армией, способной противостоять российской? Выходит, так». Журналист спрашивал, почему Басаева и Радулова называли террористами, а не диверсантами, каковыми они на самом деле являлись, почему не создали «сплошную линию фронта» и не позаботились о «тыле», то есть безопасности граждан? «Я больше не верю словам, я их просто не понимаю, – писала в газету 36-летняя домохозяйка

Галина Гусева. – Моя знакомая плачет день и ночь, ее парня забрали в армию, а теперь объявили, что пошлют в Чечню. Скажите, ей, его матери, послужат утешением никому не понятные слова о якобы „восстановлении конституционного порядка“? Я включаю телевизор, а там кадры один другого страшнее, и все говорит за то, что эта война так просто не кончится. Сегодня забрали знакомого, завтра придут за мужем, братом, отцом».

В то время в России всерьез поговаривали, что теперь нам придется долго жить в условиях террористической угрозы и надо обустраивать жизнь как в Израиле, где теракты обыденное дело. Как раз в тему на московской выставке с актуальным же названием «Безопасность-96» Выксунское АО «Завод корпусов», когда-то выпускавший корпуса бронеавтомобилей для Красной армии, представил свою модель бронеавтобуса. «Действительно, поистине незаменимое транспортное средство для горячих точек, число которых не убывает, а жизнь там все-таки продолжается», – сообщали СМИ. И действительно, война идет, террористы бегают, снаряды взрываются, а по маршруту как ни в чем не бывало колесит рейсовый бронеавтобус с пассажирами! Ведь в Израиле же есть бронированные трамваи и бронированные троллейбусы…

В начале января по инициативе губернатора Немцова Законодательное собрание Нижегородской области приняло обращение к президенту с требованием немедленно начать вывод войск из Чечни и прекратить боевые действия, начать переговоры с «руководителями вооруженных формирований», прекратить финансировать восстановление разрушенных городов до полного окончания боевых действий. «Возобновление боевых действий в Чечне наглядно демонстрирует бесперспективность силового метода разрешения конфликта в регионе, – говорилось в документе. – Идет второй год войны, однако проблема восстановления конституционного порядка в Чеченской Республике еще более осложнилась». С этой бумагой Борис Ефимович отправился в Москву на последнее заседание Совета Федерации созыва 1993 года, членом которого он являлся. Там он выступил с речью, в которой заявил, что принятые 8 и 17 декабря 1994 года постановления верхней палаты о наведении конституционного порядка в Чечне, фактически разрешавшие президенту ввести войска в республику, остались невыполненными. Мол, война идет уже больше года, а ситуация только ухудшилась. Однако поставить вопрос в повестку дня не удалось. Причем не потому, что сенаторы отказались обсуждать Чечню. Просто для принятия решения надо было получить больше 50% голосов присутствовавших, а на заседание приехало

всего 102. При этом 84 члена палаты одобрили предложение, но этого оказалось недостаточно.

Но Немцов не собирался сдаваться! Он тут же организовал в области сбор подписей за прекращение войны в Чечне. И буквально за 10 дней 700 тысяч (по другим данным, чуть ли не миллион) человек поставили свои автографы. Количество листов с подписями оказалось столь огромным, что для их доставки в Москву специально пришлось загружать «газель». Вооружившись этим аргументом, Немцов отправился в столицу на встречу с президентом, которая состоялась 29 января. Правда, темой обсуждения все же была не война, а подготовленный губернатором договор о разграничении полномочий между правительством и Нижегородской областью (подробнее о нем будет сказано ниже). Вторым вопросом было грядущее празднование 100-летия Всероссийской торгово-промышленной выставки 1896 года, проходившей 100 лет назад в Нижнем Новгороде. Немцов попросил выделить на это мероприятие прямое финансирование из бюджета. Затем обсуждались проблемы выплаты зарплат и пенсий. Ельцин в ответ твердо пообещал как-нибудь решить эту проблему, например создать некий «президентский фонд зарплаты», который бы использовался в качестве резерва. И только в конце встречи Немцов наконец показал несколько папок с подписями и справку о том, сколько их собрано. Бориса Николаевича удивила подобная «инициатива снизу», однако он сразу усомнился, что подобный результат мог быть достигнут без административного ресурса. И, соответственно, упрекнул Немцова в том, что тот слишком много на себя берет: «А не ты ли это все организовал?! Надавить на меня решил!»

О предстоящих выборах тоже поговорили. «Я честно и откровенно изложил президенту реальную, как мне кажется, ситуацию, связанную с президентскими выборами, – рассказал Немцов по итогам поездки. – Мне кажется, что в последнее время все меньше и меньше людей могут воспользоваться возможностью сказать президенту, какая складывается вокруг него обстановка и каковы его перспективы на выборах».

Комсомолец с завораживающим взглядом

Война войной, а проблем в самой Немцовской губернии тоже хватало. Бюджет области за 1995 год удалось исполнить только на 85%. Из-за неплатежеспособности многих предприятий, сокрытия доходов и неуплаты налогов казна недосчиталась 600 миллиардов рублей. Директор Департамента финансов областной администрации Виктор Лунин сообщил Заксобранию неутешительные выводы: в 1996 году придется еще больше затянуть пояса, сократить финансирование многих отраслей хозяйства, бросив средства в первую очередь на социальную сферу, транспорт и зарплаты бюджетникам. Кроме того, Лунин предложил урезать до минимума инвестиционные программы и прочие «ненужные траты». Если в былые годы Немцов всю вину за неплатежи и долги мог смело валить на Федерацию, которая вечно недодавала положенных денег, то к весне 1996 года треть недоимок приходилась уже на крупные предприятия региона. Самыми крупными должниками в пенсионный фонд и бюджет стали Горьковский автозавод, «Норси», телевизионный завод «Нител» и Горьковская железная дорога. Их суммарный долг составлял около 90 миллиардов рублей, примерно столько же задолжала и Москва. В то же время только на выплату пенсий Нижегородской области ежемесячно требовалось 260 миллиардов. И вот на этом поприще Борис Немцов явно не преуспел. Имея прямой выход на Ельцина и большое влияние, он тем не менее не смог использовать его для решения финансовых проблем. Более того, после того самого разговора с президентом и «газели» с подписями Нижегородскую область и вовсе переставили в конец списка по выплате федеральных трансфертов! Возможно, это была такая месть Ельцина: дескать, и так ситуация сложная, а тут вы со своими подписями! Вот и обойдетесь пока без денег…

Кстати, упомянутый завод «Норси», ранее известный как Кстовский нефтеперерабатывающий завод, не только не платил налоги в бюджет, но и одновременно завышал цены на бензин, пользуясь своим монопольным положением на рынке. В ноябре 1995 года антимонопольное управление признало предприятие виновным в необоснованном повышении цен на бензин и дизельное топливо, одновременно с этим потребовав уплатить в бюджет региона «излишне полученную прибыль» за период с 16 августа по 8 ноября того же года. После этого «Норси» снизил цену бензина на 6%, но при этом подал на антимонопольщиков в суд. Разбирательство затянулось на месяцы, а положенные

государству денежки все это время попросту обесценивались. Результатом длительной борьбы между Немцовым и «Норси-Ойл» стала отставка президента акционерного общества В. Г. Старикова. Причем схема повторяла уже апробированную ранее на Горьковском автозаводе. Стариков, пользовавшийся большим авторитетом у рабочих за счет своих популистских решений (налоги не платил, а зарплату давал вовремя), написал заявление по собственному желанию «в связи с большой занятостью на заводе» и остался на посту генерального директора предприятия. Произошло это под прямым давлением премьер-министра Черномырдина. А вот на должность президента «Норси» Немцов выдвинул председателя правления социального коммерческого банка «Гарантия» Сергея Кириенко. Последний был утвержден советом директоров единогласно. Поскольку именно с этого момента начался взлет одного из самых известных управленцев современной России, стоит немного остановиться на его биографии.

Бытует мнение, что Кириенко являлся другом и ставленником Немцова, позднее ловко обскакавшим своего протеже. Однако это не совсем так. Сергей Владиленович учился в самой обыкновенной сочинской школе, причем отличником, в отличие от Бориса Ефимовича, не был. Поэтому после окончания учебы и переезда в Горький он, в отличие от него, поступил не в престижный университет, а в Водный институт. При всем уважении к этому заведению оно являлось далеко не флагманом горьковского образования, ходила даже поговорка «А если никуда не годный – иди в водный». Поскольку военной кафедры в этом институте не было, Кириенко, в отличие от Немцова, отслужил два года в армии, после чего был принят на работу на завод «Красное Сормово». К тому времени началась перестройка, и комсомол, как верный помощник партии, был первым допущен к кооперативной и коммерческой деятельности. А Кириенко решил делать карьеру именно в комсомоле, где сразу же проявились его организаторские, ораторские и другие таланты и просто человеческие качества. Очень быстро 24-летний мастер стал секретарем заводского комитета ВЛКСМ и известной в комсомольских кругах личностью.

Потом случилось то, чего нельзя было даже представить еще пятью годами ранее. Минуя сразу несколько ступенек (райком, горком), Кириенко был выдвинут в секретари обкома ВЛКСМ. И вот тут-то Сергею Владиленовичу пришлось сдавать первый политический экзамен. Удачное для него голосование несколько раз отменялось вышестоящим руководством, после чего конференцию несколько раз заставляли переголосовывать.

Однако стоявшая за Кириенко рядовая масса просидела в обкоме за полночь и все же добилась избрания его секретарем обкома по идеологии. Знавшие Кириенко по комсомольской работе люди говорили, что у него удивительно умные глаза и завораживающий взгляд. Собственно идеологии тогда уже не было, и обком занимался по большей части коммерцией, поэтому коллеги сразу же выдвинули талантливого практика, успешно проявившего себя в Акционерном молодежном концерне (концерн АМК), в председатели Комитета по делам молодежи. Кстати, к тому времени Кириенко успел еще и избраться депутатом областного Совета народных депутатов. Однако это снова встретило серьезный отпор, вновь разразилась политическая борьба. Ну а потом был распад Советского Союза и комсомола.

Уже в 1992 году Сергей Кириенко занялся созданием банка. Пенсионный фонд России был тогда «богатым» и даже имел излишки денежных средств. Отсюда возникла вполне логичная идея размещать пенсионные средства в собственном банке, в котором бы 60% уставного капитала принадлежали ПФР. Однако, пока выбивали лицензию, ситуация ухудшилась, наоборот, появилась проблема, как найти деньги на выплаты пенсионерам. И Кириенко сам попросил Немцова заняться данной проблемой. При этом Сергей Владиленович не был собственником банка, как некоторые путают, а являлся лишь наемным менеджером в нем. Поскольку Кириенко был выходцем из комсомола и членом КПСС, Немцов, ненавидевший все комсомольское и партийное, поначалу относился к нему с подозрением. Не свой человек, не то что Андрей Анатольевич! При этом у любившего покричать и крепко выругаться Немцова с подчеркнуто интеллигентным Кириенко были довольно своеобразные отношения. «Вы никогда не будете на меня орать?» – спрашивал Сергей Владиленович. «Нет, я никогда не буду на тебя орать», – отвечал ему Борис Ефимович. И действительно никогда не орал. Конечно же Кириенко был Немцову вовсе не другом, как Климентьев и Бревнов, а скорее честным и работоспособным исполнителем, на которого он мог опереться и кому мог поручить сложные, требующие усердия и настоящей работы задачи.

Есть мнение, что Кириенко не был знаком с Ельциным до назначения в правительство. Однако и это не совсем правда. По данным журналиста Виктора Деменева, знакомство произошло во время одного из визитов президента в Нижний Новгород. Будто бы на банкете Кириенко произнес тост, который очень понравился Ельцину, после чего тот заявил Немцову: «Его бы надо в Москву, на федеральную резервную систему поставить». А потом приказал своему помощнику Илюшину записать фамилию,

мол, он мне нравится. Указанную систему, впрочем, не создали, но вот Ельцин молодого банкира, скорее всего, запомнил.

Вымогатели добрались до самого Немцова

Тем временем страна жила как бы на два фронта. Внешним была Чечня и терроризм, а внутренним – продолжавшийся «криминальный беспредел». К этому времени в широкий обиход прочно вошли словечки, которые еще недавно были известны лишь узкому кругу лиц из блатной среды. Понятия «крыша», «пацаны», «стрелки», «лох», «отзаниматься», «кинуть», «получать», «беспредел» и т. п. знали практически все граждане, разбиравшиеся в современной действительности, от школьников до пенсионеров. А символами успеха стали малиновые пиджаки и шестисотые «мерседесы». «Все, что происходит сейчас в стране, воспринимается молодежью особенно остро, – писала Е. Селиванова, начальник отдела профориентации и психологической поддержки центра занятости населения. – Привычные представления о том, что хорошо, что плохо, неожиданно изменились, и то, что считалось на протяжении многих десятилетий хорошим, – честный труд, старательность, профессионализм, скромность, – подрастающее поколение воспринимает порой с иронией. Зато наглость „крутых“ парней, сделавших „быстрый бизнес“, ведущих шикарную жизнь, кажется идеалом. И не случайно, когда молодые люди приходят в центры занятости, на вопрос, что они хотят иметь в жизни, отвечают: машину, „бабки“, богатого любовника и т. п. Они хотят быть бизнесменами, телохранителями при них, не прочь заняться даже рэкетом, чем угодно, но только не производительным трудом. А почему? Ответ прост: потому что такой труд плохо оплачивается. И доказывать сегодня, что деньги не главное, согласитесь, довольно затруднительно». Отчасти гражданка была права, но в ее оценках тоже сквозили остатки советского еще воспитания. В СССР далеко не все считали, что честный труд и скромность – это хорошо. Просто об этом писали в газетах, книгах, показывали в художественных фильмах. Но и там хватало шабашников, спекулянтов, блатных и просто аферистов, которые и в 60-х и в 70-х годах были уверены, что «нужна машина и бабки». Ну и модная джинса…

Ну а потом строй, проповедовавший труд и скромность, рухнул. И те, кто честно получал пятерки в школе, честно работал, собирал металлолом для Родины, внезапно увидели, что вчерашние шабашники и спекулянты стали успешными «коммерсами», а вчерашняя шпана (по крайней мере, часть ее) – «крутыми парнями». А отличники, вчерашние комсомольцы, инженеры и кандидаты наук вынуждены были либо по полгода

ждать копеечную зарплату, либо идти в челноки и торгаши. И многим, естественно, показалось, что все, чему учили раньше, – чушь, единственный путь к успеху – идти в коммерсанты, рэкетиры или как минимум в аферисты. Ну или затесаться куда-то между ними. Только там будут бабки, девки и тачки, причем быстро. Сам помню, как в свободное от учебы время вместе с однокурсниками всерьез разрабатывали аферы, которые, как казалось, позволили бы в два счета обогатиться, купить шестисотый «мерседес» и полагающийся к нему малиновый пиджак. Что-то вроде арендовать в колхозе новый грузовик, перебить ему номера с аналогичной старой колымаги, потом новый продать, а старый вернуть владельцам. О деталях особо не задумывались, зато реально представляли, как вскоре подъедем к родному универу на мерине. Причем афера даже начала воплощаться, но оборвалась на первом же этапе. «Колхозник», которому и отводилась самая опасная роль – аренда грузовика, беспробудно пил и с похмелья даже не понял, чего от него хотят. Ну а потом началась сессия и стало «не до того»…

А вот другие современники одними мечтами не ограничивались! В 1996 году жертвами вымогателей стали лично президент АО «ГАЗ» Николай Пугин и губернатор Борис Немцов! Причем технология, использованная преступниками, была, можно сказать, уникальной и одновременно примитивной, в духе 90-х годов. И при этом отражала происходившие тогда события. В редакцию газеты «Автозаводец» была подброшена аудиокассета с пояснительной записью. В ней злоумышленники требовали от Пугина передать им 400 миллионов рублей и 39 тысяч долларов. Схема выглядела так: в одной из газет президент ГАЗа должен был опубликовать условную фразу с указанием номера контактного телефона или же сообщить о нем по ТВ. В случае отказа товарищи грозились взорвать несколько цехов автозавода! Любопытно, что первоначальные требования вымогателей Пугин выполнил, дабы «не создавать угрозы для жизни людей». Преступники поверили в удачу и даже удвоили сумму до 800 миллионов. После опубликования сообщения в газете начались периодические звонки в заводоуправление ГАЗа с различными условиями передачи денег. В итоге анонимный «террорист» был задержан сотрудниками ФСБ. Ранее по аналогичной схеме, с угрозами «взорвать город», пытались развести и Немцова.

Все помнят многочисленные барахолки, сейчас уже ставшие экзотикой. В то время большинство граждан шли за обновкой не в магазины, а именно на рынки. Там были целые улицы и города из палаток, в которых продавалось самое разнообразное барахло. Эти же рынки одновременно стали и рассадником криминала.

Особенно популярным видом преступлений было стырить пару шмоток под прикрытием примерки. Скажем, подходит к палатке приличная с виду пара: парень и девушка. Первый просит для примерки сразу несколько спортивных костюмов или джинсы в немалом количестве и начинает суетливо надевать и снимать их. А «сподвижница» в это время незаметно пихает некоторые вещи себе в сумку. «Эта технология – кража под видом примерки – характерный вид криминала, – сетовал старший оперуполномоченный по особо важным делам Александр Кочетков. – В частности, серьезно страдают от него вьетнамские торговцы. Но заявлений они, как правило, не пишут. Считают – невыгодно. Чем ходить давать показания, лучше поторговать – быстрее компенсируется». Иногда с целью отвлечь торгашей в проходах разыгрывали целые спектакли. Например, толкает «случайно» один парень другого, начинается громкое выяснение отношений, чуть ли не драка. Это отвлекает внимание продавцов, и они не замечают, как исчезает несколько кожаных курток! Жулики использовали и нехитрые приспособления, например длинные пинцеты и щипцы, которыми виртуозно утягивали с прилавков штаны и рубашки. Основной контингент «базарных» воров составляла молодежь, «занимавшаяся» (на жаргоне того времени «отзаниматься» означало украсть, провернуть «дело») группами по три-четыре человека. При этом в Нижний Новгород большинство из них приезжало на электричках из соседнего Дзержинска. Бывшая советская столица химии из-за развала промышленности превратилась в сплошной рассадник безработицы и преступности. «Дзержинск – надежный поставщик криминала в Нижний Новгород, – констатировал подполковник милиции Геннадий Уланов. – Приезжают целыми „бригадами“. И не только ради краж – с прилавка, карманных, из машины. Доходит дело и до „наперстков“ („Кручу, верчу, обмануть тебя хочу!“), и до грабежей…»

Попадались среди воров и вполне приличные вроде бы граждане. Так, некто Ц., 1975 года рождения, утащил на Центральном рынке модную в те годы джинсовую куртку и был задержан. Оказалось, гражданин живет в Дзержинске, а воровать ездил в Нижний. При этом родня и соседи отзывались о жулике как о примерном и вежливом человеке: мол, со всеми первый здоровается. По их версии, дзержинец просто хотел «подлататься» к своему дню рождения. И действительно, работу хорошую не найти, на тех, что есть, зарплату по полгода задерживают. Захотел приодеться – поехал и украл! В самом «Дусте», как называют Дзержинск, жизнь тоже была не сахар. Город заполонили банды молодых людей, ряженные в спортивные

костюмы марки «Адидас». И все граждане, от мала до велика, знали, что это вовсе не «спортсмены», от этих личностей лучше держаться подальше. «Несладко пришлось продавщице коммерческого киоска в Дзержинске в минувшую ночь, – рассказывала заметка „Буйная толпа „спортсменов“ в „Нижегородских новостях“. – В четвертом часу утра к ее „комку“ (так называли в то время киоски. – *Авт.)* подошла толпа юнцов в спортивных костюмах. Сначала требовали дать им вино и сигареты. Когда же получили отказ, то разбили витрину киоска и сами забрали винно-водочные изделия“».

В 1996 году, по данным милиции, уже 5% населения Нижегородской области «допускали немедицинское потребление наркотиков». Если в 1991 году на учете стояло 67 800 наркоманов, то в 1993-м уже 150 тысяч, а в 1996 году – 200 тысяч! Страшные цифры, особенно учитывая, что наркоту, понятное дело, принимали не пенсионеры и взрослые люди, а по большей части молодежь, подростки, юноши и молодые люди в расцвете сил. Без преувеличения можно сказать, что наркомания в то время просто заполонила страну и стала неотъемлемой частью повседневной жизни. Фраза «на Бор» в те годы вообще была нарицательной и в определенных кругах представляла собой своего рода кодовое слово, означая «за ширкой». Еще в 1994 году в город Бор, расположенный напротив Нижнего Новгорода за Волгой и связанный с ним огромным, но узким автомобильным мостом и длинной, извилистой дорогой, прибыл из Кривого Рога цыганский барон, который перевез туда целый табор из 220 человек. Скупив по дешевке частные дома у местных пенсионеров, инвалидов и алкоголиков, цыгане быстро наладили торговлю маковой соломкой (на жаргоне «ширка»). Сотни наркоманов по утрам отправлялись на автобусах, такси и даже теплоходах на Бор. Найдя нужный дом и купив зелье, некоторые употребляли его прямо на месте, а потом «кипели» и чесались, развалившись на сиденьях в транспорте, другие везли его про запас в Нижний. «На посту ГАИ „Рубеж“ (ныне „Мещерский“. – *Авт.)* в Канавинском районе сотрудники милиции задержали автомобиль, у пассажиров которого был обнаружен шприц с веществом, похожим на наркотик. Шприц изъят, возбуждено уголовное дело», – сообщала типичная хроника того времени.

«Куда смотрит милиция?» – возмущались граждане. «Дома укрепляются металлическими дверями и решетками, – рассказывал в ответ начальник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков УВД области Александр Преподобный. – Торговля идет так: наркоман подает в форточку деньги, получает шприцы или пузырек с раствором. Лицо сбытчика он не видит, и

это осложняет нашу работу. Еще одна трудность: контрольная закупка есть, все зафиксировано, а изъятий наркотиков больших не получается, так как, чтобы проникнуть в укрепленный дом, требуется несколько минут. За это время сбытчики успевают либо запрятать зелье, либо просто вылить». Бывали и более вопиющие случаи. Однажды во время штурма очередной цыганской усадьбы в Нижегородской области в сотрудников ОМОНа вообще выстрелили из гранатомета! Правда, стрелками наркоторговцы оказались неважными, снаряд только разрушил забор их же дома. Конечно же в ходу была не только маковая соломка, но и героин, кокаин и прочий «ассортимент». Любопытно, что цены на это «зелье» в Немцовской губернии намного превышали общемировые. Скажем, грамм героина в Европе тогда стоил 35–40 долларов, а в Нижегородской области, где уровень жизни был в разы ниже, 180 долларов. А кокаин соответственно 45 и 220 долларов. Летом 1996 года в наркоманской среде стали распространяться таблетки под названием экстези, которые вызывали у потребителей некие приятные галлюцинации. «Традиции» у наркоманов тоже были разные. Если ширкой кололись чуть ли не прямо на улице, в подворотнях и подъездах, то любители героина и кокаина, народ побогаче, предпочитали делать это в личных авто или дома. Но в любом случае и те и другие предпочитали «кипеть» где-нибудь в укромном месте, ловя кайф не на виду у людей. А вот любители экстези, напротив, «взбадривались» в основном на дискотеках и вечеринках. Так сказать, «для тонуса».

На упомянутый Бор ездили и студенты-наркоманы из педуниверситета, расположенного напротив кремля и в 200 метрах от резиденции губернатора. Еще осенью 1993 года, когда очередные выпускники школ сели за вузовские скамьи, чтобы стать историками, на факультете появились интересные личности, внешне ничем не напоминавшие будущих учителей, а скорее персонажей криминальных сводок и известного сериала «Бригада», которых прохожие на улицах старались обходить стороной. «А это что за чудище?..» – робко спросил один студент из интеллигентной семьи, увидев в аудитории главного героя этой кампании по кличке Ш., впоследствии ставшего обожаемым авторитетом среди местной братвы. К «храму науки» этот выходец из Молитовки, одного из традиционно криминальных районов, как и положено, подъезжал на тонированной «девятке». Правда, не на вишневой, как в песне группы «Комбинация», а белой. Был в этой шайке даже свой Горбатый, а также наркоман – сын известного артиста и еще несколько колоритных личностей. Работать в школе все эти товарищи конечно же не собирались

(хотя некоторым волей судьбы все же пришлось), просто учеба на не самом трудном истфаке была одним из простых способов закосить от армии. Члены «мафии» редко посещали занятия (сын артиста не посещал вовсе), к знаниям не рвались, а здание вуза воспринимали как своего рода малину. Посидеть, поболтать о светлом криминальном будущем, «покипеть» после очередной дозы. Кололись, конечно, в основном в темных закоулках этого исторического здания, в котором когда-то бывал отец В. И. Ленина, но иногда и прямо во время занятий на задней парте. В общем, блатная романтика! К этой «банде» примкнули и два сына коммерсантов, как бы представлявших в учебном заведении новых русских. Они, правда, наркотиков не употребляли, но вели себя вызывающе, целыми днями сидели на подоконниках, нагло приставали к девушкам и глумились над бедными студентами. Одним словом, «лихие девяностые» в миниатюре. Нашелся среди студентов, большинство из которых смиренно терпели выходки блатных, и свой борец за справедливость. Некий Боря, объявивший себя представителем трудового народа, начал развешивать по университету открытые письма, в которых бичевал по большей части этих самых «надменных» сыновей коммерсантов. «Мой долг разоблачать таких людей, как вы, которые не учатся, а лишь позорят наш университет, – говорилось в „письме № 4“. – И вам никуда не уйти от моего суда. Вы спросите, а по какому праву я берусь вас судить? А по такому, что я сын простого рабочего, познавший нужду и лишения, а вы трутни и родительские баловни, поедающие народные деньги… Ваши отцы учили вас только воровству, а меня честности и презрению к спекулянтам. Я горжусь своей бедностью, так как богатство развращает человека. И пусть я моюсь не шампунем, как вы, а дустовым мылом, зато я не создаю культ Золотого Тельца… Вам никогда не удастся задушить стремление рабочего человека к свободе. Трудящийся всегда будет нужен человечеству, государству и обществу». А вот как описывал Боря кафе, расположенное в Кладовой башне кремля, практически напротив резиденции Немцова: «Недавно мы с Л. Г. заходили в одно из „кафе“ и что мы там увидели: шлюхи, которые курят, т. н. „авторитетов“ в спортивных костюмах и без волос. Они „попросили“ нас выйти из, как они сказали, „ихнего“ кафе. Мы могли бы оказать отпор, но решили не связываться… Вы презираете людей труда, однако именно они создают для вас все блага и обеспечивают ваш быт. Без народа и толпы вы никто и не деньги не помогут и ничто». Вузовские «авторитеты» периодически «наказывали» Борю, тот отвечал им новыми письмами, а когда письма стали срывать с видных мест, он стал

клеить их на «периферии»: в туалетах и курилках…

Именно на борьбе с преступностью и упомянутыми «авторитетами» и построил свою предвыборную кампанию генерал Александр Лебедь. «Мафия смертна!» – таков был его главный лозунг. «Есть ли у нас кто-нибудь, кто чувствует себя спокойно? – спрашивал генерал, позиционировавший себя простым русским офицером, в своей программной статье „Государство в государстве“. – Может быть, эта система хороша для рабочих или банкиров? Может быть, хозяева магазинов, инженеры или фермеры чувствуют себя спокойно? Есть ли у нас хоть какой-нибудь слой людей, которых не убивают и не грабят безнаказанно? Нет. Спросите у оперов, у ребят, которые отслеживают бандитов, знают ли они адреса воров в законе, авторитетов, лидеров группировок? Знают. Знают и бандитские крыши, и адреса боевиков, и бандитскую недвижимость у нас в стране и за границей. Знают тех, кто отмывает деньги мафии, вкладывает их в компании в России и за рубежом. Знают сами компании и их счета в банках. Знают и аферы, которые прокручивает мафия. Почему же не очищают страну? Я скажу: на каждого вора в законе находятся несколько „друзей в законе“. Если судью не купят и не запугают снизу, находится человек наверху, который звонит и решает все вопросы… У нас десятки миллионов неимущих, получающих грошовые пенсии. Миллионы людей не получают зарплаты за свой труд. А у бандитов все в порядке. И „мерседесы“. И виллы под Москвой и за кордоном. И „подогрев“ в зоне. И отдых на Канарах после случайной отсидки». Лебедь в общем-то справедливо указывал, что в России к середине 90-х сформировалось как бы два государства. Одно официальное, которое собирало налоги, но при этом не выполняло свои прямые социальные и правовые функции. Второе – бандитское, которое тоже собирало «налоги» и при этом взяло на себя часть «правовых» функций государства официального. К любому человеку, начавшему собственный бизнес, рано или поздно подходили коротко стриженные мужики в малиновых пиджаках, ну или на худой конец «пацаны» в спортивных костюмах и спрашивали: «Кому платишь?» При этом Лебедь намекал, что данная система сложилась вовсе не при Ельцине, а еще при коммунистах. И тогда были теневики, воры и организованная преступность. И советская власть сажала только тех, кто не хотел делиться с властью или слишком зарывался. А потому, мол, возвращать к власти коммунистов тоже нет смысла.

«Я не скажу, что мы полностью уничтожим преступность, но мы разрушим бандитские крыши, очистим улицы, – обещал генерал. – Я хочу дать твердый Закон стражам порядка, чтобы они

очистили нашу страну от заразы… Ельцин разрушил прежнее государство. Я должен убрать мусор и начать строительство новой свободной России. Это мой долг перед моей Родиной. Никто другой не сможет его исполнить. Наши дети не будут играть в бандитов и путан». Впрочем, накануне выборов почти никто не рассматривал Лебедя, позиционировавшего себя как своего рода комиссар Катани – герой известного телесериала про сицилийскую мафию, в качестве серьезного кандидата в президенты. И его будущий успех стал такой же сенсацией, как и победа Жириновского в декабре 1993 года. Правда, сама мафия, которую Лебедь обещал уничтожить, восприняла его угрозы вполне всерьез. Автору самому приходилось слышать из уст соответствующих людей, мол, надо голосовать за Ельцина, а то мало ли чего от этого Лебедя можно ожидать, братве жизни не будет!

«Нового кандидата в президенты не виделось»

Спустя четыре года, прошедшие после распада СССР и краха социализма, большинство граждан испытывало глубокое разочарование. Оно и понятно: вместо обещанного процветания и богатства народ получил развал большинства предприятий, массовое обнищание, безудержную инфляцию, задержки пенсий, огромный рост преступности и т. д. Вчерашним успешным инженерам и преподавателям, чтобы прокормить семьи, приходилось переквалифицироваться в челноков и продавцов, а те, кто не хотел, вынуждены были месяцами ждать постоянно задерживавшуюся копеечную зарплату. Даже общественный транспорт (в особенности маршрутки) многим стал не по карману! А по-настоящему благами новой реальности смогли воспользоваться только коммерсанты и жулики. «Из квартала в квартал растет плата за коммунальные услуги, услуги связи, бытовые услуги, проезд, лекарства, и все это на фоне неуклонного роста цен на продукты питания, в том числе на самые необходимые, – писал в газету пенсионер А. Мювтин из захолустного города Ветлуги. – Пополнить свой бюджет мы не можем из-за безработицы, а заниматься торговлей или платными услугами не позволяет прошлое воспитание». Понятно, что во многих бедах народ обвинял тогдашнего президента, который «всё развалил» и «не выполнил обещания», а предстоящие выборы давали хоть какую-то надежду на перемены к лучшему. «С приближением выборов 1996 года возрастало социальное напряжение, – писал в своем дневнике автор. – Нового кандидата в президенты не виделось, действующий президент имел очень низкий рейтинг, а реальным кандидатом от оппозиционных сил постепенно стал Г. Зюганов».

Социологические опросы показывали, что 30% населения выражали полное согласие с высказыванием «При коммунистах все было лучше, я хотел бы, чтобы все стало по-старому», а еще 33% частично соглашались с этим. В победу же действующего президента, имевшего рейтинг 8–9%, в начале 1996 года не верило даже большинство его сторонников. Масла в огонь добавляли провалы в ходе Чеченской войны, коррупционные скандалы и разговоры о беспробудном пьянстве Ельцина. Помню характерную сцену из того времени: в переполненном автобусе вполне приличная пенсионерка открывает бутылку вина и хлебает прямо из горла, после чего, поглядев на удивленных

пассажиров, говорит: «Президент пьет, а нам сам Бог велел!» Что касается самого Ельцина, то в 1996 году это уже был не тот Ельцин, которого все знали в 1991-м. Из демократа и либерала, пришедшего к власти под лозунгами свободы и демократии, он превратился в авторитарного правителя, показавшего, что при случае он готов применить силу и войска даже в Москве. «Если в 1991 году кресло президента было завоевано Ельциным с помощью „демократических идей“ и „демократов“, которым он, как порядочный человек, старался быть верным, то в 1993 году кресло президента было завоевано Ельцину радениями силовиков и аппарата, – отмечал политолог А. Дахин в феврале 1996 года. – С этого времени последние становятся президенту ближе, что проявляется в политике по отношению к Чечне. Окружение президента стало формироваться уже преимущественно не по идейному, а по принципу личной преданности». Автор полагал, что Ельцин в итоге вернулся в своей работе к административным и «парткомовским» методам, на которых и был воспитан когда-то. Возможность переизбрания он так же ставил под сомнение: «Сможет ли наш президент, который почти не покидает Московской области, обеспечить себе достоверное представление о ситуации в стране? Кажется, что вряд ли, потому что для этого ему пришлось бы отказаться от своего обыкновения „мыслить просто и действовать привычно“. Короче, отказаться от самого себя, отказать своим друзьям-соратникам (Коржаков, Тарпищев и др.), когда жизнь и карьера уже вполне сложились, не по силам человеку в возрасте и со здоровьем Б. Ельцина». Некоторые всерьез предлагали сторонникам «демократии» сделать ставку не на действующего президента, а на Григория Явлинского или Виктора Черномырдина. Мол, эти кандидатуры не запятнаны так, как Ельцин, не ассоциируются с «шоковой терапией» 1992 года и развалом страны, а также войной. Поэтому если во второй тур выйдет кто-то из них, то будет хоть какой-то шанс одолеть Зюганова.

Схожую точку зрения имел тогда и Немцов. В первые месяцы 1996 года он был уверен в грядущей победе Зюганова и публично заявлял об этом. Мол, президент не понимает, что происходит в стране, не понимает, как закончить войну в Чечне, и не осознает всего масштаба разочарований и протестных настроений в народе. И вплоть до весны так оно и было. В переизбрание Ельцина верили только оптимисты, большинство же его еще оставшихся сторонников считали, что выборы необходимо или перенести сначала, или каким-то образом устранить со сцены Зюганова и К°. Однако пессимисты недооценивали, а то и вовсе не учитывали еще один возможный козырь, который мог сыграть

решающую роль в избирательной кампании. Это контроль над СМИ. Народ, привыкший еще с советских времен, что по телевизору показывают только правду, ну или полуправду, по большей части верил «картинке» почти безоговорочно. Хотя бы на бессознательном уровне. Тот факт, что двумя крупнейшими телеканалами – ОРТ (он же «первый») и НТВ владели олигархи Борис Березовский и Владимир Гусинский, хоть и не был ни для кого секретом, все же не подрывал авторитет телевидения как такового. Люди просто не верили и даже не догадывались, что всем известный журналист может выполнять совершенно определенный заказ или вовсе врать. Как показали последующие события, контроль над СМИ стал не просто тузом предвыборной «партии», но и тузом козырным.

23 февраля Ельцин выступил с посланием к Федеральному собранию, которое фактически стало его первой предвыборной речью. Если до этой даты кто-то и сомневался в том, что президент лично пойдет на выборы, а не будет выдвигать своего преемника, то теперь все сомнения рассеялись. Свое выступление Борис Николаевич построил на сравнении, что удалось сделать за четыре года и что не удалось. С намеком, что он сам и будет это продолжать. Надо сказать, что особых достижений (по крайней мере, для большей части общества) наскрести было трудно, поэтому президент сосредоточился, так сказать, на «общих моментах». Мол, предотвращен распад России и надвигавшийся хаос, заложены конституционные основы государства, снят запрет с Библии и Корана, восстановлены права незаконно репрессированных советской властью, «усугубилась» интеграция СНГ, вступили в Совет Европы. Президент даже записал себе в достижения, что «впервые в XX веке у страны нет реальной военной угрозы». «Минусов» оказалось куда больше. Ельцин признал практически всё. И кризис неплатежей, и социальную напряженность, и провал реформы сельского хозяйства, и коррупцию, и преступность, и развал армии, и «падение нравов» и т. д. Одним словом, сделано мало, а обещания 1991 года, данные самим Борисом Николаевичем, в основном не выполнены. И все же, кроме него, выполнить их все равно некому… У противников Ельцина все это даже вызвало эмоциональный подъем. Мол, хорошо, что он сам решил баллотироваться! Его-то народ точно не выберет, а вот «двинул» бы Немцова или Черномырдина, была бы настоящая битва.

Однако ближе к лету ситуация стала резко и неожиданно для многих меняться. Директор Фонда «Общественное мнение» Александр Ослон, работавший в штабе Ельцина, писал, что в марте 1996 года было три возможных линии поведения: отдать

подготовку к выборам штабу, сформированному политиками и чиновниками (что, по мнению Ослона, снова привело бы к поражению, как и в случае с движением «Наш дом – Россия» на выборах в Госдуму); последовать совету группы ряда приближенных и отменить выборы, объявив чрезвычайное положение; откликнуться на предложение группы крупных олигархов и передать проведение кампании специалистам-политтехнологам (как это делается на Западе, в частности в США). Ельцин выбрал третий вариант и придерживался его до конца, несмотря на крайнее обострение ситуации между первым и вторым турами. Была создана получившая широкие полномочия аналитическая группа, которую возглавил Анатолий Чубайс. Ставку она сделала на всяческое «разоблачение» и откровенное очернение Зюганова, которому приписывали скорое начало массовых арестов, расстрелов и даже сравнивали с Гитлером. Россиян запугивали возможным голодом и началом гражданской войны. Вторым ключевым моментом стало развенчание сложившегося в народе образа Ельцина как больного и спившегося старика. Президент лично вел сверхактивную предвыборную кампанию, включая многочисленные поездки по стране и участие в массовых и прочих общественных мероприятиях, несмотря на неважное состояние здоровья.

А соперникам президента, не имевших в своем распоряжении медиахолдингов, оставалось только строчить статьи в газетах, расклеивать плакаты и писать надписи на заборах… «Следы предвыборной кампании видны повсюду в городе – это десятки рекламных щитов с фотографиями Ельцина, Лебедя, Явлинского, множество плакатов на стенах, заборах, столбах, – писал автор в своем дневнике. – Все заборы на Сормовском шоссе – ул. Коминтерна исписаны надписью „Жириновский президент“». В результате уже в мае рейтинг действующего президента стал быстро расти, и даже его ярым противникам второй срок Ельцина перестал казаться какой-то фантастикой. «Неужели опять Ельцин?!» – озлобленно говорили одни. «Да, будет Ельцин!» – радостно потирали руки в ответ другие.

8 июня, то есть буквально за несколько дней до выборов, в Москве произошло интересное событие. В большой гостиной резиденции президента России два Бориса – Ельцин и Немцов подписали договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Нижегородской области. От правительства на церемонии присутствовали премьер-министр Виктор Черномырдин, от Госдумы – заместитель председателя Алексей Шохин, от администрации

президента – Н. Егоров, от Совета Федерации – В. Платонов, от Нижегородской области – представитель президента Евгений Крестьянинов, мэр Нижнего Новгорода Иван Скляров, председатель гордумы Иван Карнилин, президент ОАО «ГАЗ» Николай Пугин. В общем, атмосфера и обстановка были такие, будто подписывается некое соглашение между двумя государствами. Хотя в действительности федеральный центр заключал договор с субъектом Федерации. Собственно это событие являлось логическим продолжением идеи Немцова создать в России подобие американской модели федеративного устройства. В США каждый штат имеет свое отличное от других законодательство, свою автономную полицию (как такового министерства внутренних дел там нет вовсе), свой уголовный кодекс, свою налоговую систему и т. д. Во время церемонии президент сказал короткую речь, в которой отметил, что подписание этого документа – еще один важный шаг на пути развития подлинно федеративных отношений. Потом выступил и радостный Немцов. А повод для радости был! Во-первых, первый такого рода договор был подписан именно с Нижегородской областью, во-вторых, идеи Немцова получали все более широкое воплощение в жизнь.

Впоследствии в результате развития этого проекта некоторые регионы страны и вовсе получили свою отдельную конституцию, а кое-где даже официально ввели многоженство. Кроме того, указанные договоры, заключавшиеся под лозунгом «Что на пользу регионам, то на пользу России», как тогда казалось, являлись некой подстраховкой на случай победы на выборах кандидата от оппозиции. Вдруг выберут Лебедя или Зюганова? А тут независимые, всенародно избранные губернаторы сидят на местах, да еще и договоры заключены о четком разделении предметов совместного ведения!

«Водный поход» на Москву

Во время предвыборной кампании, в которую входил и большой тур по городам и весям, в Нижний Новгород Ельцин так и не приехал. Полностью положившись в этом важнейшем регионе на своего «сына» и ставленника Бориса Немцова. И не прогадал! Деятельный губернатор, вовремя осознавший, что политический маятник качнулся в сторону «демократии», организовал десятки всевозможных митингов и прочих мероприятий, направленных на поддержку президента. Именно он был одним из вдохновителей так называемого «водного похода» в поддержку Бориса Ельцина, из Нижнего Новгорода в Москву, проходившего в начале июня. Сотни делегатов из разных областей Поволжья, в том числе представители духовенства, интеллигенции, ветераны войны, бизнесмены и т. д., прокатились на трех теплоходах (с символичными названиями «Козьма Минин», «Дмитрий Пожарский» и «Нижний Новгород») по российским городам. Посетили Городец, Кинешму, Кострому, Ярославль, Углич и др., повсюду агитируя голосовать за Ельцина. При этом возглавили «ополчение», явно мысленно отсылавшее к 1612 году, когда, как считается, «Нижний спас Москву», президент и вице-президент концерна «ЭкОйл» – Надир Хафизов и Георгий Молокин, а также вице-мэр Нижнего Новгорода Борис Духан.

Разделившись на группы, почти 500 человек с каждого причала отправлялись по близлежащим предприятиям, поселкам, колхозам и малым городам. Целый день во время стоянки «ополченцы» встречались с народом, проводили беседы, дискуссии, а также собирали наказы и требования к президенту. Отнюдь не везде местные жители встречали участников акции дружелюбно. Например, в Кимрах теплоходы встречала небольшая группа митингующих, которые держали в руках портреты Зюганова и антиправительственные лозунги. «Я рядовой учитель и не собираюсь голосовать за Ельцина, – заявила на причале некая Нелли Шишаева, местная учительница. – Когда дети на уроках говорят, что им нравится сегодняшняя власть, потому что они могут зарабатывать не только трудом, но и другими способами, – мне стыдно. Сейчас Кимры живут очень плохо, предприятия все закрыты. И если у нас трикотажная фабрика продана и не приносит заметного дохода рабочим, люди живут впроголодь, никто не внушит мне, что экономика стабилизируется. Буду голосовать за прежнюю жизнь, в которой видела справедливость и будущее». Многие тогда всерьез верили,

что Зюганов вернет им «прежнюю жизнь»! И снова задымят заводские трубы, зажгутся мартены, восстановятся регулируемые цены… Словом, опять настанет социализм.

А вот с Рыбинского авиамоторного завода «ополченцев» и вовсе прогнали и чуть не закидали яйцами. Город и Ярославская область тогда входили в так называемый «красный пояс» – регионы, где большинство граждан поддерживали КПРФ и Зюганова. В Угличе же, напротив, участников водного похода лично встретила мэр города Элеонора Шереметьева. Она поведала, что, несмотря на трудную жизнь, 23% горожан поддерживают Ельцина, 19% Зюганова, а 9 с небольшим – Явлинского. Рейтинг Жириновского в Угличе был невысок. «Мы живем здесь как все Поволжье, – рассказала Шереметьева. – Заводы в бедственном состоянии, работают по сокращенному графику, нет зарплаты, задержки пенсии. И все же возврат к прошлому – не выход из положения. Нужно продолжать реформы и идти вперед, вытаскивать страну из той ямы, в которую она угодила. И не впадать в панику». РПЦ в походе представлял отец Кирилл. Его роль состояла в том, чтобы убеждать народ в антицерковной политике Зюганова и КПРФ. Мол, вернутся они, снова начнут жечь храмы и преследовать священников. «Сегодня озлобление, гнев в ходе предвыборной кампании направлены не только против своего народа, но и против Русской православной церкви, – говорил батюшка. – Все более и более убеждаюсь, что выкрики: „Вас на Соловки, вас не добили“, исходящие от сторонников господина Зюганова, – это возвращение к старому, гонение на веру. Возлюбленные мои! Подумайте о нашей России. Подумайте о поруганных храмах, которые мы встречаем везде и постоянно. Неужели они вам не напоминают те страшные моменты жизни, когда отбирали, когда разоряли, когда изгоняли? Подумайте о своих пастырях, которые жили в изгнании». Вот в таком духе и проходил весь поход.

Закончился он в Москве. Сначала была помпезная встреча на Северном речном вокзале с песнями, салютами и очередным митингом. Затем колонна из 50 «икарусов» с зажженными фарами по Ленинградскому шоссе двинулась к зданию московской мэрии. Там, у памятника Юрию Долгорукому, состоялся второй митинг. Правда, сам градоначальник Юрий Лужков к собравшимся так и не вышел. В то время у него уже были прохладные отношения с президентом, а во время выборов Лужков отказался поддерживать ту или иную сторону, заняв нейтралитет. Правда, и акциям в поддержку Ельцина тоже не препятствовал. От мэрии колонна пешком по Тверской улице отправилась уже на Красную площадь – конечную точку похода. А там певица Маша Распутина уже пела

свои знаменитые хиты «Живи, страна» и «Играй, музыкант». «Ополченцы», как и было задумано, как бы влились в этот концерт, плавно превратившийся в митинг в поддержку Ельцина. Всего на Красной площади тогда собралось 100 тысяч человек! Под овации народа Надир Хафизов передал ларец с наказами заместителю председателя правительства Олегу Сосковцу, после чего тот также выступил перед собравшимися с речью, призвав всех быть верными реформам Ельцина. «Нижний – Москвы брат ближний», – со слезами на глазах сказал в заключение Сосковец, после чего передал микрофон Надежде Бабкиной. Правда, сам президент, вопреки ожиданиям, к «ополченцам» и народу не вышел…

Правда, поход все же закончился не совсем удачно. На обратном пути оба теплохода застряли на подходах к Городецким шлюзам. Оказалось, что Волга обмелела, а про внеплановый сброс воды из водохранилища, сделанный по пути в Москву, Немцов договориться забыл. В общем, пассажиры воочию ощутили на себе последствия работы Чебоксарского водохранилища на непроектной отметке, за которую не так давно боролся Борис Ефимович. При этом администрация соседнего Городца в помощи отказала, так как она в походе не участвовала. Местный мэр Виктор Труфанов поддерживал Зюганова. В общем, дальше все добирались кто как мог… В целом же акция удалась. Организаторы ельцинской предвыборной кампании вообще вовремя поняли, что агитировать надо не на митингах с суровыми лицами, как это было принято в СССР, а на праздниках, шествиях и различных действах с массовым скоплением веселого (а порой и подвыпившего) народа. В такой обстановке трудящихся легче зарядить нужным настроением. Апофеозом кампании в Нижнем Новгороде стало грандиозное празднование Дня России 12 июня (за четыре дня до выборов). В городе было организовано свыше 200 праздничных мероприятий, главные из которых прошли на площади Минина и Пожарского. В 18:00 на сцену вышли Немцов, полпред президента Евгений Крестьянинов, мэр Иван Скляров и режиссер Никита Михалков. Они поздравили граждан с «великим праздником», после чего намекнули, что вскоре всем предстоит сделать важный и желательно «правильный» выбор. Действо завершилось выступлением популярного тогда певца Андрея Губина и грандиозным салютом.

А вот Зюганов в Нижний заезжал. Тогда он запомнился не только своими речами и митингами, но и тем, что сначала возложил цветы к памятнику Ленину, потом помолился в Дивеевском монастыре, а под конец возложил цветы к дому, где жил академик Сахаров. Этим и воспользовался Немцов,

обвинивший лидера КПРФ в двусмысленной позиции, притворстве и непоследовательности. Мол, смотрите, какой перед вами «коммунист»! При этом нижегородские СМИ, большая часть которых была подконтрольна губернатору, внушали избирателям неизбежность победы Ельцина. «Свои голоса готовы отдать Б. Ельцину 40,5 процента, Г. Зюганову – 12,9 процента. Остальные претенденты получат поддержку лишь 12 процентов избирателей», – сообщала статья «Ельцин победит в первом туре» в газете «Нижегородские новости». Треть избирателей, по данным «опросов», еще не определилась, но большая часть непременно должна была проголосовать за действующего президента.

«Коммунисты не прошли – это главный итог»

16 июня, прямо в день выборов (а не накануне, как это сейчас принято), мэр Нижнего Новгорода Иван Скляров и председатель гордумы Иван Карнилин совершили целое турне по Нижнему Новгороду, торжественно принимая новые построенные объекты. Сначала были дороги, позже состоялись сдача двух жилых домов для жильцов ветхого фонда в Верхних Печерах и пуск новой станции очистки воды. Вроде и не агитация, но по всему видно, что при демократах жизнь становится лучше! Штаб Ельцина призывал россиян «голосовать сердцем», как бы намекая, что руководствоваться разумом в данном случае не стоит, что важна не столько сама кандидатура, сколько судьба «демократии». Сейчас, спустя 20 с лишним лет, ясно: возвращение к советскому прошлому тогда в любом случае было невозможным, происходившие в стране процессы являлись необратимыми. Просто речь шла о разных путях развития и смене элит. Но в тот момент многие действительно верили, что делают выбор между «демократией» и «коммунизмом». Этому способствовала сама агитация «народно-патриотических сил», построенная исключительно на ностальгии по СССР. «В 23:00 в СМИ прошла первая информация по Дальнему Востоку: Ельцин – 40%, Зюганов – 25%. Первый вздох облегчения, – писал автор в дневнике. – Результаты оптимистические. Главная борьба идет между Ельциным и Зюгановым, и Ельцин впереди. Повсюду он набирает на 5-10% больше своего противника. Лишь кое-где происходит наоборот… Это были минуты радости. Коммунисты не прошли – это главный итог. Пусть будет 2-й тур, но главное – они не прошли. Лишь в 3:20 легли спать в эту решающую ночь. Небо уже озарилось ранним июньским рассветом – рассветом раннего утра после выборов».

Кстати, по сей день многие почему-то уверены, что результаты Ельцина были липовыми и являлись следствием подтасовки. Будто бы никто за него не голосовал, «большинство было за Зюганова». Хотя никаких документальных подтверждений массовых вбросов и подтасовок предоставлено не было. Но вот лично я, вся моя семья в едином порыве голосовала именно за Ельцина, голосовало за него большинство друзей и знакомых. Даже те, кто его критиковал и высмеивал. И ни у кого не вызывало сомнений, что именно наши голоса решают исход борьбы, а отнюдь не административный ресурс.

Немцов тоже праздновал победу. 19 июня он дал в Москве (!) пресс-конференцию, на которой объявил о «феноменальной победе Ельцина» и фактически высмеял Зюганова: «Что касается Зюганова, то мне кажется, у него абсолютный провал, который выражается не в количестве голосов, а в самой выборной кампании, провал, связанный с некоторой двусмысленностью его положения и абсолютно невразумительной позицией». Однако «феномен» неожиданно случился благодаря другому кандидату – Александру Лебедю! Генерал, которому данные опросов, в частности в Нижегородской области, прочили максимум 6-10% голосов, неожиданно для всех занял третье место, оттянув у Зюганова часть протестного электората. Через несколько дней Ельцин объявил о назначении Александра Лебедя секретарем Совета безопасности с особыми полномочиями, после чего тот появился рядом с президентом перед телекамерами.

Что касается Немцовской губернии, то итоги выборов там с точностью до одного процента совпали с общероссийскими. Однако оказались вовсе не такими, как предполагал сам Немцов! Особенно его шокировали результаты по некоторым сельским районам области, в которых большинство избирателей отдали голоса Зюганову. И это несмотря на его, Бориса Ефимовича, неустанные поездки по городам и весям и прямые призывы по телевидению голосовать за действующего президента. Причем ряд явно прозюгановских районов, в основном расположенных на юго-востоке области, на выборах губернатора голосовали и против Немцова. Настоящий «красный» юго-восток получился, как бы охватывавший Нижний Новгород протестным полумесяцем. Правда, сам губернатор объяснил этот «феномен» просто: «Избиратели, живущие на юго-востоке области, устойчиво голосуют за возврат к старому, ностальгия по прошлому здесь очень и очень велика». Почему же на юго-востоке Немцовской губернии ностальгия проявлялась больше, чем, скажем, на северо-востоке, Немцов объяснить не смог. Может быть, потому, что там слабо развитая дорожная сеть и глава региона попросту редко туда заезжал?

А вот высокий результат Лебедя и вызванное этим назначение его на высокий пост, похоже, вызвали у Бориса Ефимовича настоящий шок, который он даже не смог как следует скрыть. Как так-то, обычный военный, который одним своим видом должен отпугивать прогрессивный народ, вдруг занимает третье место?! А вдруг теперь произойдет кардинальная смена политического курса? Или вдруг Ельцин Лебедя своим преемником сделает? Ведь чуть ли не сразу после своего назначения секретарем Совбеза он самого министра обороны

Павла Грачева скинул. А ведь это была та еще фигура. Именно благодаря Грачеву был ликвидирован путч октября 1993 года. Если уж Борис Николаевич «Пашу Мерседеса слил», то чего еще от него можно ждать?! Так или иначе, Немцов явно перепугался и сделал нелепую и не очень правдоподобную попытку записать генерала в «демократы» и на всякий случай объявить себя его сторонником. «Суммарно за Ельцина, Лебедя и Явлинского, то есть кандидатов демократического крыла, проголосовали избиратели 22 районов области, – заявил он на пресс-конференции. – С другой стороны, преимущество Зюганова вкупе с Жириновским (электорат последнего, скорее всего, перейдет на сторону Зюганова) отмечено в 26 районах области. Однако в первой группе районов живет 76% населения, то есть три четверти, и более 50% из них проголосовали за Ельцина, Лебедя или Явлинского, тогда как на долю второй группы приходится лишь одна четверть жителей региона». В общем, Немцов не только на скорую руку объявил генерала демократом, но даже поставил его в списке перед Явлинским! Кроме того, он заявил журналистам, что, дескать, впервые в Кремле со времени работы там Ельцина на должность «такого ранга» назначен действующий политик, который «своим горбом», а не лизоблюдством доказал свою значимость. «Его можно назначить, но практически нельзя будет снять, поскольку за спиной Лебедя 15% электората», – говорил Немцов. Кто именно в той ситуации были «лизоблюдами» и где именно Лебедь «заработал» горб, тоже осталось невыясненным. Одним словом, Борис Ефимович в той ситуации явно был не в своей тарелке и, так сказать, путался в показаниях. Что для него было, мягко говоря, несвойственно. Видимо, он сам толком не понимал, что происходит.

Среди прочего Немцов выразил надежду, что переход Лебедя на сторону Ельцина должен непременно оттянуть к последнему значительное число оппозиционного электората. Так оно и вышло. Спонтанное создание нового тандема фактически решило исход второго тура.

Глава 12
«Просвещенный авторитаризм» Немцова

«Карманный» губернатор

Осенью 1996 года политическая жизнь в стране сильно изменилась. Граждане поняли, что Ельцин – это снова надолго, а до ближайших выборов в Госдуму оставалось еще три года. После подписания Хасавюртовских соглашений война в Чечне тоже вроде как закончилась. Таким образом, интерес к политике в России стал быстро спадать, наступала эпоха своеобразного ельцинского застоя. Ну или стабильности, тут уж как кому нравится. Политическая борьба теперь снизошла до уровня региональных и городских выборов. Этот факт отразился и на бурной деятельности губернатора Немцова. Он практически прекратил критику президента и федеральных властей. Причем случилось это настолько заметно, что в СМИ Бориса Ефимовича даже стали называть «карманным губернатором Кремля». Если раньше по каждому вопросу и событию в жизни страны Немцов имел свою собственную и оригинальную точку зрения, то теперь он все чаще стал просто повторять официальную точку зрения Кремля. В частности, когда 17 октября был отправлен в отставку секретарь Совета безопасности Александр Лебедь, которого еще недавно, по словам того же Немцова, «нельзя было снять», он лишь прокомментировал, что «мужика по-человечески жалко», но в остальном повторил то же, что сказал перед этим Ельцин. «Политику импровизационного стиля, Б. Немцову, по-видимому, уже выслан из Кремля губернаторский мундир нового покроя, сильно стесняющий свободу действий в определенных направлениях», – писали «Нижегородские новости» в начале ноября.

Немцовскую губернию тем временем сотрясали массовые забастовки. «700 учителей Кулебакского района, объявивших 18 ноября о бессрочной забастовке, к работе пока не приступили, – писали „Нижегородские новости“. – И хотя 20 ноября преподаватели двадцати общеобразовательных школ района получили зарплату (сельские – за сентябрь, городские – за вторую половину августа и аванс за сентябрь), вопрос – продолжать забастовку или отменить – окончательно не решен. Директор областного Департамента образования Н. Бармин на встрече в Кулебаках выслушал претензии и новые требования бастующих. А говорили ему следующее. Выплата денег учителям производится только после очередных акций протеста или сообщений о будущих голодовках, это во-первых. На дворе – конец осени, но даже об октябрьской зарплате речь ни на каком уровне сегодня не ведется, это во-вторых». Ко всему прочему, глава администрации

района Козлов, получив миллиард на зарплаты учителям, распорядился им по своему усмотрению. То есть равномерно поделил деньги между всеми бюджетниками. Аналогичная ситуация была и в других районах области. Так, в Дзержинске преподаватели техникумов, училищ и лицеев в течение осени провели целую серию стачек, голодовок, забастовок и митингов. Вследствие чего учебный процесс в городе химиков был практически сорван. В профессиональном училище № 49, готовившем будущих трактористов, сварщиков и аппаратчиков химических производств, из 40 преподавателей и мастеров работали лишь пятеро, в основном пенсионеры. Остальные требовали положенную зарплату, а также выплату на методлитературу, которую в Дзержинске не давали с начала 1995 года. Учащиеся училища, в свою очередь, не получали положенных пособий на питание. В заведение лично приезжал заместитель областного Департамента образования Владимир Лазарев, пытавшийся задобрить педагогов очередными обещаниями, но его просто освистали.

В этих условиях Немцов решил возродить далеко не новую идею, успешно применявшуюся еще при царе Александре III, а затем при советской власти. А именно наполнить бюджет так называемыми «водочными деньгами». Схема оказалось незамысловатой – обязать всех торговцев спиртным покупать за деньги лицензию на продажу водки и заставить их реализовывать только «официальную» продукцию. При этом тех, кто нарушал правила, лицензии лишали, а всю конфискованную продукцию продавали уже по государственным контрактам. Кроме того, областная администрация начала выпуск собственных акцизных марок, которые надо было клеить как на бутылки, произведенные внутри региона, так и на ввозимую продукцию. Попутно в СМИ началась массированная кампания о вреде паленой водки. За счет этих мер уже в ноябре поступление акцизных доходов выросло на 40% по сравнению с сентябрем, при этом было отозвано 97 лицензий и конфисковано 37 тысяч бутылок водки, которые потом тоже продали. Однако «водочные деньги» все же не могли компенсировать потери от неплатежей крупных предприятий. К концу года в список злостных неплательщиков попали «Нижновэнерго» и «Волготрансгаз», конторы не бедные, которые вместо реальных денег предпочитали расплачиваться исключительно «взаимозачетами».

Такая форма «оплаты» в те годы тоже была в моде. Скажем, должен некий завод в бюджет 3 миллиарда рублей. А заводу, в свою очередь, задолжал какой-нибудь арендатор – продуктовый магазин. А администрация должна зарплату учителям. И

разрабатывалась такая схема: магазин вместо денег отдает заводу 20 ящиков с продуктами примерно на сумму долга, а завод отдает эти продукты администрации в счет долга по налогам. А администрация перенаправляет это продовольствие голодающим учителям, как бы «закрывая» собственные обязательства. И никаких денег вроде как не надо! Один такой типовой случай описывали «Нижегородские новости»: «Во вторник 3 декабря учителя 22 семеновских школ провели часовую предупредительную забастовку… Предупредительная забастовка подтвердила намерение учителей начать бессрочную забастовку с 25 декабря. А это значит, что перестанут ходить в школы более 7400 учащихся района. Правда, после первых решительных действий учительских коллективов местный бюджет нашел возможность уменьшить сумму долга по зарплате: она составляет теперь 3,67 млрд рублей. Выплачен, но только городским учителям и только частично аванс за сентябрь. Вчера прибыла в Семенов и первая машина с продуктами. Ими собираются компенсировать учителям невыплаченные детские пособия, а поставляет продукты авторемонтный завод, должник бюджета». А вот в Городце глава местной администрации Виктор Труфанов договорился, чтобы учителя могли «расплатиться» своей задолженностью по зарплате за квартиру, свет, газ и посещение детского сада их детишками! Кроме того, педагогов прикрепили к местным магазинам-должникам, где они могли по специальным карточкам бесплатно получить продукты в счет зарплаты. Ну а тем, кто был не согласен на такой «бартер», предложили ждать лучших времен. Это решение раскололо учителей на «согласных» и «несогласных», но так или иначе позволило избежать планировавшейся забастовки.

Бедственное положение населения, впрочем, не помешало администрации Немцова продолжать нещадно повышать цены на коммунальные и другие услуги. Одним из предвыборных обещаний Бориса Ефимовича было «брать больше денег с богатых». Правда, как именно это сделать в отдельно взятом регионе, осталось невыясненным. Сразу после избрания губернатор сделал сенсационное заявление, что жители «фешенебельных» домов в центре города вскоре будут платить за коммунальные услуги все 100%, в то время как прочие по-прежнему будут вносить 15–20%. Собственно, это была одна из идей фикс Немцова – ввести некую дифференцированную квартплату. А также заставить людей платить за «излишки» жилплощади. Правда, при этом было непонятно, как определять, какой дом «фешенебельный», а какой нет? Ведь даже самый центр Нижнего Новгорода состоял как из панельных девятиэтажек и

хрущевок, так и из массы памятников архитектуры и просто анахронизмов архитектуры. Местами можно было даже найти настоящие деревни с коровами и поющими петухами по утрам. Были, конечно, и «элитные» дома сталинской и брежневской эпох, в которых жили в основном блатные: родственники партноменклатуры, бывшие советские чиновники, профессора, врачи и т. п. Но проживало в них и много вполне обычных людей. Так что же теперь, только за то, что живешь недалеко от кремля, а не в спальном микрорайоне, надо в четыре раза больше за квартиру платить? В общем, идея с самого начала вызывала недоумение и удивление и так и не была доведена до конца. В чем был ее смысл – непонятно. Возможно, мотив проистекал из «трудной» юности Немцова, когда ему приходилось жить в двухкомнатной хрущевке с матерью и семьей своей сестры. В тесноте, да не в обиде. Да и район, в котором жил будущий губернатор (окраины улицы Бекетова), был не самым благополучным и престижным. Простая зависть?

В общем, дифференцированную квартплату так и не ввели, но за 1996 год тарифы ЖКХ выросли в области в 2,4 раза, на транспорт, детские сады – на 50–80%. На 36% подорожало пользование телефоном. В марте Немцов повысил проезд в автобусах на 24%, а в ноябре еще на 31%. В результате к концу года Нижний Новгород вышел в лидеры по стране по ценам на транспорт, техническое обслуживание жилья и абонентской плате за домашний телефон. И это притом, что сам этот транспорт ходил все хуже и граждане, замерзавшие на остановках, вынуждены были все чаще пользоваться маршрутными такси, проезд в которых был вдвое дороже, чем в обычных автобусах и троллейбусах. Столица реформ, как-никак!

«Не могу стать царем всея Руси»

В это время Немцова потянуло на написание книг. В 1996 году вышло его первое произведение под названием «Провинциал». Правда, если говорить по правде, никаких «книг» Немцов не писал. Если, конечно, не понимать под «книгой» любое сочленение стопки бумаги, облеченное в обложку. Сочинения Бориса Ефимовича напоминают нечто среднее между стенограммой застольной болтовни и выдержками из личного дневника. В них рассуждения на самые разные темы. «Старею… С утра мешки под глазами, – писал Немцов. – Меньше выносливости. Меньше подтягиваюсь. Ну, скажем, пятнадцать, тринадцать раз. Нечасто этим занимаюсь… Обижаюсь. Но быстро забываю: я не злопамятен. В силу своего роста и внешности… Отчетливо понимаю все жизненные ограничения: не могу перелететь на воздушном шаре через Северный полюс, никогда не буду летчиком-испытателем или космонавтом, не могу стать царем всея Руси… Постоянно – ни о чем не думаю. Сейчас думаю об одном, завтра – о другом. Постоянные раздумья о чем-то одном, по-моему, признак большого комплекса… Ну на кого же я похож? На медведя. То неуклюжий, то злой, то, наоборот, никакой. Не знаю. Кудрявый… На медведя… Собутыльники – это люди, которым не удалось стать приятными собеседниками, и поэтому они решили… выпить… Тост – это тест на остроумие. Или на слабоумие. По тосту можно очень многое сказать о человеке. Я редко ошибался в оценке интеллектуальных способностей человека после того, как он произнес тост». Далее шли пространные рассуждения, так сказать, обо всем: частной собственности, гуманизме, империях, честности, сновидениях, книгах, числах, русском языке, клятвах и проклятиях и т. д. «Дальше. Становлюсь жестче, кожа становится толще. Это ни хорошо, ни плохо: это вынужденно, чтобы существовать. Это инстинкт самосохранения. Просто тонкокожий человек не может долго находиться на ледяном ветру. Заболеет и умрет. Стальной ветер, который постоянно дует здесь (я не имею в виду физический ветер, безусловно), требует определенной закалки», – рассуждал Борис Ефимович. При этом самой большой удачей в жизни он называл тот факт, что у него родилась дочь. «Жалко, что в единственном числе», – сетовал он. Правда, эту «неудачу» он потом с успехом исправит.

Кстати, довольно оригинальной оказалась и вторая книга Немцова, вышедшая через 10 лет после первой. По стилю и тематике она несколько отличалась от предыдущей. Там много (и

даже вполне осмысленных и неглупых) рассуждений о политике и российской действительности. И все же заканчивавший свой пятый десяток Борис Ефимович снова не смог скрыть своего юношеского восприятия действительности. Он с упоением рассказывал о том, как Скляров и Черномырдин научили его пить водку и чуть не споили, как они с «сыном» (тем же Скляровым) раскидали банки с икрой в приемной у Гайдара, и на полном серьезе предлагал ввести в России многоженство как единственный путь «спасения нации» от «китайско-африканского смешивания». «Причина удручающей демографической обстановки кроется в здоровье нации, – писал Немцов. – Первое: мужчин меньше, чем женщин. Соотношение примерно 46% на 54%. Второе: качественный состав мужчин стремится к катастрофическому. Выясняется, что среди мужчин 10% алкоголиков, 30% импотентов, до 10% представителей сексуальных меньшинств. Таким образом, дееспособных мужиков остается всего около 50%. Надо помнить и о том, что продолжительность жизни мужчин в России очень маленькая – всего 59 лет. Это позор для России. В Европе нет ни одной страны с таким показателем. Итак, половина мужчин должна осчастливить 54% женщин. Исходя из арифметики, чтобы женщины чувствовали себя более-менее комфортно, один нормальный мужик должен встречаться с двумя-тремя женщинами. Я задал архиепископу конкретный вопрос: „Что делать в этой ситуации? Ведь если оставить все так, как есть, мы окажемся на пороге китайского, индийского или африканского нашествия“. Ответ русского священника меня поразил: „Надо жить, соблюдая христианские заповеди, жить согласно традициям России“. И при этом спокойно смотреть, как страна меняет цвет кожи и разрез глаз? Если так, то через 50 лет носителями русской культуры будут люди с темным цветом кожи и другим разрезом глаз. Второй вариант: лояльно относиться к внебрачным связям и внебрачным детям, защищать детей и матерей и не создавать вокруг них атмосферы нетерпимости. Самый радикальный вариант – закон о многоженстве. Закон не должен регулировать сексуальную составляющую отношений, он должен материально защищать детей и матерей. Однако общество абсолютно не готово к принятию такого закона, так что перспектива китайско-африканского смешивания абсолютно реальна».

Надо сказать, в то время, когда он писал эти строки, Немцов уже в целом соответствовал изложенной концепции! И в плане внебрачных связей и детей, и в плане «осчастливливания» женщин. Собственно, все эти инфантильные и эмоциональные рассуждения говорят о том, что взрослым человеком, личностью

Борис Ефимович так и не стал. Занимая высокие посты, он оставался все тем же «бунтарем», которым двигали исключительно природные эмоции и проблемы подростково-юношеского возраста.

Уехать нельзя остаться

6 марта 1997 года президент Ельцин обратился к Федеральному собранию с очередным ежегодным посланием, ключевой фразой в котором стала «Страну, понимаешь, не проведешь». Общая суть выступления состояла в том, что «власть жиреет», страну захлестнула волна преступности и вообще живем мы плохо. При этом глава государства, так сказать, расставил все точки над i. То есть прямо указал, кто во всем виноват. В развале армии – министр обороны, в развале производства – министр экономики, в коррупции – прокурор и директор ФСБ, в невыплате пенсий – премьер-министр, в утечке денег за рубеж – таможня, в плохих законах – консервативная Дума и Совет Федерации, в росте недовольства на местах – «красные губернаторы» и т. д. Эта речь, как показала история, была не пустым сотрясанием воздуха, а прологом к серьезным изменениям. Именно в марте 1997 года Ельцин, видимо, решил, что пора двигать давно выращенного «сына» на повышение.

Собственно, слухи о том, что Немцова «заберут» в Москву, ходили с того самого визита президента в Нижний Новгород в августе 1994 года. А годом ранее всерьез звучали предложения о его выдвижении на пост президента. Но в итоге самой прозорливой оказалась газета «Ленинская смена», которая в феврале 1995 года исчезла из списков нижегородских СМИ, но в конце 1996 года возродилась в новом формате. Еще в начале февраля в газете вышла статья под названием «Похоже, грядет смена губернатора и мэра». Поводом к ней стала утечка информации, что мэр Иван Скляров приглашен на собеседование к главе администрации президента Анатолию Чубайсу. Стала известна даже тема разговора: как Иван Петрович видит решение нижегородских проблем. Исходя из этого, журналисты логично предположили, что вскоре Склярову предстоит новое назначение. А скорее всего выборы! «Так что весьма вероятно скорое объявление Бориса Ефимовича в правительстве, вероятнее всего в должности вице-премьера, – писала „Ленинская смена“. – Визит Склярова к Чубайсу и имеет в таком случае единственную подоплеку: Иван Петрович рассматривается как первоочередной претендент на кресло нижегородского губернатора в случае его отбытия в Москву». Тогда эту новость никто всерьез не прокомментировал, а большинство восприняло ее как очередную утку.

Согласно расхожей версии, Немцов «не хотел уезжать из Нижнего», полагая, что в Москве его «съедят», а тут у него

процветающая губерния, высокий рейтинг и любовь народа. И действительно, широко распространено мнение, что, уходя, Борис Ефимович оставил Нижегородскую область «процветающим регионом» и «столицей реформ», а потом «наследники» все это разбазарили и растранжирили. Однако это миф. В 1997 год регион вошел с огромными долгами по зарплате врачам, учителям, воспитателям детсадов и др., составлявшими в большинстве районов от трех до шести месяцев и более. Большие задолженности образовались перед коммунальщиками, строителями, подрядчиками. Бюджет самого Нижнего Новгорода в 1996 году не удалось исполнить ни по доходам, ни по расходам. И это несмотря на то, что он изначально принимался с большим дефицитом. А бюджет следующего – 1997 года, с трудом принятый только в феврале, депутаты прямо называли не иначе как «бюджетом выживания». Из-за проведенного Немцовым в 1995–1996 годах резкого повышения квартплаты с одновременным ростом долгов по зарплате в области стремительно росло недовольство политикой губернатора и множились акции протеста. «250 работников ЖЭУ Нижегородского речного порта грозят забастовкой через две недели, – сообщали СМИ. – Потому что последнюю зарплату получили только за август… В Кулебаках дети работников металлургического завода вынуждены побираться по домам, ездить за подаянием денег в соседнюю Выксу, чтобы прокормить своих родителей, также не получающих зарплаты. В Чкаловском районе готовятся к забастовке учителя, уже 4 месяца не получающие зарплату. В начале недели двухдневную акцию протеста провели и работники СМУ-1 „Горметростроя“ на строящейся станции метро „Буревестник“. Причины те же – несвоевременная выплата зарплаты плюс неподвоз строительных материалов… Вчера провели одночасовую предупредительную забастовку работники сразу тринадцати больниц Дзержинска». Одновременно с этим падало производство, все хуже ходил общественный транспорт и приходило в упадок сельское хозяйство.

Сам Немцов, понятное дело, все валил на федеральное правительство и глав районов, которые массово игнорировали его распоряжения и «закрысили бабки». Всем неудачам он нашел простое и «логичное» объяснение – все и всюду воруют, повсеместно засели жулики и саботажники. Начиная от глав районов и заканчивая водителями такси… В январе 1997 года он даже поспорил на бутылку коньяка с транспортными чиновниками, включит ли таксист счетчик во время поездки. После чего одним вечером инкогнито прокатился на таксомоторе.

И водитель счетчик действительно не включил. Вот видите! Вот куда все денежки и уходят. В то время таксопарки еще входили в государственное предприятие «Нижегородпассажиравтотранс». Ну а когда транспортники в очередной раз попросили у Немцова дотации на автобусы, в том числе маршрутные такси, он посетовал, что там наверняка тоже воруют. А убыточным предприятие является потому, что водители маршруток выручку крадут. «По всей видимости, Борис Немцов считает, что водители маршруток кладут за счет пассажиров себе в карман „левых“ денег ну уж очень много, – рассказывала статья „Борис, ты прав: водитель – „лев“. – И он не так уж и не прав. Схема здесь проста. Не секрет, что в маршрутках „зайцев“ ездит гораздо меньше, чем в автобусах и трамваях, салон в „пазике“ маленький – все на виду, за проезд без билета могут высадить. Водитель же запросто может взять с пассажиров деньги и сказать, что билетов нет, люди все равно безропотно платят. Но самое прибыльное – это собрать в конце маршрута с пассажиров билеты, а потом продать их следующим пассажирам. Один билет может так гулять по кругу и два и три раза, пока не превратится в измусоленный кусок бумаги. Навар очевиден. Но самое интересное, что многие люди сами отдают свои билеты водителю при выходе, тем самым давая возможность „левачить“». В общем, Немцов приказал работникам Департамента транспорта не протирать штаны в кабинетах, а лично ездить в маршрутках и шпионить за водителями.

Все это, конечно, было правдой, только данная схема существовала и в советские времена, и в постсоветские. Водителей ловили, наказывали, но они все равно крали. Взять и просто поставить шоферу определенный план выручки, с тем чтобы весь остальной навар он мог легально забирать себе, как это сделали потом частники, никто почему-то не догадался… Собственно, вот на такие мелкие эпизоды борьбы со столь же мелкими жуликами и распалась некогда бурная деятельность Немцова на закате его губернаторства.

Но самое интересное заключается в том, что к этому времени Борис Ефимович окончательно перестал быть либералом. Собственно, таковым он никогда по-настоящему и не был! Уже свержение им же назначенного мэра Дмитрия Беднякова в марте 1994 года, когда Немцов впервые заговорил о «железной дисциплине», срыв выборов в гордуму и Законодательное собрание показали, как именно он понимает «демократию» в отдельно взятом регионе. И в дальнейшем, когда губернатор использовал свое служебное положение для устранения Климентьева, на полную катушку прокачивал административный ресурс во время губернаторских выборов, он постоянно

пользовался теми политическими технологиями, которые впоследствии сам будет нещадно критиковать. В начале 1997 года Немцов уже в открытую заявил, что стал более «жестким», чем в 32 года, когда начинал губернаторствовать, а страну надо реформировать «не слюнявыми методами, а методами просвещенного авторитаризма». Отныне стало понятно, что он имел в виду, когда называл своими кумирами Столыпина и Петра I.

Все это воочию подтвердили и последние месяцы правления в Нижегородской области. Видя, что всенародно избранная власть на местах зачастую игнорирует его указания и «живет сама по себе», Борис Ефимович всерьез приказал внести поправки в им же написанный когда-то Устав области, позволявшие объявлять в районах «чрезвычайное социально-экономическое положение». После чего вводить там «прямое губернаторское правление». По задумке Немцова это означало временную передачу всех финансов и бюджета муниципалитетов в руки областной администрации и фактическое отстранение законно избранных органов власти от принятия решений. Кроме того, он поручил создать правовую базу, которая позволила бы областной администрации и вовсе увольнять по своему усмотрению избранных народом глав районов. Так сказать, в связи с утратой доверия губернатора!

Собственно, сам по себе термин «просвещенный авторитаризм» довольно странный. Это все равно что «добрая диктатура» или «фашизм с человеческим лицом». Получается, что Немцов разочаровался (и публично заявил об этом) в созданной после 1991 года демократии даже раньше, чем те, кого он потом сам обвинял в «отказе от демократических принципов» и завоеваний. Ведь если сегодня можно увольнять избранных глав местного самоуправления, пусть даже за невыплату зарплаты бюджетникам, то завтра можно будет снимать с работы, скажем, «несправившихся» депутатов. Да и самого губернатора тоже. А может, и выбирать его вовсе не стоит? Проще назначать, а потом в любой момент снять!

Березовский в образе ситха

Эти события совпали с началом судебного процесса по нашумевшему делу о «навашинских миллионах». Бывшего друга Немцова бизнесмена Андрея Климентьева судили в только что отремонтированном зале Нижегородского областного суда. Интересно, что здание, расположенное на главной пешеходной улице – Большой Покровской, было построено в 1896 году и с тех пор ни разу не меняло свой основной профиль. За 100 лет оно повидало и суды над убийцами и разбойниками времен царя, и революционные трибуналы, и суды над «врагами народа», и показательные процессы над хулиганами с участием общественных обвинителей, и суды над бандитами из «лихих девяностых». А в 1902 году там судили Петра Заломова, обвинявшегося в организации демонстрации рабочих 1 мая 1902 года. На процессе он выступил с яркой антимонархической речью, а присутствовавший при этом журналист Максим Горький потом сделал Заломова прототипом героя своего романа «Мать».

Климентьев в чем-то повторил подвиг революционера, сразу же превратив слушание в новую площадку для бичевания Бориса Ефимовича, а заодно и правительства. Процесс начался с 11 отводов, в том числе государственного обвинителя, а в качестве общественного защитника бизнесмена выступил депутат от ЛДПР Егор Соломатин. Согласно материалам следствия, Климентьев под видом оплаты за разработку проектной документации сухогрузов перевел часть денег в свою фирму «Ароко АС», в действительности истратив их на отдых в Испании, ремонт офиса фирмы на улице Минина, ночного клуба «Рокко» и магазина «Европа», а также на покупку ваучеров. Однако Климентьев отверг все обвинения. Сначала он красочно, во всех подробностях описал свои отношения с Немцовым, потом поведал эпическую историю о том, как тот в свое время послал его в Москву выбивать кредит для Навашинского судостроительного завода. Потом начались выступления свидетелей, которые благодаря остроумным вопросам и репликам Климентьева оказались не менее яркими и смешными. В результате вместо собственно суда получилось настоящее шоу, которое описывали все тогдашние СМИ. Андрей Анатольевич благодаря свойственному ему красноречию смог настолько заболтать и очаровать судью Владимира Содомовского, что прокурор области Владимир Шевелев, который и заводил дело на Климентьева, вынужден был задать вопрос: а кто, собственно, ведет судебный процесс?! Судья или подсудимый? Впрочем, дело было не только в красноречии, просто многие

доводы и доказательства обвинения действительно оказались шаткими и даже глупыми.

А что касается Немцова, проходившего по делу свидетелем, то он поначалу и вовсе отказывался являться в суд под разными предлогами. То поездка в США не позволила, то выезд в районы на совещания… Оно и понятно, даже несведущие в юриспруденции граждане видели, что дело шито белыми нитками и имеет явный политический оттенок. Немцов попросту избавлялся от своего конкурента, который в свое время открыто заявил: «Докажи, что ты человек номер один, а не я!» Одним словом, в Нижегородской области Бориса Ефимовича в то время не ожидало ничего приятного. А грядущие перспективы и вовсе пугали. Так что весомый повод сбежать в Москву, оставив накопившийся клубок проблем кому-нибудь другому, у него, несомненно, был. «Репутация удачливого реформатора в период упадка и неудач в экономике поставила Б. Немцова в сложное положение. Оставаться слишком долго „на хозяйстве“ в Нижнем Новгороде чревато потерей популярности у нижегородцев, что ударит и по политическому авторитету губернатора. Отъезд в Москву тоже сопряжен с риском для карьеры, если он всерьез задумывается о президентских регалиях, например в 2004 году или даже на следующих выборах» – так описывал тогдашнее положение Немцова журналист Виктор Деменев. Более того, последний довольно точно предсказал и политическое будущее Бориса Ефимовича: «Оторвавшись от освоенной нижегородской почвы и оказавшись в условиях куда более жесткой конкуренции в рядах политического руководства, которое явно не справляется со своими задачами, можно и „сгореть“ за год-два. Тогда придется стартовать в президентской гонке с очень невыгодной позиции отставника, человека, для которого потолок – это губерния, а не Россия. Кроме того, Б. Немцов из тех „провинциалов“, которые мечтают о столице, но которых тревожит предстоящая психологическая перестройка: привычка быть первым в провинции перекрывает амбиции быть политиком федерального уровня, но без гарантий прочности положения и по рангу в конце первой „десятки“».

Немцов действительно колебался, его даже пришлось уговаривать. Причем первым «ходоком» из Москвы стал скандально известный олигарх, в то время заместитель секретаря Совета безопасности Борис Березовский. Он прибыл в нижегородский Белый дом вечером 15 марта инкогнито, на тонированном «мерседесе» в образе ситха – темного лорда из киносаги «Звездные войны». В черном капюшоне, который практически скрывал его зловещее лицо. Правда, сам Немцов

почему-то сравнил Бориса Абрамовича с более комичным персонажем – Александром Керенским. Ведь все советские школьники знали историю про то, как председатель Временного правительства сбежал из Петрограда в дамском платье! «Он вошел в кабинет и с порога: „Мы тут решили, что надо назначить тебя вице-премьером“, – вспоминал Борис Ефимович. – Я опешил: „А мы – это кто?“ – „Ну мы, ребята, – приняли решение и сказали об этом Ельцину. Он, естественно, нас послушал и готов подписать указ“. Я удивился: „А ты кто? Вот ты конкретно? Знаю, что бизнесмен…

– … доктор физико-математических наук…“».

После этого Березовский намекнул Немцову, что именно «они» – олигархи управляют страной. В этот момент раздался звонок, и глава администрации президента Юмашев сообщил, что туда же подъезжает Татьяна Дьяченко – дочь Ельцина. Немцов тут же спросил Березовского: «Борис Абрамович, вы хотите сейчас с Татьяной Борисовной встретиться здесь, у меня в кабинете?» После чего «назгул» тотчас натянул капюшон и, по выражению Бориса Ефимовича, мгновенно исчез… Собственно, это и было, можно сказать, истинное обличье олигарха, которого в то время не без оснований называли «серым кардиналом Кремля», «другом семьи», «вторым Распутиным» и т. д. Зловещий и коварный король-чародей, когда-то бывший человеком, ученым, доктором наук, а потом, под воздействием магического «кольца Всевластья», превратившийся в живого призрака.

Секретные переговоры Татьяны Дьяченко с Борисом Немцовым, давно знакомых друг с другом, продолжались весь вечер и почти всю ночь в нижегородской мини-гостинице для особо важных гостей «Сергиевская». По воспоминаниям последнего, дочь Ельцина сказала ему: «Отец тебе помогал, когда был в силе и здравии, а сейчас он больной и слабый, и пришло время ему помочь». В итоге Немцов дал окончательное согласие войти в правительство, но с массой условий и оговорок. 17 марта вся страна увидела репортаж, как улыбающийся Ельцин сообщает Черномырдину: «Немцов поправит положение с зарплатами!» А сидящий напротив сияющий Чубайс говорит в ответ: «Сильное решение! Просто очень сильное решение, Борис Николаевич!»

Кстати, на суд по Климентьеву Немцов в итоге явился, но уже в новом статусе и в сопровождении председателя областной Коллегии адвокатов Рогачева. Вел себя вице-премьер уверенно (должность позволяла!), а бывшего коллегу даже насмешливо называл «человек в клетке». Климентьев и Кисляков успели задать Борису Ефимовичу 25 вопросов, на которые он ответил в течение часа, после чего удалился. С этого момента дороги

бывших друзей окончательно разошлись. Один отбыл на работу в правительство, а второй остался дожидаться своей участи в следственном изоляторе. Процесс завершился 21 апреля. Правда, «закрыть» Климентьева надолго, как этого, вероятно, хотел Немцов, прокурору Шевелеву не удалось. Он требовал приговорить бизнесмена к восьми годам строгого режима с конфискацией, в действительности же обвиняемые по шести статьям УК РФ, Климентьев и Кисляков были признаны виновными только по ст. 160 ч. 3 («Хищение чужого имущества»), а конкретно 2,4 миллиона долларов на двоих. Климентьева приговорили к лишению свободы на 1 год 6 месяцев и 4 дня и освободили из-под стражи в зале суда, так как он уже отсидел этот срок в СИЗО. Правда, позднее приговор был и вовсе отменен Верховным судом, который полностью оправдал обоих фигурантов. И это был еще не конец противостояния (теперь уже заочного) Немцова и Климентьева.

Глава 13
Переламывание ситуации

Пьяницы накормят страну

Когда Немцов переезжал из Нижнего Новгорода в Москву, он был уже весьма известной личностью. К славе, которую он получил как «известный реформатор», добавились его яркие выступления на всевозможных политических ток-шоу по телевидению, пик которых пришелся как раз на конец 1996 – начало 1997 года. Борис Ефимович даже попал в составленный иностранными журналистами так называемый «список 200 потенциальных лидеров грядущего XXI века». Таким образом, назначение его в правительство в общем-то выглядело предсказуемо и ни у кого не вызвало удивления. Однако сам смысл этого повышения, будущая роль Немцова и его «федеральные» перспективы, напротив, породили массу самых разнообразных версий и гипотез.

Согласно первой из них, Немцова заставили уйти в Москву «шантажом». Мол, политик стал настолько неконтролируемым и самостоятельным, что Ельцину и Черномырдину просто пришлось перебазировать его поближе к «оку государеву». А в качестве аргумента пообещали урезать федеральные трансферты Нижегородской области, организовав Борису Ефимовичу социальный взрыв и падение популярности. По второй распространенной версии, Немцов был законченным идеалистом и искренне верил, что, работая в правительстве, он кардинально изменит жизнь в стране. Мол, в Кремле засели олигархи, все всё разворовывают и саботируют (что сказалось и на Нижегородской области), а единственный шанс спасти страну – самому встать у руля реформ. Версия третья называлась «Немцов – самоубийца». Ну или «камикадзе», как его именовали еще в 1991 году в начале губернаторства. Высказывалось мнение, что Немцова специально «взяли» в Москву, чтобы окончательно сломать его как яркого и популярного в народе политика. Был даже слух, что в случае излишне резких телодвижений первого вице-премьера в сфере естественных монополий его попросту закажут. То есть убьют. Там же мафия сплошная! Начнет неподкупный Борис Ефимович их крушить, говорить правду по телевизору и закончит как Владислав Листьев…

Многие аналитики также высказывались на тему, что Немцов не кто иной, как «ставленник Запада». В пользу ее говорил тот факт, что назначение произошло незадолго до встречи с президентом США Биллом Клинтоном. Да и сам Борис Ефимович буквально за пару недель до переезда в Москву тоже летал в Америку. Поговаривали, что Ельцин хотел показать партнерам

свою готовность завершить либеральные реформы, улучшить инвестиционный климат и создать гарантии для иностранного капитала. А Немцов был для этого как раз подходящей фигурой. Да и национальность подходящая, ведь, как тогда писали, «львиная доля иностранных компаний, ведущих активный бизнес в России, контролируется иностранным капиталом». Кое-кто и вовсе утверждал, что новый вице-премьер «прямая креатура Клинтона и К°». Согласно пятой версии, Немцов потребовался для усиления некоего наметившегося альянса между Чубайсом и Черномырдиным и финансово-промышленными группировками, которые их поддерживали. Мол, последние враждовали с другой группировкой – мэром Москвы Юрием Лужковым и стоящей за ним ФПГ. А Немцов мог усилить «чубайсовско-черномырдинских» как самостоятельная политическая фигура.

Однако самой распространенной все же являлась и одновременно самая же простая версия, что Ельцин начал двигать в президенты своего преемника. А может, и сразу двух. Всерьез говорили, что Немцов и Чубайс могут пойти на следующие выборы в тандеме. Припоминали фразу президента, брошенную в июне 1996 года: «Своего преемника я, может быть, уже присмотрел. Но не одного, а трех». Тогда все гадали, кто эта троица. Ну с Немцовым все понятно… Лебедь? Черномырдин? Неужели Чубайс?! Теперь же стало ясно, что Виктор Степанович вряд ли (иначе к чему бы ему поставили двух равноправных замов?), Лебедь уже «списан». Остаются Немцов и Чубайс! Воображение рисовало тогда и другие комбинации, например популярность Немцова плюс жесткость и деловая хватка Чубайса плюс деньги Березовского. В общем, гаданий на кофейной гуще было много. Уже 19 марта Немцов впервые появился в «Куклах», популярном тогда политическо-сатирическом ток-шоу. Этот факт говорил о том, что Борис Ефимович признан членом высшего эшелона власти. Кстати, если еще раз внимательно просмотреть озвученные версии, обсуждавшиеся в марте 1997 года, станет ясно, что в какой-то мере истина прослеживалась в каждой из них. Какие-то прогнозы сбылись сразу, другие позже, а кое-что много лет спустя…

Сам Немцов после назначения был щедр на обещания: «Я не буду воровать… Я не буду брать взятки… Я иду не из карьеристских соображений… Страна, в которой я родился и умру, находится в унизительном положении. Есть шанс, хоть и маленький, эту ситуацию переломить». Но тут же оговаривался: «Я лишен мессианского чувства. Я не уверен, что смогу спасти Россию… Скорее всего, я провинциал, несмотря на внешний вид». «Мы решим все задачи так, как никогда ни один предшествующий

строй не в состоянии был решить», – заявил в начале июня 1997 года вице-премьер Анатолий Чубайс на пленуме проигравшей думские выборы 1995 года партии «Демократический выбор России». Эта фраза говорила о двух вещах. Во-первых, о том, какие амбициозные задачи ставили перед собой реформаторы на шестом году этих самых реформ. А во-вторых, показывала, что Чубайс был уверен, что эти задачи по силам ему и Немцову, от которого он всегда был в восторге. Ну а что же получилось на самом деле?

Одной из первых мер нового правительства стало повышение доходов бюджета от продажи водки. Данное событие на самом деле было очень показательным. Если в начале 90-х народу внушали, что страна будет процветать за счет приватизации, инвестиций, частного бизнеса, торговли ценными бумагами, то теперь выяснилось, что казна должна формироваться за счет акцизов на алкоголь и винной монополии. Исторический круг как бы замкнулся. В конце XIX века в бытность министра финансов Сергея Витте винная монополия стала одной из ключевых программ тогдашнего российского правительства, а в конце века XX правительство Виктора Черномырдина, Бориса Немцова и Анатолия Чубайса вновь вернулось к этой простой и незамысловатой идее. Что именно пьяницы, а не бизнесмены и предприятия должны кормить страну… «В апреле был подсчитан доход государства от оборота алкогольной продукции за первый квартал 1997 года, – писали „Известия“. – Подсчеты вызвали слезы: акцизные сборы составили 23 процента от плана, производство российских ликеро-водочных изделий в очередной раз упало – на 70 процентов к уровню прошлого года, хотя накануне нового года казалось, что падать уже некуда… С решением вопроса о ликвидации черного рынка алкоголя связывают стабильность государственного бюджета. Чаще всего упоминаются следующие цифры: сегодня вес „пьяных“ доходов в казне – всего лишь 3–5 процентов против 30–50 процентов, которые давал этот рынок во время государственной монополии на водку (то есть на протяжении более ста лет)». Правительство предлагало запретить продажу водки в ларьках и маленьких магазинах, а также на рынках. Мол, именно там реализуется большая часть фальсифицированной сорокаградусной и казна от этого ничего не получает. Но потом быстро выяснилось, что если лишить мелкий бизнес продажи водки, то этот самый с трудом созданный бизнес попросту сразу разорится…

Позднее, 17 мая, правительство приняло новое интересное постановление – «О маркировке товаров и продукции на территории Российской Федерации знаками соответствия,

защищенными от подделки». Намерения тоже были благие: охрана интересов и прав потребителей и опять же пополнение бюджета. Именно после этого на некоторых товарах (кофе, чай, алкогольные напитки, полимеры и т. д.) стали появляться голографические значки, вроде как говорившие о том, что это не подделка. Однако эта мера сразу вызвала массу вопросов у предпринимателей. Во-первых, недоумение вызывал сам список товаров, подлежащих маркированию, в котором был кофе, но не было сигарет (которые подделывали в огромных количествах), был чугун, но почему-то отсутствовал алюминий и другие цветные металлы и т. д. Получалось, что одни производители и продавцы должны были дополнительно раскошеливаться на «опечатывание» своих товаров, а другие могли спокойно продолжать гнать контрафакт? Кроме того, появились слухи, что все это делается ради создания бизнеса производства голограмм и будто бы в доле кто-то из членов правительства…

Что касается деятельности Немцова, то сейчас ее обычно связывают с тремя вещами: попыткой пересадить чиновников на «Волги», приватизацией «Связьинвеста» (ее еще называют не иначе как «битвой с олигархами») и попыткой реорганизации Газпрома. В действительности же в правительство Борис Ефимович пришел с целым букетом идей. Он также был одним из сторонников упомянутой винной монополии и «пьяного бюджета», который пытался внедрить еще в бытность губернатором. Кроме того, Немцов являлся одним из инициаторов так называемой жилищной реформы. Ее главной целью было снижение расходов на содержание ЖКХ, которые в бюджетах городов составляли тогда 30–40 и более процентов. К примеру, Москва тратила на жилищно-коммунальное хозяйство 43% бюджета. А ведь эти деньги можно пустить на инвестиции, строительство дорог и т. п. «В первую очередь речь идет не о повышении тарифов на оплату жилья, а о контроле за ценами местных монополий – поставщиков тепла, электричества, воды и прочих услуг, – говорил в своем интервью Немцов. – Второй путь снижения бюджетных расходов на жилье – создание конкурентной среды в обслуживании жилых домов… Есть еще такая забытая мера снижения расходов, как учет и контроль с помощью счетчиков водомеров, внедрение энергосберегающих технологий. Все это может дать до 30% экономии без всякого повышения тарифов». Впрочем, опыт Нижегородской области уже показывал, что там, кроме повышения тарифов, никаких изменений в сфере ЖКХ не происходило. В этом и состояла истинная сущность «реформы». Что касается «конкуренции» и «контроля за монополиями», то в условиях российской

действительности все это оказалось трудновыполнимым. В итоге, как известно, «реформирование» свелось к банальному обиранию населения, и даже счетчики, про которые впервые заговорил в 1997 году Немцов, гораздо позднее заставили устанавливать не поставщиков ресурсов (что было бы логично), а почему-то самих жильцов за свой же счет!

После заявлений Немцова в прессу была вброшена целая серия публикаций о том, как начисляется квартплата в Европе, а также странах бывшего СССР. Например, в Литве и Латвии. Общая суть их сводилась к тому, что владение и пользование квартирой, особенно с «большой» площадью, – это серьезная ответственность. И за нее надо платить, на нее нужно зарабатывать. Тут вам не халява какая-нибудь! «Так что реформа неизбежна, – сообщали СМИ про „соседей“ с намеком на самих россиян. – Рано или поздно за квартиру придется платить реальные деньги… А пока большинство литовцев, громко и не жалуясь, в срок платят по коммунальным счетам и пытаются заработать больше, чтобы облегчить налоговое бремя для своей семьи». Потом аналогичные материалы появились и про домашний телефон. Дескать, пока у нас нянчатся с народом и малодушничают, жалеют бедных и пенсионеров, литовцы взяли и стали брать с населения за телефон столько, сколько он реально стоит. Это, мол, не необходимость какая, на это «надо зарабатывать». Как говорили в Советском Союзе, мы говорим Литва, а подразумеваем – Россия.

В июне Немцов в качестве министра топлива и энергетики выступил в Самаре на Всероссийском совещании по внедрению в коммунальную сферу энергосберегающих технологий. Он заявил, что в энергоэффективности в стране никто ничего не понимает, руководители регионов не хотят вкладываться в соответствующие проекты, коммунальщики не хотят считать ресурсы, а монополии не желают заниматься энергосбережением. Среди прочего он привел Оренбург, где начали строительство «уникального завода» по производству топлива из мусора. Мол, из помоев будет вырабатываться электроэнергия, а зола пойдет в литейное производство. Вот за этим всем наше будущее. Кроме того, Немцов озвучил, что вся задуманная им коммунальная реформа потребует 100 триллионов рублей до 2003 года. Правда, где взять эти огромные деньги, Борис Ефимович не уточнил…

Так или иначе, в глазах обывателей первые шаги Немцова на посту вице-премьера выглядели многообещающе. В мае он договорился с начальником РАО «Газпром» Рэмом Вяхиревым о проведении взаимозачетов между монополистом и бюджетом с одной стороны, бюджетниками и Газпромом с другой стороны.

Дело в том, что газовики задолжали в казну к тому моменту 15 триллионов рублей, а бюджетные учреждения в свою очередь задолжали им 22 триллиона. Таким образом, путем простого вычитания задолженность бюджетников сокращалась до 7 триллионов, а долги Газпрома как бы списывались вовсе. Кроме того, под давлением Немцова Госдума, большинство в которой составляли коммунисты, согласилась провести аудиторскую проверку естественных монополий: Газпрома, РАО «ЕЭС», МПС и «Транснефть». До этого в течение семи месяцев подобное решение пыталась протащить фракция «Яблоко», но КПРФ наотрез отказывалась принять постановление, заявляя, что аудит – это попытка развалить «последние стержни экономики». Немцов даже заявил по этому поводу, что левые превратились в «партию крупного капитала», защищающую интересы монополий. В тот период даже возникло предположение, что Борис Ефимович сделает возможным невозможное – наладит сотрудничество между «красной» Думой и «либеральным» правительством.

Тогда же Немцов прославился еще одной новацией: он лично провел открытый конкурс на поставку в Российскую армию 10 тысяч тонн сахара. До этого никаких аукционов не проводилось, а снабжением войск занимались одни и те же поставщики, которые, как водится, делали это по завышенным ценам. А объясняли это «особыми условиями контракта», тем, что в цену входили железнодорожные расходы и т. д. В общем, типичная «кормушка» была. Конкурс проходил в клубе центральной продуктовой базы Министерства обороны при большом скоплении журналистов. «Открытость» дала неожиданный эффект. Ни одна из фирм, которые ранее поставляли сахар в армию, даже не подала заявку. В итоге товар закупили по цене 2500 рублей, в то время как на рынках Москвы он тогда стоил в среднем 3800–4000 рублей. Вот она, экономия бюджетных средств и борьба с коррупцией!

Однако наметившейся было дружбы с Госдумой все же не получилось. Уже в конце мая правительство и парламентарии снова поругались. Поводом стало озвученное фракцией КПРФ предложение покрыть дефицит бюджета, попросту напечатав 330 триллионов рублей. Обоснование было простым – в стране явно не хватает денег, а долги по зарплатам и пенсиям стали хроническими. Если выдать людям положенные им средства, те пойдут в магазины, купят товары, расплатятся по долгам за квартиру и экономика оживится. Что в конечном счете перекроет издержки и риски инфляции. И оппозиционеры в данном случае были во многом правы. Прежде чем затевать какие-либо реформы и заставлять граждан платить «реальные деньги», правительство обязано было сначала выполнить в полном объеме собственные

обязательства. И трудящихся, пенсионеров в общем-то не должно было волновать, откуда именно государство возьмет эти деньги, одолжит, заработает или же просто напечатает.

Но «реформаторы» вроде Немцова и Чубайса считали по-другому. Главное-де – не допустить инфляции, «эмиссионного торга» с Думой, проводить «жесткую финансовую политику» и тратить только те деньги, которые есть. Им вторил и тогдашний глава Центробанка Сергей Дубинин. «Основа деятельности ЦБ – контроль за денежной массой и невозможность прямого кредитования дефицита бюджета, – заявлял он в конце мая. – Любой отказ от существующего принципа нанесет серьезный ущерб всей проводимой за последние годы политике. И ущерб труднопредсказуемый… Даже небольшая эмиссия вызовет рост цен и как результат бегство от денег». Среди прочего главный банкир подчеркивал необходимость надежно защитить рынок ГКО (государственных краткосрочных облигаций), на котором были серьезные иностранные вложения. А иностранные инвесторы – это вам не бабушки и дедушки, выживавшие тогда за счет садов и огородов, а «серьезные люди». Проведешь эмиссию и спугнешь их! Да еще валютный рынок не дай бог обвалится… «Деньги надо не печатать, а зарабатывать!» – подытожил Дубинин. Правда, как быть с теми, кто как бы свои деньги уже заработал, но полгода, а то и больше не мог получить, концепция Центробанка почему-то не объясняла. Получалось, что «зарабатывать» одни и те же деньги в стране надо было дважды. Сначала люди зарабатывали зарплату, а потом «зарабатывало» уже правительство, чтобы эту зарплату уплатить…

А в начале июня Анатолий Чубайс заявил о новых серьезных изменениях в бюджетной политике. Их даже метко окрестили «бюджет с ног на голову». Именно тогда россияне узнали новое, неведомое доселе слово «секвестр». Его Чубайс объявил основой будущего бюджета 1998 года. Если раньше при формировании этого документа ведомства посылали в Минфин заявки, «где цифры были завышены не на проценты, а в разы», то отныне бюджетный процесс ставился с головы на ноги. То есть правительство будет спускать лимиты всем остальным, «покончив с ведомственным федерализмом». Сюрпризы ждали и бедствующие регионы. Хорошо собираемый налог НДС передавался на федеральный уровень, а плохо собиравшийся налог на прибыль, напротив, оставался в регионах. А все потому, что региональные бюджеты в среднем исполнялись на 85%, а федеральный, видите ли, всего наполовину. Делиться надо с Москвой! К тому же правительство решило спихнуть на баланс местных бюджетов вузы, техникумы, ПТУ и часть больниц

федерального подчинения. Ну а чтобы регионы могли расплатиться с правительством по «безнадежным долгам», Чубайс решил выпустить очередную порцию ценных бумаг на сумму 9 триллионов рублей. А также посоветовал увеличивать ставки местных налогов. С самостоятельностью местных властей в распределении денег тоже решили покончить. В качестве примера приводилась Волгоградская область, где «красное правительство» при общем бюджете 2,2 триллиона рублей выделило 375 миллиардов на поддержку, как выражался Черномырдин, «агропромышленного лобби». «Отныне все трансферты будете получать только в зависимости от того, с умом ли тратите деньги!» – заявил Виктор Степанович.

В Госдуме все инициативы правительства встретили лишь насмешки и угрозы. Приняв закон о реституции и поддержке Саддама Хусейна, а также несколько заявлений и постановлений в отношении телевидения, которое, по мнению депутатов, плохо освещало работу парламента и показывало депутатов дураками, думцы в то же время игнорировали и откладывали на потом рассмотрение внесенных правительством инициатив и законов, например нового налогового кодекса. Саботировали народные избранники и пакет законопроектов по социальным вопросам. В итоге вице-премьер Немцов придумал для Госдумы «наказание». Под его руководством был подготовлен проект указа… об урезании пенсий работающим пенсионерам. И пояснил, что он будет отдан на подпись президенту в том случае, если парламент уйдет на летние каникулы, не рассмотрев соответствующие правительственные инициативы. По всей вероятности, Борис Ефимович рассчитывал, что в случае принятия указа депутаты будут «скомпрометированы» и будут нести ответственность за непопулярное решение. Фактически же слухи об указе привели к волне негодования. «Почему за плохое поведение депутатов будут наказывать пенсионеров? – говорилось в статье „Борис Немцов пугает депутатов пенсионерами“. – Почему для подстраховки на случай неприятия очень хороших решений, заложенных в проектах законов, готовятся очень плохие решения в проектах указа? И всерьез ли правительство надеется напугать депутатов гневом пенсионеров?» В действительности эта первая странная выходка Немцова на посту вице-премьера как бы показала его истинную сущность, которая в Нижегородской области была давно известна. Если всякие там «мелкие начальники» и депутаты не хотят слушаться начальства, их надо просто наказывать. Пусть и непонятными, хулиганскими методами. Вредить и давить на них через общественное мнение. В итоге депутаты, естественно, не испугались, а указ так и не был подписан.

Немцов против льготников и Евросоюза

Но и Немцов не унимался. Уже через пару недель по его инициативе в Госдуму был внесен законопроект по сокращению льгот. Общая подоплека была такая: дескать, благодаря популистским решениям прошлых лет в стране накопилось уже 100 миллионов льготников, а число самих льгот достигло тысячи. В связи с этим правительство предлагало отменить и сократить большую часть этих выплат, а высвободившиеся средства пустить на выплату зарплат. Понятно, что у депутатов эта идея не вызвала, да и не могла вызвать никакого одобрения. Во-первых, само предложение отнять деньги у одних категорий граждан с тем, чтобы потом перераспределить эти деньги между другими, а зачастую и теми же самыми выглядело, мягко говоря, абсурдно. Тем более зарплаты людьми были уже как бы заработаны, правительство же фактически уравнивало положенные за труд деньги со льготами. Во-вторых, после первого озвученного Немцовым проекта указа о сокращении пенсий думцы легко разгадали в этой инициативе его с Чубайсом почерк. Было совершенно очевидно, что правительство шантажировало парламент, подталкивая его побыстрее принять налоговый кодекс. И как бы намекая, на какие крайние меры придется пойти, если затормозится работа над проектом бюджета на 1998 год. В итоге пакет не был принят, причем против него голосовала даже фракция «Яблоко».

Кстати, именно Григорий Явлинский и его коллеги первыми уже тогда заявили, что проводимая последние четыре года финансовая политика, в которой реальные инвестиции подменили облигационные аукционы, а на поддержание стабильного курса доллара тратились большие средства, в то время как нечем было платить зарплаты, уже привела к развалу самой финансовой системы, а в скором времени может закончиться серьезным кризисом, в том числе полным обрушением валютного рынка и девальвацией рубля. Но тогда к этим «паническим» предостережениям никто всерьез не прислушался…

Ну а между делом произошел еще один скандал. В Москву приехал с визитом вице-президент Комиссии Евросоюза Лион Бриттан. На заранее запланированном обеде российскую сторону должен был представлять вице-премьер Борис Немцов. Однако последний попросту не явился! «На фоне традиционно любезных отношений российских властей к представителям влиятельных международных организаций демарш Немцова выглядит чем-то

почти невероятным, – писали „Известия“. – Конечно, невежливо пропускать намеченные мероприятия, особенно такого уровня, тем более что результаты встреч подобного рода имеют последствия не только для их участия». Что же побудило Бориса Ефимовича грубо нарушить дипломатический этикет? Оказывается, незадолго до приезда Бриттана Комиссия ввела антидемпинговую пошлину в размере 32,9% для ввозимых в Европу российских бесшовных труб. Кроме того, Бриттан ранее завел 14 антидемпинговых процедур против российских производителей феррохрома, искусственного корунда, литейного чугуна, мочевины, хлористого калия, магния, нитрата аммония и калийных удобрений. Основанием послужил тот факт, что Комиссия все еще не признавала официально Россию страной с рыночной экономикой. В связи с этим подобные ограничения действовали и в отношении ядерного топлива, текстиля и других продуктов. Европейцы считали, что дешевизна российских товаров достигается за счет административного блокирования рыночных механизмов, неразвитой налоговой системы и других «нецивилизованных методов». Подобные наказания применялись для стран с государственной централизованной экономикой, как Куба и Северная Корея. Кстати, «дискриминации» подвергалась тогда не только Россия, но и другие бывшие соцстраны, например Чехия и Румыния. Причем по схожим основаниям. Немцов же считал, что все это оговор и клевета, посему на Бриттана обиделся и обед с ним попросту прогулял. Следствием этого конечно же не стало снижение пошлины, а только осложнения в отношениях с европейскими партнерами, которые у тогдашнего правительства были и без того натянутыми.

Что же касается Госдумы, то, проработав всего пять месяцев, депутаты с 1 июля ушли в отпуск, предварительно отложив на осень как закон о секвестре бюджета, так и блок социальных законов. «Эта сессия была лучше прошлой, а следующая наверняка будет лучше нынешней», – отметил депутат от НДР Сергей Беляев. «Хорошо поработала Дума», – сказал перед отъездом Жириновский. «Недовольным работой Думы быть нельзя», – подытожил депутат от КПРФ Анатолий Лукьянов.

Тем временем 20 июня в торговом зале ЗАО «Автогарант» на окраине Люберец прошел первый аукцион по продаже чиновничьих лимузинов. На продажу были выставлены пять «ауди», один «сааб» и один «шевроле». Это были машины из автохозяйства управделами президента, купленные в 1994–1995 годах. На синем «саабе» ранее ездил руководитель аппарата правительства Владимир Бабичев, на «шевроле» личный врач Черномырдина, а на одной из «ауди» министр Аман Тулеев.

Причем последний сдал иномарку битой, с вмятиной на правом борту и погнутым задним бампером. «Сквозь тонированные стекла все же удалось разглядеть, что радиоаппаратура в салоне демонтирована, – писали „Известия“. – Оставлены только звуковые колонки. Еще минус к первоначальной стоимости – снятое с правительственных машин специальное оборудование связи, каждый комплект которого оценивается примерно в пять тысяч долларов… Патриотическая идея Бориса Немцова пересадить всех чиновников на отечественные „Волги“ наконец-то дождалась своего воплощения в жизнь».

Кстати, на самом деле идея принадлежала не Немцову, а тогдашнему руководителю управделами администрации президента Павлу Бородину. Он еще в феврале 1997 года заявил в интервью «Комсомольской правде», что сам хотел бы ездить на «Волге», а кататься за казенный счет на «саабах», «мерседесах» как бы «непатриотично». Однако главным препятствием к тому было низкое качество газовских авто. Напомним, в это время Горьковский автозавод серийно выпускал две модели легковушек: ГАЗ-3102 и ГАЗ-31029. Обе машины фактически являлись модернизированными версиями еще старой – доброй «двадцать четвертой» «Волги» образца 1969 года. И если «ноль вторую» еще можно было считать самостоятельной моделью, то «двадцать девятая» представляла собой гибрид агрегатов и ходовой части от ГАЗ-24-10 с кузовом от ГАЗ-3102 и передком, унифицированным с «газелью». В это же время дебютировала обновленная «Волга» ГАЗ-3110. По своим характеристикам и, главное, по качеству изготовления эти машины во второй половине 90-х годов уже намного уступали даже подержанным иномаркам, не говоря уже о новых «мерседесах» и «ауди». «Пригнали очередную „Волгу“ нам как-то, сделанную на заказ, я хлопнул багажником – два фонаря сзади сразу упали, – сетовал Бородин. – Дверью хлопнул – она отпала. Проехал 10 тысяч километров – вышла из строя коробка передач». На ГАЗе это заявление вызвало страшное возмущение, мол, где это Бородин видел «Волгу», у которой от одного хлопка дверь отваливалась? Но управделами, конечно, имел в виду не буквально, а в общем.

Идея Немцова, хотя и была публично поддержана президентом и премьером, не была оформлена в виде в какого-то закона или постановления. Был издан лишь соответствующий президентский указ. Кое-кто наивно полагал, что чиновники попросту не посмеют ослушаться столь высокопоставленных лиц и добровольно откажутся от привычного комфорта. Однако аукционы по продаже чиновничьих иномарок шли вяло, в основном на продажу выставлялись битые либо «убитые» машины

с огромным пробегом и дефектами. К недоумению Немцова, номенклатура и не думала подчиняться. «Он считал, что если все начальники пересядут на „Волги“, то и завод в Нижнем Новгороде оживет, и народу эта популистская идея приглянется, – вспоминал Олег Сысуев[6], в 1997–1998 годах заместитель председателя правительства. – Он, кстати, изначально перемещался по Москве на этой машине. Ездил исключительно на переднем сиденье. В летнее время с открытым окном. Пару раз я был в машине вместе с ним. Видел, какое ему доставляет удовольствие общение с народом из своего персонального автомобиля Советской эпохи. Между прочим, на улице к членовозам такой злобы, как сейчас, не было. К нам относились с надеждой, да и пробок в Москве было поменьше. Аппарат же реагировал на эту инициативу враждебно. Члены команды тоже, потупив взоры, молчаливо продолжали передвигаться на иномарках представительского класса. Но в какой-то момент Борис не выдержал и сказал мне по телефону: „Ну что же ты, стервец? Хоть бы ты меня поддержал“. После этой просьбы я честно пересел на „Волгу“. Проездил на ней недели три, после чего она благополучно сломалась, а в гараже не нашли деталь для рейнджроверского двигателя, который тогда стоял на этих машинах. Но я – это еще ничего. Борис уговорил пересесть на ЗИЛ самого президента. Я знаю, что дочь Бориса Николаевича Татьяна звонила и умоляла Немцова отменить свою просьбу, потому что папе крайне неудобно, сиденья жесткие, спина не выдерживает, дует со всех сторон. В общем, затея проваливалась буквально на глазах. Пиар не удался и в этот раз». Большинство чиновников попросту тянуло время, ожидая, что кампанейщина постепенно сойдет на нет. Так оно в общем-то и вышло.

«Фиговый срываем лист – тот и этот коммунист!»

Пока Немцов демонстративно гонял по Москве на «Волге» и осваивал роль лоббиста, у него на родине решался вопрос о преемнике губернатора. Еще в марте, после того как стало известно о его переезде в Москву, журналисты и социологи стали гадать, кто же встанет на место Бориса Ефимовича? Рассматривалось аж девять кандидатур! В том числе лидера ЛДПР Владимира Жириновского, президента ГАЗа Николая Пугина, представителя президента Евгения Крестьянинова, бывшего мэра (назначенного, а потом свергнутого самим же Немцовым) Дмитрия Беднякова, конкурента Немцова по выборам в губернаторы Вячеслава Растеряева, президента «Норси-Ойл» Сергея Кириенко, президента ГЖД Омари Шарадзе. При этом вице-губернатор Юрий Лебедев, который после ухода Немцова исполнял обязанности главы региона, и мэр Нижнего Новгорода Иван Скляров были в списке последними! Однако в итоге сбылось предсказание «Ленинской смены», высказанное газетой еще в начале февраля. Своим преемником «батька» объявил своего «сына» – Склярова. А вот оппозиция довольно неожиданно выставила против него депутата Госдумы от КПРФ, бывшего первого секретаря Горьковского обкома КПСС Геннадия Ходырева.

Стоит отметить, что Скляров не пользовался такой популярностью, как Немцов, не обладал особой харизмой, а за годы работы на посту зама и мэра успел многократно рассмешить народ своими, мягко говоря, не всегда уместными высказываниями. Именно про людей такого типа иногда говорят: «Уж лучше бы молчал». Единственное, что мог поставить на кон Иван Петрович, – это был имидж «крепкого хозяйственника» и преемника Бориса Ефимовича. Впрочем, конкуренты сами упростили задачу главному кандидату, выставив против него коммуниста, да еще и с обкомовским имиджем. Получилось, вроде как бывший партократ спустя шесть лет стремится вернуться в свой кабинет! Да еще и Геннадий Андреевич не к месту бросил клич: «Замкнем красную пряжку на Нижнем Новгороде!» Имея в виду, что область оставалась как бы белым пятном, разрывающим сформировавшийся тогда «красный пояс» регионов, где на губернаторских выборах победили кандидаты от КПРФ. Посему предвыборному штабу Склярова не пришлось ничего изобретать, предвыборная кампания, словно на дворе по-прежнему стоял 1991 год, была построена на старом добром

антикоммунизме.

«В Волжском бассейне опять большой наплыв политиков, – писали „Известия“. – Приз на этот раз крупнее обычного – вакантна должность губернатора насквозь пореформированной и подготовленной к процветанию Нижегородской области. Немцов ушел – да здравствует наследник! Надо полагать, он завершит многолетние преобразования и справится с этим, даже если не столь молод, как Борис Ефимович, не столь прогрессивен и решителен и даже не способен поговорить по-английски с Клинтоном и поцеловать ручку Тэтчер». При этом журналисты, особенно московские, сразу подметили некоторое сходство между двумя основными кандидатами. Оба родились в деревне, получили инженерное образование, работали на заводах, где дошли до начальников цехов, а потом перешли на партработу. Более того, первый секретарь Арзамасского горкома КПСС Скляров когда-то находился в подчинении у первого секретаря обкома Ходырева. В оборот даже была запущена частушка: «Объясните, бога ради, где Иван, а где Геннадий. Фиговый срываем лист – тот и этот коммунист!»

«Это выборы российского значения, – заявлял сам Ходырев. – Сегодня речь не о Склярове и Ходыреве. Речь идет о Немцове – кандидате номер один в президенты России. Принципиально важно, чья команда победит на выборах губернатора: наследников Немцова или его оппонентов». Кандидата от КПРФ поддерживал не только Зюганов, но и Жириновский. Оба понимали, что, если в Нижегородской области победит оппозиция, это косвенно подорвет позиции самого Немцова. Ведь тогда президент мог задуматься: «Что же ты там, понимаешь, столько лет строил, что после тебя все рухнуло?!» А Скляров привлек к помощи своего друга Юрия Лужкова, мэра Москвы. Привез его в депрессивный город Дзержинск, некогда столицу химии, которая в постсоветские годы стала символом разрухи и разгула преступности. Юрий Михайлович публично пообещал разместить на разваливающихся предприятиях, когда-то ориентированных в основном на выпуск химического оружия, некие заказы и даже привлечь инвестиции. Кстати, в Дзержинске – втором по величине городе области – к власти уже пришли коммунисты. Ходырев же построил свою кампанию на критике Немцова, причем развал промышленности в Дзержинске как раз был одним из главных козырей. Мол, Борис Ефимович заботился только об автозаводе с его «газелями», а десятки других предприятий, особенно ВПК, едва сводили концы с концами, а то и вовсе закрылись. Припомнил он и десятки хозяйств на селе, которые не смогли пережить немцовскую программу «Зерно»,

завышенные цены на электроэнергию и квартплату, рост которой намного опережал общероссийские темпы.

В итоге на выборах, состоявшихся 29 июня, Скляров еле-еле опередил Ходырева. Несмотря на полное задействование административного ресурса, контроль над ведущими СМИ и открытую поддержку Немцова, первый набрал 41% голосов, второй почти 38%. Причем в некоторых районах, например Борском, кандидат от КПРФ даже опередил преемника Немцова аж на 17%! Невысокий результат Склярова оказался неожиданным как для его сторонников, так и для противников. И конечно же для самого Немцова. Поняв, что исход второго тура висит на волоске, все противники оного тотчас объединились под одним знаменем. О поддержке Ходырева открыто заявили Жириновский и даже Лебедь. Ну а Борису Ефимовичу пришлось бросить все дела и лететь в Нижний Новгород. Там он гулял по улицам, давал интервью, в которых пытался изобразить приход к власти Геннадия Максимовича как «реставрацию коммунизма». «Если губернатором станет Ходырев, то управлять областью будут Зюганов с Жириновским», – пугал он нижегородцев. Более того, поддержать Склярова (вероятно, по просьбе Немцова) лично приехал и премьер Черномырдин. Он совершил внеплановый визит в Саров, где кандидат от власти также провалился в первом туре. Виктор Степанович пообещал вернуть атомщикам долг – 150 миллиардов рублей. Причем эти средства были сразу же перечислены внеочередным траншем! Попутно в СМИ развернулась настоящая истерика, схожая с той, которая была год назад во время президентских выборов. Людей пугали нищетой, разрухой, развалом ЖКХ и транспорта, рассказывали, как плохо живется при «красных» губернаторах и т. п. В итоге во втором туре Иван Петрович набрал 52% голосов, а его соперник – 42%. «Мы отстояли демократию», – заявил облегченно вздохнувший преемник.

Авгиевы конюшни нефтянки

Как известно, Немцову достались в ведение настоящие авгиевы конюшни – топливно-энергетический комплекс. Это сейчас, когда экспорт нефти приносит огромные (хотя и упавшие за последние годы) доходы, данная отрасль считается настоящим «эльдорадо», а в 90-х годах при средней цене от 15 до 20 долларов за баррель, при непонятной системе не то квот, не то льгот, при одновременном низком спросе на внутреннем рынке, нефтяные компании были скорее предметом головной боли правительства, чем донором для бюджета. Хотя и последним были тоже. Возвращаясь на несколько лет назад, стоит напомнить, что еще в 1992 году правительство приняло решение создать в нефтянке конкурентную среду, раздробив ее на некоторое количество компаний. При этом реорганизовывалась отрасль через так называемые «вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК)». Каждая из них занималась одновременно и разведкой, разработкой, добычей, переработкой нефти, а также распределением нефтепродуктов и продажей на заправках. В 1992–1993 годах были организованы компании «Сургутнефтегаз», ЮКОС и «Лукойл». Первоначально государство сохраняло свою долю акций во всех новых нефтяных компаниях через государственную компанию «Роснефть», потом произошло их преобразование в акционерные. В 1994 году из «Роснефти» были выделены еще несколько вертикально интегрированных нефтяных компаний: «Славнефть», Сибирско-Дальневосточная нефтяная компания «Сиданко», Оренбургская нефтяная компания «ОНАКО». В 1995 году было сформировано еще пять компаний: ТНК, Сибирская нефтяная компания, «Башнефть», «Татнефть» и «Коми-ТЭК». Вторым элементом реформы, как и в других отраслях, была постепенная приватизация, проводившаяся в три этапа. Сначала в 1993–1995 годах служащие компаний получали акции в форме привилегированных акций. А вот вторым этапом приватизации стали так называемые и печально знаменитые залоговые аукционы.

Дело в том, что в середине 90-х правительство испытывало хроническую нехватку денег. А банки, заработавшие огромные капиталы во время гиперинфляции, предложили большие кредиты под залог акций крупнейших компаний. Схема была простая, как и все эпохи «лихих девяностых»: в случае, если правительство не возвращает кредиты в срок, акции, которые находятся в залоге у банков, могут быть проданы через аукционы по цене не меньше установленной договором. Фактически эти

кабальные договоры позволили олигархам по дешевке скупать ценные активы. В 1996 году, когда пришло время возвращать кредиты, казна была опустошена Чеченской войной, президентскими выборами и многочисленными подачками и льготами, которые ради поднятия рейтинга щедро раздавало правительство. В итоге денег на оплату кредитов не оказалось и эти все акции были проданы с залоговых аукционов. К примеру, банк «Менатеп» Михаила Ходорковского купил компанию ЮКОС, причем 45% акций обошлись ему всего в 160 миллионов долларов! А контрольный пакет акций компании «Сибнефть» был продан вовсе за ПО миллионов долларов и попал под контроль банков, которые находились в том числе под контролем Березовского. За аналогичные суммы ушли с молотка и акции «Сиданко», которые купил ОНЭКСИМ-банк бизнесмена Владимира Потанина, и другие пакеты.

Ну а пока олигархи делили добычу, сама отрасль постепенно деградировала. Максимальный экспорт нефти составлял ПО миллионов тонн в год, что соответствовало показателям еще конца 70-х годов. При этом был потерян рынок Северо-Восточной Европы, а транзит через бывшие республики, который ранее, понятное дело, был бесплатным, теперь обходился в копеечку. В то же время из-за сложных и непрозрачных схем работы нефтяной промышленности в России зарубежные инвесторы отказывались вкладывать в нее деньги. Из-за низких мировых цен сами компании несли убытки и возглавляли список злостных должников в бюджет. К лету 1997 года их общая задолженность уже достигла 30 триллионов рублей.

Когда Немцов вошел в правительство и по совместительству стал министром ТЭК, было объявлено, что, во-первых, никаких залоговых аукционов больше не будет. Впрочем, сам Борис Ефимович мало чего смыслил в топливе, а тем более в энергетике. Не случайно уже через месяц после назначения он пришел к Черномырдину и настойчиво попросил назначить ему замом президента «Норси-Ойл» и своего друга Сергея Кириенко. Немцову нужен был человек с аналитическим складом ума, который сможет быстро разобраться в этих самых авгиевых конюшнях. Черномырдин, конечно, возражал, мол, Кириенко всего лишь молодой бизнесмен без государственного опыта. Однако Немцов все же настоял на своем. И Сергей Владиленович не разочаровал. Буквально за пару месяцев он не только вник во все тонкости нефтяного рынка, но и смог составить пакет первоочередных мер. В итоге 8 июля Немцов и Кириенко съездили на дачу к Ельцину, находившуюся в Карелии, и убедили его подписать ряд важных документов. Во-первых, было

объявлено о продаже государственных пакетов акций в шести компаниях, причем с открытых аукционов. Во-вторых, с 1 октября был изменен порядок распределения прав на экспортную прокачку нефти по трубе «Транснефти». Высвободившиеся квоты должны были распределяться между нефтяными компаниями пропорционально объему добычи и при условии их согласия направлять выручку на погашение долгов перед бюджетом. Этот механизм должен был устранить из цепочки посредников, которые сами ничего не качали и не добывали, но зарабатывали на экспорте сырья. Данными мерами решались сразу три задачи: сворачивались неактуальные госпрограммы, нефтяные трейдеры отстранялись от валюты, а выручка перераспределялась в бюджет.

Данные меры принесли быстрый эффект. Позарившись на новые экспортные квоты, нефтяные компании в целом расплатились с долгами к концу года. Причем некоторым пришлось даже взять крупные кредиты в банках. Правда, вскоре менеджеры пожалели об этом, так как в начале 1998 года мировые цены на нефть стали неожиданно падать. А вот Кириенко этот успех принес очередное повышение. В ноябре он стал министром топлива и энергетики вместо Немцова. Последний не то чтобы не справился, думается, эта должность, требовавшая сосредоточения на конкретных задачах и проектах и, так сказать, сужавшая кругозор, ему скорее надоела. Кстати, одним из заключительных мероприятий, которое запустил Борис Ефимович на этом посту, было санкционирование первого в истории перекрытия поставок газа на Украину. За долги Газпрому, разумеется! Тогда еще никто не знал, что эта история превратится в «сказку про белого бычка»…

«Связьинвест»: «битва с олигархами» или ссора из-за медяка?

Упомянутый отказ правительства от залоговых аукционов имел далекоидущие последствия. Прошло всего три месяца с переезда Немцова в Москву, как начало развиваться событие, которое одни потом назовут не иначе как «битвой с олигархами», а другие «лебединой песней Немцова, Чубайса и Коха[7]». 25 июня Российский фонд федерального имущества официально объявил о начале приема заявок для участия в конкурсе по продаже 25% огромного холдинга «Связьинвест». Он аккумулировал в себе госпакеты акций 89 телефонных и телеграфных компаний России, а летом 1997 года к нему были присоединены еще и госпакеты Ростелекома, Центрального телеграфа, Екатеринбургской телефонной сети и Гипросвязи. Начальная цена этого лакомого куска была определена в фантастическую и беспрецедентную для российских приватизационных аукционов цену – 1 миллиард 187 миллионов долларов. Кстати, пакет выставлялся на продажу уже повторно. Четверть «Связьинвеста» в декабре 1995 года уже пыталась приобрести итальянская фирма «Стет». Она выиграла тендер, но сразу после объявления результатов выборов в Госдуму отказалась от своих намерений. Кроме того, приватизация «Связьинвеста» планировалась в два этапа, уже осенью на продажу должны были выставить еще 25% акций, причем к аукциону собирались допустить только российских участников. Последнее объяснялось тем, что РФФИ поначалу был уверен, что столь огромную сумму смогут уплатить только иностранные инвесторы. Среди претендентов назывались всемирно известные фирмы «Эрикссон», «Сименс» и др. Генеральный прокурор Юрий Скуратов даже высказывал опасения, что если часть «Связьинвеста» купят иностранцы, то они будут использовать телефонные сети для массового прослушивания разговоров в России. «Сомнительно, чтобы какая-то российская структура смогла аккумулировать такие громадные средства, – писали „Известия“. – Один лишь залог для участия в конкурсе составляет 400 миллионов долларов».

Однако все эти домыслы оказались беспочвенными. Во-первых, иностранные фирмы серьезного интереса к конкурсу не проявили, во-вторых, нашлись люди и в России, пожелавшие любой ценой заполучить лакомый кусок. Первым участником конкурса стал голландский концерн «ТелеФАМ», вторым некий кипрский консорциум «Мустком». Правда, иностранные названия

оказались лишь масками, которые по мере обострения борьбы за «Связьинвест» были быстро сброшены. За «Мусткомом» стояли ОНЭКСИМ-банк, офшоры одного из фондов Джорджа Сороса и Дойче-банк, а фактически олигарх Владимир Потанин. А за «ТелеФАМом» была группа «Мост», Альфа-банк, то есть олигархи Борис Березовский с Владимиром Гусинским. Все они в свое время нажили богатство, в том числе за счет упоминавшихся залоговых аукционов, а Потанин и вовсе являлся автором данной идеи.

Как теперь известно, во время президентских выборов были достигнуты договоренности, согласно которым «Связьинвест» должен был отойти к банкам Березовского и Гусинского. Правда, каким именно образом – до сих пор неизвестно. Схема залогового аукциона в данном случае не работала, так как холдинг попросту еще никуда не закладывали. Скорее всего, покупка должна была произойти через обычный аукцион, но с заранее известными участниками и победителями. Однако в начале 1997 года в правительстве, в которое тогда в качестве вице-премьера входил Потанин, видимо, передумали. Причина этого вряд ли доподлинно станет известна, а Березовский потом обрисовал ее так: «Чубайс, видимо, проснулся в хорошем настроении и решил, что вот сейчас, с сегодняшнего дня все будет по-другому… А были договоренности». В свою очередь, в правительстве тоже была договоренность, что принадлежащий Потанину ОНЭКСИМ-банк не должен участвовать в конкурсе. Иначе получалось как бы использование служебного положения. Впрочем, 17 марта бизнесмен уволился из правительства, что снимало с него все ограничения на покупку «Связьинвеста». Эти факты могут свидетельствовать о том, что будущая сделка готовилась заранее, а вот Гусинский с Березовским узнали об отказе от прошлогодних «договоренностей» только в июле.

Хотя правительство позиционировало аукцион как «полностью открытый», фактически его итоги подводились на более чем кулуарной встрече Чубайса, Потанина, Березовского и Гусинского во Франции, состоявшейся 24 июля. Некоторые подробности ее попали в СМИ. «Разговор длился шесть часов и был очень горячим, – писали „Известия“. – Претенденты пытались договориться и обсуждали возможные цены. По некоторым сведениям, Гусинский и Березовский предлагали чуть больше 1,2 миллиарда долларов, то есть чуть больше стартовой цены. Потанин высказал готовность выложить примерно 1,6 миллиарда…» Впрочем, окончательную черту под сделкой подвел президент. 29 июля Чубайс прибыл в санаторий «Волжский утес», где тогда отдыхал Ельцин, и сообщил ему результаты конкурса.

После чего Борис Николаевич заявил, что удовлетворен ими. После этого проигравшим осталось только пускать слюни… и готовить удар возмездия.

«Финансовая война, инициированная конкурсом по „Связьинвесту“, вступила в новую стадию, и стало окончательно ясно, что речь идет не о локальном скандале по поводу продажи привлекательного телекоммуникационного куска, а о радикальной перекройке всего финансово-политического ландшафта в России, в котором „Связьинвест“ – нечто вроде танкового сражения под Прохоровкой, – писали „Известия“. – Перекройкой, истоком которой можно считать желание власти навязать российским феодалам новые правила игры, а побочным эффектом – возможные отставки в высших эшелонах». Отправной точкой для начавшейся войны стала пресс-конференция бывшего пресс-секретаря президента Вячеслава Костикова, теперь представлявшего группу «Мост», на которой он обвинил Потанина и Чубайса во вранье по поводу якобы имевшихся переговоров, а заодно вбросил версию о том, что Чубайс и Немцов с помощью продажи «Связьинвеста» начали собирать деньги на предвыборную кампанию. «А не знает ли группа очень смышленых молодых людей о нашем президенте нечто такое, чего мы не знаем? Что заставляет их торопить события, намеченные на 2000 год?» – заявил Костиков. Одним словом, Немцов и Чубайс якобы знали о плохом состоянии Ельцина и, возможно, о его желании побыстрее уйти на покой, посему и развернули бурную деятельность. Потанин в ответ дал свою пресс-конференцию, на которой заявил, что экономика договоренностей в стране сменяется экономикой конкуренции, что приведет к кризису «баловней эпохи финансового феодализма». И вот теперь эти обиженные «баловни» и затеяли информационную войну и истерику в СМИ.

«Конфликт вокруг „Связьинвеста“ – это крупнейшее столкновение капитала и власти, – продолжали „Известия“. – И если события будут развиваться по военному сценарию, то результаты могут быть весьма разрушительными… Истинную победу одержал не ОНЭКСИМ, а правительство в борьбе с феодальными финансистами». Это событие называли даже «битвой при Ватерлоо» или «Аустерлицем» правительства. Правда, некоторые аналитики все же отмечали, что это не более чем «ссора из-за медяка». Ведь в конечном счете миллиард долларов, полученных в бюджет, не решил проблем, зато развязанная после «Аустерлица» информационная война имела весьма значительные последствия. Уже в августе на подконтрольных олигархам телеканалах, а также в газетах вышла

серия разоблачительных материалов о правительстве и его отдельных членах. А потом все это переросло в масштабную травлю и даже истерику. Тактика СМИ была в общем-то незамысловатой, подобная схема использовалась и во время предвыборной кампании Ельцина, и после нее, и в более поздние времена. Реальные факты обильно дополнялись домыслами и слухами, многочисленными интервью с «представителями народа» и «экспертами», все это подавалось в виде аналитических программ, бесконечных ток-шоу, перемежавшихся новостными выпусками. Особенно популярной схемой тогда стала игра на «рейтингах». Каждую неделю проводились некие «опросы», сколько процентов на гипотетических выборах президента отдадут за Немцова, сколько за Чубайса, Лужкова, Черномырдина и т. д. Рейтингами увлекались не только федеральные каналы и издания, но и местные. Все что-то подсчитывали, составляли диаграммы и таблицы. Цель была проста: свести всю работу правительства в глазах общества исключительно к имиджевым проблемам. И заставить кабинет тоже играть в рейтинги.

Компромат на министров и вице-премьеров оказалось отыскать несложно. 4 августа в «Новой газете» вышла статья журналиста Александра Минкина, в конце которой было указано: «Еще один вице-премьер России – Альфред Кох – написал книгу „Приватизация в России: экономика и политика“. Не знаем, какова она в толщину, но швейцарская фирма Servina Trading S. A. заплатила Коху авансом $100 тыс. Понятно, эта книга никому не нужна. Тем, у кого есть деньги на приватизацию в России, проще купить Коха, чем его книгу». Это послужило началом так называемого «дела писателей». Первой его жертвой и стал Кох, который уже 13 августа ушел в отставку. «Теперь я смогу заняться бизнесом», – радостно заявил он. 11 сентября генеральный прокурор Юрий Скуратов заявил, что дал поручение проверить достоверность сведений о получении Кохом 100 тысяч долларов за ненаписанную книгу, а 1 октября против него было возбуждено уголовное дело «по признакам злоупотребления должностными полномочиями». Впоследствии оказалось, что Кох «писал» книгу не один, а в соавторстве с первым заместителем руководителя администрации президента Александром Казаковым, главой Госкомимущества Максимом Бойко, руководителем федерального управления по делам о несостоятельности Петром Мостовым и первым вице-премьером Анатолием Чубайсом. По случайному совпадению (как утверждали писатели) книга под названием «История приватизация России», которая, по словам Чубайса, «ответит на важнейшие вопросы развития частной собственности в России», должна была выйти в издательстве «Сегодня-пресс»,

которое контролировалось группой ОНЭКСИМ. Согласно договору, каждому из авторов полагался гонорар в 90 тысяч долларов, а сам договор был подписан в мае 1997 года, то есть за два месяца до скандальной приватизации «Связьинвеста».

13 ноября Генеральная прокуратура сообщила, что Московская городская прокуратура заинтересовалась обстоятельствами, связанными с изданием монографии, и все факты приобщены к уголовному делу Альфреда Коха. После этого и начался развал «мартовского» правительства. Уже на следующий день был отправлен в отставку Казаков, а 15 ноября Бойко и Мостовой. Написал заявление по собственному желанию и Чубайс, но Ельцин его отставку не принял. Ну а вечером того злополучного для реформаторов дня вся страна увидела программу «Время» с Сергеем Доренко, где были показаны копии платежных документов о переводе гонораров писателям. «Чубайс, Бойко, Казаков, Кох и Мостовой… слились в творческой гармонии и написали книгу о приватизации в России… Теперь… Чубайс сдал всю команду подельщиков, а сам старается выкрутиться. Сколько и каких взяток надеется получить Чубайс?» – прокомментировал Доренко, впоследствии заслуживший неформальное прозвище «телекиллер». 20 ноября Анатолий Чубайс был освобожден с поста министра финансов, но должность первого вице-премьера все же сохранил.

Эта история нанесла непоправимый удар по имиджу правительства, а его противники достигли главного – втянули всех его членов в изнурительную информационную войну и политическую борьбу. При этом обещанную пенсионную реформу так и не начали, в сфере ЖКХ все ограничилось декларациями о намерениях и рассуждениями о мусорном топливе и энергосбережении, не продвинулось дело и с контролем над монополиями. В итоге сил у кабинета хватило только на финансовые проблемы. При этом «Связьинвест» так и остался его самым серьезным достижением за весь год. Правда, деньги, вырученные от сделки, быстро рассосались, а прожорливый бюджет требовал все новых и новых вливаний.

А что же Немцов, в работе над книгой не участвовавший? Уже к концу 1997 года его первоначально бурная деятельность на новом посту постепенно стала сходить на нет. По разным причинам. Во-первых, помимо глобальных идей, озвученных весной, он не смог придумать ничего нового. А те идеи и проекты, которые были озвучены, либо заглохли на стадии проектирования и обсуждения из-за их масштабности и чрезмерной затратности (как то реформа ЖКХ), либо попросту не были доведены ни до какого логического конца из-за заведомой невыполнимости (как

то пересаживание на «Волги»). А с учетом того, что топливно-энергетический комплекс Немцов спихнул на Кириенко, а жилищно-коммунальное хозяйство на Сысуева, он фактически остался вице-премьером без реального функционала. Имя Бориса Ефимовича все чаще стало фигурировать не в темах, связанных с реформами, а в инсинуациях по поводу его президентского рейтинга.

Вся осень и начало зимы у правительства ушли на бесконечные баталии с Госдумой по поводу бюджета 1998 года и вотума недоверия, который депутаты хотели ему объявить. При этом Немцов взял на себя более привычную по годам губернаторства роль ньюсмейкера и имиджмейкера. Выступая на пресс-конференциях и по телевидению, он с улыбкой на лице заявлял, что в экономике, вопреки всему, «начался рост» и обещанный еще весной подъем «уже наступил». А в конце года Борис Ефимович вляпался в очередной скандал. Съездив с официальным визитом в Швецию, он наговорил там столько всего о ситуации в России и ее вечно недовольном парламенте и оппозиции, что высказывания первого вице-премьера потом несколько недель цитировали многие мировые СМИ. Немцов вообще никогда не понимал разницы между ток-шоу, пресс-конференцией, интервью и официальной речью. Что видел, то и пел! В этот раз все закончилось тем, что Государственная дума приняла 26 декабря специальное постановление «О безответственных заявлениях и призывах Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Б. Е. Немцова». «Согласно сообщениям зарубежных и российских средств массовой информации, во время пребывания с официальным визитом в Швеции первый заместитель председателя правительства Российской Федерации Б. Е. Немцов недвусмысленно публично запугивал потенциальных инвесторов перспективой, что „красные“ губернаторы сведут вкладываемые иностранные капиталы к нулю, ликвидируют их, – говорилось в нем. – Подобные заявления по сути являются средством давления на оппозицию в лице демократически избранных руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации, попыткой дискредитировать их путем создания экономических трудностей. Б. Е. Немцов, грубо поправ этику поведения лица, занимающего государственную должность Российской Федерации, в ходе указанного визита лишний раз проявил себя как безответственный и малоквалифицированный политик… Государственная Дума обращается к президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину, как к гаранту конституции Российской Федерации, провозгласившему Год согласия и

примирения, с предложением дать принципиальную оценку вышеуказанным действиям Б. Е. Немцова и освободить его от занимаемой должности». Ельцин, понятное дело, на постановление никак не отреагировал, а Немцов только посмеялся.

1 января 1998 года в России началась так называемая деноминация. Ее целью было всего лишь убрать «лишние» нули с денежных купюр, упростить расчеты (что такое триллион, к тому времени смогли выучить далеко не все, понимали лишь, что очень много), а также вернуть в оборот железную мелочь, позабытую с 1993 года. Отныне «лимоны» превратились в тысячи, а тысячи в рубли. При этом еще долго после проведения реформы в ходу были и деньги старого образца. Кроме того, народу обещали, что деноминация не что иное, как еще один признак наступающей в стране стабильности. «Если раньше Центральный банк и правительство России с трудом управляли денежным хозяйством страны, то последний год дал ясно понять, что при сохранении проводимой политики про скачки курса рубля и пренебрежительное отношение к национальной валюте можно будет забыть, – писали „Известия“. – Гарантией тому служат, в частности, золотовалютные резервы страны. В настоящее время они превышают 24 миллиарда долларов».

Впрочем, несмотря на кажущуюся простоту и безобидность деноминации, затеянной правительством, многие высказывали справедливые замечания по поводу ее необходимости. Во-первых, в чем срочность этой меры, нельзя ли отложить ее до более благополучных времен? Во-вторых, откуда денежки? И действительно, деноминация обошлась Центробанку в 7 триллионов неденоминированных рублей. А это было без малого миллиард долларов и десятая часть инвалютных запасов ЦБ! То есть почти столько же, сколько правительство выручило от злополучной приватизации «Связьинвеста». Так в чем была необходимость такой расточительности, в то время как миллионы людей по-прежнему не получали вовремя зарплаты и пенсии? «С чего бы это старый скупердяй Центробанк или госбюджет, у которого каждый миллион „зеленых“ на счету, расщедрились на экономически нейтральную „техническую“ операцию? – писал журналист Виктор Деменев. – Лишь потому, что инфляцию одолели? На Западе ее, что ли, нет? Есть. Почему Италия не деноминирует свою увядшую лиру, которую тоже штуками считают потомки Великой Римской империи?»

«Очень важно иметь царя»

В конце 1997 – начале 1998 года Немцов всецело погрузился в еще одно важное дело – похороны царя… Дело в том, что уже вскоре после прихода в правительство Борис Ефимович был по совместительству назначен председателем Государственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков императора Николая II и членов его семьи. Сам орган был образован в октябре 1993-го, а в 1995 году были закончены все многочисленные работы и экспертизы по идентификации останков. Тогда же стало окончательно ясно, что это действительно Николай II и его семья, точнее, все, что от них осталось. Тогда же Священный синод РПЦ поставил перед комиссией дополнительные десять вопросов. Предлагалось провести стоматологическую экспертизу, исследовать проблему со шрамом на голове императора Николая II от удара саблей во время его поездки в Японию, провести дополнительные антропологические исследования. Последующие работы снова подтвердили идентичность найденных останков царской семьи. Были развенчаны бытовавшие с 1918 года мифы о том, что якобы «голова царя была отрублена и хранилась в кабинете Ленина», что «останки царской семьи были сожжены дотла», а само убийство «носило ритуальный характер». Немцов возглавил комиссию на заключительном этапе ее работы. 30 января 1998 года она официально завершила работу и выдала заключение, что останки, обнаруженные в Екатеринбурге, являются останками Николая II, членов его семьи и приближенных людей.

Незадолго до этого, в начале года, первый вице-премьер решил лично встретиться со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, дабы изложить ему результаты работы и получить одобрение церкви на захоронение. «Подготовка этой встречи была возложена на меня, – вспоминал Виктор Аксючиц, в 1997–1998 годах советник Бориса Немцова, курировавший работу правительственной комиссии. – 15 января 1998 года Борис Немцов – председатель правительственной комиссии, Владимир Соловьев – старший прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры, руководитель следственной бригады по идентификации останков, Александр Шубин – советник первого вице-премьера и я встретились с патриархом Алексием в его резиденции в Чистом переулке. Аудиенция длилась около двух часов. Владимир Соловьев передал официальный ответ Генеральной прокуратуры на десять вопросов. Его Святейшество внимательно прочитал записку и с присущей ему

основательностью начал задавать уточняющие вопросы. Отвечали в основном Борис Немцов и Владимир Соловьев. Затем Патриарх отодвинул папку с материалами в сторону, положил на нее руку и сказал: „Вы меня убедили. Этот вопрос можно считать решенным. Обсудим место и время захоронения“. Алексий предложил совершить захоронение царской семьи в первую или последнюю неделю Великого поста. Однако Немцов возразил ему, что многие СМИ, которые и так постоянно критиковали комиссию, могут обвинить ее в спешке, что послужит поводом для очередных „версий и разоблачений“». В связи с чем Борис Ефимович предложил назначить захоронение на 17 июля, когда исполнится 80 лет со дня расстрела царской семьи. К тому же это будет выглядеть символично, вроде как новая власть раскаивается за преступления предыдущей и завершает исторический цикл переосмысления истории. В итоге, после длительного обсуждения, предложение Немцова было утверждено. По некоторым данным, именно ему принадлежала идея похоронить царя в родовой усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге, хотя были предложения сделать это в Москве и Екатеринбурге. Кстати, 26 февраля Священный синод высказался в пользу безотлагательного погребения останков императора Николая II и членов его семьи в «символической могиле-памятнике». Однако уже на следующий день было принято постановление правительства о захоронении в Петропавловском соборе 17 июля 1998 года – в день 80-летия расстрела царской семьи.

Работа в комиссии и сами царские останки, видимо, произвели на Немцова глубокое впечатление. Будучи меланхоликом по темпераменту, человеком впечатлительным, обладавшим высочайшей чувствительностью, он, вероятно, от начала и до конца внутренне пережил всю драму царской семьи и ее главы. А заодно и трагедию всей монархии Романовых и ее печальный исход. Возможно, даже представил себя или Ельцина на месте расстрелянных. Сначала тебя обожают, боготворят, а потом вот так вот возьмут и пристрелят в заброшенном подвале, как собаку… Этим мыслям способствовало и недавнее загадочное убийство друга Чубайса, вице-губернатора Санкт-Петербурга Михаила Маневича. Молодой 36-летний политик, член команды Анатолия Собчака, был застрелен в своей служебной машине прямо посреди Питера утром 12 августа 1997 года. В то время поговаривали, что это своеобразная «черная метка» правительству и реформаторам. Одним словом, поводов для мрачных мыслей при осмотре царских костей было предостаточно.

Кризис, в котором оказалось полуразгромленное к тому

времени правительство, и потоки компромата в СМИ, скорее всего, тоже произвели на внешне улыбающегося Немцова тяжелое впечатление. Он конечно же догадывался, что работать будет нелегко, но не думал, что непреодолимые трудности возникнут так быстро. Морозной зимой (тогдашний декабрь стал одним из самых холодных за последнее десятилетие) он с ностальгией вспоминал прошлую весну. Когда все только начиналось. И жаркое лето, когда еще не было информационной войны, дела писателей и дурацкой игры на рейтингах. А он – Борис Немцов – разъезжал по Москве на «Волге» под одобрительные крики прохожих. Будущее тогда казалось светлым и солнечным, а теперь вот сменилось холодным и мрачным настоящим.

Под влиянием всех этих событий Немцов, который всю жизнь жил только эмоциями, видимо, окончательно разочаровался в демократии, которую раньше (во всяком случае, на словах) так любил. «К тому же больной Ельцин – это куда более надежно, чем очень здоровые Зюганов и Лебедь, – заявил Немцов в интервью газете „Фигаро“ в марте 1998 года на вопрос, не собирается ли он выставлять свою кандидатуру в президенты в связи с плохим самочувствием Бориса Николаевича. – И даже чем Лужков. Россия живет как при монархии. Зачем выставлять кандидатуру? Кого назначат, тот и станет президентом. Очень важно иметь царя. Россия слишком велика и малодемократична, чтобы действовать иначе». Некоторые тогда истолковали эти слова не иначе как стремление Бориса Ефимовича получить царский трон по наследству. «Повозился с царскими костями и почувствовал себя императором», – сказал по этому поводу спикер Совета Федерации Егор Строев о Немцове в марте 1998 года. Другие же, напротив, подумали, что тот отказывается от президентских амбиций. «Есть некий крамольный смысл в словах Немцова о монархии в современной России, – писал журналист Владимир Леонов. – С одной стороны, констатируемый „расцвет“ демократии. С другой стороны, коммунист-демократ Ельцин не продемонстрировал волю к сменяемости главного дирижерского пульта. Пообтершись год в верхних эшелонах власти, экс-губернатор понял: Борису III не бывать. Отсюда сегодняшний отказ выдвигаться в президенты-2000. Близко расположен источник утечки информации о том, что к XXI веку „устаревший“ институт младореформаторского вице-премьерства будет упразднен». Товарищ намекал на некие исторические аналогии с Борисом I Годуновым, который взошел на престол 400 лет назад – в феврале 1598 года. По мнению Леонова, в тот период Немцов решил отказаться от собственных президентских амбиций в угоду сохранения у власти действующего президента. «Спросили бы у

страны, а хочет ли она еще до 2004 года топтаться на одном месте под Борисами в угоду их воли к власти?» – заключал журналист, даже не подозревавший, как изменится страна к тому самому 2004 году! Хотя определенная истина в тогдашних высказываниях Немцова все же была. «В то время Борис Немцов относился к президенту с большим пиететом, – вспоминал Олег Сысуев. – Боря не просто этого не скрывал, а буквально демонстрировал всем окружающим. Хорошо помню знаменитую папочку, с которой он ходил на доклад к Ельцину. На ней было написано крупными буквами „Царь“. Мне кажется, что Борис Николаевич тоже души не чаял в Борисе, и Немцов это чувствовал. Тем не менее уверен, что прямых разговоров типа „Борис Николаевич, оставьте меня преемником“ не было. Возможно, были какие-то намеки, но они так быстро улетучились, что здесь не нужно ничего придумывать. Борис слишком быстро стал тревожить основы „семейного“ устройства. Тут же последовал конфликт с Татьяной Борисовной Дьяченко и Валентином Борисовичем Юмашевым».

Глава 14
Дорогу дали очень молодым

«Мы ведь все на него поставили, а он ничего не сделал»

23 марта 1998 года президент Ельцин отправил правительство в отставку с формулировкой «Люди не чувствуют улучшений». «Кое-что удалось сделать, – подытожил потом годичную работу правительства Олег Сысуев. – Например, сократить долги по зарплате. Но прыгнуть выше головы мы не могли. Невозможно было все это решить, имея на руках невыигрышные карты. Правительство работало с, мягко говоря, не самой дружелюбной Думой. Совсем не помогало и то, что работу правительства освещали враждебно настроенные СМИ, принадлежавшие олигархам, которые с нами конфликтовали. Уверен, что все члены кабинета министров были бы не против, если бы в то время и рейтинг президента был повыше. Про цены на нефть распространяться не буду: 9 долларов за баррель». Для большинства россиян, в том числе представителей элиты, отставка правительства, сформированного всего год назад, была полной неожиданностью. Одновременно с этим никаких удивлений по этому поводу тоже не было, так как полный провал работы кабинета был очевиден. Безудержная антиправительственная кампания в СМИ тоже сделала свое дело. От Немцова ждали многого, на него надеялись, но спустя год мало кто мог вспомнить хоть какие-то серьезные достижения Бориса Ефимовича. «Лишь самые зашоренные и безнадежные оптимисты из числа земляков станут теперь уверять, что Немцов по-прежнему на коне и все у него получится, – писал журналист Владимир Леонов. – Отставка правительства – это провальный приговор и нашему экс-губернатору. Ефимыч не уволен только потому, что дальновидно приторговал себе загодя двухлетнее присутствие во власти и московской элите… Вне каких-либо сомнений, президентская рекомендация чиновникам меньше заниматься политикой относится прежде всего к младшему Борису, который налево и направо просвещает просвещенных насчет монархий-олигархий в России». Любопытно, что по поводу Немцова тогда высказался даже известный сатирик Жванецкий. Он отметил, что тот «перестал тихо говорить». «Теперь он говорит громко, не смущаясь, как педагог, – отметил юморист. – Мы ведь все на него поставили. А он ничего конкретного не сделал».

Тем не менее полностью списывать Немцова со счетов тоже было рано. Может, просто не дали поработать? «Сожрали», как и предсказывали? Тем большее удивление у поклонников Бориса

Ефимовича и всех, кто следил за его карьерой (а это были миллионы!), вызвало назначение исполняющим обязанности премьера Сергея Кириенко. Возник резонный вопрос: а почему, собственно, Кириенко? Ведь если Немцова оставили в правительстве, а Сергей Владиленович его протеже, логичнее было бы назначить премьером как раз Бориса Ефимовича. А Кириенко повысить до вице-премьера. Многие увидели в этой странности намек на бесперспективность первого. «Логично, ведь если тебя обходит твой вчерашний выдвиженец, то это означает достижение тобою потолка, выше которого собственный лоб не пускает, – отмечал тот же Леонов. – А на кого ставить Ельцину? Чубайс со своей писательской семеркой разочаровал президента. Черномырдин и в обновленном правительстве не выправил положение с выплатами бюджетникам, пенсионерам и т. д. Немцов постоянно суется в политику, демонстрирует некомандную игру, раздает интервью, которые без конца приходится дезавуировать – не так поняли, мол, и т. п…» Версии высказывались самые разные. Вплоть до того, что Ельцин решил идти на третий срок, а главным конкурентом посчитал Черномырдина. Посему решил, дескать, убить двух зайцев. Устранить Виктора Степановича, потом замочить через СМИ, а на премьерство посадить «нерусского» и молодого, у которого нет шансов быстро прославиться. Хотя и ежу понятно, что самым верным способом устранить «конкурента» и опустить рейтинг в то время было как раз назначение главой правительства!

По всей вероятности, кандидатура Немцова на роль премьера в марте 1998 года не рассматривалась вовсе. Причем главной причиной оказалась полная неспособность Бориса Ефимовича собственно работать. То есть выполнять рутинные прямые обязанности. Как руководитель-хозяйственник он, к немалому удивлению многих, тоже не состоялся. Немцов был готов лезть в шахты, окопы, подвалы, лишь бы рядом были видеокамеры и журналисты и была возможность толкнуть речь. Собственно, тем же самым он занимался в должности губернатора… Причем на пост премьера у Немцова была своя кандидатура – Олег Сысуев. А вот Чубайс и администрация президента поддерживали Кириенко. Против и как бы заодно с Немцовым был Березовский, так как понимал, что с таким «начальником» он вряд ли договорится. «Потому, что Кириенко „бабки“ не берет, ему это не надо, – писала про своего взлетевшего земляка „Ленинская смена“. – Деньги для Кириенко не главное. Для него главное лидерство». В общем, олигархам он никак не подходил. Но Борис Николаевич на сей раз Бориса Ефимовича и Бориса Абрамовича не послушал. «Политическое влияние Немцова на Ельцина

преувеличено, Немцов Ельцину как сын скорее», – подметил тогда информированный источник. «Сергей Кириенко не наломал пока дров в Минтопэнерго, – писал Леонов. – Этого достаточно Ельцину, но маловато Госдуме. Рискнет ли она, не поступаясь принципами, пойти на самороспуск при неутверждении президентского выдвиженца в премьеры?» Как оказалось, Дума все же поступилась принципами. Дважды – 10 и 17 апреля – она отказывала в согласии на утверждение Кириенко на посту премьера, но 24-го числа, после твердого заявления Ельцина «Другой кандидатуры у меня нет» и третьего голосования, он 251 голосом все же был утвержден.

Для самого Сергея Владиленовича назначение тоже оказалось совершенно неожиданным. Во всяком случае, так он заявил в интервью через несколько часов после назначения.

А на вопрос журналистов, не страшно ли ему от столь стремительного карьерного взлета, он честно сказал, что очень страшно. Но страх, сказал он, не всегда плохое чувство. «С экономической точки зрения ситуация в стране очень сложная: вновь растут долги по зарплате, тяжелое положение в Пенсионном фонде, падение цен на нефть и газ неблагоприятно отражается на нашем торговом балансе и доходах в бюджет», – заявил Кириенко. «Ельцину нужен премьер, который бы усидел в своем кресле вплоть до президентских выборов 2000 года», – писал журналист Виктор Деменев. Тем временем Немцов после отставки Черномырдина какое-то время пребывал в статусе «и. о.». 18 марта он выступил на заседании «Круглого стола: будущее России», состоявшемся в Президент-отеле, где объявил себя борцом с олигархией. «Я против олигархии, – заявил он. – Я за народный капитализм». В последующие дни многие СМИ обсуждали очередное высказывание Бориса Ефимовича. Мол, что это за «народный капитализм», откуда взялся этот новый «термин»? «На этой неделе исполнился год, как Борис Ельцин, по выражению Анатолия Чубайса, сделал „сильный ход“, – писали лояльные к правительству и президенту „Известия“. – Назначил Бориса Немцова вторым первым вице-премьером… Так что сегодня есть повод подвести итоги. Прорыва в экономике не произошло. Впрочем, серьезные аналитики на него и не рассчитывали. Речь шла о начале экономического подъема, для него в 1997 году были созданы определенные предпосылки, произошел сброс ненужных предприятий, страна в целом адаптировалась к рынку. К концу прошлого года органы статистики зафиксировали небольшой экономический рост, но не в масштабах, на которые надеялись в правительстве… Большинство пунктов программы тандема Чубайс-Немцов –

борьба с естественными монополиями, увеличение налоговых поступлений, погашение задолженностей – в целом выполнено. Другой вопрос, как эти достижения скажутся на промышленной сфере. Весь прошлый год правительство занималось в основном решением финансовых проблем. Изменений же в промышленной политике пока не видно. Не слышно и каких-либо идей на сей счет… В прошлом году благодаря усилиям правительства Россия показала, что умеет работать на фондовом рынке. Начался приток иностранного капитала, что позволило осенью снизить ставку рефинансирования. Но капитал был в основном спекулятивный и при первых же признаках мирового финансового кризиса побежал из России».

«Криминал» уже в Кремле…

Отставка правительства совпала со скандальными выборами мэра Нижнего Новгорода. Напомним, самое первое голосование по кандидатуре главы администрации должно было состояться еще в марте 1994 года, но было в последний момент сорвано Немцовым. После этого вплоть до декабря следующего года мэром работал назначенный президентом Иван Скляров. Он же всенародно избрался на эту должность в тандеме с Немцовым. После ухода последнего в Москву Иван Петрович пересел на место Бориса Ефимовича, а исполняющим обязанности на восемь месяцев стал его преемник Владимир Горин. Так и получилось, что за шесть лет, прошедших с распада СССР, в Нижнем Новгороде всего полтора года работал избранный мэр. И вот на 28 марта были назначены новые выборы. На них выставилась целая плеяда ярких и не очень личностей. КПРФ и ЛДПР выставили соответственно Владимира Кириенко и Александра Курдюмова, а губернатор с уже немного растерянным имиджем «крепкого хозяйственника», понятное дело, поставил на другого еще не окрепшего «хозяйственника» – Владимира Горина. Кроме того, свои кандидатуры выставили ранее свергнутый Немцовым Дмитрий Бедняков и обиженный бизнесмен Андрей Климентьев.

Первые два, понятное дело, построили кампанию на критике власти. Однако известными личностями в городе они не были, посему и сами вряд ли верили в собственное избрание. Горин чем-то напоминал своего протеже, красиво говорить не умел, оперировал цифрами, рассказывал про транспорт, ЖКХ и дороги. Бедняков просто обещал продолжить начатое им в 1992–1993 годах. К примеру, вспоминал про открытый при нем троллейбусный маршрут в Верхние Печеры и обещал развивать троллейбусы и дальше. Ярче всех, понятное дело, выглядел Климентьев. Уже отрепетировавший свои речи на многочисленных пресс-конференциях, интервью и в судах, он обещал обогатить город за 100 дней. «Я добытчик или кто?» – был главный лозунг кандидата. И многие нижегородцы в это поверили. «Раз сумел для себя деньги заработать, и для города сможет», – рассуждали обыватели. Еще одной интригой выборов стала позиция Немцова. По логике вещей он должен был поддерживать Горина, как преемника своего преемника. Однако вопреки ожиданиям Борис Ефимович поставил на… Беднякова. «Не без помощи Немцова Беднякову подобрали команду московских специалистов по проведению предвыборных кампаний, – писала „Ленинская смена“. – Судя по некоторым

данным, Беднякову обещано, что на Склярова будет оказано давление „сверху“ и „снизу“. Со Скляровым „работает“ как Немцов, чтобы обратить его в „бедняковскую“ веру, так и нижегородские политики из окружения губернатора, которые продолжают считать Немцова своим политическим боссом». Среди таковых называли депутатов и председателя Гордумы Ивана Карнилина, ряд депутатов областного Заксобрания. Ходили слухи, что Немцов, как это было на губернаторских выборах, лично приедет в город и публично поддержит своего бывшего противника. А заодно обличит его конкурентов. «Да, они довольно быстро помирились после ругани 1994 года, – утверждает Андрей Климентьев. – И Немцов помогал ему на выборах, его поддерживали московские структуры».

Как же вышло, что «батька» и «сын» поддерживали разных кандидатов? Дело в том, что вскоре после избрания, которое вряд ли было возможно без опеки Немцова, Скляров быстренько отмежевался от последнего и даже объявил проводившуюся предшественником политику «ошибочной». А потом Иван Петрович заявил, что «единственной политической силой, на которую он ориентируется» является мэр Москвы Юрий Лужков, у которого с Немцовым были, мягко говоря, не самые лучшие отношения. Хотя на деле никакого Лужкова из Склярова не получилось. «Прославился» он в основном многими странными идеями, большая часть которых не была доведена до конца. К примеру, в том же 1998 году к предстоящему 200-летнему юбилею А. С. Пушкина он обратился к РПЦ с предложением причислить поэта к лику святых, потом собирался подать заявку на проведение в Нижнем Новгороде Олимпийских игр, пытался подарить президенту Татарстана икону Казанской Божьей Матери – символ победы над татарами и т. п. Фактически Скляров действительно являлся преемником (вернее, тенью) Немцова, только время уже было не то, поэтому то, что в начале 90-х могло показаться гениальной идеей, в конце оных выглядело уже откровенным фарсом.

Так или иначе, Немцову в марте 1998-го по понятным причинам было не до того и в Нижний он так и не приехал. Ну а на выборах в итоге победил Андрей Климентьев! Он набрал почти 34% голосов, в то время как Горин и Бедняков примерно по 30%. Поскольку тогдашний устав предусматривал выборы в один тур, Андрей Анатольевич сразу же оказался в дамках. А вот это уже был скандал всероссийского масштаба.

31 марта федеральная газета «Известия» вышла с громким заголовком на первой полосе: «Они уже в Кремле! В третьем по величине городе страны избиратели доверили власть бывшему

уголовнику». А рядом красовалась фотография Андрея Анатольевича. Не понимавшие и не знавшие всей предыстории и нижегородских реалий московские журналисты искренне удивлялись, почему на родине Немцова граждане отдали голоса не Владимиру Горину, который целый год исполнял обязанности мэра, лазил по канализации, чинил автобусы, не Дмитрию Беднякову, который едва не выиграл мэрские выборы четырьмя годами ранее, а скандально известному бизнесмену, в свое время отсидевшему за распространение порнографии. «Климентьев получил 33,7% вопреки нормальному инстинкту опасаться людей с криминальной биографией, – писали „Известия“. – Хочется думать, что в здоровом обществе на выборную должность должны попадать люди, хотя бы не сидевшие в тюрьме».

Но в первую очередь победа Климентьева конечно же ударила по Немцову и Склярову. Как метко выразился журналист Владимир Леонов: «Произошла корректировка завышенного Немцовым „курса акций“ третьей столицы». Имидж, созданный Немцовым, оказался мыльным пузырем, который наконец лопнул. К слову сказать, губернатор Скляров тогда проиграл не только мэрские выборы в Нижнем Новгороде, но и аналогичную процедуру в Дзержинске. Поддерживаемый им мэр Романов потерпел сокрушительное фиаско от 65-летнего ветерана демократического движения Ненашева. «Дело в том, что за 8–9 месяцев, которые Скляров руководит областью, практически ничего для региона сделано не было, и, несмотря на его высокий рейтинг доверия, большинство активных избирателей не пожелали выбирать мэра Нижнего Новгорода под него и подтвердить поддержку мэру Дзержинска только потому, что он сработался с губернатором», – писал журналист Виктор Деменев. Он единственный тогда высказал версию: дело не в том, что штаб Горина плохо провел кампанию, или в том, что голоса у того «украл» Бедняков, и т. п. Дело в том, что за Климентьева многие голосовали именно назло Склярову, а потом радостно потирали руки, как тот въедет в кремль на своем зеленом «субурбане». И конечно же это было еще одно сокрушительное (хоть и заочное) поражение Немцова. Ведь избиратели прекрасно знали о его отношениях с Климентьевым и догадывались, что дорогому Борису Ефимовичу избрание Андрея Анатольевича вряд ли придется по душе. Отдавая должное популярности и обаянию Климентьева, все же факт, что речь шла о банальном протестном голосовании.

Однако долго побыть мэром ему не дали. 31 марта – 1 апреля в Нижнем Новгороде состоялась короткая двухдневная война пресс-конференций, напоминавшая события трехгодичной

давности, когда Немцов и Климентьев начали обличать друг друга. В 17:00 последнего мартовского дня в Доме архитектора выступил избранный мэр. Климентьев выразил уверенность, что выборы будут признаны состоявшимися, и провозгласил себя победителем. Он раздал первые обещания, а также назвал Немцова олигархом. А в 13:00 следующего дня состоялась пресс-конференция председателя облизбиркома А. Некрасова, который заявил, что выборы прошли с «многочисленными нарушениями». Мол, Климентьев обещал жителям материальные блага, а это не что иное, как подкуп избирателей. В связи с чем городская избирательная комиссия постановила признать выборы недействительными. За такое решение проголосовали восемь членов комиссии, двое воздержались, один был против. По некоторым данным, в Нижний Новгород срочно прибыл заместитель главы администрации президента Севастьянов, который и дал соответствующее указание. И это притом, что еще днем ранее председатель горизбиркома публично заявлял, что «выборы прошли спокойно». Вечером того же дня Андрей Климентьев провел ответную пресс-конференцию в своем ночном клубе «Рокко», где обвинил власти в нарушении демократических норм и законов и объявил, что будет, несмотря ни на что, продолжать борьбу. После этого избранный мэр попытался пройти в областную администрацию, но там была усилена охрана и получен приказ – Климентьева не пускать. А уже в 17:00 состоялась еще одна пресс-конференция, на которой выступили Скляров, назначенный им новый и. о. мэра Мелешкин, заместитель главы администрации президента Севастьянов, председатель гордумы Иван Карнилин и председатель облизбиркома Некрасов. Губернатор заявил, что «результаты выборов признаны недействительными из-за несбыточных обещаний ряда кандидатов в мэры». После чего призвал к «благоразумию» и спокойствию. Главной цитатой пресс-конференции стала фраза Некрасова: «Вы упорно хотите понять, что и мне-то непонятно». Кроме того, он пояснил, что воля избирателей якобы «была искажена всем ходом избирательной кампании».

Ну а 2 апреля Андрей Климентьев, в это время находившийся под повторным следствием по делу о тех самых «навашинских миллионах», был арестован. Фактически это был первый прецедент подобного рода в России, когда состоявшиеся всенародные выборы уже после оглашения результатов отменили, а победителя посадили за решетку. Сомнительно, что эта «операция» проходила без ведома и участия вице-премьера Немцова, во всяком случае, сам губернатор Скляров на такое бы

точно не решился. И это были уже вторые за четыре года сорванные выборы мэра Нижнего Новгорода. При этом дата 29 марта стала поистине «заколдованной». Именно 29 марта 1994 года президент Ельцин своим указом снял с должности Дмитрия Беднякова, а спустя ровно четыре года – 29 марта 1998 года – был избран Андрей Климентьев.

А в расположенном возле кремля педагогическом университете сразу после выборов снова появились «открытые письма» некоего Бори, борца за социальную справедливость, в которых он опять бичевал своих обидчиков – сыновей коммерсантов и их «прихвостней». «Нет, я о вас не забыл! – говорилось в „письме № 5“, расклеенном в коридорах, курилках и туалетах. – Я лишь выждал определенное время, чтобы нанести решающий удар и поразить вас могучим бивнем правды. Именно правда, подчеркиваю это слово, так как ваша жизнь основана на кривде. Прошло три долгих года. Мы жили рядом, я учился, сдал госэкзамены, прочитал книги, а вы… И кто же из нас шел верным путем? Я наблюдал за вами и видел, как стремительно разлагаются ваши личности. И каков результат? Вы кончаете университет и с чем идете в жизнь? Ничего за душой: ни знаний, ни чести, ни благородства! А я все это время терпеливо сидел в библиотеках, за книгами, познавал жизнь во всей ее полноте и смело иду навстречу трудностям, не боясь таких, как вы. Ведь вся ваша жизнь: сидение на подоконниках, хулиганства, антилюдское поведение, приставание к девушкам, доказывает, что вы паразиты, присосавшиеся к телу нашего университета… Моя бабушка учила меня взаимовыручке и дружбе. „Последним куском поделись с товарищем“, – говорила она. Так я и живу. И в этом моя сила и величие. А ваши бабушки приучили вас к хапужничеству и эгоизму. Если ваш друг попадет в беду, вы не выложите и копейки из своих барышей». Но это была, так сказать, преамбула. Не обошел автор и тему прошедших выборов: «Мою чашу терпения переполнили трагические события 29 марта. То, что на выборах победил аналогичный вам человек, лишь подтверждает мою правоту. Чтобы уйти от ответа за свои гнусные поступки, таким людям свойственно рваться во власть. Но не надейтесь! Я встану на вашем пути, как Александр Невский на льду Чудского озера, и вам не уйти от ответа».

Сразу после скандала в Госдуму был внесен законопроект, призванный предотвратить приближение лиц «с уголовным прошлым» к органам госвласти. И это притом, что подобных примеров в России было немало. Ведь совсем недавно было «советское прошлое», а там были другие законы и понятия об «уголовщине». К примеру, тогдашний президент Республики

Марий Эл несколько раз являлся фигурантом уголовных дел, а его помощник, заведующий аппаратом, имел шесть лет отсидки. Так к чему было сейчас, когда в стране было полно проблем, ставить этот вопрос? Но все сразу догадались, откуда исходит инициатива и какова ее истинная цель. «В тексте документа явственно проступает корявый немцовский почерк, – писал нижегородский журналист Владимир Леонов. – Цель законотворческой инициативы видна невооруженным глазом: на легитимной базе вывести из политической игры азартного Климентьева, недвусмысленно пригрозившего в следующем мэрском туре набрать 90 процентов голосов избирателей, и таким образом развенчать легенду о колыбели российской демократии». Мэрская чехарда в Нижнем Новгороде закончилась только в сентябре 1998 года, когда на этот пост был избран бывший вице-губернатор Юрий Лебедев. Уже в четвертый раз выставлявший свою кандидатуру Дмитрий Бедняков, снова обещавший строить троллейбусные линии и метро, снова проиграл, после чего окончательно обиделся на горожан. Кстати, законодательство к тому времени спешно поменяли и отныне выборы проходили в два тура. Чтобы в случае чего сначала растащить электорат между разными, в том числе подставными кандидатами, а потом сориентироваться.

…А «контролер» за монополиями сбежал в США

Между тем в марте 1998 года Немцова постиг еще один удар. Дело в том, что еще прошлой весной по его рекомендации, а также с согласия Чубайса первым вице-президентом РАО «ЕЭС России» был назначен давний друг Бориса Ефимовича 29-летний Борис Бревнов. По возрасту этот юноша, внешне чем-то похожий на своего покровителя (тоже брюнет с курчавыми волосами), был на шесть лет моложе даже уж очень молодого Сергея Кириенко. Это был самый молодой член губернаторской команды (или бригады), сделавший головокружительную карьеру благодаря покровительству и личным симпатиям Немцова. Бревнов родился в обычной семье инженеров-строителей, после окончания школы отслужил в армии, а потом поступил в не самый престижный вуз – Горьковский политехнический институт на специальность «инженер-электромеханик». И если бы не крах СССР, он, вероятно, вряд ли дослужился бы до должности крупнее заместителя директора электростанции. Однако Бревнов, как и многие его современники, оказался в нужное время и нужном месте и вовремя воспользовался шансом, а также «эффектом опрокидывания». А главное – своевременно познакомился с Немцовым. Уже во время учебы Бревнов создал свое первое акционерное общество «Виста» и избрался депутатом райсовета. Он одним из первых понял, что заниматься бизнесом, совмещая его с политикой, гораздо выгоднее, чем только бизнесом. А в 1992 году 23-летний Бревнов стал ни больше ни меньше «советником по экономическим вопросам главы администрации Нижегородской области», а в следующем году – членом областного инвестсовета и совета по промышленности, председателем комитета по банкам. Ну и возглавил упоминавшийся НБД-банк, тот самый, который был замешан в деле о «навашинских миллионах». Вот такая, понимаешь, талантливая личность! В ноябре 1996 года «Нижегородские новости» так описывали персону в то время уже депутата Заксобрания Бориса Бревнова: «Это человек бизнеса и власти, стремящийся к публичности. И, похоже, держит его на этих непредсказуемых „качелях“ не меркантильная выгода, а неподдельный интерес к делу. По крайней мере, трудно понять, чего больше в нынешнем Борисе Бревнове – то ли от председателя комитета по экономической и налоговой политике, то ли от члена совета директоров ассоциации российских банков».

В первых вице-президентах Бревнов не задержался, уже в мае 1998 года став председателем правления РАО «ЕЭС».

Как-никак, Немцов обещал взяться за контроль за естественными монополиями. И кому, как не Бревнову, было их контролировать! Такая вот головокружительная карьера инженера-электромеханика получилась. Однако работа на новом посту у Бревнова сразу не заладилась. Одно дело проворачивать дела в отдельно взятом городе при полном отсутствии контроля и покровительстве первого лица, другое – делать это в крупной корпорации. В конце года Бревнов был вызван на заседание правительства как один из крупнейших неплательщиков бюджету. Там же юноше намекнули (пока вежливо), что финансовая ситуация в РАО значительно ухудшилась. В январе 1998 года кредиторская задолженность РАО «ЕЭС России» превысила дебиторскую. В связи с этим совет директоров попытался отправить господина председателя в отставку. Но за Бревнова тогда вступился министр топлива и энергетики Сергей Кириенко, и отставка не состоялась. Точнее, немного отложилась. Поводом для нового скандала стал полет Бревнова в США, за который было уплачено почти 100 миллионов рублей из кассы РАО «ЕЭС». Причем туда он летел один, а обратно вся его американская семья. Бревнова обвинили, во-первых, в нецелевом расходовании средств для аренды частного самолета, во-вторых, в том, что полет этот имел сугубо личные, «семейные» цели и к работе отношения не имел. Помимо всего прочего выяснилось, что Бревнов приобрел на деньги РАО квартиру в Москве за 560 тысяч долларов, а также дачу стоимостью около миллиарда рублей. За 1997 год господин председатель получил зарплату в размере 750 миллионов рублей, притом что средняя зарплата в электроэнергетике тогда была 1,8 миллиона в месяц, да еще и постоянно задерживалась. Например, работники одной из крупнейших в стране Конаковской ГРЭС не получали зарплату полгода. К Бревнову даже обращались представители коллектива «Дальэлектросетьстроя» с требованием оплатить выполненные работы для РАО «ЕЭС России» хотя бы в размере необходимом для погашения задолженности по заработной плате. «Задержка ее выплаты составляет более года. Сейчас наступили холода, наши дети разуты, раздеты, голодны, падают в голодные обмороки в школах», – ходатайствовали товарищи.

Результаты проверки Счетной палаты РФ выявили многочисленные финансовые злоупотребления Бревнова, в связи с чем 18 марта Госдума вынесла специальное постановление по нему. «В ходе проверки установлено, что при попустительстве представителей государства в совете директоров РАО „ЕЭС

России“ в указанном акционерном обществе, 52 процента акций которого находится в федеральной собственности, необоснованно и бесконтрольно расходуются значительные суммы в рублях и иностранной валюте на цели, не связанные с производственной деятельностью, – говорилось в документе. – Фактически речь идет о злоупотреблении служебным положением председателем правления РАО „ЕЭС России“ Б.А. Бревновым». За время правления Бревнова долги компании перед федеральным бюджетом увеличились на 70%, задолженность по зарплате – на 50%, долги в пенсионный фонд – на 100%. И все эти «успехи» можно отнести как на счет Немцова, назначившего «инженера-электрика» на эту должность, так и на счет правительства в целом, попустительствовавшего «деятельности» его протеже. В итоге, поняв, что запахло жареным, 25 марта Бревнов подал в отставку, а вскоре сбежал в США. Крах любимого банкира, совпавший с избранием в мэры другого бывшего советника, фактически отмежеванием преемника на посту губернатора, конечно же оказался для Немцова тяжелым ударом. Тем более на фоне отставки правительства и неожиданного «обгона» другим своим ставленником. Круг людей, с которыми он «начинал» и с которыми «продолжал», рушился на глазах. Надо было начинать искать новых друзей и советников. И новые идеи…

Глава 15
Коллапс имени Кириенко

«Киндер-сюрприз» против «темных сил»

А вот карьера другого немцовского выдвиженца, которого за его очень молодой вид и невысокий рост сначала ласково прозвали «киндером», а после известных событий «киндер-сюрпризом», напротив, стремительно пошла в гору. Правда, экономическому положению и наследию, которое досталось Кириенко, вряд ли бы кто-то позавидовал. Вследствие так называемого Азиатского финансового кризиса мировые цены на нефть упали до 10 долларов за баррель. При этом общий объем годового бюджета России составлял около 20 миллиардов, в то время как долг по зарплатам – около 70 миллиардов долларов! А совокупный внешний долг достиг 170 миллиардов долларов. Сергей Владиленович заранее знал, на что идет и каково положение, но в первые же дни работы он осознал, что ситуация с деньгами гораздо хуже, чем он ожидал! По сути, единственными средствами, которыми можно было быстро стабилизировать положение, были девальвация рубля и срочное получение нового кредита МВФ. Кириенко довольно оперативно подготовил пакет неотложных мер по оздоровлению экономики. В первую очередь отказаться от масштабных заимствований на внутреннем и внешнем рынке, навести порядок в финансовой и налоговой политике, сократить чрезмерные расходы и т. п. В целом лозунгом правительства стало «учиться жить по средствам». В отношениях с оппозиционной Госдумой Кириенко решил отказаться от сложившейся при Черномырдине политики торга по каждой бумажке и вместо нее попробовать пропихнуть целые пакеты антикризисных законов, убеждая депутатов, что только комплекс мер, а не точечные удары способны улучшить положение. Правда, возможность последнего с самого начала оценивалась пессимистически. «По большому счету компромисс с Думой невозможен, – писали „Известия“ в конце марта. – Если меры, заложенные в программу, и прочие начинания правительства не будут реализованы, паника на рынках продолжится, потолки доходности госбумаг с завидной регулярностью будут пробиваться, котировки корпоративных бумаг будут снижаться, а ставку рефинансирования будет лихорадить и болтать то вверх, то вниз».

Уже вскоре после назначения Кириенко выступил в Думе. Свою речь он построил на абсолютной деполитизированности предлагаемой им программы. «Необходимость равенства доходов и расходов является необходимым условием деятельности любой партии», – сказал Сергей Владиленович. И тут же намекнул на

существование в России неких «темных сил», против которых правительству и парламенту нужно объединиться. «Единственное, чего сейчас не ожидают от Думы и правительства круги, заинтересованные в неустойчивой ситуации на рынке, – это объединение наших усилий. Тем, кто рассчитывает получить быструю прибыль, используя российский рынок в качестве разменной монеты, мы должны противопоставить программу своих действий», – призывал Кириенко. Однако парламентариев идея объединения против «общего врага», к тому же безымянного и абстрактного, понятное дело, не вдохновила. Выступавшие потребовали создание «правительства народного доверия» и радикального изменения курса реформ. Потом депутаты пообещали все же рассмотреть пакет Кириенко, но внимательно изучив и доработав. Собственно, с этого момента и началась бесконечная история мытарств, взаимных обвинений и все новых и новых попыток протащить через Госдуму многочисленные пакеты законов. Нельзя сказать, что парламент с порога отвергал все инициативы правительства. К примеру, с ходу прошел закон о налоге на игорный бизнес и об освобождении от НДС ввезенного в 1998 году на территорию страны оборудования и товаров и закон «Об акцизах». С оговорками были приняты изменения в налоговое законодательство и закон о плате за землю.

Одной из главных забот правительства стало вытрясание долгов из крупных монополистов, предприятий и фирм. В начале июля даже было решено создать некую Временную чрезвычайную комиссию при президенте по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины. Видимо, кое-кто рассчитывал, что зловещая в прошлом аббревиатура ВЧК уже одними своими ассоциациями напугает неплательщиков. Ельцин даже подписал указ о введении процедуры ускоренного банкротства для злостных должников. Она предполагала арест дебиторской задолженности и быструю распродажу с молотка наиболее ценных активов. К наиболее злостным должникам летом 1998 года относились АО «Востсибуголь», «Росэнергоатом», компания «Североникель». Но главным должником все же являлось РАО «Газпром». В начале июля в СМИ даже появилась информация, что премьер-министр Кириенко расторг трастовый договор с главой Газпрома Рэмом Вяхиревым, а налоговая служба получила приказ арестовать имущество центрального офиса компании. Однако потом от крайних мер все же отказались, и правительство заключило с монополистом соглашение о том, что текущие платежи должны поступать в срок, а остальная сумма (12 миллиардов «деноминированных» рублей) реструктуризировалась. Ну а Газпром, в свою очередь, начал трясти деньги (причем только

«живые», никаких больше векселей и взаимозачетов!) со своих должников. В ряде регионов начались массовые отключения от газа теплоэлектроцентралей, котельных и предприятий. Например, в Свердловской области подача газа сократилась сразу на 50%. Пять крупнейших электростанций остановились, как и несколько заводов. В правительстве региона действия Газпрома назвали «терроризмом», а ситуацию в целом – «коллективным суицидом». В итоге электростанции начали попросту сжигать зимние запасы угля и мазута, так как наличных денег все равно ни у кого не было. Все были всем должны! «Суть проблемы известна: государство должно „Газпрому“, РАО должно государству, газовому монополисту должны потребители газа, – писали „Известия“. – Однако за пять месяцев этого года потребители в СНГ отплатили живыми деньгами только 8,1% поставленного РАО газа, по России этот показатель немногим лучше – 14 процентов». А потом началась паника, чем будем топить в холодное время года. Ведь в России в июле жарко, но уже к концу августа может и похолодать… В итоге, чтобы избежать арестов имущества, Газпрому пришлось срочно оформить кредит в Инкомбанке, часть акций коего он перед этим сам же приобрел. Тем не менее РАО удалось перечислить в бюджет в июле только 1,65 миллиарда рублей вместо 2,6 обещанных. И только после новых угроз со стороны Кириенко и главы налоговой службы Бориса Федорова в начале августа газовики все же выполнили свои обязательства. Правда, Вяхирев не преминул упрекнуть правительство в том, что оно действует «неадекватно», как рэкетир. И если так будет дальше продолжаться, «мы просто встанем и тогда арестовывайте что хотите»!

После этого Кириенко и Федоров принялись уже за нефтяников. А конкретно за компании «Сиданко», «Онако» и «Лукойл». Им попросту пригрозили ограничить экспорт нефти в августе и сентябре, если не выложат деньги.

В июне правительство внесло в парламент пакет антикризисных законов, в том числе о трехступенчатой шкале налогообложения физических лиц, новом налоге с продаж, отменявшем скидку на продукты и детские товары, снижении страховых взносов юридических лиц и т. д. Однако в начале июля Госдума отложила рассмотрение пакета на середину месяца, сославшись, что все документы надо внимательно изучить. При этом ключевые законы, в первую очередь увеличение НДС, были отклонены сразу же. Тактика Кириенко была простой: формировать пакет из кнута и пряника. То есть вносить туда как законы, снижавшие доходы в бюджет и облегчавшие налоговое

бремя предприятий, так и увеличивавшие доходы и налоги. При этом правительство настаивало на их принятии всем пакетом, но получалось все наоборот. То есть инициативы, уменьшавшие налоговые поступления, но зато «приятные» народу, одобрялись, а непопулярные меры сразу отметались, как «антинародные». В итоге главная часть антикризисного пакета так и не была принята Госдумой, поэтому многие меры пришлось принимать постановлениями правительства и указами президента.

«Палатки, костры, крики, ругань…»

Летом 1998 года страну захватила целая волна забастовок, стачек и прочих акций протеста. Наиболее громкой из них стала «рельсовая война». Началось все с того, что 1 мая в шахтерском городе Анжеро-Судженске в Кузбассе несколько шахтеров объявили голодовку с требованием выплатить многолетние долги по зарплате. Через несколько дней к акции присоединились уже десятки шахтеров, и она переместилась к зданию местной администрации. А поскольку никакой реакции со стороны властей не последовало, с 10 мая в Кузбассе начались уже массовые митинги. 13-го числа Кириенко выступил в Госдуме и заявил, что правительство не подчинится давлению и будет продолжать реструктуризацию отрасли в соответствии с требованиями Международного банка реконструкции и развития. Эту фразу шахтеры, точнее, те, кто за ними стоял, восприняли как «оскорбление» и решили действовать. 14 мая было впервые перекрыто движение по железным дорогам Кузбасса, а на следующий день «рельсовую войну» объявили горняки Ростовской области и Коми. Вскоре к ней присоединились и нешахтерские регионы: Тюмень, Тула, Пермская область. Попутно с требованиями возврата долгов появились лозунги об отставке президента и правительства. Ну а потом кто-то выдвинул идею, мол, к чему отсиживаться здесь, в то время как правительство в столице нас не слышит. Вперед, на Москву! 11 июня шахтеры из Воркуты приехали в Москву и расположились на Горбатом мосту, заявив, что не уйдут, пока Ельцин не уйдет. Периодически они стучали касками так, что грохот был слышен во всех правительственных кабинетах. А в конце июля к «рельсовой войне» подключились шахтеры Сахалина и Челябинской области.

Как в Гражданскую войну, возникло три основных «фронта» борьбы – Север, Юго-Восток (Кузбасс) и Восток (Приморье). «На станциях Марьинская, Ижморская начался кошмар, – рассказывала журналистам одна женщина, решившая съездить к родственникам по железной дороге, проходившей через шахтерский край. – Купить что-либо поесть негде – базарчики, киоски, магазины закрыты. Проводники пояснили – боятся шахтеров, которые забирают продукты для своего пикета. Добрались до Яи. Там творилось что-то невообразимое. Все пути на километры забиты грузовыми и пассажирскими составами. Нестерпимая вонь от человеческих испражнений. По вагонам ходят крепкие мужики, требуют у пассажиров деньги в фонд бастующих шахтеров. Милиция не реагирует: „У нас приказ ни во

что не вмешиваться“. Кое-как доехали до Анжеро-Судженска. Ночь. Палатки, костры, крики, ругань… В девятом вагоне нашего поезда умерла женщина. Немедленно откуда-то прибыла группа хорошо одетых мужчин, покойницу положили в вагон-холодильник и дали нам „зеленый“. За нашим поездом немедленно пристроились другие. Нас пытались остановить, но машинисты держали минимальный разрыв между составами, не давая возможности разорвать эту „колонну жизни“. Так мы добрались до Новосибирска, где поезда пошли нормальным ходом». В общем, все опять же как в Гражданскую войну! Попутно вскрылись многочисленные факты воровства и нецелевого расходования средств на самом Кузбассе, который был авангардом движения. Выяснилось, что 14 бандитских группировок Кузбасса контролировали половину сбыта угля. Причем в преступную схему были вовлечены многочисленные фирмы и сами руководители шахт и предприятий. В итоге правительство пошло двумя путями. Глава налоговой службы Федоров поехал с коллегами по шахтерским регионам искать деньги, а Немцов, который поначалу отмахивался от проблемы в духе «Покричат и разойдутся», отправился на железные дороги вести переговоры с лидерами движения. Правда, особых успехов на этом поприще ему добиться не удалось. Вскоре правительству пришлось применить силу. Первыми использовали ОМОН против шахтеров власти Сахалина, где из-за протестующих была остановлена крупнейшая ГРЭС, и весь остров на несколько суток погрузился во тьму. Была полностью парализована работа портов и железной дороги.

8 июля в столицу приехали уже тысячи работников предприятий ВПК из 26 городов и 17 регионов. Собравшись у Министерства обороны на Арбатской площади, народ потребовал вернуть им долги по зарплате, а потом стал выкрикивать лозунги: «Президента и правительство в отставку! Банду Ельцина под суд!» и т. п. Ну а потом огромная колонна двинулась к Кремлю. Наиболее устрашающе смотрелись рабочие Муромского приборостроительного завода. Они вооружились игрушечными пейнтбольными ружьями, которые демонстративно перезаряжали на ходу. «На нашем заводе мы делаем не только игрушки, – угрожал не получавший зарплату восемь месяцев инженер Сергей. – У нас есть оружие посерьезнее – двух залпов вполне хватит, чтобы разнести Кремль. В следующий раз обязательно захватим с собой». «Мы не верим своим землякам Кириенко и Немцову, – кричали рабочие Нижегородского машзавода. – Мы по 20 месяцев сидим без зарплаты, а они нам не помогают». Ходили слухи, что скоро к акции присоединятся учителя, которые будут

стучать учебниками, а также врачи и другие бюджетники. Благо лето 1998 года выдалось жарким и засушливым, что благоприятствовало уличным протестам. Вот в таких поистине революционных условиях пришлось работать правительству.

Но беда, как известно, не приходит одна! Летом 1998 года на страну обрушилась новая напасть – страшная засуха, каковой не фиксировалось уже давно. Стихия охватила практически все черноземные районы страны. Всего же от нее пострадало 35 регионов! Где-то хлеба просто горели, в других районах засохли. В итоге солнце выжгло в общей сложности 40 миллионов гектаров, в том числе на 12 миллионах урожай был уничтожен полностью. Убытки исчислялись многими миллиардами рублей. При этом ждать помощи сельхозпроизводителям было неоткуда, правительство к тому времени не расплатилось еще по прошлогодним обязательствам перед ними.

Тем временем информационная война, развязанная против президента и правительства еще осенью 1997 года, достигла своего апогея. «Президент практически недееспособен, правительство – беспомощно, экономический курс – ошибочен» – таковы были основные темы новостей, многочисленных аналитических программ и ток-шоу на российском телевидении. «Реформаторские силы оказались не готовы к развязанной еще осенью прошлого года олигархами „холодной войне“ с властью за умы соотечественников, – писали „Известия“ 5 августа. – Результат известен: лишь 7% россиян считают сейчас, что они выиграли от проводимых реформ, а 60% – что проиграли… Все для такой идеологической атаки было под рукой. Во-первых, небольшие финансовые средства, позволяющие при запуганных русскими страшилками „нерезидентах“ удачно играть на понижение курса ГКО; во-вторых, собственные СМИ и, в-третьих, пригодные для решения этих целей установки творческой интеллигенции, до сих пор уверенной, что своим плачем о народных тяготах она не пополняет кошельки мироедов, а, напротив, поддерживает несчастных. Почти все (за исключением РТР) телеканалы, многие радиостанции и газеты на протяжении двух месяцев между 20 мая и 15 июля представляли исключительно одних шахтеров, оборонщиков, медработников из нескольких депрессивных регионов, начисто позабыв об остальных. Сюжеты главных выпусков новостей подбирались таким образом, чтобы у зрителя оставалось ощущение, что земля буквально разверзается под ногами. Практически был введен запрет на другого рода социальную информацию, на все то, что не укладывалось в концепцию катастрофизма… Самые плачевные сюжеты давались исключительно в подробных репортажах, а

также в специальных политических клипах. Уже в разгар рельсового противостояния ОРТ и НТВ предлагали в каждом вечернем выпуске новостей не менее десяти устрашающих сюжетов из тринадцати-пятнадцати… И так изо дня в день, из часа в час – в любых, независимо от целей и жанра, программах. Идет интенсивнейшая психологическая обработка с использованием таких правил пропагандистского искусства, как спецподбор тем и материалов, эмоциональная завербованность, метод „прицепного вагона“ в аргументации, запрет на выражение точки зрения противоположной стороны и так далее… К тому же шла блестящая работа с „ободряющими“ слухами: „налоги не соберут“, „забастовки не остановят“, „деньги МВФ не даст“, „правительство потеряло контроль над ситуацией“. А рядом раздута дискуссия о грядущем перевороте, публикации об изменении государственного строя, интервью сотрудника администрации о нездоровье Ельцина».

Олигархические СМИ умело давили на больные мозоли большинства россиян, считавших, что в рыночной экономике для них места не нашлось, а настоящая жизнь проходит мимо. Бизнес – это сплошное надувательство, а все, кто сумел разжиться каким-то богатством, сплошь аморальны и вороваты (именно в это время возник новый презрительный термин «богатенькие»). А само слово «реформы» ассоциировалось лишь с очередным «ограблением народа». Но народ всей подоплеки конечно же не понимал. Одни верили программе «Время» потому, что привыкли верить ей еще с советских времен, другие любили более современное и модное «НТВ» и были уверены, что обаятельные ведущие попросту не могут врать и притворяться. Да и не в них дело! Посмотрите на людей, которых показывают, шахтеров, учителей, не могут же они тоже сплошь врать… У тех же, кто понимал, что на самом деле происходит, возникал резонный вопрос: как Ельцин, Гайдар, Чубайс, Черномырдин допустили, чтобы большинство ведущих СМИ оказались в руках олигархов? И довели ситуацию до того, что в руках государства осталось всего 10% телемощностей в стране. Некоторые всерьез предлагали создать «федеральный антитеррористический центр в сфере общественной психологии».

Кстати, 5 июля самый знаменитый интервьюер этого периода, славившийся своими провокационными вопросами, способными разоблачить и сделать посмешищем любого политика, Евгений Киселев рискнул и пригласил в прямой эфир Сергея Кириенко. Пусть, мол, сам расскажет, что и как. Наверняка ведь запутается, запнется, и потом можно будет неделями смаковать цитаты из его речей, как это обычно бывало на «НТВ» того времени. Однако

эффект оказался противоположным! Сергей Владиленович толково и убедительно апеллировал цифрами и фактами, разъяснил ситуацию вокруг Газпрома (перед этим Зюганов обвинил правительство в стремлении «расчленить страну» и выдернуть из нее «последний стержень»), разложил, кто кому и сколько должен, кто, зачем и кого ввел в заблуждение. В итоге опытный Киселев «сдулся», а Кириенко, напротив, остроумно поиронизировал над его «острыми» вопросами. После этого на «НТВ» премьера к прямому эфиру больше не допускали, а в новостях почти не показывали! Кстати, в отличие от Немцова, Чубайса и К^0, которых олигархические СМИ за полгода практически смешали с дерьмом, на Сергея Владиленовича им не удалось нарыть никакого «компромата». Ни «записей из стрип-баров», ни гонораров за книги, ни каких-то «темных пятен» из прошлого. Даже ни одной сцены, в которой бы запредельно молодой премьер выглядел дураком, откопать не удалось. А все потому, что никакого компромата на Кириенко, даже мнимого, действительно не было!

«Чиновник в образе скромного и аккуратного отличника»

«Чиновник в образе скромного и аккуратного отличника обнаружил жесткость и политическую волю, которой не хватало целому правительству в течение пяти лет, – так охарактеризовал Сергея Кириенко журналист Андрей Колесников 3 августа. – В определенном смысле он создал биографический эталон для своего поколения, реализовав его потенциал: сначала комсомольский работник на заводе, затем банкир, потом нефтяник. Наконец, министр в правительстве „молодых реформаторов“. В результате – глава кабинета „очень молодых реформаторов“… Кириенко обнаружил незаурядный талант переговорщика и дипломата и умение ладить со всеми – политиками, олигархами, чиновниками». Вероятно, появись он на своем посту в другое время, скажем на год раньше или на год позже, у него был бы шанс действительно стать лучшим управленцем и реформатором России XX века. А возможно, и за все эпохи! На наш взгляд, уникальность Кириенко состояла в том, что он чуть ли не единственный из политических деятелей за многолетнюю историю не страдал никакой психопатией, не страдал пороками и расстройствами личности, зато обладал обаянием и выдающимися организаторскими способностями. И ко всему прочему не был злым и жестоким! К кому еще в истории страны можно применить подобную характеристику?

Однако по злой иронии судьбы Сергей Владиленович оказался на своем высоком посту в неудачное время. «Судьба нынешнего этапа развития (или неразвития) российской экономики целиком связывается с его именем, – писал тот же Колесников. – Хотя бы потому, что в рамках рациональной и вменяемой экономической политики кадровая скамейка закончилась. И прорыв или, наоборот, коллапс будут носить имя Кириенко». Вот эта фраза оказалась воистину пророческой!

Но даже в начале августа 1998 года еще ничто не предвещало коллапса. Во всяком случае, погода была хорошей, а в солнечные и погожие деньки, которых в России бывает не так уж много, хочется верить в лучшее. Тем более 1 августа поступил первый транш кредита МВФ, который позволил на время стабилизировать финансовое положение и поддержать слабеющий курс рубля. После этого уставшие президент Ельцин и председатель Центробанка Дубинин ушли в отпуск. Кириенко тем временем смог с первого раза очаровать самого Аслана

Масхадова! И это после так называемого «заявления четырех» – Лебедя, Березовского, Черномырдина и Шаймиева, в котором они заявили об отсутствии у правительства политики в отношении Чечни. Сергей Владиленович поехал в Ингушетию, где во дворце президента республики Руслана Аушева и встретился с Масхадовым. При этом, в отличие от своих предшественников, всегда что-то «мутивших» и непременно что-то обещавших, но потом не выполнявших, Кириенко прямо сказал лидеру Ичкерии, трон которого в тот момент как раз закачался из-за внутренних распрей: «Москва в данный момент не в состоянии провести серьезные денежные вливания в республику!» А в обмен предложил создать в Чечне свободную экономическую зону. После беседы очарованный Масхадов провел уже у себя во дворце пресс-конференцию (изначально не планировавшуюся), на которой заявил, что все надежды отныне связывает именно с Кириенко.

Тем временем экономическая ситуация стремительно ухудшалась. 6 августа премьер встретился с председателем Госдумы Геннадием Селезневым и потребовал экстренного созыва ушедшего на каникулы парламента. Основная цель – предоставление кабинету министров чрезвычайных полномочий. Одновременно с этим фракция КПРФ заявила, что правительство нарушает конституцию, принимая в обход Думы постановления, касающиеся сбора налогов. Кроме того, вероятно не без ведома Кириенко, начал активно распространяться слух о грядущем роспуске Госдумы уже осенью. Думцы в ответ решили упредить противников и поставить вопрос о вотуме недоверия правительству…

Невольно возникает вопрос: а чем все это время занимался Борис Немцов? В то время как Кириенко издавал антикризисные постановления, собирал налоги, вытрясал долги из газовиков и нефтяников, торговался с Думой, ездил в Ингушетию, имя вице-премьера почему-то нигде не упоминалось. Фактически летом 1998 года Немцов вовсе выпал из новостей и газетных статей, как будто его в правительстве уже и не было. Только в начале августа про Бориса Ефимовича неожиданно вспомнили. Сообщалось, что он возглавит межведомственную группу по обеспечению «критических» регионов теплом и электроэнергией. К таковым относили 12 областей и краев, в которых запасы топлива на зиму составляли менее 30% от норматива, а долги перед энергоснабжающими организациями составляли свыше восьми месяцев. Речь шла о Чукотке, Магадане, Чите, Архангельской, Мурманской, Ивановской областях, Хабаровском и Алтайском краях и др. В принципе кризис с отоплением там был все

предыдущие годы. Из-за плохого состояния коммунального хозяйства и нехватки денег на топливо в морозы там топили паровозами, создавали пункты обогрева, замерзшие батареи прогревали паяльными лампами, уголь завозили вертолетами, а жителей отдаленных населенных пунктов вовсе эвакуировали. Вот на этот, как оказалось, последний фронт и бросили в августе 1998 года Немцова.

«ГКО – это вам не какая-то финансовая пирамида»

11 августа в правительстве впервые было озвучено неизвестное доселе слово «дефолт». Перед этим на главной российской торговой площадке были приостановлены торги, а котировки акций упали до критической отметки. Доходность госбумаг со сроком погашения весной-летом 1999 года пробила психологическую отметку в 100%, достигнув 120% годовых. «В такой ситуации есть два пути, – говорил тогда один банкир. – Либо уйти на другие рынки, что невозможно, поскольку других в этой стране нет, либо продолжать играть, хотя это все больше смахивает на русскую рулетку». Под «игрой» и «госбумагами» в первую очередь подразумевались государственные краткосрочные облигации – ГКО. До августа 1998 года о том, что скрывается за данной аббревиатурой и какую роль она сыграет в истории страны, большинство россиян, конечно, даже не догадывалось и не задумывалось. Фактически речь шла о финансовой пирамиде по типу «МММ», только на государственном уровне. Несколько лет с помощью облигаций правительство покрывало дефицит бюджета, а заодно пополняло карманы чиновников, банкиров и других лиц, участвовавших в спекуляциях. Получалось, что люди, у которых были деньги (зачастую добытые преступным, мошенническим путем), как бы участвовали в финансировании государства. А потом на нем же зарабатывали, в короткие сроки удваивая, утраивая, а потом и удесятеряя свои капиталы. Первый выпуск ГКО состоялся 18 мая 1993 года, когда было продано ценных бумаг на сумму 885 миллионов рублей. Поначалу из-за высокой инфляции и закрытости рынка облигаций для иностранцев спрос на них был невысоким. К примеру, в 1994 году правительство выручило 12,8 триллиона рублей, которые пошли на погашение дефицита бюджета. Однако уже к 1997 году эта сумма выросла до 32 триллионов, а к 1998 году рынок ГКО и вовсе стал основным источником финансирования дефицита российского бюджета.

Схема получалась примерно такая: Госдума и правительство «вешали» на бюджет заведомо невыполнимые социальные и прочие обязательства, потом весь год искали, где бы вытрясти денег хотя бы на часть их, а разницу покрывали с помощью спекуляций с облигациями. Вот такая «рыночная экономика» получилась. Все первые годы существования облигаций простые граждане не были допущены к этому рынку. Стоимость облигаций

была высокой, а рамки торговли ими ограничены. Но любая финансовая пирамида, как известно, нуждается в постоянном и бесконечном расширении. Иначе она теряет смысл. Поэтому в 1996 году банки, занимавшиеся операциями с ГКО, стали все чаще привлекать на этот рынок и простых физических лиц. Правда, не напрямую, а как бы через посреднические вклады. К примеру, Нижегородский земельный банк с 28 октября создал под эту задачу два новых вида вкладов под названием «ГКО» и «ГКО-N». Как рассказывал тогдашний начальник отдела ценных бумаг банка Николай Скрипелев, литера N означала номер размещаемой на аукционе каждую среду серии облигаций. Деньги на вклад принимались банком со среды по вторник каждую неделю с минимальной суммой 500 тысяч рублей. До среды, пока не разыграна серия, проценты начислялись по вкладу «до востребования», а в день проведения аукциона сразу же объявлялась процентная ставка до даты погашения серии. Это было, как правило, 126 дней. После этого клиент мог получить деньги за вычетом минимальной маржи банка в размере 2–3%. Что касается вклада «ГКО», то граждане могли просто купить облигации со сроком погашения 99 дней. Спустя 14 дней, когда облигации уже вырастали в цене, они продавались, после чего покупались новые, которые так же гасились через 99 дней. И так далее. При этом доходом являлся курсовой рост облигаций за каждые 14 дней. А по выдаче вклада клиенту суммировался общий процент. Читая эту рекламу, можно было, конечно, спросить: а откуда, собственно, берется высокий доход по этим загадочным облигациям? И не рискованно ли все это? Уж очень схема напоминала печально известный АО «МММ», рухнувшее пару лет назад. Однако Скрипелев тут же отметал все подозрения: «Судите сами. Мы ведь предлагаем не бумаги каких-то финансовых пирамид, а одни из самых надежных. И во-вторых, вкладчик всегда может досрочно забрать свои деньги. В таком случае он все равно получит проценты, только по ставке обычного вклада „до востребования“».

В принципе крах пирамиды ГКО наступил уже в декабре 1997 года, когда выплаты по старым облигациям превысили доходы от новых. Однако в тот момент дефолта удалось избежать, сняв ограничения для иностранцев. Это оттянуло крах, но одновременно позволило инвесторам зарабатывать на нищей России. Облигации продавались по цене 50–60% от номинала, но уже через несколько месяцев Центробанк выплачивал владельцу полную стоимость. Ну а летом 1998 года пирамида все равно начала рушиться. Российский финансовый рынок был близок к коллапсу уже в начале июля, наиболее тяжелым стало 7-е число.

И как раз в этот день доходность ГКО впервые превысила психологическую отметку в 100%, остановившись на 120%. «И это на фоне почти полного отсутствия денег в Российской торговой системе (РТС), где совершается львиная доля сделок по ценным бумагам, и очередного падения котировок акций ведущих российских компаний – „голубых фишек“, – писали „Известия“. – Ситуация на рынке ГКО мгновенно, по принципу сообщающихся сосудов, отразилась на валютном рынке. Рубли стали активно переводиться в доллары, соответственно курс российской валюты в очередной раз оказался под угрозой». Но тогда угрозу все же устранили. Центробанк резко поднял ставку рефинансирования, а доходность по ГКО вернулась к 100%.

10 июля Кириенко и министр финансов Михаил Задорнов выступили в Совете Федерации, где объявили, что средств на погашения зарплат в регионах нет, программа выдачи льготных кредитов селу приостановлена на неопределенный срок, а в бюджете по-прежнему не хватает средств даже на то, чтобы профинансировать самые насущные расходы. Коснулся Сергей Владиленович и ГКО. Он посетовал, что приходится обслуживать долг в 51 миллиард долларов, в котором превалируют те самые пресловутые краткосрочные облигации. «Каждую неделю нам надо изыскивать по 7 миллиардов, а всего в июне придется заплатить 30 миллиардов, чтобы погасить внутренний долг, – говорил Кириенко. – Прибавьте к этому еще 30 миллиардов, которые необходимы для обслуживания тех статей бюджета, которые ждать не могут, и сравните полученную сумму с доходами, что превысят в текущем месяце 22 миллиарда». Фактически премьер поставил сенаторам ультиматум – либо принятие срочных мер, либо банкротство.

В середине июля ситуация еще выглядела не то что оптимистически, но не безнадежно. Анатолий Чубайс, который после отставки занял пост главного переговорщика с международными финансовыми организациями, сообщил, что им достигнуто соглашение о новом кредите для России в размере 22,6 миллиарда долларов, из которых почти 15 должны были поступить уже в 1998 году. «Получение могучего стабилизационного кредита на Западе должно стать той долгожданной хорошей новостью, которой заждался отечественный финансовый рынок, переживающий многомесячный кризис», – сообщали СМИ. А правительство приступило к объявленному «разбору пирамиды ГКО». Суть ее состояла в том, чтобы перевести краткосрочные заимствования в более долгосрочные с постепенным их сокращением. Всем держателям облигаций было предложено обменять их на

облигации, деноминированные в доллары с длительными сроками погашения. Договорились даже до того, что это будет эдакий «тест на патриотизм», кто хочет, а кто не хочет помочь своей стране долговое бремя и нагрузку на бюджет.

В этом призыве содержались и наивность, и одновременно безысходность. Неужели кто-то всерьез верил, что спекулянты и игроки ради страны добровольно откажутся от сверхприбылей? Следующим же шагом должно было стать полное прекращение выпуска долговых обязательств сроком менее одного года. Однако было уже поздно…

Возвращаясь к августовским дням, 12 августа стало известно, что обещанное было экстренное заседание Госдумы не состоится. Несмотря на угрозы Кириенко и его увещевания о критическом положении, большинство депутатов попросту не захотело прерывать свой отдых. Да и чего он там нового скажет? Опять про свои налоги и акцизы! Обойдутся без нас… Более того, спикер Селезнев еще и предъявил претензии к правительству, что депутатам задерживают зарплату. И пока деньги не выплатят, обращаться к коллегам с воззванием он не станет.

В общем, в середине августа правительство оказалось перед сложной дилеммой. Истратить скудные средства, в том числе первый кредитный транш МВФ, на погашение очередных обязательств по облигациям или направить деньги на зарплаты бюджетникам, долги по которым росли как снежный ком. Реально выбор был еще жестче: платить по облигациям (19 августа на эти цели надо было перечислить 5,5 миллиарда долларов) и сделать положение с зарплатами и другими выплатами почти безнадежным либо заплатить бюджетникам и сделать безнадежным положение с облигациями. Как раз в это время пришла новость о «малом дефолте» в Якутии. Из-за масштабного наводнения бюджет региона был практически разорен, и руководство заявило о невозможности выплат по облигациям Республиканского займа. На фоне этих событий и начавшегося обвала финансового рынка президент Ельцин сделал свое историческое, но не вполне уместное заявление, что никакой девальвации рубля не будет. «Это я заявляю твердо и четко», – отметил он. Кстати, Ельцин в это время находился в Новгороде, где пообещал в ближайшее время вернуть городу историческое имя – Великий Новгород. А Немцов тем временем поехал на свое, как оказалось, последнее правительственное задание – проводить в Шахтах (Ростовская область) совещание по вопросу субсидирования угольной отрасли. Там же он последний раз слазил собственно в шахту…

Утром 17 августа слово «дефолт» перестало быть чисто

научным термином, которым до этого пользовались в основном экономисты и финансисты, и превратилось в явление и событие. «Мы проснулись в другой стране» – с таким заголовком вышла газета «Коммерсантъ». «Премьер Кириенко 17 августа объявил о дефолте финансовой системы в России, был расширен валютный коридор, начался быстрый рост курса доллара, – писал автор в дневнике. – Уже несколько лет в России держалась видимая экономическая стабильность: цены не росли, а иногда даже снижались, курс доллара держался где-то около 6 рублей… Мы уже привыкли к ценам. Будь то в 1996 году, в 97-м или сейчас, в августе 98-го, было твердо известно, что бутылка лимонада (в 2 литра) стоит 10 рублей, банка – 3 рубля, шоколадки 2–2,5 рубля, 1 фотография – 1–1,5 рубля, проезд в маршрутном такси и автобусе – 2 рубля, пакет с ручками – 1,5 рубля, видеокассета – 25–30 рублей и т. д. Трудно себе было представить, что стабильность нарушится и цены „ломанутся“ вверх. Поначалу ничего и не происходило. Лишь население в панике, предчувствуя удорожание, бросилось в киоски, магазины скупать все подряд. Выросли, как и 10 лет назад, очереди, многие киоски вообще опустели».

Вместо заключения

В ночь на 20 августа случилось весьма символичное событие. Сильнейший пожар произошел в главном офисе РАО «ЕЭС России» в Китайгородском проезде Москвы. Пламя освещало небо багровым заревом, а дым был виден почти во всей столице, в тушении участвовали сразу 120 единиц спецтехники и 400 пожарных, а также вертолеты. Пожару присвоили высший – пятый уровень сложности, а работой своих подопечных лично руководил начальник пожарной службы столицы Леонид Коротчик. Лишь чудом бойцам удалось отстоять Центральный диспетчерский пункт единой энергосистемы России, в противном случае чуть ли не пол-России могло бы остаться без света. Когда в четыре утра к зданию приехал недавно назначенный глава РАО «ЕЭС» Анатолий Чубайс, огромный кусок крыши размером 30 на 60 метров обрушился, подняв столбы дыма и огня. Фактически это бедствие отражало суть произошедшего в стране. В те дни горело и рушилось не только здание РАО «ЕЭС», горела и рушилась финансовая и политическая система, возникшая в 1992 году на развалинах СССР. Рушилась эпоха «младореформаторства», «демократической» романтики, эпоха экономики, построенной исключительно на спекуляциях и обогащении одних за счет других. Ведь на самом деле во время дефолта больше пострадали не простые граждане, которые и так жили в бедности и лишились максимум стиральной машины или электрочайника, которые не успели купить по старому курсу доллара. Главный удар все же пришелся по финансовым спекулянтам, банкирам, коммерсантам и торговцам. То есть по тем, кто в последние шесть лет научился и успел привыкнуть жить хорошо. Кстати, именно после дефолта бюджетникам начали почти вовремя выплачивать зарплату!

21 августа Кириенко в последний раз выступил в Государственной думе в качестве премьера. Где честно признался, что, делая выбор, куда направить имевшиеся у правительства 4 миллиарда, на зарплаты или на погашение ГКО, он выбрал первое. Однако депутаты этим доводам не вняли, причем Сергея Владиленовича освистывали как коммунисты, так и Жириновский (заявивший, что во всем виновато ЦРУ), а также «яблочники», кричавшие, что и это, и предыдущие правительства в равной мере виноваты в кризисе. В итоге Дума потребовала отставки как президента, так и кабинета министров. На сей раз Ельцин, видимо почувствовавший себя обманутым, внял требованиям парламента и уже 23 августа отправил правительство в отставку. Правда, Немцову, возвратившемуся из Ростовской области, он

вновь предложил остаться (хотя трудно представить, как бы он смотрелся в будущем кабинете Евгения Примакова). Но Борис Ефимович на сей раз решил уйти.

Думается, что причины, которые им двигали, носили чисто эмоциональный характер. Во-первых, обидно за «наших», использовали и выкинули… Во-вторых, Немцов, скорее всего, интуитивно понимал, что работа у него явно не получается. Он испытывал серьезные проблемы со здоровьем (по его признанию, падал от боли в спине), хотя они носили, видимо, чисто невротический характер и были связаны с неспособностью длительно испытывать напряжение. В-третьих, Немцов просто устал играть роль, которая у него плохо получалась. Ему захотелось снова быть самому себе хозяином, как это было на посту губернатора, просыпаться когда захочется, не жить под грузом обязанностей, проблем и ответственности. Наверняка, последний раз выходя из Белого дома, он почувствовал невероятное облегчение. Еще один этап в жизни пролетел! У страны впереди были новые испытания и трудности, а у Немцова новые яркие приключения. Но это, как говорится, уже совсем другая история…

Использованные источники и литература

Архив газеты «Нижегородский рабочий» за 1984–1998 гг.

Архив газеты «Нижегородские новости» за 1993–1998 гг.

Архив газеты «Ленинская смена» за 1991–1996 гг.

Архив еженедельника «Ленинская смена» за 1997–1998 гг.

Архив газеты «Известия» за 1997–1998 гг.

Немцов Б. Е. Провинциал. М.: Вагриус, 1997.

Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря. М.: Партизан, 2007.

Гельман М. Модель региональной олигархии по Немцову. Нижегородская бревновиада «Навашинские миллионы» // Промышленные ведомости. 1998. 1 апреля.

Сенатова О. О. Региональный авторитаризм на стадии его становления. http://ecsocman.hse.ru/data/563/694/1219/018.SENATOVA.pdf.

Макарычев А. С. Взаимодействие политической и научных элит: Теория вопроса и практика Нижегородской области // Сборник «Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе» / Ред. А. Ю. Мельвиль. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999, серия «Научные доклады».

Агентство Федеральных расследований, досье. https://flb.ru/persprint/179.html.

Младореформатор // Итоги. № 42/749. http://www.itogi.ru.18.10.2010.

Аксючиц В. Тревожат ли нас останки императорской семьи. http://pereprava.org.18.07.2015.

Margaret Thatcher. Statecraft: Strategies for a Changing World. Harper Perennial, UK, 2003.

notes

Примечания

1

Даже в фильме «Борис Немцов. Слишком свободный человек» бизнесмен Михаил Прохоров охарактеризовал Немцова: «Борис, ты как чукча, что вижу, то и пою».

2

Кстати, и в будущем Немцов не нарушал традицию и даже в 1999 году избирался в Государственную думу от Автозаводского и Ленинского районов. Против бывшего директора завода Бориса Видяева. И снова победил!

3

Преемник Склярова – Геннадий Ходырев, бывший первый секретарь Горьковского обкома КПСС, не стал нарушать свою и немцовскую традицию. Тоже ездил на «Волге»! В итоге первым нижегородским губернатором, имеющим привычные атрибуты (роскошный «мерседес» с мигалкой и эскорт), стал в 2005 году Валерий Шанцев.

4

Проект Южного обхода реанимировал в 2006 году губернатор Шанцев. В последующие 10 лет трасса, хоть и с перерывами, упорно достраивалась. В сентябре 2016 года была открыта уже третья очередь обхода, которая наконец позволила вывести за пределы города значительную часть транзитного транспорта. Однако впереди еще четвертая очередь, а это еще 40 километров по лесам и полям…

5

Стоит отметить, что преемники Немцова никогда не удостаивали своих коллег такой чести. В моду вошло приписывание всех заслуг лично себе. К примеру, ныне действующий (на момент написания книги) губернатор Валерий Шанцев и подконтрольные ему СМИ при рассказах о достижениях и успехах никогда не упоминают депутатов, мэров и глав администраций. Звучит только «благодаря губернатору», «губернатор добился», «губернатор решил вопрос».

6

Олег Сысуев с 1992 по 1997 год был мэром Самары и, как и Немцов, имел славу передового реформатора. Сам город в то время нередко называли «второй столицей реформ» после Нижнего Новгорода.

7

Альфред Кох в 1993–1996 годах занимал пост заместителя председателя Госкомимущества, с 12 сентября 1996 года стал председателем этого ведомства, а с 17 марта совмещал должность с постом заместителя председателя правительства. Считался одним из «молодых реформаторов».